

*Карен
Линдсей*

РАЗВЕДЕННЫЕ ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЕ УЦЕЛЕВШИЕ

ЖЕНЫ КОРОЛЯ
ГЕНРИХА
VIII

KAREN LINDSEY

DIVORCED
BEHEADED
SURVIVED

**A FEMINIST REINTERPRETATION OF THE
WIVES OF HENRY VIII**

КАРЕН ЛИНДСЕЙ

РАЗВЕДЕННЫЕ
ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЕ
УЦЕЛЕВШИЕ

ЖЕНЫ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII

МОСКВА
ИФОН-ПРЕСС
1996

ББК 52.5 США
Л59

Перевод с английского
Т. АЗАРКОВИЧ

Художник
Е. ЧЕРНЕЦОВА

Линдсей К.

Л59 Разведенные, обезглавленные, уцелевшие / Пер.
с англ. Т. Азаркович. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1996.
— 336 с.

ISBN 5-232-00389-5

Красавицы и дурнушки, умницы и легкомысленные дурочки — все шесть жен Генриха VIII были очень разные.

Счастливой, правда, этот любвеобильный монарх не сделал ни одну.

Хотя эта книга — не роман, жизнь двора Генриха Тюдора с его интригами, тайнами, кровавыми развязками предстает перед читателем так зримо, будто смотришь первоклассный голливудский фильм.

Л 4107010000—389
25P(03)—96

ББК 53.5 США

ISBN 5-232-00389-5

© 1995 by Karen Lindsey
© КРОН-ПРЕСС, 1996
© Перевод, Т. Азаркович, 1996
© Комментарии, Т. Азаркович, 1996
© Оформление, Е. Чернецова, 1996

РОНОЛОГИЯ

1485 1505 1525 1545 1565 1585 1605

■ Генрих VIII (1491–1547)

■ Екатерина Арагонская (1485–1536)

■ Мария I (1516–1558)

■ Анна Бoleйн (1502?–1536)

■ Елизавета I (1533–1603)

■ Джейн Сеймур (1509?–1537)

■ Эдуард VI (1537–1553)

■ Анна Клевская (1515?–1557)

■ Кэтрин Говард (1521?–1542)

■ Катарина Парр (1512?–1548)

■ Жены Генриха VIII ■ Мошархи Англии

КТО ЕСТЬ КТО В ОКРУЖЕНИИ ГЕНРИХА VIII

История Англии эпохи Тюдоров — чтение настолько захватывающее, что порой голова идет кругом от бурлящей пестроты событий, от маскарадной толчеи персонажей. К тому же путаницу в немалой степени усугубляет и то обстоятельство, что имена этих людей не отличались особым разнообразием. Среди них наберется, пожалуй, добрый десяток Анн, Катерин и Джейн, Эдуардов, Генрихов и Чарльзов. Чтобы хоть отчасти облегчить читателю блуждания по этому историческому пространству, ниже мы приводим перечень важнейших действующих лиц, о которых пойдет речь в настоящей книге.

Поскольку в ту эпоху сколько-нибудь унифицированной орфографии еще не существовало, люди даже имена свои писали подчас по-разному. Пользуясь этим обстоятельством, я также буду придерживаться здесь различного написания некоторых имен, — например, «Екатерина», наградив каждую из трех королев-тезок собственным его написанием.

АННА КЛЕВСКАЯ (1515?–1557) — дочь германского герцога Клевского; четвертая жена Генриха VIII. Брак расторгнут в 1540 г.

АРТУР, ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ (1486–1502) — старший сын Генриха VII; по закону наследовал трон Англии. Был женат на Екатерине Арагонской. Его смерть выдвинула в претенденты на престол его брата Генриха.

БЛАУНТ, ЭЛИЗАБЕТ (1500–1540) — первая любовница Генриха VIII, о которой что-либо известно: мать его сына Генри Фицроя, графа Ричмондского. Была замужем за лордом Тейлбойзом.

БОЛЕЙН, АННА (1502?–1536) — вторая жена Генриха VIII. Казнена по обвинению в прелюбодеянии и измене.

БОЛЕЙН, ДЖОРДЖ, ВИКОНТ РОШФОР (1503?–1536) — брат Анны Болейн. Был женат на леди Джейн Рошфор. Казнен.

БОЛЕЙН, МЭРИ (1500–1543) — сестра Анны Болейн; любовница Генриха VIII. Была замужем за Уильямом Кэри, позднее — за Уильямом Стэффордом.

БОФОР, МАРГАРИТА (1441–1509) — мать Генриха VII, бабка Генриха VIII.

БРИРТОН, УИЛЬЯМ (ум.1536) — придворный, обвиненный в прелюбодеянии с Анной Болейн. Казнен.

БРЭНДОН, ЧАРЛЬЗ, ГЕРЦОГ СУФФОЛК (1485–1545) — близкий друг и придворный Генриха VIII. Позже был женат на Кэтрин Уиллоуби.

ВУДВИЛЬ, ЭЛИЗАБЕТ (1437–1492) — бабка Генриха VIII; жена Эдуарда IV.

ГАРДИНЕР, СТИВЕН (1483?–1555) — епископ Винчестерский, придерживавшийся консервативных взглядов; дипломат при Генрихе VIII.

ГЕНРИХ VII (1457–1509) — король Англии и отец Генриха VIII.

ГОВАРД, КЭТРИН (1521?–1542) — пятая жена Генриха VIII. Казнена за прелюбодеяние.

ГОВАРД, ТОМАС, ГЕРЦОГ НОРФОЛК (1473–1554) — придворный и государственный деятель. Дядя Анны Болейн и Кэтрин Говард.

ГРЕЙ, ДЖЕЙН (1537–1554) — внучка Чарльза Брэндона и сестры Генриха VIII Марии. В результате заговора, имевшего целью предотвратить воцарение принцессы Марии, была посажена на трон. Казнена во время правления Марии I.

ЕКАТЕРИНА АРАГОНСКАЯ (1485–1536) — первая жена Генриха VIII, ставшая ею после смерти своего первого мужа, брата Генриха Артура. Дочь Фердинанда и Изабеллы, короля и королевы Испании. Мать Марии I.

ЕЛИЗАВЕТА, ПРИНЦЕССА, ПОЗДНЕЕ — ЕЛИЗАВЕТА I (1533–1603) — дочь Генриха VIII и Анны Болейн.

КАЛПЕПЕР, ТОМАС (ум.1542) — придворный, любовник королевы Кэтрин Говард. Казнен.

КАРЛ V (1500–1558) — король Испании (как и Карл I) и император Священной Римской империи. Племянник Екатерины Арагонской.

КЛИМЕНТ VII (1478–1534) — папа. Отказал Генриху в расторжении брака с Екатериной Арагонской.

КРАНМЕР, ТОМАС (1489–1556) — архиепископ Кентерберийский. Объявил брак Генриха и Екатерины недействительным. Публично сожжен во время царствования Марии Тюдор.

КРОМВЕЛЬ, ТОМАС (1485–1540) — лорд-хранитель печати при Генрихе. Казнен после того, как выразил бурное возмущение женитьбой Генриха VIII на Анне Клевской.

ЛУИЗА САВОЙСКАЯ (1476–1531) — мать французского короля Франциска I. В его отсутствие правила страной и имела большое политическое влияние.

МАРГАРИТА АВСТРИЙСКАЯ (1480–1530) — правительница Нидерландов. Дочь Максимилиана I, императора Священной Римской империи, и племянница его преемника Карла V.

МАРГАРИТА НАВАРРСКАЯ (1492–1549) — сестра Франциска I. Герцогиня Алансонская, позже — королева Наваррская. Писательница-гуманистка, оказавшая влияние на Анну Болейн.

МАРИЯ, ПРИНЦЕССА, ПОЗДНЕЕ — КОРОЛЕВА МАРИЯ I (1516–1558) — дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской.

МОР, ТОМАС (1478–1535) — канцлер при Генрихе VIII; автор «Утопии». Казнен за отказ подписать клятву о престолонаследии после развода Генриха с Екатериной Арагонской.

НОРРИС, ГЕНРИ (ум. 1536) — придворный, обвиненный в прелюбодействе с Анной Болейн. Казнен.

НОРФОЛК, ГЕРЦОГ. См. Говард, Томас.

ПАРР, КАТАРИНА (1512?–1548) — шестая жена Генриха VIII; в эпоху его правления представляла главную протестантскую силу. Позднее стала женой Томаса Сеймура и умерла от родильной горячки.

ПЕРСИ, ЛОРД ГЕНРИ (1502?–1537) — граф Нортумберлендский; бывший ухажер Анны Болейн, впоследствии — один из судей, вынесших ей смертный приговор по обвинению в государственной измене.

РАЙОТСЛИ, ТОМАС (1501–1550) — дипломат при дворе Генриха VIII; в 1540 г. сделался лордом-канцлером, а в 1547 г. — графом Саутгемптоном (после смерти Генриха).

РОШФОР, ВИКОНТ. См. Болейн, Джордж.

РОШФОР, ЛЕДИ ДЖЕЙН (ум. 1542) — жена брата Анны Болейн Джорджа. Казнена за пособничество Кэтрин Говард в прелюбодействе.

САЛИНАС, МАРИЯ ДЕ (ум. 1539) — фрейлина и ближайшая подруга королевы Екатерины Арагонской. Вышла замуж за лорда Уиллоуби Эрзби; мать Кэтрин Уиллоуби.

СЕЙМУР, ДЖЕЙН (1509?–1537) — третья жена Генриха VIII; мать его единственного законного сына Эдуарда.

СЕЙМУР, ТОМАС (1507?–1549) — младший брат Джейн. Постельничий при Генрихе; получил от Сомерсета звание лорда верховного адмирала и барона Сьюдлейского. Позднее женился на Катарине Парр. Казнен при короле Эдуарде.

СЕЙМУР, ЭДУАРД (1500?–1552) — брат Джейн Сеймур. Стал герцогом Сомерсетом, а после смерти Генриха VIII — регентом Англии при юном короле Эдуарде VI. Женился на Энн Стэнхоуп. Казнен при Эдуарде.

СМИТОН, МАРК (ум.1536) — придворный музыкант, обвиненный в прелюбодеянии с Анной Болейн. Казнен.

СОМЕРСЕТ, ГЕРЦОГ. См. Сеймур, Эдуард.

СТЭНХОУП, ЭНН (ум.1587) — фрейлина при трех королевах — женах Генриха VIII; жена Эдуарда Сеймура.

СУФФОЛК, ГЕРЦОГ. См. Брэндон, Чарльз.

СУФФОЛК, ГЕРЦОГИНЯ. См. Уиллоуби, Кэтрин.

ТЮДОР, МАРГАРИТА (1489–1541) — старшая сестра Генриха VIII. Королева Шотландии, супруга короля Иакова IV; после его смерти — правительница Шотландии.

ТЮДОР, МАРИЯ (1496–1533) — младшая сестра Генриха VIII. Была недолгое время замужем за королем Франции Людовиком XII, после чего получила прозвище «французской королевы». Позднее была замужем за Чарльзом Брэндоном, герцогом Суффолком.

УАЙЕТ, ТОМАС (1503–1542) — поэт и придворный, поддерживавший дружеские отношения с Анной Болейн.

УИЛЛОУБИ, КЭТРИН, ГЕРЦОГИНЯ СУФФОЛК (1519?–1536) — дочь Марии де Салинас; последняя жена Чарльза Брэндона.

Фрейлина при Катарине Парр и влиятельная протестантка.

УОЛСИ, ТОМАС, КАРДИНАЛ (1475?–1530) — лорд-канцлер в первую половину царствования Генриха VIII.

УЭСТОН, ФРЭНСИС (1511?–1536) — придворный, обвиненный в прелюбодеянии с Анной Болейн. Казнен.

ФЕРДИНАНД АРАГОНСКИЙ (1452–1516) — король Испании: отец Екатерины Арагонской.

ФИШЕР, ДЖОН (1459–1535) — капеллан Маргариты Бофор и епископа Рочестерского. Казнен за отпор, которым встретил притязания Генриха на верховное главенство над английской церковью.

ФРАНЦИСК I (1494–1557) — король Франции и политический противник Генриха.

ШАПНОИ, ЭСТАШ (1494–1556) — испанский посол в Англии. Друг Екатерины Арагонской и принцессы Марии.

ЭДУАРД IV (1441–1483) — дед Генриха VIII; в период между 1461 и 1483 г. — король Англии. Отец Елизаветы Йоркской и принцев, пропавших в Тауэре.

ЭДУАРД, ПРИНЦ, ПОЗДНЕЕ — ЭДУАРД VI (1537–1553) — сын Генриха VIII и Джейн Сеймур.

ЭСКЬЮ, АННА (1521–1546) — Прекрасная Проповедница, ярая протестантка. Казнена через сожжение.

ВВЕДЕНИЕ

В начале 70-х годов меня заинтересовали женщины эпохи Тюдоров в Англии. Би-би-си в то время подготовило великолепный цикл передач «Шесть жен Генриха VIII». В одной из них рассказывалось о дочери Генриха — блистательной самодержице, окрестившей себя «принцем». Эти зрелища и подвигли меня на то, чтобы перерыть груды библиотечных томов. Я прочитывала все, что подворачивалось мне под руку: беллетристику и научные исследования, многомудрые фолианты и популярные исторические изложения, — все, что было написано о живших в ту эпоху женщинах. В далекие дни, когда стремительно восходила звезда феминизма, мы, женщины, вдруг увидели себя не спутницами и соратницами мужчин, а неким поработленным и угнетенным народом, поэтому так легко загорались любовью к женщинам стародавних времен, оказавшимся — сами того не подозревая — нашими предшественницами. Таковые изыскания превратились для меня в настоящую страсть, которой я и посвящала с тех пор много времени. Страсть эта придавала мне силы для работы и, кроме того, служила нишей, где можно было укрыться от докучливой тоски. О женщинах эпохи Тюдоров я читала в романах — о женщинах эпохи Тюдоров я писала в стихах.

В начале 80-х годов я написала диссертацию об одной из этих женщин — о протестантской мученице Анне Эскью, чья жизнь тесно переплелась с жизнью Катарины Парр, последней жены Генриха VIII. С моей стороны это был весьма смелый шаг. Одно дело — смотреть телевизор и читать исторические романы и даже сочинять стихи (ведь и

они выступают здесь всего лишь вымыслом), и совсем другое — погрузиться в мир серьезной науки.

В то время почти не существовало исследований, на которые я могла бы ориентироваться в своей работе. Писали в основном о женщинах более поздних веков — восемнадцатого и девятнадцатого. В моей же области труды, которым суждено было стать классическими (например, «Было ли у женщин Возрождение?» Джоан Келли-Гэдол), появились несколькими годами позже. Кларисса Эткинсон, историк религии при богословском факультете Гарвардского университета, помогла мне обратиться к традиционным источникам, дабы составить собственное суждение относительно Анны Эскью.

Работа настолько увлекла меня, что мне захотелось и дальше писать об этих женщинах. Я готовила статью о сексуальных домогательствах (*sexual harassment*) на службе, а на досуге читала о женах Генриха. И лишь через некоторое время мне пришло в голову, что положение Анны Болейн во фрейлинах у жены Генриха Екатерины Арагонской было именно ее службой, к тому же, вовсе не желая «отбить» Генриха у Екатерины, она почти целый год стойко обороняла свою добродетель от настойчивых посягательств Генриха. Я писала о праве женщин следовать собственным любовным склонностям, и тогда же мне на глаза попались писания неких авторов, клеймивших Кэтрин Говард, пятую жену Генриха, «распутницей» и «малолетней преступницей» за неумность в любовных наслаждениях. Мне довелось читать о женщинах, принявших мученичество за право определять для себя Бога сообразно лишь с собственной совестью. Так, исподволь, начал прорисовываться замысел этой книги.

Тем временем в свет стали выходить и разные научные исследования — например, весьма интригующая интерпретация истории Анны Болейн, произведенная Ритой Уорник и Э. У. Айвз, — а также целый ряд антологий, вобравших в себя некоторые из идей зарождавшейся и уже набиравшей силу научной дисциплины «о женщинах». Не замедлили появиться и популярные издания — «Шесть жен Генриха VII» Элисон Уизер и «Жены Генриха VIII» Антонии Фрээр.

Решимость взяться за подобный труд неизбежно наталкивается на серьезные трудности: как совместить такой подход с исследованием живших пять веков назад женщин, не впадая в анахронизм и не навязывая задним числом своих мотивов людям, чей ход жизни и чьи воззрения столь во многом разнились с нашими? Безусловно, в первую очередь необходимо всесторонне исследовать их жизнь, иными словами — погрузиться в мир знатной английской дамы XVI века. Какой она была? О чем думала? Что определяло ее чувство нравственности, ее осознание своих прав, ее отношение к родителям, к мужу, к королю, к подругам, наконец, к Богу? И каких чувств по отношению ко всему этому *ожидали* от нее мужчины, властно влиявшие на ее жизнь?

Далее следует понять, какими глазами смотрели на этих женщин летописцы их собственной эпохи и позднейших времен и в какой мере на их представления накладывали отпечаток религиозные верования, политические убеждения и предрассудки касательно пола. Когда в XVI веке Джон Фокс, занимавшийся историей мученичества, одобрительно отзываясь об отношениях Катарины Парр с Генрихом, говоря, что «она терпела любые мучения, дабы, не преступая границ добродетели, во всем потратить его нраву», — то это свидетельствует не только о его приверженности протестантизму, но и о его собственной (да и его общества) сексуальной политике. Сходным образом, когда Лэйси Болдуин Смит, превосходный историк XX века, заявляет, что Кэтрин Говард «разыграла своей жизнью легкомысленную фантазию, главные лейтмотивы которой — малолетняя преступность, распутное себялюбие и погоня за однодневными наслаждениями», — он тоже выражает собственную сексуальную политику. Следить за тем, на какие лады толковали биографии этих женщин сменявшие друг друга поколения писателей, пожалуй, не менее интересно, да и не менее познавательно, чем за историями самих женщин.

☞ Любой «женский обзор» тюдоровской Англии неизменно начинается с жен Генриха VIII. Хотя существовали другие, равно достойные внимания женщины, ничуть не

уступавшие ни по отваге, ни по трагичности судеб, ни по уму, ни по жертвенности, ни по торжеству, благодаря неумолимой жажде походов короля Генриха, именно эта «шестерка» невольно определяет наши представления о женщинах той эпохи. В нашем воображении они предстают хороводом спутников вокруг ослепительного солнца — короля, — и даже тому факту, что солнце на поверку оказывается огромным и пустым скоплением горячего воздуха, не удается до конца развеять эти чары. Чудовищный эгоизм Генриха VIII и династические неурядицы, наложившись во времени на эпоху, когда Англия созрела для религиозного переворота, силой ввели в историю шестерых женщин, до драматизма несхожих с человеком, в чьих руках оказались их судьбы, и до драматизма несхожих между собой. Каждой из них выпало — кому на долгий, кому на краткий срок — стать могущественнейшей женщиной Англии; и каждая утратила это положение, ибо все они зависели от милости могущественнейшего мужчины этой страны.

Вместе с тем, покуда королева пользовалась расположением или, по крайней мере, уважением короля, она обладала и личным богатством, означавшим экономическую власть, и, в известной степени, политическим могуществом. Первые две жены Генриха оказывали влияние на его политику: Екатерина Арагонская — потому что была проницательнее мужа и больше его интересовалась политическими дрязгами; Анна Болейн — потому что уже одним своим фактом брак короля с ней означал религиозную политику в ту пору, когда религия и политика были переплетены столь тесно. Другие жены имели на Генриха значительно меньше влияния, хотя и они умели взять его лестью, а последняя жена влияла на короля исподволь, искусно подбирая себе фрейлин, чьи мысли и склонности отражали ее собственные. А уж в тесном «островном» мирке королевского двора эти дамы без труда могли покачнуть устои своих поклонников — придворных Генриха.

Как это было раньше, так и на протяжении эпохи Тюдоров и эпохи Стюартов фрейлинам принадлежала важная роль при дворе королевы. Обязанности фрейлин были более ограничены, нежели обязанности прислуживавших королеве мужчин. При восшествии Екатерины Арагонской

на престол в ее личное услужение было отдано около полтораста людей, что, разумеется, не шло в сравнение с пятью сотнями челяди самого короля, но, безусловно, поражало своим числом. Подобно своим предшественницам — королевам-супругам, — она распорядилась собственным советом, члены которого (все поголовно мужчины) осуществляли различные практические задачи, как, например, управление и рачительный надзор за ее обширной собственностью. У нее имелись канцлер, конюший, секретарь, капелланы и еще целый сонм прислужников, не говоря уж о швеях, камеристках и фрейлинах. Должности, требовавшие переговоров с внешним миром, принадлежали мужчинам.

Однако и дамы не оставались без дела. В раннетюдоровскую эпоху служебная лестница подразделялась для них на четыре ступени (по нисходящей): знатные дамы, фрейлины тайных покоев, благородные девицы и камеристки. Знатным дамам были отведены главным образом церемониальные роли для несчастных торжеств, тогда как фрейлинам тайных покоев выпадала честь услужать королеве в нуждах деликатнейшего свойства, готовя ли ее ко сну, помогая ли ей в сложнейшем ежеутреннем туалете. Камеристки, составлявшие последнюю категорию, были самыми скромными из личных прислужниц королевы. В число же «благородных девиц» входили молодые незамужние женщины, которые повсюду сопровождали королеву, перенимая обычаи двора и привлекая к себе взоры достойнейших избранников среди государевых вельмож. Многие матери из числа знати костью готовы были лечь, лишь бы выбить для своих дочерей «на выданье» такое место при дворе. Дамы же не столь знатные, которым не светило пристроить дочерей в королевское семейство, часто бывали счастливы отдать их в семьи других знатных дам (а из тех иные нередко сами служили фрейлинами при королеве). Если король благоволил к какой-нибудь из фрейлин жены, он мог выгодно выдать ее замуж за видного придворного. А иногда — как вскоре это показал Генрих — он мог и взять ее себе: три из его шести жен и обе известные любовницы некогда начинали придворную карьеру прислужницами состоявшей в ту пору при нем королевы.

Дамам вменялся ряд обязанностей. В те дни любая монархия заявляла о себе безудержными роскошествами: супруги-самодержцы стремились показать всем и каждому, сколь усердно пекутся об их малейшей прихоти. Обед при дворе был не просто приемом пищи, но прилюдной церемонией, являвшей взорам картину монаршей власти, богатства и щедрости. Большинство обязанностей согласно строгой иерархии четко распределялось между слугами-мужчинами, но заботу о мельчайших «застольных» нуждах королевы брали на себя ее приближенные дамы. Так, например, в день коронации Елизаветы Йоркской, матери Генриха VIII, две фрейлины «сидели по обе стороны королевы у ее ног, пока длился обед», а еще две, графиня Оксенбергская и графиня Риверская, оставались коленопреклоненными подле нее и «протягивали, когда требовалось, Ее Милости платок». Годы спустя, уже при коронации Анны Болейн, две знатные дамы совершали похожий ритуал, поднося к устам Анны салфетку, пожелай она «сплюнуть или что иное». А то, что подобного рода прислуживание не ограничивалось исключительно пиршествами в честь коронации, явствует из одного письма, где рассказывается о некоем случае при дворе во время правления преемницы Анны, Джейн Сеймур: по словам автора письма, по завершении обеда чашу с водой для омовения рук ей подавала маркиза Эксетерская.

Никто из дам не противился подобным «лакейским» обязанностям, к тому же они отнимали не так много времени. При дворе, где к досугу относились весьма серьезно, дамы и вельможи сопровождали короля и королеву на охоту, прогулки, пышные маскарады. Фрейлины должны были присутствовать на турнирах — а эти состязания, призванные поддерживать в придворных воинскую доблесть, устраивались довольно часто — и аплодировать участникам.

За закрытыми дверями королева и приближенные дамы развлекались карточной игрой. Как свидетельствует одно из описаний придворной жизни, принцесса Мария, славившаяся репутацией чопорницы, вовсю продувалась в карты молодой герцогине Суффолк, Кэтрин Уиллоуби.

Прочие обязанности были скорее будничны. Как и любая состоятельная матрона, королева заправляла домашним хозяйством. Фрейлины же разносили поручения прислужникам низшего ранга, а в случае нужды, и челяди государя. В правление особенно набожных королев, как Екатерина Арагонская, ежедневно по многу часов дамы проводили в часовне: и когда молилась королева, они тоже молились.

Кроме того, фрейлины музицировали, читали и занимались шитьем, иногда вместе: одна из дам читала вслух или играла на лютне, а королева и остальное ее окружение шили. В эпоху средневековья и Возрождения королевы находили, что чтение благочестивых книг или произведений некоторых наиболее целомудренных классических авторов служило прекрасным средством отвратить девичьи умы от прельщений противоположного пола, а на шитье, как представляется, придворные дамы были просто помешаны. Разумеется, в королевском хозяйстве насчитывалось множество швей более низкого происхождения, но им отводилась в основном нехитрая работа. Сама же королева и ее фрейлины часами просиживали над сложнейшими костюмами, предназначенными для балов и маскарадов: чего стоит одно только платье из зеленого атласа с головным убором «из дамасского золота с длинными нитями белого золота», которым восхищались французские посланники, посетившие двор Генриха в 1518 году. Когда же Генрих снаряжался на войну с Францией, фрейлины его жены не покладая рук трудились над знаменами, штандартами, значками. Вместе с королевой и для нее они вышивали небольшие настенные портьеры и покрывала на стулья. Королевские дворцовые покои были буквально увешаны всяческим рукоделием.

Порой дамам выпадало шитье не столь утонченное. По заказу Анны Бoleйн ее фрейлины изготовляли одежду, которую она затем брала с собой на королевские шествия и раздавала бедным. Как и чтение благочестивых книг, занятие шитьем призвано было оградить их от беды. Передают, будто главная шелкопряха Анны хвалила королеву за то, что ее фрейлины слишком заняты шитьем, чтобы «нежиться в удовольствиях» или предаваться «распутной вольности», как то свойственно девицам, коли оставить их без дела.

Анна была отнюдь не единственной, кто стремился держать свой двор в целомудрии. В придворном окружении, столь усердном в поисках развлечений, постоянно царил атмосфера флирта, и, вне всякого сомнения, и дамы, и молодые люди заходили в своих играх дальше простого кокетства. Но при этом от придворных дам требовалось целомудрие, пусть и смягченное светским обращением и видимостью привлекательной искусственности. Свидетельством подлинно целомудренной женщины, в отличие от викторианской эпохи, было вовсе не невежество в вопросах пола. Напротив, придворные дамы должны были ловко парировать излишне смелые намеки своих поклонников. Женщины, не способные хотя бы понять смысл обращенных к ним дерзостей, были в ту пору белыми воронами, да ими никто бы и не стал восхищаться.

Хотя порядочной женщине и позволялись рискованные шутки, на деле проявлять свою осведомленность ей не полагалось нигде, кроме как на супружеском ложе. Прелюбодеяние для замужней женщины было делом опасным. С ней уже нельзя было, как в начале тюдоровского правления, развестись, зато мужу разрешалось отречься от нее, оставив с нищенской суммой денег, или держать в настоящем заточении, услав в какое-нибудь дальнее поместье. Для девиц же любовные шашни таили еще большую опасность, ибо случайная беременность грозила немедленным отлучением от двора, а с надеждами на завидный брак можно было навсегда распрощаться. Предполагалось, что женщина должна хранить девственность до замужества. Правда, то здесь, то там упоминается, что такую-то даму отослали от двора из-за подозрений в распутных шалостях, а при Елизавете не одну фрейлину прогнали за добрачную беременность (среди них была Бесс Трокмортон, возлюбленная сэра Уолтера Рэли (1), позднее ставшая его женой).

К тому же ни в средние века, ни в эпоху Возрождения невозможно было надолго утаить любовную связь при дворе. В королевских дворцах кипела бурная жизнь, порой придворный мир раздирали козни и распри. У каждого — сколь бы далек он ни был от политических интриг — были враги: хотя бы только потому, что его родственники и друзья примыкали к той или иной стороне в этих нескон-

чаемых раздорах. Враги же, как известно, обожают шпионить друг за другом, силясь вызнать нечто такое, что обернется для соперника поношением и позором.

Между тем, пока Генрих VIII был женат на Екатерине Арагонской, у него завелись две любовницы. Правда, связь с королем почиталась делом особым. Если «подержанное добро» какого-нибудь пэра иногда выдавали замуж за человека низших сословий или заточали в монастырь, то разжалованная возлюбленная короля могла надеяться на удачную партию или в начале их любовной связи для создания «ширмы», или в конце, в качестве вознаграждения за оказанные услуги. Любовницей короля стала одна из фрейлин Екатерины Арагонской, Бесси Блаунт. Когда она забеременела, ее без шума отослали со двора, а после рождения сына выдали замуж за лорда Тэйлбойза. Другая пассия, Мэри Болейн, и прежде, в бытность при французском дворе, славилась вольностью нравов. Ее отдали за Уильяма Кэри, королевского постельничего, вероятно, в разгар ее романа с Генрихом, но не исключено, что Кэри она получила в награду, когда король к ней охладел. Примечательно, что славой распутницы она была обязана не отношениям с королем, но своим предыдущим связям: добродетель, которой поступились ради государя, считалась не столь запятанной. (Потерю чести ради приближенных государя также судили не строго: одной из дам, выбранных во фрейлины Анной Болейн, оказалась Бесс Холланд, любовница дяди Анны, герцога Норфолка.)

Из других «дворцовых» историй явствует, что к роли королевской любовницы, пусть даже возможной, существовало более сложное отношение. Идеалы женского целомудрия далеко не всегда приносились в жертву королевской милости. Попадались среди дам такие, которые сами не желали крутить любовь в королевской опочивальне, и такие, чьи семьи этого не желали. — будь то из-за верности идеалу целомудрия или из-за неборимой неприязни к этому мужчине. В годы царствия Екатерины Арагонской в числе ее свиты находились две сестры герцога Букингемского. Одной из них случилось привлечь внимание сэра Уильяма Комптона, друга короля, который, как поговаривали, лишь выступал посредником самого Генриха. Дама, хотя и

была замужем, по-видимому, оказалась отзывчивой. Ее сестра, прознав о посягательствах сэра Уильяма, сообщила об этом брату, а тот, вместе с ее мужем, ускакал ее прочь, подальше от двора.

В период правления последней жены Генриха графиня Ричмондская свидетельствовала против своего брата, обвинявшегося в измене, заявляя, будто он подстрекал ее стать любовницей короля, чтобы служить семейной корысти. Но его замысел провалился — то ли из-за верности герцогини королеве Катарине Парр, то ли из-за ее неприязни к королю, то ли из-за ее желания сохранять целомудрие. Она передала разговор с братом королю, подлив масла в огонь, ибо Генрих уже пылал яростью к высокомерному и потому обреченному графу: вскоре тот оказался на плахе.

Хотя быт и заботы придворных дам почти не менялись на протяжении средних веков, да и эпохи Возрождения, само окружение, в котором им приходилось вращаться, драматично преобразалось от царствия к царствию. Тон двору задавал монарх: во второй половине XV века при дворе Генриха VI царил спартанский дух, зато при Эдуарде IV процветали игривые нравы. Ричард III царствовал слишком недолго, так что нам остается лишь гадать, каким был его двор, зато его преемник Генрих VII, первый из династии Тюдоров, процарствовал двадцать четыре года. Нравы его двора были устойчивы и, пожалуй, аскетичны. Имея весьма шаткие притязания на престол (незаконное происхождение от Эдуарда III), он вырвал трон у Ричарда. Его приняла монархом страна, истерзанная многолетней войной и, как следствие, прозябавшая в нищете. В Англии были и другие претенденты на престол, в чьих жилах текло не меньше королевской крови: почти всех Генрих упрятал в Тауэр или казнил по откровенно раздутым обвинениям в измене. Больше он никого не трогал. Ничто так не живописует разницу между ним и его сыном, как история с юным изменником Лэмбертом Симнелом, пытавшимся выдать себя за покойного графа Уорика, внука Эдуарда IV. Другие участники заговора были казнены, а Симнел — низкородный юноша, выброшенный из своей стихии и явно не представлявший ни малейшей угрозы трону после разоблачения его нелепого обмана, — сначала получил место

на королевской кухне, а позже сделался сокольничим короля. Двор таил смертельную опасность для любого, кто посягал на могущество Генриха, для всех же остальных был местом если и не всегда заманчивым, то уютным.

Двор его сына поначалу представлялся *и* уютным, *и* заманчивым. Добронравное правление скупого и мало чем примечательного старика, восстанавливавшего хозяйство после лихолесья войны Алой и Белой Роз, несколько утомило Англию. Появление на сцене Генриха VIII сулило блеск приключений и любезные юности удовольствия — «забавы и приятный круг друзей», как говорилось в одной из сочиненных им песен, снискавших ему народное расположение. Тот Генрих, что взошел на трон в 1509 году, с виду ничем не предвещал крикливого тирана, утопающего в мертвечине обрюзглой плоти (2), каким он станет со временем. Он был на диво красив — «красивей любого из христианских государей», как писал венецианский посланник, «светлолик и телом сложен на загляденье». Да и письма других послов напоминают восторженное щебетанье влюбленных школьниц: король с его заразительной жадной жизни излучал неотразимое обаяние, поражая воображение изнуренных заботами дипломатов. Он являл собой воплощение ренессансного идеала монарха. Наделенный щедростью и душевной широтой, он обращался с придворными как с равными, что лишь подчеркивало его собственное величие.

Пожалуй, только одному человеку удалось за нарядным фасадом разглядеть его подлинную сущность: человеку, не желавшему становиться придворным, однако заманенному на королевскую службу настойчиво-медоточивыми просьбами Генриха. Томас Мор — ибо это был он — мягко уступал настояниям короля, не питая при этом никаких иллюзий. Когда его зять Уильям Роупер (3) восхитился тем, как король разгуливал под руку с сэром Томасом в их садах, Мор отвечивал, что, хотя король и печется о нем не менее, чем о других. — «если бы за мою голову ему посулили замок во Франции, она бы тут же покатилаь с плеч».

Подобная проницательность оказалась уделом немногих. Придворные весело повиновались приказам короля, потому

что эти приказы им нравились. Он же, в свою очередь, видел в их радостной исполнительности естественное и беспрекословное повиновение, по праву положенное ему как государю. Позднее, когда начнет выясняться, что желания других не всегда совпадают с его собственными, придворным доведется узнать, с какой быстротой королевское расположение способно обратиться в ярость, сметающую любого, кто дерзнет встать поперек пути.

Уже в середине его царствия это стало печально очевидным. Теперь, проложив себе путь к открытой тирании, Генрих лишь изредка пускал в ход бывшие чары. С лиц его приближенных не сходил страх, и если они хотели выжить, им подобало непрестанно этот страх выказывать. Люди по-прежнему стекались ко двору, видя в нем средоточие власти и выгоды, но это был уже не тот двор, что в ранние годы Генрихова правления. Ближайшие к персоне короля лица были уничтожены его ненасытным гневом.

И этот гнев созидал ныне новую религию. До той поры, пока Генриху не вздумалось избавиться от жены, так и не подарившей ему сына, а теперь и бесплодной, с религией в тюдоровской Англии дело обстояло довольно просто. Папская власть существовала в двух измерениях. Как со временным правителем, с ним можно было ссориться, его можно было ненавидеть, с ним можно было даже воевать. Никто и не требовал, чтобы в своей мирской ипостаси он был лучше других. Как и у королей, у пап были любовницы и незаконные дети, и, подобно королям, они нередко оделяли своих незаконнорожденных отпрысков высокими правительственными чинами. Что бы ни говорилось о блуде в Библии, папы редко придерживались обета безбрачия. И если многие англичане, да и другие европейцы, осыпали бранью личные прегрешения папы, это никоим образом не задевало его положения как церковного главы. В данной ипостаси его чтили. Хотя доктрина о папской непогрешимости была обнародована только в 1870 году, мало кто из христиан оспаривал религиозные провозвестования папы.

Вместе с тем церковь вечно раздирали борения. Внутри церковных структур власти царила порочная рознь. Кроме того, водораздел между духовным главенством папы и церковной иерархии, с одной стороны, и земным главенством

мирского владыки — с другой, на деле оставался менее четким, нежели на словах. Папы и монархи всегда состояли в напряженных отношениях, нередко перераставших в открытую вражду.

Положение усугублялось еще и неотвязной угрозой ереси — угрозой, которую папы и монархи пока держали в узде, хотя полностью искоренить ее не удавалось. В Англии антиклерикальная лоллардийская ересь (4), вдохновленная схоластом XIV века Джоном Уиклифом (5), годами подтачивала могущество церкви и, тем самым, короля, в котором видели заместителя Божьего на земле. Но, хотя к лоллардам наряду с толпами неимущих и примыкали некоторые представители низшей аристократии, особой поддержки среди высших эшелонов английского общества они не получили, и большинство открытых приверженцев этой ереси ждал костер.

Но даже самые набожные христиане ни в грош не ставили духовенство, чья жизнь, попиравшая все христианские заповеди, отражала поведение самого папы. Спустя десятилетие после вступления Генриха на престол в Германии Мартин Лютер бросил вызов папской власти (6), положив начало расколу, которому предстояло со временем перерасти в протестантскую Реформацию. Англия эхом ответила на это событие: в Кембриджском университете Уайт-Хорс-Инн* прозвали «маленькой Германией» за то, что там обычно собирались сочувствовавшие Лютеру.

Поначалу границы между «дозволенными» сомнениями и ересью оставались размытыми. «Новая ученость» — расширенное критическое толкование греческих и латинских классических авторов, составившее ядро ренессансного гуманизма (7), — в конце концов вылилась в отрицание абсолютного авторитета церкви, однако изначально она нимало не противостояла той религии, которая веками формировала европейское мировоззрение. «Новую ученость» с воодушевлением поддерживали Екатерина Арагонская и Анна Болейн, не говоря уж о мученике-католике Томасе Море и мученице-протестантке Анне Эскью. В действительности, слово «протестант» вошло в обиход только в 1529

* *White Horse Inn* — дословно «Харчевня Белой Лошади».

году, а в Англии его стали употреблять значительно позднее. Англичане долгое время величали «лютеранами» антипапистов любого толка, в том числе последователей Жана Кальвина (8) и даже анабаптистов (9).

Сначала Генрих с презрением отзывался о тех, кто опровергал церковную доктрину и отрицал церковный авторитет, а придворные благоразумно следовали его примеру. Король защищал папскую власть от нападок Лютера, за что был удостоен папой звания «защитника веры» (*Fidei Defensor*) (10). Однако картина резко изменилась после того, как папа отказался признать недействительным брак Генриха с Екатериной Арагонской. И вот тогда-то английская знать, прежде вполне довольствовавшаяся рутинным благочестием, оказалась вовлечена в гигантский водоворот, захвативший всю страну. Отныне религиозные верования опирались не на привычную доктрину, но на личные прихоти государя, облеченные в форму богословия. Теперь недостаточно было бормотать молитвы, высиживать службы в часовне и совершать паломничества к мощам «одобренных» королевским величеством святых.

Для большинства англичан наступило время тревог и смятения. Генрих поминутно клялся, что сам он верен тому, что уже приобретало имя католической церкви, и что папа, предав его, предает и ее. Он не отрицал ни одной из срединных для католицизма доктрин — например, живого присутствия Христа в хлебе и вине евхаристии. Вместе с тем временами он позволял чтение Библии простолюдинам, с каковой целью архиепископ Кентерберийский выпустил по его наказу ее новую (11) версию на доступном народу языке. Перевод Библии на живые языки не был ересью (ведь великий голландский гуманист и католический апологет Эразм Роттердамский (12) поощрял чтение Библии мирянами), но ввиду того, что у протестантов во главу угла было положено Писание — в противовес авторитету иерархии и церковной традиции, — сама доступность священных текстов на понятном народу языке невольно связывалась в сознании с ересью. А роспуск Генрихом аббатств и монастырей (13) явился еще более дерзким вызовом прежней религии: старые католики запротестовали. Между тем христианство Генриховой Англии во многом сохраняло тради-

ционные католические догматы. Но поскольку сам Генрих все еще метался, люди зачастую не знали, во что именно им требуется верить. Некоторые узнавали это лишь после того, как их хватали за ересь.

Каждая из королев Генриха неизбежно сыграла свою роль в эволюции его вероисповедания. Наделенной сильной волей Екатерине Арагонской и страстной Анне Болейн суждено было стать живыми символами религий, старой и новой. Другим тоже были отведены собственные, подчас нелегкие роли в развитии начал английского протестантизма. Обнаружив политические выгоды религии, Генрих погрузил страну в хаос. Учения сменялись одно за другим по мере того, как сластолюбием и себялюбием короля манипулировали разные клики. Те, чьи религиозные убеждения оставались непоколебимы, — Екатерина Арагонская, Томас Мор, Роберт Барнз (14), Анна Эскью, — были обречены. Те же, чьи верования оказывались более податливыми, могли уповать на сохранение к ним монаршей благосклонности при том, разумеется, условии, что они наловчатся предвосхищать его будущие веления и хотения. Высшим Богом Генриха был сам Генрих, и уклонявшиеся от поклонения ему подвергались участи оскорбителей божества. Так или иначе, все его жены пали жертвами его безграничной власти и его чудовищного злоупотребления ею. За единственным исключением, каждая в какой-то момент действительно *оскорбила* сей самодельный кумир и в результате определила для себя, кто же она есть и в чем смысл ее бытия.

МАРГАРИТА БОФОР,
ГРАФИНЯ РИЧМОНДСКАЯ

Именно она задумала и подстроила заговор, который вознес на английский престол ее сына под именем Генриха VII, положившего начало династии Тюдоров. Маргарита стала первой в плееде твердых духом женщин, оказавших влияние на ее внука Генриха VIII.

СОТВОРЕНИЕ КОРОЛЯ

Выражение «сотворение короля» (1) мгновенно вызывает в памяти образ графа Уорика, который прославился столь великолепно по шекспировским хроникам, повествующим о войнах Алой и Белой Роз (2). Высокомерный, обаятельный, честолюбивый и блестящий Ричард Невилл действительно *сотворил* из Эдуарда Йоркского короля Эдуарда IV. Однако помимо Уорика в этом преуспели и другие, а некоторым удача сопутствовала больше. Не все они были воителями, и не все они носили меч: так, например, умной и честолюбивой женщине нельзя было и мечтать о том, чтобы править от своего имени, зато она могла добиться значительного могущества, влияя на мужчин, которые с виду повелевали сю. Такой женщиной и оказалась Маргарита Бофор, «сотворившая короля» гораздо успешнее, нежели прославленный граф, продвигаясь к заветной цели обманчиво неслышными шагами.

Маргарита родилась в 1441 году. Она была единственным ребенком Джона Бофора, чьим дедом был Джон Гонт (3), герцог Ланкастер, четвертый сын Эдуарда III. Ланкастер произвел на свет четверых детей в законном браке, а еще четверых родила ему простолюдника Кэтрин Суинфорд, его верная возлюбленная в течение многих лет, на которой он впоследствии женился. При Ричарде II парламентский акт объявил этих четверых законными, однако более поздний парламент выдвинул (с точки зрения закона это был весьма сомнительный шаг) условие, согласно которому потомки этих детей не должны допускаться до трона. В числе этих потомков оказалась и Маргарита Бофор.

По-видимому, мать Маргариты придерживалась передовых взглядов на воспитание девочек. Разумеется, она позаботилась о том, чтобы ее дочь приобрела все подобающие женщине навыки — научилась шить и управлять большим хозяйством, — но Маргариту учили еще чтению и письму. Правда, ей не было позволено изучать греческий и латынь. Она будет всю жизнь горевать об этом досадном пробеле в своем образовании: ведь хотя она и выучила впоследствии «малую толику латыни», ее эти знания не удовлетворяли.

В возрасте девяти лет Маргарите была дарована чрезвычайная милость: ей позволялось самой выбрать себе мужа из двух претендентов. Одним был восьмилетний сын ее опекуна, хотевшего удержать ее богатство в своей семье. Другим — сводный брат короля, Эдмунд Тюдор.

Годы спустя она поведала своему другу епископу Фишеру о том, как свершился ее выбор. «Дама преклонных лет, которую она очень любила и которой доверяла больше всех», посоветовала ей молить о наущении святого Николая. Маргарита так и сделала, и святой, явившись ей во сне, велел выходить замуж за Эдмунда. «Вот почему, — писал Фишер, — ее выбор склонился к Эдмунду, брату короля». Вскоре ее опекуна убили йоркисты: тело было обезглавлено ржавым мечом и брошено на дуврских песках. Эдмунд Тюдор сделался графом Ричмондом, и в 1455 году в возрасте четырнадцати лет Маргарита вышла за него замуж.

Не прошло и года, как Эдмунд внезапно занемог и умер. Еще через три месяца у Маргариты родился «благословенный и прекрасный принц, король и единственный возлюбленный сын». Она нарекла его Генри — в честь дяди-короля Генриха VI. В пятнадцать лет она стала матерью и вдовой.

Войны Алой и Белой Роз начались в год замужества Маргариты. Король Генрих VI — послушный, добрый и туповатый, к тому же то и дело одолеваемый припадками безумия — был неспособен вести военную кампанию, поэтому его супруге, королеве Маргарите Анжуйской, пришлось не только взять на себя подготовку к сражениям, но иногда самой облачаться в доспехи и вести войско на поле брани. Осенью 1460 года Ричарду Йоркскому удалось захватить корону — правда, не для себя, а для своих потомков после смерти Генриха. В конце декабря Маргарита Анжуй-

ская повела рать прямо на Йорк — оплот герцога и его людей. В кровопролитном сражении Ричард был убит, и торжествующая королева велела обезглавить его труп. Его отрубленную голову, увенчанную бумажной короной, водрузили на кол и выставили на обозрение в городских воротах.

Во время всех этих перипетий маленький Генри Тюдор оставался на попечении матери, что редко случалось в эпоху, когда над лишенными отцов детьми учреждалась опека какого-нибудь лорда, выбранного самим королем. В 1459 году Маргарита Бофор вышла замуж за лорда Генри Стэффорда. Это был брак по расчету, не по страсти, позволивший Маргарите воспитывать сына так, как она считала нужным, прививая ему любовь к учености и — что, пожалуй, самое главное — внушая ему, как важно иметь терпение.

В 1461 году фортуна повернулась лицом к йоркистам, и Эдуард Йоркский, старший сын убиенного Ричарда, взошел на английский престол под именем Эдуарда IV. После ряда сражений, исход которых благоприятствовал вначале ланкастерскому, а затем йоркскому дому, единственный сын короля был убит, а сам старый король умерщвлен в Тауэре. Теперь оставался в живых один-единственный мужчина, наследовавший трон по линии Ланкастеров, — Генри Тюдор. Летом 1471 года Маргарита отправила четырнадцатилетнего мальчика в сопровождении его дяди Джаспера Тюдора во Францию, поддерживавшую ланкастерцев. Разыгравшаяся буря сбила их корабль с курса, и им пришлось высадиться в Бретани, сохранявшей осмотрительный нейтралитет во время войн Алой и Белой Роз. Бретонцы любезно приняли чужеземцев, заверив Маргариту, что ее сын находится, хотя бы на время, в полной безопасности.

Вскоре скончался лорд Стэффорд. Маргарита, которой исполнилось теперь тридцать, вновь осталась одна. Она проводила часы в молитве, часто постилась и иногда надевала власяницу. В то же время она искала могущественного защитника для себя и сына. В 1473 году она вышла замуж за Томаса Стэнли (4), позже ставшего графом Дерби.

Принялась ли она вынашивать свои замыслы еще в царствие Эдуарда IV, неизвестно, но в середине 1480-х

годов обстоятельства сложились так, что в судьбе Маргариты, да и всей Англии, произошел драматический перелом. 9 апреля 1483 года Эдуард умер от внезапной хвори. Он оставил сиротами пятерых дочерей и двух маленьких сыновей. В завещании король назначал опекуном мальчиков своего честолюбивого брата Ричарда.

Намереваясь сделать свое господство постоянным, Ричард заявил, что перед тем, как жениться на Элизабет Вудвиль, Эдуард был помолвлен с другой женщиной. А поскольку помолвка приравнивалась законом к настоящей женитьбе, это означало, что сыновей Эдуарда от Элизабет надлежит признать незаконными. Опекун провозгласил себя Ричардом III, королем Англии. Принцы же, которых отправили в лондонский Тауэр будто бы для подготовки старшего мальчика к коронации, просто исчезли с глаз.

Точен или нет созданный Шекспиром в «Ричарде III» портрет этого самого загадочного из королей? Во всяком случае, ему удалось хорошо передать смутную атмосферу тех дней. Претензии Ричарда на трон были в высшей степени спорными. Разумеется, Маргарита Бофор не принимала их. Она нисколько не сомневалась, что у ее сына имеются на то более веские основания, нежели у Ричарда.

Для того чтобы посадить юного Генри на престол, она нуждалась в помощи. Ее муж когда-то был верным йоркистом. Вполне вероятно, что это послужило одной из причин, толкнувших ее на этот брак: появлялась надежда, что узы с одним из самых несгибаемых сторонников Эдуарда обернутся выгодой и для нее, и для сына. Сохранит ли он после смерти Эдуарда верность его брату?

Действия самого Ричарда сыграли на руку Маргарите. Стэнли состоял в новом совете, как и прежде состоял в старом. На одном из собраний Ричард внезапно впал в ярость, бредя о каких-то кознях против его жизни. Призвав стражу, он велел схватить некоторых членов совета, в том числе и лорда Стэнли. Их продержали несколько недель в Тауэре, после чего Ричард, столь же внезапно сменив гнев на милость, отпустил Стэнли домой к жене, вернул ему пост управляющего королевским хозяйством и пригласил его и леди присутствовать на церемонии коронации.

Отказаться было едва ли возможно, поэтому оба чинно явились на торжество. Маргарита несла шлейф королевы, а лорд Стэнли нес перед королем жезл. С виду ничто не предвещало грозы, но лорд Стэнли, который во время недавнего ареста вдобавок получил удар по голове от одного из солдат Ричарда, вряд ли был преисполнен любовью к новоиспеченному королю. Союзника Маргарите добыл сам Ричард.

А она тем временем налаживала связи с людьми, которые, вне всяких сомнений, присоединятся к ее делу. Одним из полезнейших — и опаснейших — был Генри Стэффорд, герцог Букингемский, ее племянник по второму браку. Раньше Букингем был ближайшим союзником Ричарда, хитрым и неутомимым заговорщиком, продвигавшим Ричарда на престол. Теперь же он с немалым пылом обрушился против короля, заявляя, что ему омерзительна расправа Ричарда над принцами. (Некоторые из сегодняшних историков высказывают предположение, что их убийцей был сам Букингем.) Как бы то ни было, Маргарита проницательно разглядела недовольство племянника Ричардом и умело им воспользовалась.

Однажды, скача в Шрусбери, Букингем встретил по пути Маргариту, направлявшуюся в Вустерский собор. Это была слишком случайная встреча, чтобы казаться совпадением, но, по-видимому, герцог воспринял ее именно так. Во время краткой беседы они успели коснуться многого, в том числе и царственных амбиций самого Букингема. Маргарите удалось убедить герцога в том, что у ее сына оснований куда больше, а он прекрасно устроится как высокопоставленный вельможа при Генри Тюдоре.

Теперь Маргарите оставалось завербовать еще одного сообщника — человека, без чьей помощи английский народ никогда бы не поддержал неизвестного ему претендента. Хотя Генри предстояло править от собственного имени, по родовому праву Бофоров, он нуждался в такой королеве, в чьих жилах текла бы «чистая» королевская кровь, дабы их дети смогли унаследовать и удержать корону. А это означало, что ему необходимо жениться на одной из дочерей Эдуарда IV. Для этого Маргарита должна была заручиться поддержкой их матери.

Когда молодой король Эдуард повстречал Элизабет Вудвиль и пленился ею, она была прекрасной вдовой сэра Джона Грея, происходившего из младшей ветви Ланкастеров. Королевские ухаживания она отвергла, заявив: «Мой господин, я знаю, что недостаточно хороша, чтобы сделаться вашей королевой, но я слишком хороша, чтобы стать вашей любовницей». Эдуард понял намек и женился на честолюбивой красавице, вызвав фурор при дворе. Все, кроме Эдуарда, недолюбливали ее, зато сам он был вполне счастлив и быстро обзавелся многочисленным потомством, оправдав в глазах общества их брак и обеспечив трону наследников.

Со смертью Эдуарда и восшествием Ричарда на престол все переменилось. Элизабет, взяв с собой детей, укрывалась в Вестминстерском аббатстве. Мальчиков заставили выдать Ричарду. Дочери были постарше (Елизавете Йоркской уже минуло семнадцать) и не представляли в глазах узурпатора угрозы его власти. Ричард разрешил им остаться с матерью.

Вскоре принцы исчезли, возможно, были умерщвлены. Брата Элизабет и одного из ее двух сыновей от первого брака казнили. Ее брак с Эдуардом объявили недействительным, а ее дочерей — незаконнорожденными. От горя она чуть не обезумела, то исходя криком и вырывая волосы, то впадая в немые приступы меланхолии. Ей явно требовался уход врача.

Ричард зорко следил за всеми, кто посещал Элизабет, но в заботах лекаря он не мог ей отказать. Свою помощь предложил Эдвард Льюис, видный врач родом из Уэльса, чьими услугами пользовалась английская знать. После нескольких визитов Льюис мягко передал больной одно предложение... В этом-то и заключалась его миссия, ибо Льюис лечил и Маргариту Бофор.

Элизабет потеряла сыновей, но дочери ее были живы, и в их жилах текла королевская кровь Эдуарда IV. Так что если старшая из них, Елизавета, выйдет замуж за Генри Тюдора, а Генри станет королем Англии, то их дети будут внуками Элизабет и Эдуарда, а род захватчика прервется вместе с его жалкой жизнью.

Элизабет с готовностью согласилась. Пока что нельзя отослать Елизавету за пределы Вестминстера, не подвергнув

ее опасности и не вызвав подозрений, но при помощи доктора Льюиса Элизабет тайком переправляла записки родственникам и друзьям. Так изгнанная и униженная вдовствующая королева стала последним и наиболее важным сообщником в заговоре Маргариты Бофор, который должен был вывести ее сына в короли.

Какие чувства испытывали друг к другу эти две странные союзницы? Мало вероятно, чтобы набожная Маргарита уважала женщину, использовавшую свою красоту для продвижения по социальной лестнице и покинувшую лагерь Ланкастеров, чтобы стать супругой короля из дома Йорков. А блистательная и чувственная Элизабет едва ли обрела родственную душу в тусклой, педантичной и склонной к аскетизму леди Маргарите.

И все же их связывало одно, и связывало крепко. Обе неступленно желали славы для своих детей. Маргарите, чьи мечтания сосредоточились на единственном и драгоценном сыне, была понятна боль матери, лишившейся сыновей. Со своей стороны, Элизабет понимала яростную привязанность Маргариты к единственному ниспосланному ей сыну. Вступив в союз друг с другом, обе женщины могли надеяться на лучшую судьбу своих чад.

Вначале казалось, что все идет гладко. Маргарита сообщила новость о предполагаемой женитьбе Генри, который все еще пребывал в безопасности в Бретани, и тот ответил согласием. Затем она посоветовала ему возвращаться в Англию через Уэльс, где у Тюдоров имелось множество сторонников. Оттуда, как было задумано, он поведет войско, собранное доктором Льюисом. Тем временем Букингем должен возглавить мятеж в Англии.

Генри отплыл в Уэльс, однако к тому времени, как он высадился на берег, замысел рухнул: Букингем был схвачен и казнен. Поняв, что восстание обречено, Генри вернулся в Нормандию, чтобы заново продумать нападение.

Ричард выдвинул против Маргариты обвинение в государственной измене, но не сделал никаких попыток казнить ее или бросить в темницу. Он просто передал ее «на руки» мужу. Ее земли конфисковали и отдали в пользование супруга вплоть до его кончины, после чего они подлежали изъятию в казну. Стэнли получил приказ держать Маргари-

ту взаперти «где-нибудь в укромном месте», где ее никто не сможет навещать и приносить записки. Ричард был настолько уверен в Стэнли, что даже не позаботился выслать шпионов, которые убедились бы в точном выполнении королевского приказа.

Вскоре Маргарита вновь взялась за работу, совещаясь со старыми сообщниками. Сейчас кажется странным снисходительность Ричарда, да, судя по всему, она удивляла и современников. «В сию смутную пору наипаче всего то изумляло, что не взяли под стражу и не объявили ворогом королевским лорда Стэнли, памятуя о кознях жены его леди Маргариты, матери графа Ричмонда», — так писал Рафаэль Холинshed, хронист XVI века, объяснявший «прокол» Ричарда с лордом Стэнли тем, что «женские происки полагал он ниже всяких опасений».

Ричард всеми силами пытался помешать браку Генри Тюдора и Елизаветы Йоркской. В марте 1484 года он уговорами выманил Элизабет Вудвиль с дочерьми из Вестминстерского убежища. Элизабет удалось вырвать у Ричарда торжественную клятву (которую он принес перед лорд-мэром и перед городскими старейшинами Лондона) в том, что ее детям не будет причинено никакого вреда. Подобная клятва едва ли могла успокоить Элизабет, после того как Ричард убил ее сыновей: ведь их он тоже клялся защищать. Может быть, она не была уверена, что в их гибели повинен Ричард, а может быть, просто цеплялась за любую ничтожную ниточку надежды. Ведь казнь Букингема и отступление Генри пресекли ее упования на будущее, и теперь ей оставалось лишь ввериться шаткой милости Ричарда III.

В святилище она вступила королевой, а вышла из него обычной знатной дамой, «леди Элизабет Грей, прежде звавшей себя королевой английской». Отныне она жила фактически как пленница, а охранять ее был приставлен Джон Несфилд, оруженосец Ричарда.

Элизабет отправила своему сыну Томасу Грею, маркизу Дорсету, письмо с распоряжением прервать брачные переговоры между Генри Ричмондом и юной Елизаветой. Еще она велела Дорсету возвращаться домой. Если и возникают какие-то сомнения в том, что она писала по принуждению, то их следует отбросить именно из-за этой второй части ее приказа. Смехотворно предполагать, будто женщина, кото-

рая целый год продержала детей в убежище, чтобы уберечь их от Ричарда, и которая знала, что Ричард казнил одного из ее сыновей и, возможно, повинен в таинственном исчезновении двух других. будучи в своем уме, стала бы уговаривать четвертого, и последнего, сына, пребывавшего в ту пору в Париже, вернуться и угодить к Ричарду в лапы.

Между тем Ричард обращался с дочерьми куда лучше, чем с их матерью. Когда юная Елизавета показалась на придворных празднествах в платье, точь-в-точь похожем на платье королевы, враги Ричарда — а их ряды росли с каждым днем — решили, что король замышляет отравить свою королеву и жениться на «прелестной Бесси». И хотя эти слухи ничем не подтверждались, они, вероятно, подстегнули Маргариту и ее сына, заставив поторопиться с исполнением замысла. В марте 1485 года преставилась недужная супруга Ричарда, а летом того же года Генри, сопровождаемый дядей Джаспером, высадился на английских берегах. Прознав о приближении своего недруга, Ричард тут же захватил в заложники лорда Стрейнджа, старшего сына лорда Стэнли. Можно только догадываться, сколь мучительная пора наступила для лорда Стэнли. Как отмечает биограф Маргариты Линда Саймон, поддержка, которую Стэнли неустанно оказывал готовившемуся перевороту, красноречиво свидетельствует о том уважении, которое он питал к рассудительной жене: «Стэнли сознавал, что любой неверный шаг будет стоить жизни его сыну. И только безоговорочная вера Стэнли в замысел жены заставляла его вести игру со столь высокими ставками».

И его вера оказалась не напрасной. 22 августа Ричард был убит в сражении на Босуортском поле (5). Через четырнадцать лет после своего бегства из Англии сын Маргариты Бофор стал Генрихом VII, королем Англии. Елизавета Йоркская наконец вышла за него замуж, заложив этим основание для династии Тюдоров.

Через несколько лет после того, как ее дочь стала королевой, Элизабет Вудвиль удалилась в монастырскую обитель. Зато Маргарита Бофор оставалась весьма влиятельной при дворе: с таким же рвением, какое она выказала, дабы усадить своего сына на трон, теперь она управляла его изрядными владениями и к тому же распоряжалась хозяйством в собственных, тоже немалых имениях. Генрих пре-

доставил ей несколько прибыльных опеки и — что, пожалуй, важнее — право «пожизненно назначать и выбирать управляющего, судебного исполнителя, управляющего именем, главного садовника и всех прочих слуг королевского поместья Уэра, что в Хартфордшире» и в других округах Англии. Иными словами, Маргарита добилась редчайшего уровня независимости для замужней женщины той эпохи: ее владения принадлежали ей безраздельно, она управляла и распоряжалась ими не как «*femme covert*», а как «*femme sole*»*.

Маргарита брала на себя даже такие домашние дела, какие подобали скорее молодой королеве, — вплоть до мельчайших забот о родах королевы, когда той предстояло разрешиться первенцем. И здесь подход Маргариты удивляет своей изобретательностью и «современностью»: так, она настаивала на том, чтобы с одного из окон убрали портьеры и гобелены, дабы королеве «был виден свет, когда она того пожелает».

В 1495 году ко двору явился молодой священник, немедленно привлечший внимание Маргариты. Джон Фишер разделял ее благочестие, и они быстро сдружились: она стала его покровительницей, он — ее исповедником. Они объединили усилия, дабы возобновить религиозные изыскания в двух главнейших университетах страны. Обоих удручали церковные перебранки, равно как и ереси, возникавшие в ответ на эти перебранки. В некоторых захолустьях все еще водились лолларды. Маргарита вознамерилась дать им отпор, разработав для английского народа более доступное ортодоксальное учение, и с этой целью учредила при Кембриджском университете два богословских курса, где все желающие могли слушать чтение религиозных сочинений. Она понимала, что люди нуждаются в более широком толковании библейских заповедей. Эти первые связи с Кембриджем впоследствии разрослись и привели к основанию при нем двух новых колледжей.

Маргарита много читала, совершала благотворительные пожертвования и, кроме того, написала ряд благочестивых

* Юридические обороты той поры, указывающие, соответственно, на совместное и единоличное владение собственностью, предусмотренное для женщины.

сочинений. Любовь к учености, проявившаяся так ярко еще в детстве, никогда не покидала ее, хотя и отошла на второй план в годы ее великой миссии. Теперь же, когда трон благополучно достался сыну, она снова могла отдаться былой страсти. Она с превеликим удовольствием переводила с французского трактат под названием «Златое зеркало грешной души»*. Кроме того, она перевела, тоже пользуясь французской версией, четвертую книгу «Подражания Христу» (6).

Маргарита на два месяца пережила своего любимого сына, умершего в апреле 1509 года. Трудно вообразить ее скорбь: ведь она потеряла человека, который был средоточием всей ее жизни. Утешением могло служить сознание того, что именно она отвоевала для него трон. И, как они оба мечтали, его царствием удалось положить конец многолетней вражде домов Йорка и Ланкастера и окончательно примирить их. Ее внук Генрих вырос здоровым и крепким, и, по всем признакам, из него обещал получиться прекрасный правитель.

Почувствовав приближение смерти, она призвала к себе нового короля и велела ему во всем повиноваться Джону Фишеру, теперь уже епископу Рочестерскому. Надо надеяться, она отошла в мир иной с блаженной уверенностью, что так он и поступит. Это была вполне разумная надежда, однако, как показало время, она не совсем оправдалась. Через двадцать пять лет Генрих казнил епископа Фишера как предателя. А его королева — набожная и надменная испанская принцесса — оказалась брошена и отвергнута, причем ее место временно заняла более молодая и привлекательная женщина, возможно, недостаточно хорошая, чтобы сделаться женой короля, но слишком хорошая, чтобы стать его любовницей.

Маргарита Бофор и Элизабет Вудвиль, сколь бы разными они ни были, оказались удачливыми в одном — в том, что ценилось в женщине преемственно всего: обеим выпало произвести на свет сыновей. Ни Екатерине Арагонской, ни Анне Болейн, которые были не менее разными и не менее замечательными личностями, не посчастливилось.

* *The Mirroure of Golde for the Sinfull Soule.*

ЕКАТЕРИНА АРАГОНСКАЯ

Пригожая принцесса, вдова старшего брата Артура, была для Генриха привлекательной невестой. Ее категорический отказ признать свой второй брак недействительным стал катализатором английской Реформации.

Разведена

ДОЧЬ ИСПАНИИ

Если бы Екатерина Арагонская была не младшей, а старшей дочерью Фердинанда и Изабеллы, ее, вероятно, запомнили бы не как «разжалованную» супругу одержимого женьбой короля, но как могущественную властительницу Испании: она последовала бы по стопам своей негибасмой матери и изменила бы ход европейской истории XVI века. В отличие от своей сестры Хуаны, которую обманом вытурили с трона, Екатерина во многом унаследовала железную целеустремленность и ум Изабеллы.

Однако Екатерине не приходилось и мечтать о царствии. Будучи пятым ребенком и четвертой дочерью в семье, она едва ли могла надеяться на наследование престола. Ей готовилось предназначение «матримониального орудия»: ведь союз с Англией, окрепшей под твердым владычеством Генриха VII, мог обернуться выгодой для Испании, вечно враждовавшей с Францией. Поэтому Екатерину обручили с Артуром, старшим сыном Генриха VII, наследовавшим корону. Вполне возможно, что и сама Изабелла, чей род на законных основаниях велся от Джона Гонта, с высот своей кастильской гордости испытывала нечто вроде снисходительной симпатии к стране далекого предка. В прошлом Англии была отведена важная роль в событиях европейской истории: так, битва при Азенкуре показала материковым соседям, что Англия — это сила, с которой нужно считаться. Но войны Алой и Белой Роз ослабили ее могущество, подорвали авторитет и привели в упадок хозяйство. Генрих VII внушал трепет, но все же он зачинал новую

династию в разоренной стране. Женив своего сына на дочери Фердинанда и Изабеллы, он укрепил бы собственные права на трон и поднял бы пошатнувшуюся репутацию Англии.

Брачные переговоры двух королевских семейств заняли некоторое время. при этом Генрих был озабочен тем, чтобы взять за невестой как можно большее приданое. Сколь ни велика для него была честь породниться с испанскими монархами, он не собирался принять эту честь без должного вознаграждения. На протяжении всего царствования превыше всего он ставил экономическую выгоду государства.

Спор о приданом нашел вполне мирное разрешение. Генрих выторговал себе двести тысяч крон: половина из них полагалась ему в день свадьбы, а оставшуюся сумму обязались выплачивать по частям в течение следующего года. Помимо чистогана, оставались драгоценности и посуда, которые Екатерина должна привезти с собой в Англию. Если корыстные пререкания в тот момент и показались неуместными, никто не был ими сильно задет, и неловкость быстро забылась. Однако уже это явилось предвестием первой беды в жизни Екатерины Арагонской.

В 1499 году, на Троицын день, пока Екатерина оставалась у себя в Испании, в Англии Артур заочно сочетался с ней браком в своей резиденции в Вустере. Поскольку невеста и жених были еще слишком юны — ей исполнилось четырнадцать лет, а ему тринадцать. — она некоторое время оставалась в Испании, причем оба обменивались церемонными любовными посланиями. Артур сообщал «дражайшей супруге» о своей «пылкой любви» и просил «поторопиться с прибытием».

В мае 1501 года его желание исполнилось. Генрих со всей расточительностью начал приготовления к торжествам в честь приезда невестки, что повергло в ужас Изабеллу: она жалобно писала ему, что «было бы в более совершенном согласии с моими чувствами и с желаниями короля, моего господина, если расходы окажутся по возможности умеренными». Разумеется, в самом праздновании нет ничего дурного, добавляла она, но ведь любовь молодого Генриха и его королевы куда важнее, нежели какая-то мишурная помпа. Пожалуй, это был единственный раз в жизни прижизненного Генриха Тюдора, когда его укорили за роскошество.

Приготовление со стороны Изабеллы можно назвать если не расточительными, то основательными. Платья, украшения, столовые приборы, ткани, книги — все это заботливо отбиралось и укладывалось в обтянутые кожей сундуки, на которых гвоздями были выбиты инициалы Екатерины.

Еще тщательнее подбиралось сопровождение принцессы: ее дуэнья, донья Эльвира Мануэль, и муж дуэньи, дон Педро Манрике, которому предназначалась должность главного камергера и мажордома при хозяйстве Екатерины. Изабелла не забыла никого: ни наставника, ни пекаря, ни слуг, ни заведующего раздачей милостыни, не говоря уж о фрейлинах, которые в чужом краю будут окружать девушку заботой и напоминать о родной земле. Среди них оказалась и Мария де Салинас, впоследствии ставшая ближайшей наперсницей Екатерины и оставшаяся возле нее на всю жизнь.

Как только корабли с невестиным добром и свитой отплыли от берегов Испании, на них обрушился шторм. Одно из сопровождающих судов начало тонуть, и капитану пришлось спешно заходить в ближайшую бухту. В письме матери из Ларедо Екатерина сообщала о своей болезни и о том, как ее напугала буря. Тем не менее она с нетерпением ждала, когда же возобновится плавание. 2 октября она наконец достигла Плимута.

Здесь ее привечали так, как «усыновленный» ею народ будет чувствовать ее на протяжении еще тридцати пяти лет, — с превеликой радостью и с превеликой любовью. Корабль принцессы вставал на якорь под гул огромных колоколов, а ее уже ждал пышный почетный караул.

Пока она добиралась до Лондона, к мужу и новой семье, за нею повсюду вился шлейф торжественных празднеств. Ни сам Генрих, ни его подданные не вняли просьбам Изабеллы урезать расходы, ибо этой скромной девушке, прибывшей в Англию, предстояло обеспечить преемство новой династии, которую Генрих Тюдор так надеялся укоренить. Генрих уже позаботился о том, чтобы скрепить собственные зыбкие права на трон королевской кровью жены: Артур был внуком Эдуарда IV. Сыновья Артура станут внуками Фердинанда и Изабеллы, монархов могущественной Испании. А пока

девушка, которой предстояло стать матерью этих сыновей, медленно продвигалась от Плимута в глубь острова, местная знать рвалась выказать свое почтение. Повсюду пылали праздничные костры; и простонародье, и знать из кожи вон лезли, воздавая почести принцессе Арагонской. Девушке, покинувшей отчий дом, все это льстило и внушало уверенность в будущем.

Встречу со свекром назначили в его любимой резиденции — Ричмондском дворце, раскинувшемся неподалеку от Лондона. Но Генрих (поведа себя скорее как нетерпеливый жених, нежели приветливый свекор) созвал, к общему неудовольствию, весь свой совет и поскакал сквозь ноябрьскую зябель и морось во дворец епископа Батского в Догмерсфилде, что возле Лондона, где вкушала отдых Екатерина со свитой. Когда испанский посланник уведомил его, что не пристало королю лицезреть принцессу вот так, без должного предупреждения, Генрих пришел в ярость. «Здесь Англия, — холодно заявил он посланнику, — и если Екатерина намерена стать королевой Англии, то ей надобно привыкать к обычаям своей новой страны». Когда же была предпринята новая попытка спасти испанскую чопорность известием, что-де принцессе нездоровится и она изволит отдыхать в опочивальне, Генрих сурово отвечал: «Король Англии *должен* увидеться с принцессой, даже если она в постели». Ошеломленные фрейлины отправились доложить сию новость Екатерине, и ей пришлось спешно готовиться к принятию короля.

По-видимому, ее чувство этикета оказалось более гибким, нежели взгляды ее приближенных, а может быть, она уже научилась сглаживать неловкие положения. Она приветствовала Генриха с робостью, но не без тепла, а когда среди их беседы (каковая велась на латыни, поскольку она еще не успела приняться за английский язык) в дверях показался сам жених, она радостно заключила его в объятия. Принцесса велела созвать своих менестрелей, кликнула шута — и визит непрошенных гостей увенчалось импровизированное веселье. Наутро все отправились в Лондон.

Город просто преобразился. На всем пути были сооружены нарядно украшенные арки и подмостки. Купцы и торговцы буквально наводнили улицы Лондона, желая по-

приветствовать Екатерину. Каждая гильдия отдельно воздавала ей почести; карнавальным шествиям и пантомимам не было счету. Звонари били в колокола, а прямо на ступенях всех храмов выстроились церковные хоры, встречая принцессу хвалебными песнопениями. На улицы выставили огромные бочки с бесплатным элем. А с приближением ночи ярко загорелись костры: утомленной девушке напоминали, что она горячо любима своим новым народом.

Новая семья тоже полюбила ее. Спокойный нрав королевы Елизаветы ничуть не походил на жесткий и воинственный характер Изабеллы, но, скорее всего, на Екатерину этот контраст оказал умиротворяющее действие. Маргарита Бофор, хотя и казалась задушевнее — вся доброта и ласка, — явно обнаруживала недвусмысленные властные наклонности. Еще был младший брат Артура, непоседа Генри, уже в десять лет умевший завладеть всеобщим вниманием во время любого важного события. И были еще сестры — двенадцатилетняя Маргарита и маленькая Мэри.

В отличие от братьев, для Маргариты и Мэри эта «пересаженная» на чужую землю принцесса явилась зеркалом их будущих судеб. Ибо ни одна принцесса не могла надеяться на то, что ее оставят в родной стране — как бы она ее ни любила. Принцесса служила меновым товаром, и родители вели торг за ее брак с каким-нибудь монархом или сыном монарха, которого они находили наиболее выгодной партией, сулившей нового союзника стране. Маргарита уже была помолвлена с королем Шотландии, и вскоре ей предстояло, подобно Екатерине, навсегда покинуть отчий дом. Должно быть, она пристально наблюдала за тем, как та тоскует по родине и как привыкает к новой стране.

То, что примечала Маргарита, обнадеживало. Если чувства Екатерины к Артуру и были менее романтичными, нежели их предполагает та исправная любовная переписка, что велась между ними под заботливым надзором родителей, она нашла жениха весьма милым. Она никогда и не помышляла о том, чтобы самостоятельно выбрать себе суженого, а тот юноша, с которым ей предстояло провести всю жизнь, обладал нравом мягким и уравновешенным. Со временем они, несомненно, полюбят друг друга по-настоящему, совместно правя Англией. У них появятся дети, ради

которых такой брак и заключался, и они вдвоем оплачу т смерть нескольких детей. Ибо даже в пятнадцать лет Екатерине было известно, сколь хрупка младенческая жизнь и сколь немногие из женщин могут надеяться на то, что *все* их дети выживут. И Изабелле Кастильской, и Елизавете Йоркской — каждой выпало потерять пятерых детей или в младенчестве, или еще в утробе.

Но какие бы горести ни были суждены Екатерине и Артуру, они разделят их, и, коли будет на то воля Божья, радости их перевесят печали. Конечно же, те дети, что останутся живы, утешат их в утрате других. Екатерина выполнит свою миссию и продолжит династию Тюдоров, подарив Артуру нескольких крепких сыновей. Что до дочерей, то они последуют материнскому примеру и послужат заключению новых политических союзов, так что спустя некоторое время кровь Тюдоров будет течь в жилах королевских отпрысков на всем континенте.

Екатерина могла испытывать только чувство уверенности в утро 14 ноября, направляясь в сопровождении юного принца Генри из дворца в собор Святого Павла, где должно было состояться бракосочетание. Свадьба была устроена с той же пышностью и помпой, какими был отмечен ее въезд в Англию. Генрих VII хотел, чтобы народ навсегда запомнил воссоединение домов Тюдоров и Кастилии. На высоте шести футов от земли построили мостик, соединявший врата собора с помостом возле алтаря, и по этому мостику во всем великолепии шествовала свадебная процессия. Снаружи толпы лондонцев до хрипоты выкрикивали славословия; и если сейчас их воодушевление отчасти вызывалось просто отрадн ой возможностью отвлечься от повседневности, время еще покажет, что любовь к будущей королеве была вполне искренней.

Видную роль в свадебных торжествах сыграл Генри, младший брат жениха. Упосенный доверенной ему честью сопровождать невесту к алтарю, он поддразнивал участников потешного турнира, последовавшего за церемонией в соборе. А по окончании свадебного ужина юный Генри до упаду танцевал со своей чопорной сестрицей Маргаритой, причем настолько разгорячился, что скинул верхнее — «парадное» — платье и продолжал танцевать в тонкой

шелковой сорочке, доставив родителям «великое и несравненное удовольствие». Королю и королеве меньше пришлось по нраву то, что жених казался утомленным после всех событий этого дня и танцевал только один раз. В этом можно было усмотреть зловещий признак: ведь для того, чтобы подарить наследников трону, принцу необходимы жизненные силы.

Когда с празднествами наконец покончили, жениха и невесту отвезли в замок Бэйнарда, где им предстояло провести первую ночь вместе, однако отнюдь не наедине. Для начала их прилюдно уложили в постель: после того как прислужники Артура поудобней устроили его на королевском ложе, донья Эльвира и герцогиня Норфолкская ввели в опочивальню невесту. Затем священник произнес над ними молитву, прося Господа сделать их брак счастливым и плодовитым. Наконец полог кровати был задернут, и молодых оставили в относительном одиночестве.

Ничего удивительного — памятуя о назойливых торжествах и о прилюдном, до последней минуты, характере их близости, — что неопытная девочка и робкий мальчик так и не сумели достойным образом увенчать свой брак в ту ночь. Так, по крайней мере, утверждала годы спустя сама Екатерина, и у нас мало оснований не доверять ей. Оказалось, что пышные церемонии, продемонстрировавшие миру могущество новой династии, вовсе не обязательно благоприятствуют обстоятельствам, при которых у этой династии могут появиться наследники.

Пусть Екатерине с Артуром и не удалось скрепить свой брак должными узами, зато недели, следовавшие за свадьбой, показали, что они, по крайней мере, начинают питать друг к другу приязнь, которая сделает их окончательное сближение взаимно желанным. Посланцы испанского двора в письмах домой с восторгом отмечали теплоту в их отношениях, да и сам Артур писал теще, что любит Екатерину и будет ей «верным и любящим супругом во все дни своей жизни».

Генрих тоже написал Фердинанду и Изабелле, заверяя, что станет для их дочери «вторым отцом, не спустит с нею очей и не позволит ей нуждаться ни в чем из того, что он в силах для нее промыслить». В те первые недели, когда все

сулило отрадные надежды, он и был «вторым отцом». Новая жизнь Екатерины представлялась настоящей идиллией. Устраивались балы, маскарады, турниры как при дворе, так и в различных знатных домах: все стремились снискать расположение будущих короля и королевы. Выпадали и более спокойные часы, которые принцесса проводила с Артуром, его братьями и сестрами, играя на лютне и верджинале (1), а может быть, потчuya их слух рассказами о дворе Изабеллы и Фердинанда, о крестовых походах Изабеллы против мавров (2). Королевские дети наверняка помогали Екатерине осваивать английскую речь, ибо крайне важно, чтобы девушка могла сносно изъясняться на языке того народа, которым ей предстояло править.

Однако вскоре ее разлучили с новым семейством. Артур был принцем Уэльским (этот титул принадлежал исключительно лицу, наследовавшему корону), и супружеской чете надлежало показаться в тех краях, которые имели для их будущего столь весомое символическое значение. Поэтому 2 декабря — еще и двух месяцев не прошло со дня ее высадки на английском побережье — Екатерина вновь пустилась в путешествие, чтобы увидеть новую землю и новых людей.

Она была далеко не единственной, кому такой вояж представлялся сомнительным. Что здоровье Артура уже подорвано, явствует из письма, отосланного королем Фердинанду и Изабелле. Объясняя, что поездка — дань «старинному обычаю нашего королевства», он признавал, что «многие касательно сего придерживались противного мнения, ввиду нежного возраста нашего сына». Артур достиг пятнадцатилетия — возраста, по меркам той эпохи не считавшегося чересчур «нежным» ни для женитьбы, ни для дальних путешествий. Сам Генрих появился на свет, когда его матери было пятнадцать, а Екатерина пятнадцати лет преодолела гораздо более долгий и трудный путь из Испании в Англию. Подобная тревога была вызвана хрупким здоровьем принца и тактично замаскирована под заботу о юном возрасте.

«Противные мнения» тех, кто возражал против переезда, не замедлили подтвердиться. Погода во время отплытия выдалась промозглая и ветреная и едва ли прояснилась к тому дню, как путешественники достигли замка Ладлоу в

Уэльсе. Вскоре Екатерина, Артур и большая часть их спутников слегли с потным недугом. Эту странную болезнь окрестили еще и «английской хворью», так как из всех европейцев, которых она поражала, одним только англичанам не удалось выработать против нее иммунитет. Впервые она вспыхнула в начале царствования Генриха VII, и с тех пор появлялась еще несколько раз. Все остальные перемогли эту вспышку, но принц, хрупкий принц, надежда Англии, 2 апреля 1502 года скончался. Едва став невестой, Екатерина Арагонская овдовела. Она преисполнилась смятения и горя: ведь теперь ей приходилось полагаться лишь на доброту своего «второго отца» до тех пор, пока он не отошлет ее обратно к родителям, где она вновь станет пешкой в очередной политической игре.

Но невесты приносят приданое, и Генрих VII вовсе не собирался упускать из рук ни малейшей части того богатства, что было им выторговано с такой настойчивостью. Испанские правители, в свой черед, не хотели лишаться союзника, который окажется им полезен в непрерывных столкновениях с императором Священной Римской империи Максимилианом I и с французским королем Людовиком XII. Решение напрашивалось само собой. Екатерина прибыла в Англию, дабы стать женой престолонаследника, так пусть она ею и останется. Следующим по линии наследования шел юный Генри, к тому же покамест ни с кем не связанный узами будущего супружества. Здесь обнаружилось еще и дополнительное, хотя навряд ли существенное преимущество: дети уже хорошо знакомы и нравились друг другу. Но, безусловно, возникала небольшая загвоздка: каноническим правом запрещался брак между деверем и невесткой. Однако папского разрешения почти на любой запретный союз добиться было легко, особенно если не скупиться на жертвования в пользу церкви в знак благодарности за снисхождение. В самом деле, совсем недавно папа дал такое разрешение Фердинанду и Изабелле: их дочь Изабелла умерла, и ее муж женился на младшей сестре Марии. Можно было почти не сомневаться, что если Генрих и испанские монархи придут к удовлетворительному соглашению, то уж папа сумеет найти какое-нибудь основание для разрешения на брак.

Ни предполагаемую невесту, ни жениха во время этих переговоров никто даже не ставил в известность, и, вероятно, поначалу Екатерина просто решила, что останется в Англии до тех пор, пока не будет улажен вопрос о ее возвращении домой. Ей предоставили целое хозяйство в Дэрэмхаусе в Лондоне, куда за ней последовала испанская свита, английские же прислужники вновь растворились в лабиринтах тюдоровских дворцов. Ее дни протекали безмятежно — иногда она отправлялась куда-нибудь вместе с Генри, Маргаритой и маленькой Мэри, иногда молилась в отдельной часовенке при Дирэмхаусе, а не то ткала алтарные покровы со своими фрейлинами, как и она, терпеливо дожидавшимися возвращения в Испанию.

Пока «большим» миром, который и определял судьбу юной вдовы, заправляли ее родители и Генрих, «маленький» мир ее дворца беспрекословно подчинялся донье Эльвире. Дуэнья Екатерины затеяла долгую и запутанную борьбу за власть с Родриго де Пуэбла, испанским посланником. Обоим хотелось оказывать влияние на принцессу, и никто из них не хотел совещаться с ней о тех вопросах, о которых они сами яростно спорили. Над принцессой (без ее ведома) нависала настоящая паутина: козни доньи Эльвиры и де Пуэбла, с одной стороны, и политические хитросплетения Генриха и Фердинанда — с другой. Как только она понемногу начала понимать, насколько ничтожным считают ее мнение все те, кто берется вершить ее судьбу, она пришла в гнев и решила, что самостоятельно распорядится собственной жизнью. Так уже в первые дни смятения и вдовства проявилась ее обманчиво тихая, но несокрушимая воля.

Не успел двор оплакать Артура, как последовала еще одна утрата. В феврале 1503 года в возрасте тридцати семи лет умерла от родов королева Елизавета, добрая и бледная Белая Роза Йорка. (Дитя вскоре тоже скончалось.)

Генрих Тюдор, которому теперь исполнилось сорок шесть лет, задумался было о том, чтобы самому жениться на невестке. Девушка ему нравилась: дети, которые у них могут появиться, продолжат его династическую линию, а для молодого Генри всегда можно сыскать и другую невесту, создав тем самым новый, быть может, еще более выгодный альянс.

Однако испанские владыки и слушать не захотели о подобном предложении. В письме де Пуэбла Изабелла писала: «Это было бы злодеянием... одно упоминание которого оскорбляет наш слух». По-видимому, Генрих расстался с этой мыслью без особых колебаний. Вероятно, он был слишком удручен смертью Елизаветы, чтобы всей душой устремиться к новой женитьбе; а может быть, он всерьез и не замышлял этого брака и заговорил о его возможности лишь затем, чтобы застрашать Фердинанда и Изабеллу и обеспечить себе наиболее выгодные условия в отношении приданого для брака второго сына.

Когда Екатерине и юному Генри сообщили о предстоящей свадьбе, остается неясным. Если у кого-то из них и возникли оговорки, то история их не сохранила. 23 июня 1503 года был составлен брачный договор в ожидании папского разрешения, а также дальнейших поступлений в счет приданого из Испании.

Неделю спустя Екатерина лишилась одной из своих юных подруг. Принцесса Маргарита уезжала в Шотландию, чтобы выйти замуж за Иакова IV. Как всегда, чувства самой девочки не играли никакой роли в решении ее судьбы. То, что четырнадцатилетней девочке, только что потерявшей мать и брата, захочется еще немного побыть с семьей, погоревать с теми, кто остается здесь, никому не пришло в голову (кроме, может быть, нее самой). Во время путешествия с его неизбежными торжествами и церемониями Маргарита держалась поистине с достоинством королевы, которой ей и предстояло вскоре стать. Однако, прибыв в Шотландию, царственная дама превратилась в хнычущего ребенка, тоскующего по родине. Ее письма отцу, написанные секретарем под диктовку, исходят раздражением и жалобами. Ей не нравится мужнина борода; не нравятся его друзья. С ее слугами дурно обращаются. Постскриптум к одному из писем, начерпанный ее собственной рукой, объяснял все остальное: «Сир, Бога ради, не сердчайте на меня за то, что не сама я пишу Вашей Милости, ибо не имею досуга... Я бы хотела быть сейчас с Вашей Милостью, и еще сотни раз».

Если Екатерина и знала о злосчастье золовки, она могла ей лишь посочувствовать. Она и сама испытывала сходную

безнадежную тоску по родной земле, ожидая дня официальной помолвки с Генри. От постоянного напряжения ее то и дело одолевала болезнь.

Вскоре выяснилось, что, устраивая будущее Екатерины, ни ее родители, ни свекор не желают входить в большие расходы. Когда Мария де Салинас получила предложение руки и сердца от внука графа Дерби, Екатерина в письме родителям напомнила о том, что они обещали выделить приданое ее фрейлинам-испанкам. Не тут-то было, родители отказались выслать приданое. Екатерина была повергнута в шок. Мария, некогда фрейлина самой Изабеллы, всегда была верной и исполнительной помощницей. Екатерина колко заметила отцу, что, поскольку она уже потеряла право на то богатое приданое, которое за ней взял Артур, у нее самой нет денег, чтобы обеспечить приданое подруги. Поклонник Марии тем временем стушевался. Возможно, это было к лучшему: Екатерина нуждалась в ее присутствии. Между женщинами царило полное взаимопонимание; как сетовал испанский посланник, Екатерина привязана к Марии «более, нежели к кому иному из смертных».

Так Мария осталась в числе приближенных Екатерины и в ноябре 1504 года оказалась рядом, чтобы утешить ее в смерти Изабеллы, скончавшейся менее чем через два года после смерти Артура. И вновь личное горе от потери королевы заслонили политические соображения. Испанское престолонаследие породило множество споров, поскольку Изабелла, владычица Кастилии, всегда была гораздо могущественнее Фердинанда Арагонского. Сами кастильцы хотели, чтобы Кастилией правили принцесса Хуана и ее муж Филипп Бургундский, сын императора Священной Римской империи Максимилиана. Но Фердинанд отнюдь не собирался уступать свою власть, тем более ненавистному зятю.

Для Генриха VII смерть Изабеллы означала необходимость пересмотреть предварительное брачное соглашение его сына с дочерью короля, который вскоре может оказаться не у дел. Неожиданно его кольнула совесть — у Тюдоров была замечательная способность испытывать угрызения совести «задним числом» — за то, что он вынудил младшего сына согласиться на помолвку, смысл которой ему был еще не по летам. И юный Генри снова оказал отцу услугу:

27 июня 1505 года, за день до своего четырнадцатилетия, он предстал перед королевским советом и опротестовал свою помолвку с Екатериной, ссылаясь на малолетство как на причину бывшего согласия и прося объявить ее недействительной и лишенной силы.

Тот «остаток» приданого, что полагался в счет брака Екатерины с Артуром, так и не был выслан из Испании. Когда Генрих VII напомнил об этом Фердинанду, а тот ответил отказом, Генрих попросту урезал расходы на содержание принцессы. Это было не очень-то щедрое начало, а Екатерина уже задолжала своим слугам жалованье. Она была в долгу и у различных торговцев. Ни тот, ни другой монарх не соизволил ссудить ее деньгами; ни тот, ни другой не позаботился о ее возвращении в Испанию. Она непрестанно слала домой письма, которые доверяла Родриго де Пуэбла, и напоминала отцу, что сидит без гроша в кармане. Тот безмолвствовал. По-видимому, некоторые из этих писем не попали в руки Фердинанда, ибо их «придержал» де Пуэбла, просто доносивший Фердинанду, будто Екатерина и ее фрейлины постоянно жалуются. Безысходное отчаяние сочли за бабий скулеж, и принцесса существовала на птичьих правах до тех пор, пока это не перестало устраивать обоих монархов.

Суматоха, окружавшая Екатерину, доставила ей лишь одну мимолетную радость. Генрих VII, пытаясь решить, к какой же из испанских клик ему примкнуть, пригласил Хуану и Филиппа в Англию. Они колебались, но выбор за них сделала стихия. Отплывая в январе 1504 года от Нидерландов в Испанию, они попали в сильный шторм, и их корабль прибило бурей к берегам Дорсетшира. Генрих был рад прибытию нежданных гостей и велел торжественно препроводить их в Виндзор.

Для короля Англии и предполагаемого будущего короля Испании эта встреча таила политическую выгоду («на прилавок» был выдвинут целый ряд возможных брачных предложений), зато для Екатерины и Хуаны это было бурное семейное воссоединение. Бурное — и вместе с тем горькое. Вся Европа знала, как Хуана страдала от бесстыдного и безудержного волокитства Филиппа. Сестра Екатерины была глубоко несчастной женщиной, безнадежно влюбленной в

собственного мужа (известного как Филипп Красивый) и отвечавшей на его пренебрежение то мрачной замкнутостью, то взрывами истерики. Отец принцессы, Фердинанд, тоже напропалую изменял жене, но королева Изабелла умела ловко пресекать его связи, не без щедрости находя для любовниц мужа отличные партии, отсылая их со знатными вельможами подальше от двора. Опять-таки, если Фердинанд и не отвечал взаимностью на любовь жены, он всегда уважал в ней политическую соратницу. В XVI веке в королевских семействах не требовали супружеской верности — требовали только благоразумия.

Видимо, Хуана ожидала обрести в муже и то, и другое, а не встретила ни того, ни другого. Тем не менее даже жестокость ее мужа не смогла умерить ее страстную любовь. Во время той короткой встречи Екатерина увидела в своей сестре женщину, отданную на растерзание собственным чувствам. Наверное, именно тогда она дала себе клятву, что никогда, как бы горячо ни любила мужчину, она не даст своей любви захлестнуть разум или гордость. Должно быть, ее решимость только возросла через несколько месяцев, когда придворная молва донесла до нее новое известие о муках сестры. Во время путешествия в Кастилию Филипп умер от внезапной лихорадки, и Хуана, обезумев от горя, не разрешала хоронить его тело и повсюду возила за собой повозку с гробом. Так она проехала пол-Испании, направляясь к церкви в Тордесильясе. Там отец, сочтя (или решив счесть) ее сумасшедшей, силой заточил ее в ближайший замок, где она и провела остаток дней.

Скорбь о смерти матери и весть о беде, постигшей сестру, усугубили раздражение Екатерины своим двусмысленным положением при дворе. Покинутая юношей, с которым ее обручили, она осталась практически в одиночестве. Правда, у нее было несколько друзей. Разумеется, была рядом Мария де Салинас, и дружба двух женщин стала лишь прочней от перенесенных вместе невзгод. Мария не задавала лишних вопросов, не срывалась на жалобы — преданная напереница госпожи, которую обожала так, как могла бы обожать мужа. Был друг и среди англичан — могущественный вельможа, проникшийся сочувствием к бедственному положению Екатерины и часто навешавший

ее, принося в дар плоды и оленину из своих поместий. Эдвард Стэффорд, герцог Букингемский, оказывал ей наиболее значительную поддержку в те черные дни, когда она чувствовала себя такой заброшенной при дворе Генриха VII.

Однако случайные подношения Букингема, как бы ценны они ни были, едва ли могли прокормить многочисленную челядь. Екатерина была вынуждена пойти на отчаянный шаг: она заложила драгоценности и великолепную испанскую посуду — часть своего приданого. В конце концов, к чему пышная утварь, если нечего есть?

В доме тоже было беспокойно. Попытки доньи Эльвиры подчинить себе теперь уже восемнадцатилетнюю Екатерину становились час от часу назойливее. Старая дуэнья вечно решала что-то за спиной Екатерины, сговаривалась со своим братом доном Хуаном Мануэлем — кастильцем при дворе Филиппа Бургундского, поддерживавшего притязания герцога на трон. Чашу переполнил визит Филиппа с Хуаной. Тогда Екатерина, уставшая от двуличия доньи Эльвиры, с шумом выгнала ее. Отныне Екатерина Арагонская сама будет управлять если не собственной судьбой, то хотя бы собственными домочадцами.

Между тем в Испании Фердинанд изыскал мудрый способ восстановить достоинство дочери — с минимальными расходами до той поры, пока не решится вопрос о папском разрешении, а именно, назначил Екатерину посланницей при дворе Генриха VII и выслал ей пакет верительных грамот с двумя тысячами крон в придачу — деньги, в которых она так остро нуждалась.

Этого недостаточно, сообщила она вскоре отцу. По сути, эта сумма лишь позволяла ей расплатиться с некоторыми должниками и выволить из заклада столовое серебро. Поскольку рухнувшая надежда Марии де Салинас на брак все еще теплилась, Екатерина напомнила отцу о тех жертвах, на которые ради нее — и ради Испании — пошли ее верные слуги. «Если и вправду Ваше Высочество почитает услуги, оказанные мне, услугами, оказанными Вам, то я полагаю, ни перед кем еще Вы в таком долгу, как перед моими слугами», — язвила она в письме.

Как бы то ни было, звание посланницы хотя бы прояснило положение Екатерины при английском дворе. Генрих

был волен избегать вдову покойного сына и нареченную живого сына, но представительницы испанского двора он избегать не мог. Он неохотно согласился увидеться с ней. Однако эта аудиенция не обернулась для нее добром. Король отказался признать ее помолвку со своим сыном, отказался и снабдить ее деньгами на жизнь и на содержание хозяйства. Екатерина опять написала отцу, моля о помощи. Она говорила, что ее слуги готовы просить милостыню. Ей самой пришлось продать браслет, чтобы купить платье, «ибо я осталась почти нага». Действительно, с тех пор, как принцесса покинула Испанию, у нее появилось лишь два новых платья, а та одежда, что она привезла с собой, давно износилась. «Я умоляю Ваше Высочество... об исцелении, ибо, видит Бог, я не смогу владеть *такое* существование». Фердинанд отвечал набором благочестивых банальностей относительно того, что ей долженствует всегда вести себя с достоинством, и даже укорял за продажу серебра. На это Екатерина резко отвечала, что он прекрасно знает: ее «исцеление» от нищенства всецело зависит от него.

Как бы долго тянулось такое положение дел, оставайся здоровье короля крепким, — трудно даже представить. К счастью для Екатерины, 2 апреля 1509 года Генрих VII, выплакавший все глаза о жене и сыне, утомленный годами перестройки и объединения страны, скончался. У его сына, теперь почти восемнадцатилетнего, как выяснилось, имелась собственная голова на плечах. Он возвестил, будто перед смертью отец высказал желание, чтобы он все-таки женился на Екатерине, и он, сын, намеревается почтить это желание.

Действительно ли старый король отдал сыну такой странный наказ, или Генри попросту приписал собственное желание человеку, который не мог подняться из могилы, чтобы оспорить его, — этого не знает никто. Но любые пререкания были невозможны. Папа давным-давно дал разрешение на этот брак, народ обожал испанскую принцессу, а новый король был тверд в своем решении жениться на Екатерине. 11 июня, за две недели до коронации, Генри — теперь уже Генрих VIII — отвел восхищенную Екатерину в часовенку францисканцев-обсервантов (3), что возле Гринвич-Плейс, и там они втайне обвенчались.

Для Екатерины это был миг чистой радости. Ведь брак с Генри годами казался ей единственным выходом из беды. За последние годы она редко виделась с ним (уж его отец позаботился об этом), но она знала его ребенком, а мимо-летные встречи на придворных торжествах еще больше заставляли мечтать о нем как о далеком и таинственном принце, который избавит ее от прозябания в нищете. Так оно и произошло.

С того дня, как Екатерина Арагонская стала вдовой принца Уэльского, прошло семь лет. И теперь она наконец — королева Англии. Это была суровая борьба, но казалось, что все трудности — позади.

ГЕНРИХ VIII

Этот рисунок с выполненного на цветном стекле прижизненного портрета молодого государя подтверждает, что, пока его тело и эгоизм не раздулись до чудовищных размеров, Генрих считался самым привлекательным принцем в Европе.

СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ

от Генрих, за которого Екатерина Арагонская вышла замуж погожим июньским днем 1509 года, был миловиден, обаятелен и полон юной живости. Он захотел жениться на Екатерине и, не мешкая, женился. Екатерина и не догадывалась, к чему в один прекрасный день приведет его своенравная привычка преследовать лишь собственные цели.

Если сама их свадьба прошла тихо и скромно, то о короновании можно сказать обратное. Екатерина появилась из лондонского Тауэра в платье из белого атласа с золотым шитьем: белый цвет символизировал невинность. Густые каштановые волосы, сдерживаемые усыпанной камнями диадемой, струились по спине. Фрейлины тоже нарядились в белое. Ее носилки, обитые золотисто-белой тканью, вклеили две белых лошадки. Генрих, схавший впереди, был одет по контрасту в малиновый бархат и золотую парчу. На нем тоже щедрым блеском сияли драгоценности. Народ, высыпавший на улицу, приветствовал их с тем же воодушевлением, с каким впервые приветствовал испанскую принцессу.

Теперь Екатерине исполнилось двадцать четыре года, и, по общим отзывам, она была красавицей. Позднее Томас Мор писал: «Мало кто из женщин мог состязаться с королевой во цвете лет». В эти первые годы Екатерину и Генриха связывало нечто большее, нежели просто физическая привлекательность и влечение, хотя и это, конечно, являлось преимуществом для короля и королевы, надеявшихся произвести на свет не одного-единственного наслед-

ника престола, а многочисленное потомство, которое поможет им и впредь заключать политические союзы.

Не менее важной составляющей их единства было и религиозное рвенение. Они выслушивали по три мессы в день, проводили долгие часы в совместной молитве. Генрих мечтал возглавить крестовый поход: вероятно, на него произвели неизгладимое впечатление рассказы Екатерины об успешном походе Изабеллы против мавров у нее на родине. С самого начала супружеской жизни формы религиозного выражения обоих взаимно дополняли друг друга. Благочестие Екатерины, не искавшее столь бурного выхода, являло женственную скромность, выгодно оттенявшую деятельную силу мужа. Вера молодой королевы таилась глубоко внутри: ее любовь к Богу была личной страстью, а внешние атрибуты религии служили лишь символами этой любви. И хотя она охотно принимала участие в пышных церемониях и всегда испытывала благодарность за милости Божии, по настоящему она не нуждалась ни в том, ни в другом.

Вера Генриха была не меньшей, но носила более внешний характер. Считая себя богословом, он изучал труды отцов церкви. Когда в 1520 году Мартин Лютер опубликовал свое яростно антипапистское сочинение «Вавилонское пленение церкви», Генрих в ответ разразился «В защиту семи таинств», что и стяжало ему от благодарного папы Льва X звание «защитника веры». Генрих заучивал наизусть большие отрывки из Библии и из различных церковных сочинений. В книге Левита он не мог не наткнуться на запрещение брака с бывшей женой брата, но пока Екатерина оставалась молода и пригожа, он попросту игнорировал «невыгодный» библейский запрет. Он очень любил обряды — роскошные представления, где сам он играл главную роль, выставляя напоказ свою набожность. Однако в целом разница между духовной жизнью Екатерины и Генриха едва ли бросалась в глаза, хотя с годами она будет становиться все заметнее.

Чету объединяла и любовь к знанию. Помимо богословия, Генрих изучал философию, медицину, сетуя, что недостаток времени мешает ему познать что-нибудь еще. «Без ученых людей, — говорил он своему другу лорду Маунтджою, — мы бы едва ли смогли существовать». Возрождение,

начавшееся в Италии, уже мало-помалу прокладывало себе путь на север, и «новая ученость» оказывала влияние на умы многих англичан. Сам король вел переписку с Эразмом, искал дружбы Томаса Мора. Но опять-таки «старая» ученость привлекала Генриха — особенно вначале — ничуть не меньше «новой»; он придерживался общепринятого подхода к средневековой схоластике, и та вдруг странно засветилась от непривычной близости к королевской особе.

Екатерина разделяла увлечение мужа ученостью; она тоже «перемежала» новую ученость со старой схоластикой и была в восторге от дружбы короля с такими людьми, как Мор. Позднее она приютит в Англии своего соотечественника, гуманиста Хуана Луиса Вивеса (1), который будет отвечать за воспитание принцессы Марии и ее юных друзей (двое из них впоследствии станут ведущими фигурами в политико-религиозном движении, обернувшемся для набожной королевы настоящим кошмаром).

Поначалу казалось, что Екатерина разделяет и страсть Генриха к разного рода играм. Король и его молодая жена жили среди постоянного кружения балов, турниров, почти непрерывных пиршеств. В соответствии с представлениями эпохи, все эти развлечения подразумевали изрядную долю актерской игры. Однажды вечером в ее покоях внезапно появился отряд людей, одетых как Робин Гуд и ватага его всельчаков, и ряженые принялись требовать милостыню для бедняков. «Королева и ее дамы были несказанно изумлены, — писал некий очевидец, — и их странным обликом, и внезапностью их появления». Обнаружив, что разбойник из Шервудского леса — ее собственный муж, Екатерина не поскупилась ни на милостыню, ни на дальнейшие развлечения для своих фрейлин и спутников короля. Подобные «переодевания» случались довольно часто, принимая самые разные формы. Екатерина и ее приближенные неизменно выказывали должное замешательство или испуг в зависимости от того, на что был рассчитан тот или иной маскарад, и изображали удивление, когда под причудливыми личинами обнаруживался Генрих с придворными. И хотя ряд писателей полагает, будто Генрих принимал за чистую монету все эти изумленные восклицания, разумеется, даже он никогда не был *настолько* толстокож. Екатерине, которая

была шестью годами старше и обладала более трезвым нравом, подобные забавы неизбежно должны были наскучить гораздо раньше, чем Генриху, но в первые годы замужества она оставалась веселой соучастницей игр неумного мальчика-переростка.

Она не любила власти так, как Генрих, но ничуть не уступала ему в политической проницательности, особенно в первые годы, когда он перекладывал на чужие плечи управление скучными делами королевства, а сам в это время охотился, пировал и замышлял, пусть с сильным запозданием, «романтические» крестовые походы. Фердинанд по-прежнему сохранял за ней звание посланницы — должность, в которой ни Генрих, ни сама Екатерина не находили ничего схожего с тем, что век более поздний назовет столкновением интересов. Несмотря на постыдное равнодушие Фердинанда, проявленное им за последние годы, Екатерина до сих пор свято верила в правоту его политических суждений. Вначале, убежденная, что отец всегда прав, она выступала скорее как представительница Испании, нежели как королева Англии, поскольку целиком отождествляла благо своей новой родины с благом старой. Вскоре после брака она писала Фердинанду: «В жизни сей я не ведаю иного блага, кроме как быть Вашей дочерью... Что до короля, моего господина, среди причин, обязывающих меня любить его превыше себя самой, сильнейшая (хоть он и является мне супругом) — это то, что он истинный сын Вашего Высочества, с большей покорностью и любовью жаждущий служить Вам, чем любой из сынов — отцу своему». Екатерина чистосердечно принимала как должное, что Генриху всегда будет угодно следовать по стопам Фердинанда. А между тем неотвратимо приближалось то время, когда у этого обаятельного юноши появится собственная политика, которая столкнется с политикой его испанского «отца», и в тот же миг столкнутся между собой две роли Екатерины — жены и дипломатической посланницы.

Ее политическим соперником был Томас Уолси — священник из Ипсвича, управляющий раздачей милостыни при дворе Генриха. Уолси, сын мясника, был наделен тем не менее изрядным умом и непомерным тщеславием. И хотя он воспарил до епископского сана и даже мечтал о папстве,

в делах Уолси просматривается мало благочестия. Подобно многим другим клерикалам, он рассматривал религиозную жизнь единственно как ступень к власти. И ему она сослужила хорошую службу: в 1505 году он стал капелланом Генриха VIII и с тех пор «пустил корни» при дворе нового короля. Нудные подробности каждодневного правления отпугивали кипящего энергией юного монарха, но отнюдь не смущали карабкавшегося по лестнице власти священника. Он охотно переложил с плеч Генриха на свои это утомительное занятие — управлять страной. — одновременно поддакивая Генриху, мнившему себя блистательным государем. Пожалуй, это было не такое уж плохое разделение власти. Устав за долгие годы от бесцветного царствия Генриха VII, Англия жаждала того блеска, который вносил Генрих VIII своими турнирами, маскарадами и бесконечными охотничьими выездами. В то же время она нуждалась и в политическом умении Уолси. Звания Уолси поднимались по мере того, как возрастала его власть: в 1514 году он стал архиепископом Йоркским, а в 1515 — лордом-канцлером Англии.

В середине 1509 года Екатерина забеременела. На рождественские праздники Генрих перенес двор в Ричмонд и праздновал там Рождество Спасителя, радостно ожидая рождения сына. 31 января младенец появился на свет. Это оказалась мертворожденная девочка.

Генрих и Екатерина вместе оплакивали эту первую трагедию в их супружеской жизни. Конечно, они знали, что дети еще появятся. Самое главное, чтобы Екатерина поправила свое здоровье после этих телесных и сердечных мук. Горе Екатерины усугублялось и сознанием неудачи. То, что деторождение ясно осознавалось ею как политическая задача, явствует из волнующего письма отцу, где она говорит, что рождение мертвого младенца «считается в этой стране великой бедой». Предвидя гнев Фердинанда, она просит: «Умоляю Ваше Высочество не обрушиваться на меня с упреками! Не моя это вина, но воля Господня».

По счастью, кроме произведения на свет наследников, у нее имелись и другие обязанности, и теперь Генрих привлек ее внимание к ним, в частности, к устройению торжественного приема всех иностранных послов. Он тактично

учел обе ее ипостаси: она должна присутствовать и в качестве королевы, и в качестве испанской посланницы. В том же году, только чуть позже, Фердинанд выслал к ней помощника — дону Луиса Кароса. Екатерина выказала радушие, однако не дала ему почти никакой работы: она сама прекрасно справлялась с должностью.

Новогоднее празднество 1511 года совпало с рождением второго ребенка — на сей раз живого, к тому же сына, — и вся страна принялась с бурной радостью отмечать это событие. В каждом городе на улицах пылали костры. Генрих немедленно совершил благодарное паломничество к святыне Богоматери (2) у серых братьев (3), известной как «святыня королей», потому что многие из его царственных предшественников совершали к этому месту паломничества. Вновь последовали турниры, маскарады и пиршества, которые так по душе были Генриху. И вдруг, посреди всех этих празднеств, малютка принц заболел. 22 февраля — не прошло и двух месяцев после его рождения — он умер. По словам одного современника, Генрих «с виду не выказывал своего траура, зато королева, как то и свойственно женщине, исходила стенаниями».

Как только Екатерина осознала свою неудачливость на одном поприще, начались трудности и на другом. При всей своей восприимчивости она была слишком приучена к дочерней покорности, чтобы ставить под вопрос мудрость отца в политических делах. И Фердинанд, естественно, желал использовать доверие дочери в собственных целях. Он заручился помощью Генриха в войне против Франции: оговаривалось, что после победы над французским королем Генрих получит в качестве воинского трофея Гиень (4), некогда принадлежавшую Англии. Поход окончился поражением, и вскоре стало ясно, что Фердинанд просто сделал англичан пешками в своем соперничестве с Францией. Как с горечью заметил посланник Генриха в Испании, он (Фердинанд) из тех, кто «для себя достигает многого к вящему уязвлению других». Посланница Фердинанда побуждала мужа продолжить поход, и Генрих последовал ее совету. А потом, в апреле 1513 года, Фердинанд без лишнего шума подписал односторонний договор с Францией.

Генрих выместил гнев не на Екатерине, а на Каросе.

Отчасти его утешило обещание Фердинанда в следующем году, невзирая на новый договор, заполучить для Генриха Гиень. Однако на сей раз Генрих решил не ждать милостей от испанского монарха и задумал самолично вторгнуться во Францию. В этом ему оказала весомую поддержку Екатерина, которую с молодых ногтей учили, что хуже французов — только мавры и черти. Действительно, поскольку Людовик XII поссорился с папой Юлием II, а теперь и с его преемником Львом X, Екатерине и Генриху удавалось, с подачи Фердинанда, убедить себя, будто это вторжение явится настоящей священной войной. С немалой помпой Генрих отбыл со своим флотом в Кале, а Екатерину оставил править Англией, доверив ей большую власть, нежели когда-либо прежде оказывалась в руках правительницы в Англии.

Матримониальная политика «подарила» Екатерине и Генриху странного врага в этой войне. Король Иаков IV Шотландский, муж сестры Генриха Маргариты, был союзником Франции. Подобно тому, как Фердинанд играл на легковереи Генриха, Людовик играл на легковереи Иакова. А тому ловко помогала проникательная жена, Анна Бретонская. Анна — стареющая домоседка, которой досаждали лишь собственные болести, — написала Иакову, притворяясь этакой отчаявшейся девицей, прислала ему перчатку и кольцо и умоляла избавить ее от тройной подлости Фердинанда, Генриха и императора Максимилиана. (У нее хватило хитрости вложить в следующее письмо четырнадцать тысяч крон. Хотя кольца и перчатки создавали нужный антураж рыцарской драмы, ее актерам нужно было заплатить.)

Союзничество Иакова с Францией пришлось крайне не по душе его жене, не любившей французов и не доверявшей им. В замужестве Маргариты с самого начала не было ни капли «романтики», но с годами супруги стали добрыми друзьями. Обреченный шотландский король многим был обязан своей здравомыслящей жене, которая, помимо своей мудрости в политике, осчастливила его двумя сыновьями. Но Маргарита оставалась англичанкой до мозга костей. На словах она признавала независимость своей новой родины, на деле же так в нес и не верила, предпочитая рассматривать Шотландию как данницу Англии. И если Екатерина была

посланницей отца при дворе Генриха, то Маргарита чувствовала себя посланницей Генриха при дворе Иакова. После того как мольбы о помощи Анны Бретонской достигли Иакова, Маргарита закатила ответную сцену, рыдая и обвиняя мужа в неверности и в том, что он влюблен в Анну, хотя прежде годами вполне мирно терпела его настоящих многочисленных любовниц.

Несмотря на все ухищрения Маргариты расстроить союз Иакова с Францией, шотландский король настоял на своем. Как только Генрих напал на Францию, Иаков напал на Англию. При умелой помощи стареющего Томаса Говарда, Екатерина, оставшаяся здесь «за старшую», пошла на зятя войной.

Маргарита тоже стала теперь регентшей Шотландии. Но она неспособна была видеть в Екатерине врага. Она умоляла Иакова взять ее с собой в поход, если он от него не откажется, ибо верила, что уж две королевы смогут как-нибудь вместе покончить дело миром. «Если мы свидимся, — писала она, — то кто знает, что с нашей помощью пошлет нам Бог?»

Как ни печально, ни к Богу, ни к королевам никто не стал прислушиваться. Иаков устремился в самую гущу битвы. 9 сентября он погиб на Флодденском поле, а вместе с ним еще девять тысяч шотландских и полторы тысячи английских солдат. Честь этой наиболее впечатляющей победы в жалкой войне Англии с Францией принадлежала не Генриху, но его жене, регентше Екатерине Арагонской.

Ее регентство не было номинальным. Она вошла во вкус. Когда от Томаса Говарда пришло донесение о гибели Иакова, она с радостной гордостью сообщила новость Генриху. «Вы узрите великую победу, которую Господь ниспослал в Ваше отсутствие Вашим подданным». Несколько менее тактично она продолжала: «По моему размышлению, сражение это принесло плоды более значительные, чем ежели бы Вы завоевали самое французский венец». Она выслала Генриху кусок одежды убитого короля, добавив с какой-то болезненной мрачностью, что взамен охотней бы отправила ему труп Иакова. «только наши англичане не потерпели бы такого». Военную победу Екатерина сопроводила дипломатическим ходом (движимая, вероятно, не толь-

ко дипломатией, но и состраданием): она заверила Маргариту, что Генрих хотел бы назначить ее регентшей при новом короле — ее восемнадцатилетнем сыне Иакове. Маргарита в ответном письме благодарила Екатерину за оказанное сочувствие.

Екатерина, уже беременная во время войны, теперь разрешилась мертворожденным сыном. Должно быть, она с горечью вопрошала себя, уж не станет ли новый шотландский король в один прекрасный день заодно и королем английским? Ведь она-то — не то что Маргарита, — оказывается, неспособна произвести на свет живого наследника. К той поре они с Генрихом были женаты уже четыре года; еще не время отчаиваться, но уже время тревожиться. Когда же она родит сына, который так нужен королю?

Шотландская победа Екатерины весьма упрочила международную репутацию ее мужа. Посол венецианский, докладывая домой о Флодденском сражении, писал: «Если до сих пор о короле Генрихе почти не было слышно, то вскоре о нем затолкует весь мир». Триумфы самого Генриха во Франции куда менее впечатляли, ибо Людовик ввязался в сражения в Италии, и его отряды отбивались от англичан с прохладцей. Англичане захватили Турне и Теруань — небольшие и незначительные города на окраинах габсбургских владений в Нидерландах.

Пока англичане ликовали по поводу своих побед в Шотландии и во Франции, союзники Генриха — Фердинанд и Максимилиан — спокойно заключили сепаратный договор с Францией. Дочь Максимилиана, дальновидная эрцгерцогиня Маргарита Австрийская, правившая Нидерландами на правах регентши императора, в письме отцу осуждала этот ход: «Ваша Светлость, ежели Вы не дадите Генриху повода к противоположному, он будет помогать Вам и силами своими, и деньгами безо всякого обмана... Обещания не должно нарушать». Дочь Фердинанда, напротив, продолжала действовать как нерассуждающее орудие отца.

Генрих недолго пребывал в неведении. Его младшая сестра Мария была помолвлена с Карлом, приходившимся внуком и Максимилиану, и Фердинанду. Брак должен был

состояться в мае 1514 года. И вдруг начались необъяснимые отсрочки, показавшиеся зловеще знакомыми английской королеве, которая годами дожидалась подтверждения собственной помолвки с Генрихом. Генрих догадался, что здесь замешаны дипломатические причины, и вскоре без особого труда вызнал, что его ловко обвели вокруг пальца. Выяснив подробности тайного соглашения между Испанией, Священной Римской империей и Францией, Генрих пришел в неистовство.

В ярости король поделился весьма важным замечанием с венецианским посланником. Себастьяно Джустиниано: «Я не вижу веры в мире сем, кроме как в самом себе, — сказал он с горечью, — и посему Господь Всемогущий, кому ведомо это, благословит дела мои». У него были все основания для гнева, но совершенный им логический скачок — от вероломства союзников до собственной незапятнанности — оказался уж чересчур самонадеян, а последовавшее «союзничество» между ним и Богом обнаружило еще большую самонадеянность.

Первым шагом, предпринятым Генрихом против предавших его монархов, стало расторжение помолвки между Марией и Карлом. Мария выказала живое согласие. И хотя вначале Генрих воспринял это просто как выражение женской скромности и послушания, только потом, затеяв для нее новые брачные переговоры, понял, что дело обстоит совсем не так.

Ее предыдущим суженым был мальчик на четыре года моложе ее, а нынешним — мужчина «хилый и рябой», как описывал его один из врагов, к тому же старше ее на тридцать четыре года. Зато в глазах Генриха он обладал одним преимуществом, перевешивавшим все остальное: он был королем Франции. Генрих понял: для того, чтобы Англию не проглотили три континентальные державы, которые объединились столь зловещим для него образом, ему надлежит заключить собственное перемирие с Людовиком XII. Анна Бретонская умерла, так и не оставив дряхлеющему королю наследника. Новая жена, молодая, здоровая и сильная, еще могла восполнить этот недостаток.

Мария Тюдор была не только здоровой и сильной, она была одной из красивейших женщин в Европе. Даже делая

скидку на ту лесть, что издавна воздавалась женщинам из королевских семейств, описания ее красоты, исходящие из самых различных источников, действительно поражают воображение. Посланник Маргариты Австрийской писал: «Мария — одна из прекраснейших девушек, каких только можно желать лицеизреть; мне сдается, что я никогда еще не видел столь прекрасной». По словам венецианского посланника во Франции, она «райское создание». Эразм, видевший ее еще во время помолвки с Карлом, пел ей дифирамбы: «О трижды и четырежды блажен принц наш, у кого такая невеста! Природа не создала ничего более прекрасного; к тому же она преисполнена доброты и мудрости».

Когда в будущем Марии стали замышляться перемены, никто даже не позаботился узнать, что о них думает она сама. Да и к чему? Женщинам такие вопросы задавали редко. Но хотя девизом Марии было изречение «*La volonté de Dieu me suffit*» — «Воли Господа для меня достаточно», — ей еще предстояло доказать, что и собственная воля у нее имеется.

А думала Мария о своем будущем вот что. Она влюбилась в прямодушного и красивого Чарльза Брэндона, друга своего брата, и хотела выйти за него замуж. О такой партии для нее и речи быть не могло: ведь своей знатностью Брэндон обязан лишь тем услугам, которые его отец оказал Генриху VII на Босуортском поле, и тому расположению, что сохранил к нему самому молодой Генрих. В его жилах не текла королевская кровь, и сам он не претендовал ни на что большее, нежели оставаться хорошим воином и добрым другом королю.

Но сестра короля просто обожала его. И когда замысел выдать ее за Карла рухнул, у нее появилась надежда, что теперь ей будет позволено выйти за любимого человека. Она знала, что Брэндон привязан к ней, к тому же в данный момент и он стал свободен, аннулировав два брака и расторгнув один предварительный договор. (Мария была не единственной, кого пленил Чарльз Брэндон.)

И тут явилось ошеломляющее известие: все-таки Марии предстоит отбыть за границу и выйти замуж, причем не за юного Карла, а за старика Людовика. К первому жениху она еще могла (теоретически) питать нечто вроде симпатии,

поскольку он приходился племянником ее любимой невестке Екатерине. Если она и не испытывала к нему романтической страсти, ей в утешение оставалась бы, по крайней мере, мысль о том, что ее муж привлекателен, достоин восхищения и уважения. Но Людовик всегда представлялся ей каким-то чудовищем — злобным королем-людоедом из страшной заморской страны. И вот теперь она должна покинуть любимую Англию, расстаться с любимым Чарльзом Брэндоном и стать невестой этой мерзкой развалины.

И Мария совершила немислимое: она *отказалась* выйти замуж за французского короля. Она лила слезы, дулась и твердила свое до тех пор, пока не стало ясно, что брат, приведенный в полное изумление, все равно не уступит ее неслыханному требованию — позволить ей выбрать мужа по вкусу. Поняв, что дело безнадежно, Мария решила пойти на хитрость. Внезапно проявив покорность, так хорошо знакомую Генриху, она склонилась перед его волей, но с одним условием. Людовик дряхл и хил здоровьем, напомнила она Генриху, и, скорее всего, она переживет его. Пока Людовик жив, она будет ему послушной женой и послужит на благо Англии, если только Генрих пообещает, что после смерти Людовика Мария вольна сама выбрать себе нового мужа.

Должно быть, Генрих был разгневан такой просьбой сестры, но согласился. Обещание ничего ему не стоило: разве не узнал он давеча, что монархам вовсе не обязательно выполнять обещания? Вероятно, он полагал, что умело убедил Марию в том, что после смерти мужа она сможет добиться своего. Но и Мария Тюдор, еще будучи нареченной Карла, испытала на себе предательство Фердинанда и Максимилиана. Теперь она тоже училась лукавому мастерству.

Вначале ее обвенчали заочно, согласно тщательно отработанному и, на сегодняшний взгляд, прекомичному обряду «доверенности». После того как она обменялась обетами верности с герцогом де Лонгвилем, который и заменял отсутствующего французского короля, было разыграно символическое увенчание брака. Мария облачилась в подобающую случаю ночную сорочку, и Екатерина с фрейлинами подвели ее к огромному ложу, где она и стала поджидать «жениха». С неменьшей пышностью явился де Лонгвиль,

снял сапог, улегся подле нее на кровать и разутой стопой коснулся ее обнаженной ноги. Утолив таким образом страсть, они разошлись по своим покоям, снова оделись и затем опять присоединились к обществу, занятому обедом и танцами. Фальшивая брачная ночь оказалась вполне милой. но принцесса, должно быть, содрогалась, пытаясь вообразить себе настоящую.

Спустя месяц она отбыла в Париж. И вновь Екатерине пришлось заново мысленно пережить собственный отъезд из Испании. Испытывала ли она сожаления об унылых и полных разочарования годах, что за ним последовали? Или же все того стоило, раз теперь она жена красивого и любящего Генриха?

Прибыв в Париж, Мария повстречалась с мужем и поняла, что молва о нем оказалась правдива: король был краснолицым, обрюзгшим, жирным, горбатым и выглядел старше своих пятидесяти двух лет. Ей пришлось изрядно постараться, чтобы показаться любезной и даже веселой. Когда Людовик отослал в Англию большую часть ее свиты, оставив лишь незначительное окружение, в том числе сестер-фрейлин Мэри и Анну Болсйн, Мария написала домой полное ярости письмо, однако и словом не обмолвилась мужу. Она была мила с ним и с его приближенными и даже воспользовалась возможностью попросить герцога Албанского, отправлявшегося в Шотландию, чтобы стать регентом, предложить свое покровительство ее сестре, вдовствующей королеве Маргарите. (Хотя и француз, герцог приходился племянником отцу короля Иакова, Иакову III.)

Ожидалось, что новобрачные отпразднуют свой союз, и они его действительно праздновали — ежедневно и еженощно. После коронации Марии королевская чета совершила торжественный въезд в Париж, сопровождавшийся шестичасовым карнавалом с ряжеными богами и богинями, с карточными замками и прочим привычным снаряжением. Мария сияла, зато муж ее слишком утомился торжествами, чтобы присутствовать еще и на пиру. Тем не менее он целыми неделями проводил время, словно юноша, танцевал и охотился, поздно ложился и рано вставал. Венецианский посол цинично заметил, что ослепление красотой жены вскоре убьет этого больного старика.

Так оно и случилось. В первый день нового 1515 года, через три месяца после свадьбы, Людовик Французский скончался. Было бы преувеличением сказать, что женщина с таким добрым сердцем, как Мария, намеренно ускорила смерть мужа, но, уж конечно, она и пальцем не шевельнула, чтобы хоть как-то сдержать тот бурный всплеск деятельности, что и убил его. Она ничуть не горевала об утрате. Предчувствие его смерти и сделало терпимой саму мысль об этом браке, а теперь у нее появилось время подумать о дальнейшем.

По французским обычаям, ей предоставлялся срок для раздумий. На шесть недель вдовствующая королева удалась в Ключийский дворец, куда не допускался ни один мужчина, кроме нового короля Франциска I и ее духовника. Это объяснялось соображениями не только церемониального, но и практического характера: ведь если королева успела забеременеть, крайне важно было установить, что отец ребенка — покойный король.

Оказавшись в вынужденной изоляции, Мария обдумывала ход своих действий. Ей было известно, что Чарльз Брэндон, как любимец Генриха, окажется в числе придворных, которые по истечении шести недель явятся за ней из Англии. Ей было известно и то, что доверять обещанию брата нельзя. До нее уже доходили слухи о намерениях Генриха выдать ее за какого-то испанского принца.

Марии нужен был союзник, и она знала, где его найти. Франциск Валуа, новый король Франции, походил на ее брата — та же спесь, то же тщеславие, то же обаяние. Но в отличие от Генриха он слыл бабником. Среди прочих связей у него была интрижка и с одной из фрейлин Марии — Мэри Болейн. Такая репутация могла оказаться на руку Марии Тюдор. Она сочинила тревожное письмо Генриху, говоря, что Франциск строит ей куры.

Возможно, Мария просто рассказывала все как было, однако это представляется маловероятным. Франциск действительно был бабником, и, вполне вероятно, его привлекала прекрасная вдова. Но он отнюдь не был глуп и желал во что бы то ни стало оставаться королем. Едва ли ему захотелось бы завести незаконного сына, который, сойдя за сына Людовика, сделался бы потом королем Фран-

ции. Франциску ничто не мешало слегка заигрывать с очаровательной дамой, но не более того, и Мария понимала это.

Тем не менее страх быть обесчещенной развратным Франциском мог стать для Марии предлогом для поспешного брака — предлогом, который и у брата вызовет одобрение. А она как раз и замышляла поспешный брак. Вдовствующая королева и новый король часто беседовали в клюнийском уединении, и она поведала ему о Чарльзе Брэндоне. Она сообщила Франциску, что хочет выйти замуж за Чарльза, но нуждается в его помощи.

Когда Чарльз прибыл в Париж, ему просто не оставили выбора. Франциск пришел к нему и потребовал признаться в своих чувствах к Марии. Вначале Чарльз пытался уйти от ответа, но в конце концов сознался, что хочет на ней жениться. Выказав братское расположение, Франциск заявил, что если влюбленным не благоприятствуют звезды, то им поможет он сам, и пообещал написать Генриху и замолвить за них слово. Чем скорее они поженятся, тем лучше.

Франциск сыграл свою роль; теперь настал черед Марии. Поскольку шестинедельный срок уединения миновал, Брэндона допустили, а быть может, притащили на частную аудиенцию к королеве. Тепло его поприветствовав, она не замедлила раскрыть все карты. По ее словам, Генрих собирается нарушить данное слово и силой выдать ее замуж за испанского принца. Но она *не выйдет* ни за какого испанского принца. Она выйдет лишь за того, кто ей по нраву. И человек этот, — без обиняков сообщила она Брэндону, — он сам. Если это ему не угодно, право за ним. Тогда она уйдет в монастырь и впредь не позволит брату торговать ею, словно вещью, в политических целях.

Когда Чарльз попытался урезонить ее, она разразилась потоком слез. «Она рыдала, — растроганно писал он Генриху. — Я никогда прежде не видел, чтобы женщина так рыдала». Что ему оставалось — этому красивому, доблестному, но не слишком умному придворному, пойманному в силки хитроумной красавицы и коварного французского короля? С жалкой уверенностью, что собственный король никогда его не простит, он сдался.

Почему же Франциск помогал Марии в ее решительном и «неортодоксальном» ухаживании за возлюбленным Чарльзом? Как можно предположить, отчасти из-за того, что Франциска — короля Франции — смущало то обстоятельство, что вдовствующая французская королева вдруг станет испанской принцессой. Кроме того, могли найтись и менее важные политические мотивы. Франциск годами готовился принять французский престол и всегда с завистью прислушивался к донсениям об ослепительном короле Англии. Так не лучше ли всего ознаменовать начало своего царствия, подсобив сестре английского короля унизить ее брата? Генриха перехитрит простая девчонка, и над ним будет потешаться весь мир.

Не исключено, что существовала третья причина и третий заговорщик. Вполне возможно, Франциска направляла его мать, Луиза Савойская, наделенная политической дальновидностью и честолюбием. Она посвятила свою жизнь тому, чтобы выдвинуть сына на трон, и строила для него козни так же умело, как некогда Маргарита Бофор для Генриха Тюдора. Она не отвлекалась на такие мелочи, как ухищрения сладострастных дам или прельстительные ловушки королевской жизни. Вероятно, Луиза отдавала себе больший отчет, нежели Франциск, в том, каковы возможные последствия нежелательного брака молодой вдовствующей королевы. Она сознавала и то, что присутствие Марии во Франции после того, как она оставит Кюни, чревато опасностями. Даже после ее возвращения в Англию какие-нибудь соперники Валуа, не дай Бог, приударят за молодой красоткой, которая некогда была их королевой. Поэтому не будет никакого вреда в том, что романтическая юная дама выйдет замуж за своего не очень-то рыцарственного кавалера.

И вот все собрались в крошечной дворцовой часовенке. Там, под изысканным каменным кружевом ее сводов, вдовствующая королева Франции стала герцогиней Суффолк. Так в мгновение ока Мария начисто перевернула собственную жизнь и политику Генриха. Отныне она перестала быть частью «движимой» королевской собственности — теперь она сама распоряжалась собственной судьбой. Такому достижению могли только позавидовать многие женщины да

и немало мужчин. Всю свою жизнь она наблюдала волевых женщин, которые беспрекословно принимали жребии, подготовленные для них родителями или братьями. Блистательная сестра Франциска I Маргарита, герцогиня Алансонская, безропотно согласилась на брак, который был ей омерзителен. Сестра самой Марии, хотя и сердилась на свой вынужденный брак, никогда не протестовала. Ее невестка Екатерина, при всей силе своего характера, и не думала о том, чтобы самой выбирать мужа или дом. Даже сам Генрих смог себе позволить выбрать жену лишь после смерти отца.

Возвратившись в Англию, Мария и Чарльз нашли Генриха разгневанным, но вполне настроенным на прощение. Он признал их брак на том условии, что они «возместят» ему те расходы на приданое, что он потерял за кратковременное пребывание сестры королевы французской. Мария прожила с Чарльзом Брэндоном счастливую жизнь, так как, по-видимому, бурная драма в самом начале перешла в тихое русло. Могло даже показаться, что она сама не до конца осознала, сколь невероятный подвиг ей удалось воплотить в жизнь, — если бы не одно обстоятельство. Проявив должный такт, Мария и Чарльз нарекли своего первенца в честь ее брата. Зато когда появилась на свет дочь, они могли назвать ее в честь любой из достойных родственниц, благо выбор был велик: ее мать Елизавета, ее сестра Маргарита, ее невестка Екатерина. Но девочке дали имя заговорщика, отвоевавшего Марии ее избранника. Дочь назвали Францеской. Всю оставшуюся жизнь Мария была известна как «королева французская», а не как «герцогиня Суффолк» (это служило бы постоянным напоминанием о том, что она выбрала мужа «ниже себя»), тем самым как бы сохранив за собой королевское достоинство.

✪ Екатерина встретила верную подругу, радуясь золовкиному замужеству. Ее собственный брак оставался счастливым, по крайней мере, если верить наблюдателям-современникам. Она по-прежнему принимала участие в бесконечных карнавалах и розыгрышах Генриха, по-прежнему танцевала, по-прежнему изображала подобающее изумление при виде

того, как Робин Гуд или ряженный рыцарь неожиданно превращается в ее собственного любимого мужа.

22 января 1516 года скончался Фердинанд Испанский. Сначала Генрих хотел утаить от нее известие о смерти отца, так как она снова была беременна, и он боялся, что такой удар приведет еще к одному выкидышу. 18 февраля королева разрешилась от бремени крепким и здоровым младенцем, у которого был единственный недостаток: это оказалась девочка. На людях Генрих выказывал оптимизм. «Мы оба все еще молоды, — сказал он венецианскому послу. — Если на сей раз Бог послал нам дочь, то, Его милостью, у нас будут и сыновья».

Пока Генрих наблюдал за королевой, распростертой на ложе, измученной, ослабленной недавними родами, у него было время поразмыслить о своем разочаровании. Екатерина так и не подарила ему сына. Она послужила орудием некоторых из его военных неудач, так как ревностно поддерживала политику Фердинанда. Правда, она же послужила и орудием величайшего военного успеха Генриха — в битве на Флодденском поле, — но об этом куда легче было забыть, когда глас Божий начинал что-то нашептывать ему на ухо... И вскоре этот шепот перерастет в громовые раскаты.

Теперь отец Екатерины умер, и его место занял Карл I, неискушенный шестнадцатилетний юноша. Карл не горел желанием вызволить свою мать из замка в Тордесильясе, где она томилась в заточении вот уже десять лет, и не особенно стремился выказывать большое покровительство тетке, которую едва знал. Смерть Фердинанда вызвала смену декораций на международной политической сцене, что отныне сказывалось и на политической выгоде, которую могла принести его дочь.

Что являлось не менее важным для Генриха, переменилась и сама Екатерина. Она уже миновала рубеж тридцатилетия, и время не пощадило ее. Со дня ее замужества с Генрихом не истекло еще семи лет, но эти годы оказались тяжелыми и физически, и морально. После неоднократных выкидышей и неудачных родов талия ее утолщилась, а цвет лица желтизной стал напоминать пергамент. Генриха нельзя было назвать волокитой, каким был его тесть. В самом деле,

для короля он сохранял почти полную супружескую верность. Но в 1514 году у него завязался роман с одной из фрейлин Екатерины, Элизабет Блаунт, и тянулся до сих пор. Ходили слухи и о других его увлечениях: одним из «предметов» короля, возможно, была Джейн Попингкорт, подруга Марии еще со дней ее пребывания во Франции, недолгое время пробывшая во фрейлинах у Екатерины. Екатерина, как и большинство королевских жен той эпохи, притворялась, что ничего не замечает.

Однако эти связи, столь обычные для королевей, — еще не самое страшное: ходили куда более зловещие слухи о том, будто Генрих замышляет бросить Екатерину. В 1514 году, когда Генрих забавлялся с Бесси Блаунт, венецианский посол писал папе: «Поговаривают, будто английский король намеревается отвергнуть свою нынешнюю супругу... ибо не способен более иметь от нее детей». Сомнительно, чтобы таковые слухи были правдивы, так как к тому времени Екатерина вновь забеременела и, быть может, уже носила во чреве сына. Но, возможно, она действительно наскучила Генриху как женщина, к тому же он был раздосадован ее бесплодными попытками подарить ему наследника. Вероятно, подспудно он вынашивал мысль о том, чтобы удалить жену, если и на сей раз беременность не принесет желанного результата, и в горькие минуты давал этой мысли волю, но затем вновь забывал о ней. Теперь же наконец Екатерина подарила ему дочь — дочь, которая, как знать, в один прекрасный день взойдет на престол.

Они нарекли девочку Марией, вероятно, в честь французской королевы, хотя Екатерина, быть может, имела в виду свою любимую подругу Марию де Салинас. Мария росла крепким ребенком, и отец всячески выказывал свою любовь к ней. Но она не была мальчиком, и этого Генрих забыть не мог, особенно в 1519 году, когда Бесси Блаунт родила ему сына, которого король назвал Генри Фицроем*.

Весной 1516 года сестра Генриха Маргарита ненадолго вернулась в Англию. Подобно сестре Марии, Маргарита после смерти мужа-короля вышла замуж по любви. Но жизни сестер сложились по-разному. Отчасти это объясня-

* *Fitzroy* от *fitz* — «сын» (ирл.), *roy* — «король» (фр.).

лось тем, что Мария радостно окунулась в безмятежное существование ничем не нарушаемого домашнего уюта, а Маргарита сохранила честолюбивую тягу к политике. Отчасти же причина коренилась в том, что любили они мужчин, нимало между собой не схожих. Чарльз Брэндон оказался заботливым и любящим мужем. Зато муж Маргариты Арчибальд, граф Энгус, был вероломным себялюбом, быстро заслужившим от Маргариты горькое прозвище графа Энгвиша*.

Помимо семейных неурядиц, над Маргаритой сгустились политические тучи: могущественная шотландская знать не желала, чтобы их страной управляла женщина, тем более англичанка. Маргарита задумала навестить Англию. Ее младший сын умер, а его брат, юный король, находился под неусыпной опекой шотландских лордов и их французского главы, герцога Албанского. Недавно у нее родился ребенок от Энгуса — очаровательная малютка дочь, которую она назвала своим именем. Маргарита взяла младенца с собою в Лондон, и они с братом гордо показывали друг другу дочерей. Екатерина упивалась столь редкой возможностью хоть с кем-то поделиться своими материнскими заботами, быть может, несколько омраченной сознанием того, что у обеих золовок были еще и сыновья, а у нее — нет. Что ж, у нее все-таки есть дочь. Кто знает, возможно, когда-нибудь крошка Мария выйдет замуж за сына Маргариты, и они объединят короны Англии и Шотландии: такую мысль высказал Генрих, а Маргарите и Екатерине она пришлась по вкусу.

Целый год Екатерина, Маргарита и Мария наслаждались обществом друг друга. Сколь бы разными путями ни шла теперь их жизнь, у них было много общего: все три были некогда принцессами, которых услали из дома невестами к неведомым принцам. Их объединяло и еще нечто, что нанесло каждой — в большей или меньшей степени — жизненный удар: это была неоправданная вера в человека, которого любили все три женщины, — в короля Генриха.

* Игра созвучий: *Earl of Angus* и *Earl of Anguish* (*anguish* по-английски значит «боль», «мука», «страдание»).

Их объединило и чувство сострадания, вызванного чудовишным событием. 1 мая 1517 года — впоследствии его окрестят «черным майским днем» — на улицах Лондона вспыхнул уродливый бунт. Поводом к насилию послужила растущая ненависть английских работников и подмастерьев к умелым и преуспевающим фламандским, испанским, французским и итальянским ремесленникам, жившим в городе и занимавшим «хлебные» места, на которые зарились безработные лондонцы. То, что этим иноземцам покровительствовал сам король и его королева-испанка, помогало мало, и время от времени происходили вспышки враждебности. Уолси приказал ввести по всему городу комендантский час, но это лишь подстегнуло злость подмастерьев и их сообщников. И в праздничный День Мая (5) разъяренная толпа ворвалась в Уайтхолл — квартал, где обитало большинство чужеземных мастеров, — и принялась грабить, громить и поджигать дома и лавки испанских купцов.

Томас Мор, занимавший должность младшего шерифа города, пытался усмирить бунт, и, быть может, ему бы это и удалось, если бы не появление высокомерного герцога Норфолка. Народ чтил Мора, его сочувствие к людям было всем известно, но Норфолка они ненавидели. Норфолк отвечал им тем же, и его ненависть оказалась куда более смертоносной, чем их. Его вооруженные отряды хватали всех мятежников, до кого только доходили руки, и казнили их незамедлительно — на виселицах, наспех сооруженных прямо на крышах купеческих лавок. Десятки злоумышленников были повешены, утоплены и четвертованы. Еще сотни были брошены в темницы, где ожидали такой же участи.

И они бы, несомненно, разделили эту участь, если бы не неожиданное проявление женской сплоченности. Матери, жены и возлюбленные узников выстроились в скорбную цепочку и направились ко дворцу. Там, под его стенами, они принялись рыдать и стенать. Надеялись ли они пробиться к королю, надежно укrywшемуся за крепкими дворцовыми стенами? Возможно. Народ обожал Генриха, видя в нем отца родного. А может быть, повинувшись природному чутью, они возносили свой плач к королеве — матери и жене, как и они.

Екатерина услышала их плач. Услышали его и Мария, и Маргарита. Как передает этот эпизод историк девятнадцатого века Агнесса Стрикленд, все три женщины устремились в покои Генриха и бросились к его ногам, умоляя пощадить жизни юношей, приговоренных Норфолком к смертной казни.

Разумеется, король мог тотчас внять их мольбам, но тогда он потерял бы возможность устроить интересное зрелище. Генрих и Уолси выдержали десятидневную паузу. Затем, 11 мая, узников и их сторонников угостили приготовленным спектаклем. На высоком помосте под роскошным балдахином восседал Генрих в окружении трех королев. Велено было привести узников — «жалких юнцов и старых мошенников в рубахах, связанных между собой и выстроенных «гуськом»; у каждого вокруг шеи болталась удавка, и было их числом четыреста мужчин и одиннадцать женщин».

Уолси вновь принялся театрально поносить осужденных, распекая Норфолка и городских старейшин за то, что не повесили всех сразу. Генрих сверкал суровыми глазами, разыгрывая беспристрастного праведного судию, а тем временем женщины, прижатые к задним стенам зала, вопияли: «Пощади, милосердный государь, пощади!» Для Генриха и Уолси это был просто садистский фарс, призванный показать, сколь велика милость короля даже к его недостойным подданным, но для бунтовщиков и их семей речь шла о жизни или смерти.

И снова три королевы бросились перед Генрихом на колени, только теперь то произвольное движение, что вырвалось у них в День Мая, тоже превратилось в часть драмы, разыгрываемой «славным дядюшкой Холом». Уолси, наблюдавший за этой картиной с увлечением прирожденного режиссера, дождался нужного мига и внезапно присоединился к дамам, словно бы его подвигло на то женское милосердие, тоже преклонил колена перед Генрихом и добавил к их мольбам свою. Тогда Генрих и произнес тщательно отрепетированные слова прощения. Плачущие узники сорвали с себя удавки и воссоединились с семьями, прославляя снисхождение и милость короля.

Как и несчастные жертвы подмастерьев, Екатерина была испанкой, и можно было бы ожидать, что она использует свое влияние, дабы отомстить за соотечественников. Но она приняла сторону своего «присмного» народа. В дни, следовавшие за дарованием прощения, на улицах Лондона распевали балладу, из слов которой ясно, что народ верно истолковал ее поступок:

Пусть мрачною рекой струится
Испанцев кровь по мостовой, —
Да не устану я молиться
О благе Англии родной.

В честь нашей доброй королевы
Слышна немолчная хвала,
Ей вторят радости напевы:
Ее да славятся дела! (6)

Вскоре после этих событий Маргарита вновь уехала в Шотландию. И хорошо, что уехала: в Англии вспыхнула эпидемия таинственной хвори, известной как потная болезнь. Она оказалась необычайно свирепой, кося не только старых и немощных, но и молодых и здоровых. Недуг напал внезапно. За бешеной лихорадкой и обильным потоотделением следовали тошнота и удушье. «Некоторых она убивала за три часа, — писал хронист Тюдоров Эдвард Холл, — некоторых — за два часа. Иные еще за обедом веселились, а за ужином помирали». Томас Мор писал своему другу Эразму: «Множество людей умирает вокруг нас; почти все в Оксфорде, Кембридже и Лондоне недавно перенесли болезнь, а многие из лучших наших и достойнейших друзей погибли». Генрих и Екатерина пересезжали от одного двора к другому, в отчаянии пытаясь избежать Лондона и обогнать эпидемию. Уолси, оставшийся в Лондоне, чтобы выполнять работу за короля, подхватил эту заразу, но, к облегчению Генриха, выжил.

10 ноября 1518 года Екатерина в последний раз разрешилась от бремени. Новорожденная девочка скончалась через несколько часов. Так как личные и общественные бедствия продолжали преследовать ее, королева все больше

и больше обращалась к религии, которая и раньше всегда служила ей утешением. Необходимость примириться с мыслью о том, что ей никогда не суждено родить сына, безусловно, стала главной причиной ее усиленных постов и соблюдения других религиозных обрядов. Вероятно, именно в те дни королева начала носить власяницу, невольно подражая другой набожной и решительной женщине — бабке своего мужа Маргарите Бофор.

Между тем за границей продолжались политические перетасовки — перетасовки, которые затронут и будущее королевы. Хрупкое равновесие власти между Францией и Испанией качнулось в сторону Франции после того, как в январе 1519 года умер император Священной Римской империи Максимилиан, а в июне того же года на его место был избран Карл Испанский (7) (в том же месяце у Бесси Блаунт родился незаконный сын Генриха). Священная Римская империя никогда не обладала тем величием; в восемнадцатом веке Вольтер ядовито заметил, что она вовсе не священная, вовсе не римская, и вовсе не империя. Тем не менее империя держала многие германские государства, а также большую часть Нидерландов и некоторые земли нынешних Франции и Италии под управлением единого государя. Таким образом, союз империи с Испанией наделял Карла пугающей мощью, и Генриху было не вполне ясно, какого курса следует отныне придерживаться. Объединиться ли ему с Карлом против Франции? Или же, напротив, сплотиться с Франциском I, чтобы оградить себя от любых вторжений со стороны империи Карла?

На более личностном уровне — а политика Генриха всегда была личностной — Карл стал третьим из соперников, которые на протяжении ближайших двадцати лет будут состязаться друг с другом за власть и почет в Европе. Сейчас Генриху двадцать восемь, Франциску I двадцать пять, а новому императору — всего девятнадцать. И Генрих, и Франциск много внимания уделяли пышному антуражу и любили покрасоваться, зато Карл был начисто лишен обаяния. По-видимому, его бесцветной личности удалось на некоторое время одурачить Генриха. Новый император, столь чудной с виду, с выступающей челюстью, порой превращавшей его речь в сплошную кашу, на деле оказался

наиболее дальновидным государем из этой тройки. Его трон отнюдь не был привеском к его «я», и он не взваливал трудности королевского ремесла на каких-нибудь кардинала Уолси или Луизу Савойскую.

Некогда Карл просил руки Марии, сестры Генриха. Теперь он добивался руки другой Марии — дочери Генриха, которая в 1518 году уже была обручена с юным французским дофином (8).

В 1520 году Генрих повстречался отдельно с каждым из соперников. В мае Карл нанес кратковременный визит в Англию, главным образом для того, чтобы отговорить Генриха от намечавшейся официальной встречи с Франциском в Кале (9) — на принадлежащей Англии земле на французском побережье. Прибыв почти без торжеств, он обошелся с Генрихом с должным почтением. Генрих приветствовал племянника довольно сердечно, ответив отказом на его просьбу, но согласившись встретиться с ним позднее во Фландрии.

Встреча с Франциском состоялась в некоем месте, названном впоследствии Парчовым полем. Это было пышное, но, по сути дела, пустое королевское представление. 7 июня монархи встретились в Ардрской (10) долине (как брезгливо замечает Элисон Уиэр, сегодня там брюквенное поле), пышно разодетые, приготовившиеся к трехнедельным карнавалам, торжественным выходам, ответным выходам и многолюдным празднествам и гуляньям.

Для всего этого был выстроен целый «городок в табакерке». За три месяца до намеченного события в Ардр стеклось более двух тысяч умельцев — мастеров-каменщиков, портных, кузнецов, столяров и плотников. — дабы соорудить огромных размеров искуснейший замок — деревянный и раскрашенный, с застекленными окнами, с парусиновой кровлей, а к нему и частную часовенку с хорами, с гобеленами по стенам и с ковровой дорожкой, ведущей к приготовленным для монархов тронам, вышитой полосами жемчуга. Генрих в сопровождении четырехтысячной свиты вместе с Екатериной и ее тысячью двумястами прислужниками собирался преподать Франциску урок «царственности».

Да и Франциск от него недалеко отстал. Его часть поля пестрела шатрами, покрытыми золотой и серебряной пар-

чий и пурпурным бархатом, а его собственный шатер, достигавший 36 м в высоту, сверкал внешней отделкой из сказочного золотого шитья.

Официальная встреча французов с англичанами произошла на границе английской «деревни». Раздался пушечный залп, затрубили рожки, и Генрих с Франциском поскакали навстречу друг другу, увешанные драгоценностями, величавые в своих золотых и серебряных парчовых одеяниях. Они спешили и обнялись, поклявшись во взаимной великой любви и вечной верности, а тем временем их приветствовала французская и английская знать, а также те из простолюдинов, кто на расстоянии предписанных Франциском шести миль взобрались на окрестные холмы, откуда были видны пикардийские долины. Но обмануть удалось не всех. «Они всей душой ненавидят друг друга», — писал венецианский посол.

Встреча длилась две недели: всю кипели пиршества, турниры, маскарады, — все что угодно, но не политические переговоры. Не обошлось и без нескольких неловкостей, когда из-за бахвальства королей за их обильными выражениями братской любви вдруг проглядывала враждебность: так, состязание в борьбе, предложенное Генрихом и с жадностью принятое Франциском, закончилось тем, что «Генрих Английский... шлепнулся оземь своим королевским огузком», как написал один биограф. Поднявшись с травы, Генрих потребовал повторного состязания. Напряжение разогнали обе королевы, со смехом подхватив мужей под руки и оттащив их друг от друга.

В сгустившуюся атмосферу этого напыщенного спектакля вносили живую ноту, пожалуй, лишь Екатерина и Клод, королева Франциска. Втянутые не меньше мужей в эту мишурную королевскую игру, они тем не менее сумели облагородить показное роскошество простой человеческой теплотой. К тому времени обе питали неизъяснимое отвращение ко всяческим маскарадам и турнирам; к тому же королева Клод была на восьмом месяце. За эти недолгие недели знакомства они прониклись друг к другу искренней симпатией. На фоне всеобщей фальши один случай поразил своей естественностью. Наутро после прибытия королев, во время торжественной мессы, которую вершил сиятельный

кардинал Уолси, им было поднесено распятие для благоговейного целования. Но кому же целовать крест первой? Каждая несколько раз уступила черед другой. И вдруг, осознав всю неестественность ритуала, королевы просто отвернулись от распятия и расцеловали друг друга (11).

В числе других женщин присутствовали мать и сестра Франциска — вдовствующая королева Луиза Савойская и Маргарита, герцогиня Алансонская. Женщинам королевских семей прислуживали их приближенные дамы. Нет почти никакого сомнения, что с королевой Клод прибыла одна из ее фрейлин, англичанка Анна Болейн, которая могла служить удобным мостиком между двумя культурами. Анна была изящна и рассудительна, к тому же обладала утонченными французскими манерами, что так ценил Генрих. Но даже если она была там, никто не обратил на нее особого внимания. Во всяком случае, Екатерина. Должно быть, Екатерина испытывала легкие уколы зависти по отношению к своей новой подруге Клод: ведь та подарила мужу двоих пышущих здоровьем сыновей, — однако вовсе не опасалась угрозы со стороны *другой женщины*. Уж никак не могла она ожидать беды от какой-то неприметной темноволосой англичанки, так обаятельно и ненавязчиво прислуживавшей королеве Клод в этом призрачном игрушечном городке, выросшем по воле Генриха.

АННА БОЛЕЙН

Годами Анна оборонялась от настойчивых домогательств короля Генриха. Поняв, что ей все равно не уйти от судьбы, она стала его женой. Однако развязка этого захватывающего спектакля оказалась трагической.

Обезглавлена

ВЕЛИКАЯ БЛУДНИЦА

Из всех жен Генриха VIII наибольшим интересом пользуется, пожалуй, Анна Болейн, поэтому и личность ее подверглась всяческим кривотолкам. Кем ее только не клеймили — шлюхой, разрушительницей семейного очага, бездушной интриганкой, мужичкой, использовавшей религию для собственного продвижения, но не имевшей собственных подлинных убеждений. Как ее только не описывали — шестипалой уродиной, чудовишно обезображенной огромным зубом (1), который она будто бы прятала под высокими воротниками.

На подобный образ легче клюнуть, к тому же его просто требует жанр мелодрамы. Но чего ему не хватает, так это точности. Во-первых, ее любовный пыл, даже по меркам той эпохи, вовсе уж не был непомерным: свидетельств о ее связях с мужчинами, кроме, разумеется, мужа, не существует, хотя она, следуя еще средневековой придворной моде, была изрядной кокеткой. Она действительно ускорила замысел Генриха — объявить его брак недействительным, но отнюдь не была его *причиной*: Генрих уже давно задумывался над тем, почему у него нет законного сына. Во-вторых, она *не была* «мужичкой». Ее дед, граф Саррей, занимал одно из самых высоких мест среди английской знати (2). Что же касается ее вероисповедания, она разделяла веру свангелистов, чьи взгляды смыкались с протестантизмом. Она смело покровительствовала реформаторам, чья вера граничила с опасной ересью, и такое покровительство могло объясняться лишь *убеждениями*, поскольку грозило ей отдалением от короля, придерживавшегося более консервативных пред-

ставлений. И наконец, она не могла бы скрыть зоба на шее, ежели бы таковой у нее имелся, поскольку в те дни придворные дамы носили платья с *низким* воротом.

Лишний палец, зоб, прочие уродства — все это появляется лишь в сочинениях, написанных десятки лет спустя после ее смерти. Правда, и среди современников нашлось немало соглядатаев, которые писали о ней нелюбезные вещи, не тая своего презрения. Одним из таких недоброжелателей был испанский посол Эсташ Шапюи, злорадно вынюхивавший любые грязные сплетни об Анне и дотошно включавший их, наряду с собственными враждебными наблюдениями, в свои объемистые донесения императору. Однако и этот приткий политикан, которому ничего не стоило подкупить фрейлин, чтобы вытянуть из них дополнительные сведения, нигде не упоминает ни о каких зобах, родимых пятнах или лишних пальцах. Другой современник в докладе императорскому двору в Брюсселе действительно упоминал о каком-то утолщении у нее на шее, но добавлял, что его скрывал высокий плоский воротник, так что не совсем ясно, как же он его углядел (или, если на то пошло, почему другие очевидцы его не заметили).

Джордж Уайет, писавший уже через полвека после смерти Анны, беседовал с несколькими людьми, знавшими ее при жизни. В их числе была Энн Гейнсфорд, некогда служившая во фрейлинах у Анны. Уж она-то, как никто, должна была иметь детальное представление о телосложении бывшей госпожи. По словам Уайета, у Анны «из-под ногтя на одном из пальцев чуть приметно выглядывал еще один ноготь», да было еще несколько маленьких родинок, «какие бывают и на самой чистой коже». Представляется странным, что Шапюи не было ничего известно об этом лишнем ноготке или родинках: если они и существовали, то, наверное, были совсем крошечными*.

Так к чему поднимать шум вокруг внешности и поведения Анны? И в чем ее бесконечное очарование? Она заморозила Генриха пятьсот лет тому назад; она и сегодня

* Убедительные доводы в пользу того, что никаких уродств у Анны быть не могло, можно найти в книге: Retha M. Warnicke, *The Rise and Fall of Anne Boleyn: Family Politics at the Court of Henry VIII* (Cambridge, Cambridge University Press, 1989), pp. 58—59.

завораживает нас. Неважно, были у нее родинки или нет, были у нее любовники или нет, — Анна Болейн была женщиной безусловно привлекательной. Ее редко называли писаной красавицей, но даже самые заклятые недруги признавали ее непобедимой чаровницей. Смуглость и черные волосы придавали ей «экзотический» облик в окружении, привыкшем усматривать красоту в молочно-белой бледности. Особенно поражали глаза — «черные и прекрасные», как писал один современник, а другой признавался, что они «почти всегда притягивают», и добавлял: «Она большая мастерица ими завлечь». Ее женский шарм просвечивает на страницах не только слащавых любовных посланий Генриха, но и досужих памфлетов Шапюи. Им насыщены все рассказы о семилетнем помешательстве короля на этой женщине, упорно отказывавшейся стать его любовницей, но сохранявшей безграничную власть над его вожделием.

Возможно, здесь и кроется причина того, что даже сегодня мы очарованы ею. Если вначале она как могла сопротивлялась домогательствам короля, то затем, поняв, что от его похоти все равно не уйти, обратила ее в орудие собственной власти: так, побежденная, она сама вышла из игры победительницей. Даже после поражения она не стала до конца принадлежать Генриху. Подобно соколу, избранному ею себе для эмблемы, она оставалась диким созданием: ему можно приказывать, можно подрезать крылья, но по-настоящему укротить нельзя. Анна была чувственной женщиной, и ее горячий нрав принадлежал только ей. Генрих тщетно пытался умерить этот нрав, а не сумев подчинить его собственным целям, просто убил ее.

✪ Никогда в юности Анна Болейн и не думала, что станет королевой. Родилась она между 1501 и 1507 годами (ученые и по сей день яростно спорят о точной дате, но нам она достоверно не известна) в семье одного из наиболее видных придворных Генриха VIII. Предполагалось, что она выгодно выйдет замуж за кого-нибудь из высшей знати или в Англии, или на материке. Возможно, именно с такими мыслями в 1513 году отец девочки, сэр Томас Болейн, отослал ее ко двору Маргариты Австрийской в Нидерланды, где ранее сам был посланником Генриха.

Для будущей знатной англичанки это была превосходная подготовка. И хотя культурный подъем в этих землях, принадлежавших герцогам Бургундским (3), уже шел на спад, Маргарита возглавляла ведущий европейский двор, куда сливки общества других стран отправляли своих детей. Эригерцогиня собрала вокруг себя весь цвет художественного, ученого и вельможного мира. За девять лет, что истекли со времени смерти Изабеллы Испанской, Маргарита сделалась самой могущественной женщиной в Европе. Она добилась для своего правления в Нидерландах такого признания со стороны прочих европейских дворов, какому правитель-мужчины могли только позавидовать. Трех лет от роду она была помолвлена с французским дофином и провела следующие десять лет при французском дворе. Когда Маргарите исполнилось одиннадцать, французская регентша Анна де Боже нашла для юного короля лучшую пару, и помолвка Маргариты была грубо расторгнута. Спустя шесть лет она вышла замуж за брата Екатерины Арагонской Хуана и недолгое время прожила при дворе Изабеллы и Фердинанда. Вскоре после свадьбы Хуан умер, и Маргарита вновь осталась одна, только теперь ее не пятнало клеймо отверженной. У нее родился ребенок, но и он вскоре умер, оставив ее вдвойне опустошенной. В 1501 году она стала женой Филибера II, герцога Савойского. В 1504 году он умер, и Маргарита решила, что хватит с нее замужеств. И хотя ее отец, Максимилиан I, пытался устроить для нее какие-то брачные союзы (в том числе даже с овдовевшим Генрихом VII), она с твердостью все их отвергала.

В 1507 году император назначил ее регентшей Нидерландов при ее племяннике Карле Бургундском, сделав ее, по сути дела, полновластной правительницей страны. Она справлялась с должностью на удивление. Все, что Маргарита переняла при дворах Франции, Испании и Савойи, теперь прививала при Бургундском дворе, и ранее отличавшемся изысканностью. Наиболее значительным оказалось французское влияние: ведь сама она училась живописи, рисунку, игре на лютне и танцам у величайших французских мастеров. О ее собственных музыкальных способностях ходили легенды, а ее придворным органистом и наставником юного Карла и его сестер был знаменитый Анри Бредемер. Не

меньше внимания уделялось танцам: им учились не только ради них самих, но еще и из-за того, что они составляли важную часть хитроумных маскарадов и карнавальных шествий, по сравнению с которыми английские представления, столь любимые Генрихом, показались бы лишь бледным подражанием. (На одном из карнавалов Маргарита появилась в облике царицы амазонок, утопая в драгоценностях и причудливых перьях и размахивая настоящим мечом.)

Так вот, к этому-то двору и была послана Анна Болейн в 1513 году. Там она и оставалась в течение следующего года. По-видимому, она на лету схватывала те знания, за которыми ее сюда отправили. «Я нахожу ее столь умной и милой для ее юного возраста, — писала Маргарита польщенному Томасу Болейну, — что должна быть более благодарна вам за то, что вы прислали ее ко мне, нежели вы мне за то, что я приняла ее у себя». Позднее некий очевидец-француз писал, что Анна «с тщанием слушала почтенных дам, всею душой усердствуя в прилежном им подражании, и оказалась настолько смышленной, что за считанные дни в совершенстве овладела языком».

Освоившись с французским, она, вероятно, получила и новые, более важные обязанности. После победы над французами в Тербуани Генрих встретился с Максимилианом во фламандском городке Лилле, куда последовала и Маргарита со своим двором. Через месяц увенчалась успехом осада Турне, и вновь Максимилиан послал за дочерью. Ворча, что вдовам только и забот, что разъезжать по полкам, Маргарита все-таки повиновалась императорскому велению. Хотя и не сохранилось никаких записей о том, что Анна сопровождала Маргариту в этих поездках, это кажется весьма вероятным, ведь Томас Болейн находился в рядах английских войск, и, что даже важнее, Маргарита и Максимилиан понимали, что девочка может пригодиться им как переводчик.

Спустя год, когда сестра Генриха Мария отправлялась в Париж, чтобы стать женой Людовика XII, Анну отослали вместе с ней. Так она покинула бургундский двор, чтобы оказаться при не менее изысканном французском. И там, если воспользоваться витиеватыми выражениями Дж. А. Фруда, историка прошлого века, она «не могла не увидеть, не

услышать и не испытать на себе всего того, близкое знакомство с коим для юной особы не может остаться безнаказанным». Там же находилась ее сестра Мария. Та, если верить более поздним отчетам, вскоре ударились в разгульную жизнь, которую и будет вести дальше, став впоследствии любовницей Генриха VIII. Как писал один из посланников, Мария стяжала славу «преизрядной распутницы».

Когда Людовик умер, а Мария улизнула со своим возлюбленным Чарльзом Брэндоном, Анна осталась фрейлиной при новой королеве Франции. Пятнадцатилетняя Клод, дочь покойного короля Людовика, была скромна и застенчива. Возможно, как предполагает Э. У. Айвз, девушка привязалась к Анне еще раньше, когда принцесса, стеснительная и не понимающая ни слова по-английски, нуждалась в посторонней помощи для общения с ослепительной восемнадцатилетней мачехой. Анна оставалась при дворе Клод семь лет.

Хотя основные обязанности и удерживали ее главным образом возле королевы, она тесно соприкасалась и с двумя другими, более блистательными женщинами. В первые дни царствования Франциска его мать Луиза Савойская занималась французской политикой не меньше его самого, как бы сочетав те роли, что в Англии были распределены между Екатериной Арагонской и кардиналом Уолси. Год, проведенный Анной в Нидерландах, показал, что женщина вполне способна самостоятельно удерживать власть и распоряжаться ею. Теперь же она поняла, что даже в стране, где женщинам путь к трону заказан, дальновидная женщина, имеющая влияние на короля, тоже может добиться значительного могущества.

Если во время правления Франциска на французскую политику влияла Луиза Савойская, то на французскую культуру влияла ее дочь, Маргарита Алансонская (4). Маргарита была выдающейся поэтессой, кроме того, что для Анны было важнее, она как раз начинала поддерживать религиозные реформы, причем эта поддержка с годами крепла. Молодая, изящная, жадная до знаний, способная бросить вызов своей смелостью, Маргарита являла образец для подражания юной девушке, которая понемногу и сама приобретала все эти черты. Очевидно, зародившийся инте-

рес герцогини к церковной реформе пробудил подобный же интерес и в Анне.

В 1521 году Томас Болейн отозвал дочь в Англию, дабы устроить ее брак с сыном одного дальнего родственника, Пирса Батлера, в надежде уладить наконец старые земельные споры между семьями. Посредником в брачных переговорах был кардинал Уолси. Но все эти свадебные приготовления внезапно и таинственным образом прервались, и Анну вновь назначили фрейлиной при королеве — на сей раз при королеве Англии Екатерине Арагонской. Вероятно, Анну лишь порадовало расстройство брачных планов, ибо те самые «спорные» владения, где должны были поселиться супруги, находились в Ирландии, в диких землях, далеко от придворной жизни, в которой Анна чувствовала себя как рыба в воде.

Каковы были ее впечатления от самой Англии? Она не походила на Ирландию, но она не походила и на Францию. Вместе с тем здесь имелись свои преимущества. При французском дворе Анна была одной из многих, выделяясь среди прочих лишь тогда, когда требовалось ее знание языков. В Англии же она стала неповторима: от нее исходило то континентальное обаяние Франции и Бургундии, которому так силился подражать английский двор. Один французский вельможа писал, что «судя по ее манерам, никто не угадал бы в ней англичанку, но скорее принял бы за урожденную француженку». Не удивительно, что первое упоминание об Анне на новой службе — это ее появление на карнавале, устроенном в честь посланников Карла Бургундского, ныне императора Священной Римской империи. Карл, которого при дворе Маргариты Австрийской она знала неуклюжим подростком, теперь снова был помолвлен с принцессой из рода Тюдоров, но на этот раз не с сестрой Генриха, а с его дочерью.

Карнавал был продуман со всей тщательностью, почти как карнавалы Маргариты Австрийской. Главным зрелищем стало нападение восьми рыцарей на Шато-Вер* — обиталище Красоты, Чести и шести их прислужниц, символизовавших различные женские добродетели. Анне досталась

* *Château Vert* — Зеленый замок (фр.)

роль Стойкости, которая подходила ей так же хорошо, как роль Красоты — ее бывшей госпоже, французской королеве (5).

Помимо того что Анна ослепляла английский двор своим «континентальным» лоском, она нашла и иной способ примириться с новой жизнью на родине. У фрейлин королевы было предостаточно досуга, чтобы вращаться среди вельмож, приближенных к особам короля и его могущественного канцлера, кардинала Уолси. В свите Уолси находился и привлекательный юноша Генри Перси, сын графа Нортумберленда. Пока кардинал проводил часы при дворе, Перси коротал время, ухаживая за фрейлинами королевы. Летом 1523 года внимание его приковала одна из них — «новенькая», прибывшая из Франции, блистательная Анна Болейн.

По словам Джорджа Кавендиша (6), дворецкого Уолси, Анна отвечала Перси взаимностью. «Между ними вспыхнула тайная любовь и разгорелась настолько, что спустя недолгое время они обручились, намереваясь пожениться», — так он писал. Тем не менее они решили не разглашать своей помолвки, сознавая, что оба семейства едва ли одобряют сей союз. Но двор — чересчур людное место, да и шила в мешке не утаишь. Когда ушей Уолси достигла молва о «нескромности» его протеже, он воспылил гневом. Помолвку надлежит разорвать тотчас же — таков был его вердикт.

Уолси ядовито распекал Перси. «Нисколько не дивлюсь я тому, что по своей непомерной глупости связался ты и спутался с этой придворной дурочкой», — фыркал кардинал. Напомнив, что со смертью отца Перси унаследует «одно из достойнейших графств нашего королевства», Уолси добавил, что юноше подобало бы спросить разрешения у отца и у короля, а не заключать тайную помолвку: ведь, может статься, король уже нашел для него другую партию. И Уолси договорил до конца: у короля другие виды и на саму Анну.

Такая взбучка испугала и обожгла обидой юного Перси. Он разрыдался, но потом вновь кинулся защищать свое право на выбор жены и даже умолял Уолси помешать замыслам короля и отца. Уолси с презрением отверг просьбу. Молодой человек сетовал, что вверял себя Анне «перед

столькими достойными свидетелями, что немыслимо ныне отречься, не запятнав совести своей», но тщетно: слова его словно разбивались о глухую стену. Правда, согласно букве закона, брачное соглашение, пусть и не скрепленное еще узами плотской близости, влекло за собой обязательства. Но правда и то, что на деле такое соглашение весьма легко было расторгнуть, особенно если в это был замешан кардинал.

Нортумберленд, за которым было послано ранее, прилюдно выбрал сына, назвав его «нахальным спесивцем и невоздержным мотом» и пригрозив лишением наследства. Анну отослали от двора в отцовское поместье Хивер-Касл (7). Как повествует Кавендиш, она отнюдь не смирилась с вмешательством Уолси в ее жизнь. Анна в ярости заявила, что, как только предоставится случай, она «отплатит кардиналу тою же дрянной монетою», что подкинул ей он.

О том, кто же в действительности подстрекнул разлучить Анну с Перси, ведутся споры. Кавендиш, чьи воспоминания были написаны через тридцать четыре года после этого события, утверждал, будто главным виновником разрыва стал король, который уже положил глаз на «свеженькую» фрейлину. Более поздние исследователи оспаривают это мнение, говоря, что до такого было еще далеко: ведь Перси уже женился на Мэри Тэлбот в 1524 году, а у Генриха в ту пору, видимо, все еще тянулся роман с сестрой Анны, Мэри. Правда, одно другого не исключает. Кавендиш, пожалуй, единственный для нас источник, где причиной назван Генрих, но источнику этому можно доверять. Он был верным и близким слугой Уолси, и рассказ его представляется правдоподобным. Конечно, с тех пор утекло немало воды, и он мог многое запомнить, но едва ли столь важный факт: действовал ли Уолси по приказу Генриха, вынуждая Перси расторгнуть помолвку с Анной Болейн. Да и в его словах, когда он объясняет влечение короля к ней, сквозит правдивая нотка: «Ибо превосходная манера держаться и поведение возносили ее надо всеми прочими». Генрих, с таким усердием гнавшийся за блеском своих соперников в Париже и в Нидерландах, должно быть, заметил Анну сразу же, как только она ступила в пределы его двора. Возможно, и его роль главного нападавшего на дам в Шато-Вер внушила ему мысль, что если ему и впрямь

осадить Даму-Стойкость, то, как знать, не сулит ли ему это большей улады, нежели порядком приевшиеся объятия ее сговорчивой сестрицы.

Нам не известно точно, когда же король воспылил подлинной страстью к Анне Болейн. Дж. Дж. Скэрисбрик высказывает предположение, что «легкое увлечение» переросло в серьезное чувство к 1525 году. И хотя Скэрисбрик почти походя роняет эту мысль, она проливает значительный свет на характер более ранних отношений Генриха и Анны, ибо «увлечение» вполне могло зародиться несколькими годами раньше, по крайней мере, в голове у короля. То обстоятельство, что он спал с ее сестрой, едва ли мешало ему заглядываться на Анну, и нетрудно догадаться, что лишь страстная влюбленность могла заставить его так жестоко разрушить ее союз с любимым мужчиной. Если Генрих уже облюбовал в Анне свою следующую пассию, то, быть может, он сам рассчитывал подобрать ей мужа (как это и произошло с ее сестрой), обеспечив себе тылы каким-нибудь безропотным рогоносцем, довольным королевской подачкой за покладистость. Будущего графа Нортумберленда, видимо, «закупить с потрохами» было бы не так легко, как недалекого Уильяма Кэри, мужа Мэри Болейн, да ему бы нимало не льстило, что его жена приковывает плотоядные взоры самого короля.

Нужно поистине безбожно погрязнуть в себялюбии, чтобы загубить счастье двоих людей ради собственного, возможно, вялого влечения к женщине. Но в том и беда, что Генрих именно погряз в себялюбии. Не следует полагать, будто он в одночасье превратился из человека сострадательного в монстра. Скорее всего, врожденная беспощадность просто пряталась за миловидной личиной, к тому же этой беспощадности еще не предоставлялось повода прорваться наружу. Вероятно, он счел, что стоит приберечь себе на будущее эту изысканную красоту «француженку». И целиком сообразно с нравом Генриха (как это покажут дальнейшие годы) было бы сделать орудием своей воли Уолси с тем, чтобы, случись Анне или даже Перси выказать отчаянное сопротивление, гроза прошла мимо самого короля (8).

Отец Перси не первый год вел переговоры о возможной женитьбе своего сына на Мэри Тэлбот, дочери графа Шрус-

бери. Теперь была поспешно заключена помолвка, и в начале 1524 года несчастный Генри Перси женился на женщине, к которой питал крайнюю неприязнь. Как и можно было ожидать в подобных обстоятельствах, брак оказался неудачным, и вся дальнейшая история жизни Перси являла повесть скорби и уныния, завершившуюся спустя двенадцать лет его кончиной.

После женитьбы Перси Анне дозволили вернуться ко двору и к королеве Екатерине. Любопытно узнать, каково было мнение обеих дам друг о друге в эти первые дни службы Анны. Как правило, Екатерина хорошо относилась к своим фрейлинам и к большинству из них испытывала расположение. Наверное, общество новенькой доставляло ей удовольствия, хотя едва ли можно сказать то же самое о ее французских манерах. Ведь Франция — если сделать исключение для ее приятельницы королевы Клод — всегда представлялась Екатерине оплотом злонравия и потворства себялюбию. Оставаясь испанкой до мозга костей, она ни на йоту не доверяла французам и презирала их короля, называя его «отъявленнейшим турком», какого только видел свет. (Любопытно, знала ли она о том жестоком замечании Франсиска в свой адрес, что он как-то раз обронил: «У моего доброго английского брата оттого нет сына, что, будучи молод и красив, жену он держит старую и безобразную».)

Что касается Анны, то у нее были основания любить королеву. Набожностью Екатерина напоминала Клод, а умом — Маргариту Австрийскую. При внешнем блеске Анна отнюдь не была мелка душой и умела по достоинству оценить доброту и рассудительность королевы, в то же время находя в себе жалость к ее померкшему облику и к жизненной трагедии Екатерины, которая в конце концов и решит ее участь, — к ее неспособности иметь сына.

А может быть, она и не усматривала здесь такой уж безысходной трагедии. При тех дворах, откуда она явилась, женщины умудрялись достичь высот, не имея сыновей. Мать Клод, королева Анна Бретонская, во время царствования мужа пользовалась необычайным влиянием невзирая на то, что сыновей у нее не было. В какой-то степени Клод, став королевой-супругой, искупала эту главную вину мате-

ри, даря жизнь одному сыну за другим и сохраняя кровь — пусть не имя — своего отца для французского престола. А самая могущественная женщина в Европе, бездетная Маргарита Австрийская, совершила и вовсе немыслимое. Будучи еще в тех годах, когда деторождение возможно, она поставила крест на замужестве и тем самым на священнейшем назначении женщины — произвести на свет сыновей. Вместо этого она перенесла все материнские чувства на своего племянника Карла и начала править за него Нидерландами. В том окружении, с которым была знакома Анна, рождение сыновей тоже представлялось главнейшей целью женщины, но если обстоятельства складывались иначе, в запасе оставались и другие удачные ходы.

Анну вряд ли мучили опасения, что и у нее может не оказаться в будущем сыновей: главное — найти подходящего мужа. И хотя ее сердце разбила потеря Генри Перси, она не собиралась хоронить это сердце в пожизненном трауре по утраченной любви. Дочь честолюбивого царедворца, она и сама была честолюбива и хотела для себя той меры власти и влияния, какой и заслуживали ее проницательность и умение жить. Как показывал пример Маргариты Австрийской, женщине для достижения власти требуется тесная связь с могущественным мужчиной. Для большинства женщин это означало иметь влиятельного мужа. Таких мужчин можно встретить, вращаясь и блистая при дворе и заставив к тому же всех восхищаться своей красотой и пустив славу о своих чарах. Помимо прочего, это подразумевало и обязательную игру в куртуазную любовь, и отнюдь не только на карнавалах и маскарадах. Вести эту игру следовало всегда, когда только возможно.

Куртуазную игру Анна освоила с легкостью. Ей всегда удавалось удерживать равновесие между кокетством и целомудрием, и опять-таки континентальное воспитание дало здесь добрые плоды. По-видимому, подобное «состязание» доставляло ей удовольствие, и вскоре у нее появился ряд поклонников. В их числе оказался и поэт Томас Уайет, ее кузен.

Природа их отношений привлекала неизменный интерес исследователей, ибо в блестящей любовной лирике Уайета рассыпано множество намеков на них. Лишь о немногих

стихотворениях с уверенностью можно сказать, что речь в них об Анне, да и остается неясным, насколько серьезно следует их толковать: ведь в ту эпоху поэты столь охотно пеняли на жестокость возлюбленной, что ради изящного сонета не скупились и на выдумки.

Внук Уайета Джордж, пятьдесят лет спустя передававший в воспоминаниях свои беседы с одной из фрейлин Анны, полагал, что между ними завязался флирт, к которому относился всерьез Уайет, но не сама Анна. По словам Джорджа, его дед, хотя и приходился Анне кузеном, впервые увидел ее лишь после ее возвращения в Англию и, «узрев столь неожиданное появление этой новой красавицы, был зачарован ее обликом; а гораздо позднее и слух его пленился ее остроумными и отточенными речами, так что под конец сердце его словно говорило: «Я бы с радостью согласилось навеки попасть в оковы ее любви».

Анна, вероятно, тоже питала симпатию к Уайету, который, судя по всеобщим отзывам, обладал привлекательной наружностью (хотя его жене, печально знаменитой своими похождениями на стороне, так не казалось). Но осмотрительная и благоразумная фрейлина, изучавшая науку целомудренного кокетства при французском дворе, где ее сестрица пошла по более бесшабашной дорожке, вовсе не собиралась лишать себя возможности выгодного замужества из-за интрижки с каким-то женатым поклонником. Куда безопаснее — да, пожалуй, и приятнее — принять на себя куртуазную роль недосыгаемой возлюбленной. Что до поэта, то, каковы бы вначале ни были его намерения, он отказался от них, как только понял, что Генрих имеет на нее виды и что она собирается ответить взаимностью на королевские ухаживания. Уайет желал себе погибели ничуть не больше, чем сама Анна, и коль скоро страсть превратилась из игры в угрозу для жизни обоих, она улетучилась сама собой.

Ибо вялый интерес короля к экзотической новой фрейлине его жены готовился вот-вот перерасти в нечто более серьезное. Мэри Болейн тоже когда-то жила во Франции, но не так долго: она не получила надлежащего воспитания при самых утонченных дворах материковой Европы. В любом случае, как всякая легкая добыча, она уже начала приедаться королю. Пора было подыскивать себе новую

любовницу, а сестра Мэри день ото дня казалась все привлекательней. Конечно, ухаживание займет некоторое время; конечно, она окажет должную степень девического сопротивления, прежде чем отдастся ему. Это составляло необходимую часть удовольствия, делая еще приятнее неизбежную капитуляцию.

Однако короля ждало горькое разочарование: Анна Болейн вовсе не собиралась капитулировать. Сколь бы невозможным ни казалось это всеми обожаемому монарху, нашелся человек, неуязвимый против его чар.

Ему оставалось лишь поддаться ее чарам.

Тем не менее не Анна Болейн явилась причиной того, что Генрих VIII решил разорвать брак с Екатериной Арагонской, хотя, безусловно, его любовь к Анне ускорила развод. Ему давно хотелось сына, а близости с Екатериной настал конец. Рождение в 1519 году его незаконного сына Генри Фицроя убедило короля в том, что не он сам, а Екатерина повинна в неспособности родить сына, который остался бы жить. Возможно, это событие побудило его всерьез задуматься над тем, что пять лет назад представлялось лишь горькой фантазией.

В 1521 году был казнен за измену Эдвард Стэффорд, герцог Букингем. Помимо прочего, его обвиняли в злонамеренных речах: будто бы он говорил друзьям, что на смерть Генрихова сына была воля Божия и что он, Стэффорд, будучи сам королевских кровей, — явный кандидат на английский престол после смерти Генриха. В этих словах сквозило очевидное предательство, но реакция Генриха наводит на мысль о том, что его действительно тревожило отсутствие сына, и свидетельствует об усилившейся неприязни к Екатерине, чьего близкого друга он вознамерился убить. Через год Генрих впервые посовещался со своим исповедником Джоном Лонглендом, епископом Линкольнским, относительно самой возможности освободиться от брачных уз.

Должно быть, к 1525 году, когда Генрих прекратил близкие отношения с Екатериной, мысль о том, как избавиться от постылого союза, уже неоднократно посещала его. Вероятно, эта мысль жила в нем бок о бок с возраставшим увлечением пленительной фрейлиной жены, но потребова-

лось несколько месяцев, чтобы две эти линии сомкнулись в одну. Возможно даже, что начальное представление Генриха о второй жене было тем же, что у Уолси: ею должна стать другая европейская принцесса, быть может, французская. Именно так всегда женились короли. Были у королей и любовницы — женщины, на свой лад почитаемые, получавшие привилегии и даже титулы. Несомненно, Анна Болейн в конце концов поймет это и примет его ухаживания.

Но ничуть не бывало. Об этом свидетельствует вереница из семнадцати писем (к сожалению, не датированных), что Генрих написал той, кого хотел заполучить в любовницы (9). Из некоторых отсылок явствует, что были и другие письма, до нас не дошедшие. Надо отметить, что Генрих терпеть не мог писать письма и поручал Уолси вести большую часть его корреспонденции, поэтому уже сам факт, что он написал *столько*, говорит о силе его страсти. Но поскольку нам неизвестны даты, нельзя установить очередность писем и упоминаемых в них событий. Некоторые явно указывают на события, происходившие после их соединения: так, в одном письме король заверяет ее, что «податель сего и его помощник будут отосланы со многими делами, дабы осуществились наши намерения и увенчались бы так, как того пожелает и как то обустроит наша фантазия». Другие явно написаны много раньше, когда они еще не стали любовниками, но у Генриха уже появились основания полагать, что она желает его и даже намерена одарить его какой-то особой милостью: одно из посланий он заключает надеждой «очутиться в объятиях моей милой, чьи прелестные перси я надеюсь вскоре лобызать».

Порядок других писем восстановить не так легко. И здесь важны приводимое Кавендишем объяснение «инцидента» с Перси, а также предположения иных историков о том, что Анна отвечала Генриху благосклонным вниманием. Большинство исследователей сходятся на том, что первые письма относятся к 1524 году. Но они могли появиться и раньше. Следует учесть и небрежное упоминание Скэррибрика о «легком увлечении» начала 1520-х годов, и по времени недавнее истолкование, которое дала последовательности этих писем Айвз. Как заметила Айвз, первые три «принадлежат тому периоду, когда условности куртуазного

обхождения начали принимать более серьезную форму». Иными словами, Анна уже флиртовала с Генрихом, думая, что подобный флирт безопасен и ей вовсе не требуется вступать с королем в подлинные близкие отношения. Но Генриху захотелось большего. Вместе с первым из сохранившихся писем он послал Анне в дар убитого им на охоте оленя, сетуя на то, что она не отвечает на его письма.

Почему женщина оставляет без ответа письма поклонника, особенно могущественного поклонника? Вероятно, перед ней встает задача деликатнейшего свойства: показать, что она не питает взаимности, и в то же время не отвергнуть его открыто. Во втором письме Генрих вновь жалуется. Затеянная им куртуазная игра в любовь отводила поклоннику роль смиренного слуги прекрасной дамы. Вместе с тем Анна настаивала на *своем* служении, поскольку он король, а она — его подданная. «Хоть и не подобает знатному мужу принимать на место слуги свою даму, — ворчал Генрих, — так уж и быть, уступая Вашим желанием, я охотно Вам это позволяю...» Он охотно ей это позволял, но отказывался понимать смысл такого действия. Смысл же заключался в том, что ей хотелось быть не дамой его, но просто подданной: не хотелось вступать с ним в связь.

Невзирая на данное обещание позволить ей пребывать «на месте, Вами избранном», то есть единственно на месте верной подданной, Генрих продолжал напирать. Сегодня поведение Генриха по отношению к Анне немедленно квалифицировали бы как сексуальное домогательство. Но разве было у Анны хоть малейшее социальное или законное прибежище от человека, правившего целой страной? Она продолжала — как множество других женщин до нее и после нее — уклоняться от любовных настояний преследователя, в то же время шадя его чувства. Но это не помогло.

Уже в следующем письме Генрих потребовал, чтобы она объяснилась с ним раз и навсегда. Ведь он уже «более года поражен дротом любви» и до сих пор ничего не ведает о ее чувствах. Это походило на намеренное неведение совершенного нарциссизма, ибо, вне всяких сомнений, она подавала ему достаточно ясные сигналы. Он настаивал. Он хотел,

чтобы Анна любила его «не так только, как то диктует обычное расположение». Она все еще силилась удержать его на расстоянии.

После года подобной мороки Анна, должно быть, попросту отчаялась. Теперь Генрих уже предлагал сделать ее своей официальной любовницей. Такой обычай существовал при других европейских дворах, но в Англии был неслыханным делом. Она упрямилась. По всей вероятности, ей хотелось такого брака, к которому ее всегда и готовили, — добропорядочного, респектабельного брака с достойным дворянином. Быть может, она все еще грезилась о Генри Перси. Ясно одно: она *не хотела* Генриха Тюдора.

Но Генрих Тюдор не ослаблял хватки. Она удалилась со двора и отказывалась возвращаться даже в сопровождении матери. Он заверял ее, что если «узнает наверняка, что Вы этого хотите по собственной воле», то прекратит докучать ей и «понемногу остудит свою безумную страсть».

Это была дьявольская ловушка. Могла ли Анна в лицо королю объявить, что ей нет до него дела? Она могла вновь сослаться на желание сохранить целомудрие и честь, но король явно не чтит сии добродетели. Она былавольна не отвечать на его письма или покинуть двор, но он отказывался понимать намек. Нанести же ему в лоб то оскорбление, на которое он сам напрашивался, означало поставить на карту не только собственную придворную карьеру, но и карьеру отца и брата. Наверное, она надеялась, что король рано или поздно устанет охотиться за ней и переключится на какую-нибудь новенькую фрейлину.

Но этого не произошло, и она почувствовала, что мышеловка захлопнулась: ей не оставалось ни малейшей возможности удачно выйти замуж, так как любой достойный избрания дворянин знал, что по ней сохнет король. Она поняла, что скоро настанет пора сдаваться. Грустным эхом звучит здесь великолепный сонет Томаса Уайета, проливающий значительный свет на историю Анны Болейн:

Охотники, я знаю лапть в лесах,
Ее выслеживаю много лет.
Но вожделений ловчего предмет

Мои усилья обращает в прах.
В погоне яростной мой ум зачах,
Но дань бежит, а я за ней во след
И задыхаюсь. Мне надежды нет,
И ветра мне не удержать в сетях.

Кто думает поймать ее, сперва
Да внемлет горькой жалобе моей.
Повязка шею обвивает ей,
Где вышиты алмазами слова:

«Не тронь меня, мне Цезарь — господин,
И укротит меня лишь он один»* (10).

Едва ли не каждый из тех, кто берется рассказывать об Анне, приводит это стихотворение, но мало кто заострял внимание на его ключевом образе. Анна — затравленное создание, преследуемое самим королем, словно тот олень, которого он когда-то подстрелил и с гордостью прислал ей в подарок. И не было никакого спасения от королевской напасти; никто бы не вызвался спасти ее от погони Генриха. До поры она может убежать, прятаться, таиться, но придет час, и ловчий настигнет желанную добычу. И тогда он уничтожит ее. Это было отнюдь не архаической метафорой в придворной жизни XVI века, но ее живой и неотъемлемой частью. Чем заканчивалась такая охота за дичью, было известно каждому.

Но, пожалуй, оставалась одна лазейка, правда, она требовала невероятной отваги. Если от гона не уйти, то можно выставить охотнику свои условия. Генрих поговаривал о своем разводе; Уолси откапывал в заместительницы Екатерине какую-то французскую принцессу... Так почему же новой королевой не может стать сама Анна? Историки, недолюбливающие Анну, считают, что ей были безразличны и Генрих, и Екатерина, что сию двигало лишь безмерное тщеславие. Сочувствующие Анне допускают, что она была влюблена в короля. Но, может быть, и те, и другие не правы? Возможно, она и сочувствовала королеве, но понимала, что та обречена. Она могла просто воспользоваться

* Перевод В. Рогова.

черствостью Генриха в своих целях. А быть может, у нее из головы не выходила история Элизабет Вудвиль, матери Генриха, этой благородной красавицы, стойко оборонявшей свою добродетель от покушений Эдуарда IV и в результате ставшей его женой? Элизабет подарила Эдуарду двоих сыновей. И хотя король изменял ей направо и налево, он никогда не отвергал ее так, как сейчас Генрих замышлял отвергнуть Екатерину, потому что та не родила ему наследников мужского пола. У Анны тоже появятся сыновья. И тогда ее положение супруги Генриха окажется таким же прочным, каким сейчас было ее место у него в сердце.

Вероятно, именно в пору таких раздумий Анна послала Генриху интригующий подарок, описанный в одном из его писем. Это была алмазная подвеска, изображавшая одинокую девицу, «швыряемую» на корабле. Генрих, как и позднейшие историки, истолковал этот талисман в положительном для себя смысле: он — тот ковчег, что спасет и защитит ее. Возможно, ее письмо, составленное «в столь теплых выражениях», передавало подобный же настрой. Но Анна была женщиной саркастического ума, способной тонко и горько язвить. Быть может, в ее воображении корабль представлял желание убежать от Генриха с его ухаживаниями, уплыть обратно в Париж или Нидерланды. Тогда Генрих был не кораблем, но бурной морской стихией. Чтобы выйти живой из этой напасти, ей нужно вырुливаться на собственный курс.

И курс этот лежал к браку. Она бы не осмелилась на такое, если бы не знала или не догадывалась, что Генрих замышлял прогнать жену. И опять-таки мы не знаем наверняка, когда же это произошло. К 1525 году король перестал спать с Екатериной, у которой, видимо, уже наступил критический возраст, но сохранились указания на то, что тогда он еще не решил порвать с ней. В пользу такого мнения говорят два ярких и достаточно странных события. В июне того же года он сделал своего незаконнорожденного сына, Генри Фицроя, герцогом Ричмондом. Такой титул носил Генрих VII, прежде чем стал королем Англии (11). Так шестилетний Ричмонд стал первым пэром Англии. Екатерина восприняла это как оскорбление для себя и

встревожилась, не обернется ли дело чрезмерным возвышением мальчика, какое предполагало его новое звание, но поделаться ничего не могла. Генрих, задетый тем, что она осмелилась выказать гнев, в отместку разжаловал трех ее фрейлин.

Несколько позже, в том же году, Генрих отправил девятилетнюю принцессу Марию (которую к тому времени уже «бросил» Карл V) в замок Ладлоу, где ей следовало приступить к обязанностям принцессы Уэльской. Этот титул однозначно принадлежал наследникам престола, так что подобный шаг Генриха можно было расценивать только как признание наследных прав дочери. Возможно, наградив Генри Фицроя титулом Ричмонда, Генрих всего лишь обеспечивал трону «тылового» наследника на тот случай, если Мария, по словам венецианского посланника, «худая, тщедушная и малорослая», умрет молодой. А может быть, Генрих, досадуя на то, что у него нет законного наследника-мужчины, метался в поисках иных решений.

Королева тяжело переживала разлуку с дочерью, а из ее писем девочке явствует, что и сам Генрих отдалился от нее. «Долгое отсутствие короля, как и твое, тревожит меня», — с грустью писала она в одном послании, где расспрашивала о занятиях дочери.

Первое официальное упоминание о сомнениях Генриха в законности его брака относится к маю 1527 года, но к тому времени король уже успел основательно изучить данный вопрос. В 1529 году, на судебных слушаниях в присутствии папского легата, созванных в Блэкфрайерсе (12), Генрих объявил, будто французские посланники посеяли в нем сомнения: по его словам, когда велись переговоры о браке между принцессой Марией и сыном французского короля, посланники выразили беспокойство по поводу законного происхождения Марии. Екатерина и многие другие были убеждены, что семена скептицизма в душу Генриха первым заронил Уолси. Современные биографы, напротив, полагают, что идея принадлежала не Уолси, а самому Генриху. А может быть, их мысли двигались навстречу друг другу, и Уолси, догадываясь о желании короля, поддержал его в стремлении избавиться от Екатерины. Он мог или подбросить свежую мысль, или подтвердить уже высказан-

ную королею. Екатерина давно стояла кардиналу поперек горла. Ее политическое влияние на Генриха не слабело с годами и мешало Уолси проводить его профранцузскую политику. Появись на ее месте какая-нибудь французская принцесса, дело пошло бы намного легче.

Так или иначе, коль скоро мысль об аннулировании брака была изречена, она крепко засела в голове Генриха. Ему позарез требовался сын, и единственным способом добыть его стал развод с Екатериной.

☞ Отсутствие сына и вправду было чревато большими неприятностями для монарха. В обществе, где женщина почиталась существом низшей породы, где бытовал басурманский обычай слать друг другу письма с соболезнованиями по поводу рождения дочери, сама мысль о женщине-правительнице уже настораживала. Даже одна из первых «феминисток» Кристина Пизанская (13), еще в 1405 году отстановавшая в своих сочинениях весь род женский, завершала рассказ об успешных царствованиях различных дам отступническим замечанием, что управление страной — все-таки удел мужчин, а не женщин. Однако упомянутых неприятностей можно было избежать окольными тропами. Любая из них, сколь бы известна ни была, оказалась бы гладкой, но Генрих предпочел кинуться сквозь терновник напролом.

Для начала нужно было разобраться, способна ли женщина к управлению *вообще*. По силам ли низшему женскому уму справиться с ответственностью, налагаемой властью? И смогут ли мужчины повиноваться такому, с позволения сказать, правителю, который в силу принадлежности своему полу стоит ниже их пусть даже настолько, насколько вознесен выше их — в силу обладания властью?.. Вместе с тем Генриху прекрасно известны были давние и недавние случаи, когда женщины правили, и правили порою весьма успешно. Мать Екатерины — Изабелла, королева могущественной Кастилии, обладала большей властью, нежели ее муж Фердинанд, к тому же из них обеих она была более способна к правлению, и ее блестящее владычество над Испанией рука об руку с супругом длилось тридцать пять

лет. Регентша Маргарита Австрийская весьма умело правила Нидерландами. Генрих часто имел дело с Маргаритой и прекрасно знал о ее способностях. Даже во Франции, в стране, где восшествие женщины на престол запрещалось салическим законом (14), пока король Франциск находился в плену в Испании, Луиза Савойская в течение года единолично управляла государством. Правда, английская история помнила царствование императрицы Матильды в XII веке, сопровождавшееся разрушительной гражданской войной. Но то была хитроумнейшая борьба за власть, и ее пол не имел решающей роли. Ничто не указывало на то, что англичане боятся, как бы Мария не стала второй Матильдой, или на то, что другие претенденты на трон примутся подстрекать народ к гражданской войне в случае ее правления.

Возникал и еще один, пожалуй, более затруднительный вопрос. Сколь бы сметлива ни оказалась сама правительница, как быть с ее мужем? Ей следовало обязательно выйти замуж, иначе династическая линия прервется на ней же. Но заповедь Господня требует от жены подчинения мужу. Тем самым уступить женщине престол означало бы негласно вверить целую страну ее мужу. Женщинам, с чьим опытом сталкивался Генрих, удавалось обойти это препятствие. Маргарита Австрийская была только регентшей, формально подчиняясь племяннику, от имени которого правила, сколько бы самостоятельности он ей не предоставлял. Изабелла являлась соправительницей Фердинанда, причем брак их объединял два смежных королевства. Если на трон суждено взойти Марии, вопрос о ее замужестве обретет первостепенное значение. Переговоры о различных помолвках велись не первый год, но любая из них сулила верную западню: выйди она замуж за французского принца, и Англия окажется под пятою у Франции; выйди она замуж за кузена Карла, и Англии не миновать испанского владычества.

Но имелся и еще один кузен — Иаков V Шотландский. Соединясь с ним, Мария вполне могла бы повторить столь успешный вариант Изабеллы с Фердинандом. Шотландия была куда меньшим королевством, и об этом помнил еще Генрих VII, отдавая свою дочь Маргариту Иакову IV. В случае такого брачного союза Англия бы просто поглотила

Шотландию и тем положила конец многолетним распрям, пограничным стычкам и войнам. Генрих VII в свое время задумывался о том, каковы будут последствия для брака дочери с шотландским королем, случись ей унаследовать английский престол. Он не нашел в такой мысли ничего дурного: «Что, если — не дай Господь — все мои сыновья умрут; если Маргарита по закону вступит на трон... Тогда Шотландия отойдет Англии». В 1516 году Генрих VIII обдумывал было замужество Марии с Иаковом V, но потом без всяких объяснений отказался от этой мысли.

Если Генриху не давал покоя страх, что Англии грозит иго короля-чужеземца, пусть даже шотландца, то ведь оставалась и еще одна возможность выгодной партии для Марии, о которой, по-видимому, никто не догадывался. У Марии был и английский кузен — Генри Брэндон, граф Линкольн, сын французской королевы и ее с таким трудом завоеванного мужа Чарльза Брэндона. Довольно странно, что такой вариант не рассматривался. Вероятно, мальчик уже тогда был болезненным: он умер в 1534 году, после четвертой женитьбы его отца-здоровяка. Хотя для кого-то, быть может, юный Брэндон и воплощал возможную угрозу трону: по словам Шапюи, его смерть обрадовала шотландского посланника, так как, «пусть и через младшую сестру, его родство могло бы сделать его сильнейшим соперником шотландского короля». (Иаков, приходясь внуком Генриху VII, тоже входил в наследную линию.)

В Европе уже были случаи, когда король, не имевший сына, выдавал дочь за вероятного престолонаследника. У Людовика XII Французского, недолговременного зятя Генриха, было две дочери. Именно поэтому после смерти Анны Бретонской он выказывал такое нетерпение, спеша жениться на младшей сестре Генриха Марии. Это, впрочем, не мешало ему проявить мудрость и выдать свою старшую дочь Клод за кузена, к которому отошел бы трон, таким образом позаботившись, чтобы Францией впоследствии правил король, пусть и не с его именем, зато с его кровью в жилах. И он не помышлял избавиться от Анны, когда та так и не смогла подарить ему сына. (Следует признать, что подобная попытка дорого бы ему обошлась: ведь когда-то Людовик

сам прогнал первую жену (15), чтобы жениться на Анне и завладеть ее владениями в Бретани.)

За примером удачного наследования по дочерней линии можно было обратиться вновь к испанскому трону. Когда единственный сын Фердинанда и Изабеллы Хуан умер, не оставив детей, они сосредоточились на будущих внуках от дочерей. Наследником Испании и всей Священной Римской империи стал Карл, старший сын Хуаны от Филиппа Красивого. Испанские монархи с радостью взирали на своего внука — будущего короля Арагона и Кастилии.

Совершенно очевидно, что женщины очень даже способны к политическому управлению, но не менее очевидным представлялось и то, что король может придирчиво подбирать для дочери мужа, чтобы обеспечить трону благоприятное преемство. По меркам той эпохи, подобные решения являлись печальной необходимостью, и любой — в том числе сама Екатерина — посочувствовал бы Генриху, упрямо желавшему, чтобы на троне его сменил сын. Предоставление короны Марии было чревато опасностями для страны, лишь недавно выкарабкавшейся из династических распрей.

Но, поистине, такие опасности не шли ни в какое сравнение с теми, что ждали его на избранной в конце концов стезе. Фанатичное упорство, с каким Генрих ни на шаг не желал от этой стези отступить даже после того, как стало ясно, сколь она разрушительна, заставляет предположить иные, менее политические мотивы. За решимостью Генриха во что бы то ни стало избавиться от Екатерины Арагонской не стояли ни убеждение в женской слабости (16), ни страх ввергнуть Англию в хаос и смуту, ни даже чары увертливой Анны. Скорее, это была неодолимая страсть всей его жизни: чудовишное себялюбие, дотоле просто не принимавшее ничьих вызовов и посему оставшееся незамеченным. Когда испанский посол обмолвился Генриху, что, быть может, самому Богу угодно, чтобы трон наследовала Мария, Генрих трижды возопил: «Разве я не такой же мужчина, как все остальные?» Но, разумеется, на уме у него было не это. Ведь были другие мужчины — даже короли, как Людовик XII, — не имевшие сыновей, которые унаследовали бы их владения. Как сообщает в «Кризисе

аристократии» Лоренс Стоун, среди знати поколения Генриха 19 процентов первых браков оставались бесплодными, а 29 процентам супружеских пар не удавалось произвести на свет живых сыновей. Уж наверное, не все эти бессыновние отцы навлекли на себя гнев Божий, женившись на женах покойных братьев. Не решали проблему и повторные браки, поскольку они оказывались еще менее плодovitыми: в XVI веке 48 процентов пар, повторно вступивших в брак, оставались бездетными, а 58 не имели сыновей. «Остальные мужчины», как и Генрих, далеко не всегда имели наследников мужского пола. Но у других-то они были, и Генрих воспламенялся от одной только мысли, что у кого-то есть то, чего лишен он сам. Он не хотел быть таким, как остальные, таким, на кого Бог с Его неисповедимыми путями мог насыпать необъяснимые лишения. Он был *не таким*, как остальные, он был лучше остальных — человек, избранный Богом для того, чтобы обладать всем, чего только сам пожелает. Так как же он мог позволить сыну кого-то другого взойти на английский престол? Это было немыслимо, еще более немыслимо, чем позволить какой-то красотке отвергать его ухаживания. Он *должен* обладать всем, чего ни пожелает.

Такова была сущность его помыслов, его себялюбия и его ошеломительной уверенности в какой-то особой своей связанности с Богом. За всеми извилистыми толкованиями Библии, за многолетними научными, законоведческими и религиозными прениями, за медленным умерщвлением Екатерины Арагонской и быстрым узаконенным убийством Анны Болейн крылась патологическая уверенность: Господу угодно, чтобы все желания Генриха VIII исполнялись. Мартин Лютер отпал от Рима, когда духовные борения с собственной недостойной природой убедили его в том, что люди не в силах заслужить искупления. Генрих же заслужил себе не только искупление в грядущей жизни, но и полное удовлетворение в жизни земной. И если его жена в отчаянии стремилась сопрячь собственную волю с Божьей, то Генрих не менее усердно старался сопрячь волю Господа со своей собственной.

Итак, крайне существенна была его правота в стремлении к желаемому. Его любовная страсть ничуть не походила

на страсть других мужчин, и его тщетное желание иметь сына ничуть не походило на чье-нибудь еще желание. Любое его хотение должно быть исполнено, ибо любое его хотение — благородно по определению. Позволить Марии взойти на престол означало бы признать, что он и вправду такой же, как все, — подверженный несовершенствам и уничтожительным страданиям, кои Господь отвел в удел всем Своим тварям.

Если Богу небезразличны нужды Генриха, то очевидно, что Бог хотел послать Генриху сына. Генриху просто необходимо выяснить, что именно он совершил такого, что не дает Господу исполнить его желания. Догадаться было нетрудно. На брак с Екатериной Арагонской в свое время потребовалось особое папское разрешение, поскольку она была вдовой его брата, а каноническое право, опираясь на Книгу Левита, запрещало близкие отношения с женой брата. И он, и папа совершили тогда ошибку. Богу оказался неугоден этот брак, и Он не благословил его сыновьями. В другой библейской книге — Второзаконии, — напротив, говорилось, что должно жениться на вдове брата, дабы восстановилось семя и не изгладилось имя его, но Генриху не хотелось думать о Второзаконии. Левит был куда интересней.

Любопытно взглянуть, что за отрывок из Левита привлек столь запоздалое и столь ревностное внимание Генриха: «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они» (Лев., 20:21). Генрих не был бездетен. Не все беременности Екатерины приводили к рождению мертвых младенцев: их первый сын прожил почти два месяца. Но гораздо красноречивей было существование принцессы Марии — крепкой и здоровой. Левит же умалчивал о поле детей.

В какой-то момент, вероятно в 1526 году или в начале 1527 года, Генрих тайне поделился своими сомнениями с кардиналом Уолси, и тот (если верить ему и Генриху) был словно громом поражен. «В течение часа или двух я не раз преклонял пред ним колена в его тайных покоях, дабы отворотить его от воления и похоти его, но тщетно пытался я разубедить его в них».

Однако иного выбора, кроме как потрафить «волению и похоти» короля, у Уолси не было. 17 мая 1527 года,

выступая в качестве папского легата *a latere**, он созвал тайный суд у себя в Вестминстерском дворце и призвал короля ответить на обвинение в том, что тот провел последние восемнадцать лет во грехе, живя со вдовой своего брата. Он зачитал пресловутый отрывок из Левита. Судебное разбирательство держалось в такой тайне, что даже соучастница Генриха по греху, Екатерина, оставалась в полном неведении. Невероятно, но, по-видимому, Генрих и Уолси полагали, что если им удастся наскоро закончить разбирательство, заверить его папским одобрением и затем поставить Екатерину в известность о решении как о *fait accompli***, то она весело примирится с тем, что большую часть взрослой жизни неумышленно провела во блуде и прижила в нем дочь-ублюдка.

Слушания проходили с величайшей торжественностью, с соблюдением мельчайших формальностей судопроизводства. Уолси и Уильям Уорэм, архиепископ Кентерберийский, должны были вести дело. Обвинение возглавлял Ричард Уолмен, а не очень убедительную защиту представлял доктор Джон Белл. Если бы все пошло согласно намеченному плану, Уорэм принял бы свидетельские показания Генриха, объявил бы, что тот живет во грехе, провозгласил бы данное папой Юлием II разрешение на брак не имеющим силы, а затем известил бы о приговоре нынешнего папу, Климента VII (17). 20, 23 и 31 мая последовали другие тайные заседания. Однако дело обернулось совсем не так, как того ждал Генрих. Суд счел, что для подтверждения искомого Генрихом вердикта потребна дальнейшая богословская экспертиза.

Позже выяснилось, что одних богословов мало, чтобы убедить Климента VII расторгнуть брак Генриха. 1 июня до англичан дошла весть о том, сколь губительный оборот приняла вражда между императором Священной Римской империи и папой. Войска Карла V, преимущественно наемные (18), разграбили Рим, устроив резню среди низшего духовенства и сделав папу узником Замка Святого Ангела (19). Карл, хотя и ужаснулся злодеяниям своих персусер-

* Со стороны (*лат.*).

** Свершившийся факт (*фр.*).

дствовавших отрядов, продолжал держать пленника в узде, и не Клименту было в таком положении наносить кровное оскорбление тетке императора Екатерине.

Если Генрих действительно вообразил, будто сумеет долгое время продержать жену в неведении, то он серьезно недооценил и ум королевы, и искреннюю преданность ей большинства придворных. О тайных слушаниях Екатерина узнала через несколько часов после первого же заседания. Она просто лишилась дара речи. Если Генрих бросит ее и женится на другой, он не только разрушит ее собственное счастье и счастье ее дочери: он загубит свою бессмертную душу. Она решила действовать без промедления и тут же связалась с испанским посланцем доном Иньиго Мендосой, дабы известить его о случившемся. Императору и папе следует немедленно обо всем доложить, писала она, а папа должен уведомить Уолси, что в Англии подобная затея не пройдет ни при каких обстоятельствах.

По-видимому, Генрих не сознавал, что на уме у Екатерины, и 22 июня решился наконец поразить ее новостью о своих «угрызениях совести». Явившись в ее покои, он поведал, что некие ученые и набожные мужи считают, будто брак их — не брак вовсе. И попросил ее подыскать себе место, куда удалиться, поскольку негоже им долее жить вместе как мужу и жене. Королева, всегда так владевшая собой, разразилась рыданиями. Даже спустя недели после того, как весть о вероломстве супруга окольными путями дошла до ее ушей, она не была готова к убийственному удару — услышать ее из его собственных уст.

Справившись с произвольным взрывом чувств, Екатерина не стала более расточать слез. Коли Генрих и вправду вознамерился привести свой дикий замысел в исполнение, она сделает все возможное, дабы остановить его. Она отнюдь не была мастерицей на увертки, но в случае необходимости умела к ним прибегать. Жизненно важным было, чтобы ее письмо дошло до того единственного союзника, на которого она могла целиком положиться. — до ее племянника Карла V. Она знала, что все ответы Мендосы Генрих перехватит. Среди ее свиты любимейшим слугой был Франсиско Фелипес — испанец, неслучно находившийся при ней с самого ее прибытия в Англию. Королева посоветовалась

с ним, и тот согласился принять участие в опасном заговоре. Фелипес должен был попросить у Генриха позволения навестить в Испании умирающую мать. Королева, — так ему надлежало сказать, — отказала ему в этой просьбе, с горечью обвинив его в том, будто мать — лишь предлог, чтобы покинуть ее в беде — постигшей ее королевской немилости.

Генрих раскусил эту хитрость, как, должно быть, и ожидала Екатерина, но она понимала и то, что едва ли он упустит столь выгодную возможность. Ведь если кого-то из слуг королевы поймают на том, что по ее приказанию контрабандой он переправлял донесения за границу, ее незабываемая репутация в народе будет запятнана, а сам Генрих, быть может, получит ценные сведения о ее намерениях. Поэтому он снабдил Фелипеса необходимыми бумагами и выказал сочувствие по поводу смертельной болезни его матери. А затем отдал тайный приказ о его аресте по прибытии в Кале.

Кале Фелипес миновал. В конце июля он имел тайную беседу с императором в его дворце под Вальядолидом и изложил суть Екатеринойной мольбы. Карл должен потребовать от Генриха отказаться от попыток объявить их брак недействительным. Он должен также настоять на том, чтобы папа лишил Уолси легатских полномочий и запретил ведение в Англии такого судебного дела. Если суд будет перенесен в Рим, она обязательно выиграет дело. Карл ответил незамедлительным согласием. Он был уверен, что уж Климент точно внемлет его желаниям. Кровь еще не просохла на улицах Рима.

Натолкнувшись на необъяснимое упорство Екатерины, не желавшей прилагать руку к разрушению собственного брака, Генрих начал сознавать, сколь важно заручиться надежными доводами для аннулирования этого брака и для заключения повторного. Мы не знаем, когда Генрих решил жениться на Анне Болейн, ясно одно — это явно входило в его замысел. Однако его официальные заверения оставались прежними: якобы он лишь надеется подтвердить законность дочери и услышать, что его брак с возлюбленной Екатериной вправду имеет силу. Именно с таким заявлением собирался он подступиться к папе.

Поддержка, которую хотел обеспечить себе Генрих, носила церковный и политический характер, а искал он ее и на родине, и за морем. 22 июля Уолси с многочисленной свитой отбыл в Париж. Официально причиной поездки указывалось заключение нового англо-французского союза. Но Генрих усматривал главнейшую задачу Уолси в том, чтобы заручиться поддержкой Франциска в деле о разводе. Эта поддержка была необходима Генриху как воздух, ибо, возможно, ему предстояло противоборство с третьим европейским главой — Карлом. Сам же Уолси надеялся вдобавок раздобыть для короля невесту-француженку: очевидно, Генрих утаил силу своей любви к Анне Болейн даже от ближайшего подручного.

Вояж Уолси оказался неудачным, а за время его отсутствия Анна Болейн и иже с нею сумели упрочить свое влияние на короля. Вернувшись в сентябре в Англию, кардинал обнаружил, что Анна вытеснила в сердце короля не только Екатерину Арагонскую, но и его самого, кардинала Томаса Уолси. Прискакав напрямик в Ричмонд, Уолси велел известить Генриха о своем возвращении и узнать, где с ним можно увидеться. Но король был с Анной, и она ответила за него. «Куда же еще может явиться кардинал? — выразила она недоумение. — Передайте ему, что он может явиться туда, где сейчас король». С замираньем сердца Уолси повиновался. Ему всегда претило влияние Екатерины Арагонской на мужа. Теперь же он понял, что Екатерину сменила женщина, питавшая к нему еще меньше расположения, и эта женщина завладела таким смертельным оружием, как слепая любовь Генриха.

Идя на поводу у Анны, король лишил доверия человека, управлявшего за него страной, пока он «играл в солдатики». Из-за чего Генрих ополчился на Уолси, остается неясным. Возможно, Уолси действительно просил его прекратить иск о разводе и тем совершил непростительный грех — указал Генриху, что нельзя иметь все, чего пожелаешь. А может быть, Анна внушила Генриху, что Уолси — их враг. Не исключено, что Уолси попросту надоел Генриху — точно так же, как надоела ему Екатерина. Екатерина не родила ему сына: Уолси не добыл ему развода. Обоих следовало отстра-

нить. А Генрих — коль скоро Господь на его стороне, а Анна в его постели — начнет все сначала.

Король принялся «копать» против Уолси, пока тот еще находился во Франции, отправив к папе куда менее способного дипломата Уильяма Найта. Вначале Генрих вынашивал ни с чем не сообразный замысел — испросить разрешения Климента на двоеженство, ежели его брак с Екатериной будет признан законным, но вскоре от него отказался. Другая просьба касалась разрешения жениться на любой женщине независимо от того, состояла ли она с ним до того в каких-либо отношениях, запрещенных каноническим правом, в случае расторжения его первого брака. Вероятно, это стало первым — пусть косвенным и смутным — признанием Генрихом своего намерения жениться на Анне Болейн, чья сестра побывала у него в любовницах. Это лишь подчеркивает его лицемерную набожность, поскольку каноническое право запрещало брак с сестрой жены или любовницы.

Климент внес в свою буллу соответствующие поправки, дабы исключить *любые* предположения о недействительности брака с Екатериной, отрезав Генриху все пути. Генрих мог жениться на Анне, невзирая на свою былую связь с ее сестрой, *только* если бы Климент счел его брак с Екатериной незаконным. От мысли о двоеженстве он отмахнулся. Папа явно старался выиграть время. Но никто не знал, *для чего* ему это самое время нужно.

СЭР ТОМАС УАЙЕТ

Этот блестящий поэт был другом и слыл возлюбленным Анны Болейн. Позднее он кончил жизнь в Тауэре, но не на плахе.

ДВОР О ДВУХ КОРОЛЕВАХ

лимент явно вилял, а Генрих сгорал от нетерпения. Не такое уж сложное дело развод: если собрать побольше усидчивых толковников, кто-нибудь из них обязательно найдет в Библии подходящее место. Ведь Людовик XII получил развод, а Чарльзу Брэндону удалось расторгнуть целых два союза, прежде чем жениться на прекрасной принцессе Марии.

И даже Маргарита Шотландская, другая сестра Генриха, пыталась порвать свой брак с графом Энгусом, причем все, по-видимому, предвещало успешное завершение. Ее борьба с шотландскими лордами за бывшее регентство становилась все ожесточенней. Помимо того, что Энгус открыто держал любовницу, он еще и примкнул к стану врагов своей жены. Физическую измену еще можно было вытерпеть, но предательство — совсем иное дело. Пока Энгус в мужьях у Маргариты, из ее политики ничего не выйдет. Она приглядела себе другого мужчину, на чью верность можно было положиться, — Генри Стюарта, позднее графа Метвена, а затем взялась за розыски и, по счастью, обнаружила, что до брака с нею Энгус уже был связан договором с кем-то еще.

Генриха поведение Маргариты вывело из себя. То обстоятельство, что Маргарита уже присмотрела себе нового мужа, лишь подогрело его гнев. Урвав время от забот о разрыве собственного брака, он разразился желчным посланием, где напоминал сестре, что «божественное таинство неразъемного брака» было скреплено еще в Раю. «Каким уколам совести, какому поношению и мучению, какой

опасности проклятия» подвергает она себя! «Оставь же прелюбодейное общество того, кто не есть супруг твой и по праву быть таковым никогда не сможет». На дочь ее — «славное создание, добродетельную девицу» — начнут взирать как на незаконное дитя.

Как знать, быть может, Анна Болейн была рядом, когда он диктовал это письмо Уолси, — сидя на его колене или поглядывая из угла, улыбаясь про себя. И быть может, в отличие от самого Генриха, она задумалась над тем, что же произойдет с его собственной славной и добродетельной дочерью.

Не поддавшись на братние нравоучения, в декабре 1527 года Маргарита получила желаемый развод, причем добавила к иску нелепую оговорку, будто бы ее первый муж в действительности не пал на Флодденском поле, а умер немного спустя после ее второго брака. Должно быть, Генриху подумалось, что раз его сестре, преследовавшей собственные цели, удалось аннулировать брак, то уж ему-то, действующему во имя самого Господа, и подавно суждено разорвать свой. Возможно, будь время поспокойнее или происходи Екатерина из менее могущественного семейства, так бы оно и произошло.

Но папа не в состоянии был дать Генриху развод, который охотно выдал Маргарите. Прежде всего, сам брак Генриха был заключен в результате папского разрешения, данного Юлием II, а основу его иска составляло утверждение, будто оно было дано ошибочно. Кроме того, хотя Климент и покинул замок Святого Ангела, укрывшись в более безопасном Орвисто (1), власть императора над ним ничуть не ослабла. К тому же он не был убежден, будто отсутствие у Генриха сына означает, что Господь гневается на его брак. Папе требовались неопровержимые канонические доказательства неправомерности такого союза на тот случай, — а он казался неизбежным, — если Екатерина и ее племянник начнут оспаривать иск. Весь христианский мир наблюдал бы за этим процессом и за папством. Климент не хотел отчуждать Карла, не хотел отчуждать Генриха и не хотел подрывать папскую власть, олицетворенную авторитетом его предшественника. Больше всего он надеялся как-нибудь затянуть дело, пока вопрос не разрешится сам собой.

Избранная Генрихом тактика позволяла ему «тянуть дело». Король во всеуслышание заявил, что ему нужен не столько развод *per se**, сколько расследование законности его брака. Климент, конечно, не обманывался на сей счет. Теперь уже всей Европе было известно увлечение Генриха Анной. Но папе ничего не стоило притвориться, будто он верит его словам. Он займется разбирательством, сказал он Генриху, и, вопреки желанию Екатерины, дело будет проходить в Англии. Но при условии, что Уолси уйдет с главных ролей: он должен стать ассессором, подручным судьи. Главным судьей была назначена наиболее интригующая личность во всей смутной истории, получившей впоследствии название «великого королевского дела».

Кардинал Лоренцо Кампеджо принял духовный сан поздно, уже будучи вдовцом со взрослыми детьми, а до того преподавал каноническое право. Вскоре он стал одним из виднейших каноников в Европе и быстро поднялся по церковной лестнице. Подобно Клименту, он обладал светским лоском и умудренностью в житейских делах. В Англии у него имелись старые связи. 1518 год он провел там, и за это время король наградил его дворцом и прибыльным Солсберийским епископством. Вероятно, Генрих счел, что Климент назначил Кампеджо папским легатом в Англии, дабы соблюсти видимость объективности, а на деле даровать королю именно то, что ему нужно.

Но Кампеджо был «своим» для папы, не для Генриха, а папа нуждался в проволочке. Здоровье у Кампеджо было никудышное (его терзала жестокая подагра), и его вовсе не прельщало длительное путешествие, в конце коего, несомненно, кардинала ждали удручающие столкновения с нетерпеливым королем и его оскорбленной супругой. Ранее Уолси потребовал, чтобы папа подписал обещание склониться на любое решение, которого достигнет суд в Англии. Папа декрет подписал, но втайне предпринял две меры, дабы лишить его всякой пользы. Во-первых, он наказал Кампеджо никогда не выпускать документа из рук. И во-вторых, велел ему не приступать ни к каким действиям во время слушаний, пока не получит вестей от самого Климента.

* Как таковой: ради него самого (*лат.*).

В июле 1528 года Англию поразила яростная вспышка потной болезни, а в это время как раз было намечено отплытие легата. Кампеджо и Климент благословляли эпидемию. Какое было бы облегчение, если бы хоть один из тройки «великого королевского дела» умер! Кампеджо дождался в Риме конца эпидемии.

Генрих был утрашен. Запутавшись в паутине собственных измышлений о гневе Божиим, он, должно быть, терялся в догадках: уж не суд ли это небесный? Одна из дам Анны заболела, и Генрих приказал возлюбленной шагу не ступать из Хиверского замка, а сам со всем двором, включая Екатерину, беспорядочно колесил из одной резиденции в другую, словно пытаясь ускользнуть от недуга. Анна не избежала заразы. Генрих отправил к ней одного из своих врачей, доктора Уильяма Баттса, а сам оставался все это время с женщиной, которую перестал признавать женой.

Анна выжила. Ее зятю-рогоносцу Уильяму Кэри повезло меньше. Его смерть оставила бывшую любовницу Генриха Мэри на мели. Анна в письме просила его о помощи. Король оказал давление на отца Анны, дабы тот выручил «черную овечку», а сам пожаловал Мэри годовой доход в 100 фунтов. Характерно, что Генрих не удержался от нравоучений в адрес бывшей любовницы, назвав ее грешной Евой. Если у Анны и оставались какие-то сомнения относительно того, мудро ли было с ее стороны удерживать Генриха от своих последних милостей, то его рыцарственное отношение к сестре, «отслужившей» ему, должно было окончательно развеять их.

9 октября Кампеджо прибыл в Лондон. Подагра мучила его столь нестерпимо, что он две недели оставался прикованным к постели, прежде чем смог увидеться с королем. Встретившись же с ним, он попытался убедить его, что стих из Левита вовсе не относится к его браку. Но Генрих железно стоял на своем, весьма ловко выстроив ответные доводы. Кампеджо выразил Генриху восхищение его знанием канонического права, но не его выводами. Они быстро зашли в тупик.

Не в силах совладать с Генрихом, Кампеджо обратился к еще менее приятной задаче — беседе с Екатериной. Климент предварительно проинструктировал легата: если Генрих не сдастся, он должен уговорить королеву уйти в

монастырь. В этом случае канонический прецедент позволит папе расторгнуть ее брак, не поднимая вопроса об изначальном папском разрешении. Для королевы это был бы изящный и безболезненный выход. Она и прежде отличалась набожностью и аскетичностью, а в зажиточном монастыре ей предоставили бы все, чего ей только пожелается. Обет целомудрия едва ли покажется мучительным бременем женщине, на которую отвращение мужа давно наложило вынужденное воздержание. О законности ее дочери вопрос даже не поднимется, и Мария по-прежнему сохранит за собой наследование, уступая первенство лишь тому сыну, что, быть может, появится вскоре после второго брака ее отца.

Екатерина и слышать об этом не желала: у нее нет религиозного призвания, к тому же люди сплошь да рядом вступали на стезю веры по мирским соображениям, — как Уолси. Для подлинно же благочестивых сие предстает святотатством. Понятие «призвания» давно превратилось в составную часть католицизма: один «призван» к религиозной жизни, другой — к супружеской, и «зову» этому надлежит внимать. Екатерина твердо заявила Кампеджо, что «намерена жить и умереть в том брачном союзе, к которому ее призвал Бог». Генрих, Уолси, Кампеджо, да и сам папа вольны жонглировать каноническими текстами для подкрепления собственной правоты, но Екатерина этим заниматься не намерена.

Не укрылась от нее и ирония создавшегося положения. Она ласково сказала Кампеджо, что примет религиозные обеты, но только если и Генрих пойдет в монахи. Кампеджо не уловил горького юмора и принял ее слова за чистую монету. В письме Клименту он всерьез рассматривал вопрос: а не дать ли Генриху временный обет целомудрия с тем, что в будущем ему будет обещано разрешение на новый брак? Климент, отличавшийся большей прозорливостью, предложение игнорировал.

Итак, на полюбовное соглашение рассчитывать не приходилось. Должен состояться суд.

☞ Думая об этих месяцах ожидания, к Анне гораздо труднее испытывать сочувствие, нежели к Екатерине. Одна-

ко и Анне приходилось несладко, к тому же она выбирала всю эту игру лишь отчасти. Поначалу Генрих был уверен, что стоит только сообщить о своих сомнениях папе и Екатерине, и брак будет расторгнут. Анна, не сведущая в сложностях канонического права, разделяла его уверенность.

Возможно, она, вслед за Генрихом, полагала, будто Екатерина смирится с разводом. Едва ли можно винить ее. Ведь не она, а Генрих прожил двадцать лет с Екатериной. Вероятно, она рассудила, что Екатерина совершит то, что сделала бы она сама в подобной ситуации. — выберет наиболее легкий путь. Религиозные склонности Анны уводили ее все дальше от католицизма, который для Екатерины составлял сердцевину бытия, и любому, кто лишен глубины религиозного чувства, едва ли дано понять отвращение королевы к малейшему злоупотреблению верой. Анне была чужда и забота Екатерины о душе Генриха. Она не любила его — вероятно, не любила вовсе, — и уж во всяком случае не испытывала той глубокой и преданной привязанности, которую внушили ее сопернице двадцать лет совместной жизни. Быть может, ей даже казалось, что Екатерина будет только рада избавиться от разлюбившего ее мужа.

Екатерине все представлялось в ином свете, а без сотрудничества Екатерины положение папы становилось еще затруднительнее. Хотя Анна терпеть не могла Уолси, она понимала, что он все еще имеет некое влияние на короля, а возможно, и на папу. Она взялась его всячески умашивать, мурлыкая что-то лестное насчет его эпикурейской мудрости и намекая, что будет весьма благодарна, если он пришлет в дар к ее великопостному столу карпов из своих знаменитых прудов. В июле 1528 года она написала ему дружелюбное письмо и потребовала, чтобы Генрих приписал постскрипtum. Кардинал отвечал в тон, и некоторое время два заклятых врага казались лучшими друзьями.

Между тем Анну швыряло от двора в поместье и обратно. Генрих хотел, чтобы она всегда находилась рядом, но проку в этом было мало. Когда прибыла весть о том, что Кампеджо в пути, Генрих приготовился сохранять видимость озабоченного расследованием, а это едва ли было возможным, если бы женщина, на которой он собирался жениться, вертелась у него под боком. В сентябре 1528 года он отослал Анну в Хиверский замок, а сам остался при

дворе, где пребывала и Екатерина. Анна признавала мудрость такого решения, но вряд ли утешалась ею, особенно после того, как Генрих публично провозгласил свою любовь к Екатерине, выступая перед собравшимися лондонцами. Королева, как заявил Генрих пылким слушателям, «женщина превеликой кротости, превеликого смирения и добродушия, и во всем, что касается добродетелей, благородству причитающихся, равных себе не имеет... Случись мне жениться вновь, дабы брак оказался добрым, я не колеблясь избрал бы ее превыше всех прочих женщин». После сей проникновенной речи король поскакал в Хивер-Касл, к Анне, тем самым отняв у Кампеджо и у всех остальных возможность поверить его словам.

Вскоре Анна возвратилась в Лондон, заняв ряд комнат в Гринвичском дворце. У Генриха хватило такта не восстанавливать ее в должности фрейлины при Екатерине, но уже одно то, что все трое жили при дворе, являло собой отталкивающую картину.

Сторонним наблюдателям, вероятно, представлялось, как будто при дворе в Гринвиче две королевы: Екатерина со своим скромным окружением и Анна с весельем празднеств и толщей гостей. Генрих задаривал Анну украшениями, и она не удосуживалась их прятать. Она даже принялась раздавать «кольца от судорог» — благословленные монархом кольца, якобы снимавшие болезненные судороги. Кампеджо отписал Клименту, что Генрих «и часу без нее не проводит» и беспрестанно «целует ее и обходится с нею как с женою».

Екатерина поначалу тоже сохраняла хорошую мину. Забавно, что Генриха это бесило. Если раньше его расстраивали ее слезы, то теперь оскорбляла ее улыбчивость. Он слал к ней одного гонца за другим с укорами и жалобами. В одном из посланий говорилось, что Его Величество «убеждает поведение ее в том, что она не любит его. Ведь побуждает она придворных своих танцевать и резвиться, тогда как приличествовало бы ей побуждать их молиться Господу, дабы ниспослал Он благое свершение делу нашему. Раздумий же должных не являет ни облик ее, ни наряд, ни поведение». Следовало полагать, будто отвержение *самим* Генрихом требовало от отверженной беспросветного уныния.

Увы, вся веселость Екатерины была лишь показной. Она-то любила Генриха, и его потеря стала величайшей личной горестью всей ее жизни. Но она оставалась принцессой, и личные чувства никогда не перевешивали чаши на весах ее забот. Женщина в ней страдала, но королева должна была пекся о своем долге. И сейчас долг этот заключался в борьбе за сохранение своего титула.

В невозмутимом спокойствии, с каким Екатерина взялась за свою цель, Генрих усмотрел еще большую угрозу, чем в ее внешней веселости. С самого начала королева настаивала на том, что, поскольку ее брак с Артуром так и не был довершен, это был не настоящий брак. Однако любые побочные доказательства подлинности ее брака могли сгодиться для ее дела. Весной 1528 года в ее руки попали сведения, которые можно было пустить в ход, если легатский суд не примет ее показаний. Ее племянник император занимался расследованием давнего папского разрешения. Сын бывшего испанского посла Родриго де Пуэбла передал Карлу частные бумаги отца. Среди них нашлось и второе папское брeve*, исходившее от Юлия II. помеченное тем же днем, что и первое, но значительно отличавшееся своими формулировками. Во-первых, из него явствовало, что брак с Артуром *был* довершен; во-вторых, оно содержало указания на существование неких «других причин» для разрешения, помимо ранее поименованных. И наконец, этот документ делал недействительной буллу, которую Климент так неохотно отправил с Кампеджо в Англию, ибо означенная булла составлена исключительно на основе исходного разрешения. Копию документа Карл выслал тетушке.

В помощь Екатерине отрядили советников — всех поголовно англичан, указанных Генрихом. (Единственный испанец, ее старый друг Хуан Луис Вивес, выказал излишнее рвение, вступившись за королеву, и его отослали во Фландрию.) Она вверила им все документы, необходимые для ведения защиты, в том числе и найденное второе брeve. Советники, не мешкая, доложили о нем королю.

Уолси объявил присланный документ подделкой и потребовал выслать в Англию подлинник. По кардинальскому

* Б р е в е — сводка, краткое изложение судебного постановления.

наушению советники вручили Екатерине письмо, где от нее требовали написать императору с просьбой — «ради нес самой и ради чада ее» — выслать Генриху искомый документ. Вначале королева колебалась, но затем члены совета, обвинив ее в неповиновении королю, вынудили написать письмо под свою диктовку. Вынудили и поклясться, что не напишет след этому другого письма.

По счастью, силой вырвав подобную клятву у женщины, не в пример мужу свято чтившей обеты, советники не додумались потребовать от нее клятвы еще и в том, что не передаст своему племяннику никаких *устных* сообщений. Общение с Мендосой было ей строжайше заказано, но она ухитрилась перемолвиться с ним словом, и он явился к ней переодетым. И вновь они призвали на помощь отважного и верного Франсиско Фелипеса. Но на этот раз шпионам Уолси удалось схватить его и даже покалечить, сломав ему в борьбе руку. Поскольку при нем не было письма, шпионы не смогли ничего вменить ему в вину и отпустили на волю.

Екатерине и Мендосе пришлось искать другого гонца. Генрих постановил, что ее письмо доставит один из ее капелланов — английский священник Томас Эбелл, которому она не доверяла. Но Эбелла сопровождал переводчик, испанец Хуан де Монтойя, и Екатерина решила довериться ему. Она передала ему словесное сообщение для Маргариты Австрийской, продолжавшей править Нидерландами от имени Габсбургов, заключавшееся в следующем: не верить письму Екатерины и ни в коем случае не выпускать из рук трбусмый документ.

Во время путешествия Монтойя обмолвился Эбеллу о тайной вести королевы. Нам неизвестно, какого мнения относительно затеянного развода придерживался Эбелл ранее. Ему доверял Уолси и не доверяла королева, так что можно рассудить, что если он и питал какое-то недовольство действиями Генриха, то держал его при себе. Теперь же он выказал себя ярлым защитником королевы. Ужаснувшись при мысли о том, что вестник разгласит столь важные сведения отнюдь не их адресату, Эбелл взял на себя труд самолично изложить дело королевы Маргарите. Он повторил ей весть, скрепив слова Екатерины собственным железным согласием, и сообщил регентше, что взамен Карл

может послать заверенную нотариусом копию, которую церковный суд признает действительной. По возвращении в Англию Эбелл вновь обратился к обязанностям капеллана, а в часы досуга принялся писать книгу, обличающую неправоту короля. Обороняя дело королевы, он ни разу не дрогнул и провел последние шесть лет жизни в Тауэре, откуда вышел лишь для того, чтобы в 1540 году подвергнуться казни.

Генриху становилось все яснее, что ни осведомленность в каноническом праве, ни сознание собственной нравственной правоты не помогут ему ускорить разрыв с Екатериной. Если Господь желает, чтобы Генрих выбрался из оков этого брака, не принеся ему сыновей, то явно Он хочет, чтобы он сам боролся за свое освобождение. Генрих свирепо потребовал приступить к судебному разбирательству немедленно. Кампеджо, на которого вновь напал приступ подагры, проклиная тот день, когда высадился в Англии, начал слушания. «Да поможет мне Господь», — в изнеможении писал он Клименту.

Суд был объявлен на 18 июня. Генрих прислал своего представителя. Екатерина ненадолго появилась сама, чтобы формально опротестовать слушания и поручить рассмотрение ее дела Риму.

Спустя три дня суд вновь собрался. Картина была настолько великолепна в своем драматизме, что даже Шекспир едва ли здесь что-либо приукрасил (2). По словам Кавендиша, это было «пречудным и небывалым зрелищем, о каком только слыхано или читано в истории... чтобы королю и королеве так вот пришлось явиться да предстать перед судом, словно простым смертным». Король восседал на возвышении справа, подле него — королева, только ее стул чуть ниже. Снизу от Генриха сидели Кампеджо и Уолси, сияющие пурпурными одеяниями и огромными золотыми крестами. Зал суда был переполнен судьями, епископами и высшей знатью, а снаружи толпилось просто-народье: иные сочувствовали королю, иные — королеве, а иные просто любопытствовали о таком беспрецедентном судебном зрелище.

«Генрих, король Англии, предстань перед судом», — выкрикнул глашатай.

Генрих громко откликнулся: «Я здесь, милорды».

«Екатерина, королева Англии, предстань перед судом».

Екатерина не отозвалась. Вместо этого она медленно поднялась и, подойдя к мужу, встала возле его ног на колени. «Сир, заклинаю вас, во имя той любви, что была меж нами, и во имя любви к Богу, не лишайте меня правосудия, возьмите ко мне жалость и сострадание, ибо я бедная женщина и чужестранка, рожденная за пределами владений ваших. Нет у меня здесь верного друга, нет и советников беспристрастных. К вам я прибегаю как к главе правосудия в этом королевстве». В ее словах звучала боль от его предательства: «Увы мне, сир, чем оскорбила я вас, или чем заслужила я немилость вашу, пойдя против воли вашей или желания?»

Король безмолвствовал. Да и что он мог ответить? Она оскорбила его тем, что не дала ему сыновей, которых ей хотелось иметь столь же страстно, что и ему; она оскорбила его тем, что состарилась. Она гордо продолжала: «Господа и весь мир призываю в свидетели, что была я вам верной, смиренной и послушной женой». Затем она дала и косвенный ответ на его обращение к Левиту, напомнив, что *их* Бог не покарал бездетностью. «И родила я вам много детей, хоть и угодно было Господу призвать их к себе из этого мира» (3).

Затем она заговорила о своем браке с братом Генриха. Она не была *по-настоящему* женой Артура, заявила королева Генриху в присутствии всего суда, так как брак не был довершен. «Когда вы приняли меня впервые, то — призываю Господа в судьи — я была девицей непорочною, мужа не знавшей. Правда ли то или нет, я предоставляю вашей совести». Генрих по-прежнему безмолвствовал. «Ежели найдется по закону дело справедливое, которое вмените вы против меня, — в нечестии либо в ином прегрешении, — то я согласна удалиться, к стыду моему превеликому и поношению. Если же нет такого дела, то низжайше умоляю вас, позвольте пребывать мне в прежнем состоянии моем». Она говорила еще в течение нескольких минут, затем поднялась с колен, отвесила реверанс королю и неторопливо направилась к дверям величественной залы.

Изумленный глашатай вновь воззвал: «Екатерина, королева Англии, предстань перед судом». Она не удостоила его вниманием.

Дворецкий королевы сказал ей: «Мадам, вас снова призывают».

«Что мне до того, — отвечала она. — Этот суд ко мне небеспристрастен. Я не промешкаю здесь доле» (4).

После неловкого молчания Генрих поднялся и признал во всеуслышание, что Екатерина была ему такой хорошей женой, какую только можно пожелать, что у него не было недовольства в отношении «облика или лет королевы» и что более всего желал бы он и впредь оставаться подле нее, не будь их брак богопротивен. После всех его уловок и ухищрений, в том числе предложения о двоеженстве, после того, как Анну Болейн постоянно видели рядом с ним или у него на коленях, слова эти раздались пустым звуком.

Вслед за речью короля Уолси попросил его подтвердить суду, что мысль о разводе принадлежала ему самому, а отнюдь не кардиналу. «О нет, милорд кардинал, — сказал Генрих, пожалуй, чересчур напористо, чтобы успокоить Уолси, — вы-то как раз противуречили мне».

Так закончилось первое заседание. На два остальных Екатерина не явилась, и возможно, это было к лучшему. В первую очередь суд принялся муссировать вопрос о том, получил ли должное завершение ее брак с Артуром. Вызывали свидетелей, клявшихся, будто принц ссылаясь после брачной ночи на свою мужскую доблесть. «Сколь сладостно, сэръ, иметь жену», — якобы хвастался он, а затем велел принести ему эля унять жажду, ибо он «побывал в Испании этой ночью». Некоторые из лордов напомнили суду, что Артур не настолько был мал, чтобы оказаться не в силах увенчать брак, поскольку сами-то они уже «плотски познали женщину» в его лета.

Когда эти душещипательные воспоминания подошли к концу, архиепископ Уорэм зачитал имена всех епископов, поддержавших решение о разводе. Когда Уорэм дошел до имени епископа Рочестера, бывший духовник Маргариты Бофор Фишер, приведя суд в изумление, поднялся с места и гневно воскликнул: «Это не моя подпись и не моя печать!» Уорэм поперхнулся, потом пробормотал, что Фишер позволил ему, Уорэму, расписаться и приложить печать вместо себя. Ледяным голосом Фишер произнес: «Нет лжи более отъявленной».

Суд тянулся неделями, а дело все стояло на месте. Однажды Кампеджо по настоянию Генриха отправился вместе с Уолси навестить Екатерину. Оба вновь предложили ей уйти в монастырь, и она вновь отказалась. А 23 июля, в день, когда в Риме все суды прерываются на лето, Кампеджо неожиданно заявил, что, поскольку это *римский* суд, то его заседания откладываются до конца перерыва, то есть до октября. Но в октябре они, разумеется, не возобновятся, это кардинал прекрасно знал. Климент уже принял тайное решение заново созвать суд в самом Риме.

Кампеджо пробыл в Англии до конца лета, а в октябре собрался уезжать, хотя именно в этом месяце предполагалось заново созвать суд. На таможене в Дувре несколько дюжих королевских сыщиков перетрясли все его пожитки в поисках той буллы, что отправлял с ним Климент. Ничего, кроме «поношенных чулок (5) да поношенных плащей», они не нашли: булла давным-давно была сожжена. 26 октября кардинал Кампеджо с великим вздохом облегчения навсегда покинул Англию.

Быть может, Екатерина надеялась, что как только суд переместится в Рим, Генрих поймет, что его дело проиграно. Но Генрих не был бы сам собой, если бы отказался от убеждения, что сам Бог хочет, чтобы он избавился от Екатерины или смирился бы с поражением. Придя в ярость от того, что его водят за нос, теперь он замыслил месть.

Екатерина пользовалась слишком большой любовью в народе, чтобы Генрих смог навредить ей, не нажив себе в нем врага. Но он мог сорвать злобу на другой особе, которую народ ненавидел. Уолси привез в Англию Кампеджо; Уолси представлял церковь, папу — те силы, что удерживали его от женитьбы на Анне. Неважно, что Генрих сам навязал Уолси тактику для получения развода. И совершенно неважно, что Уолси был его верным слугой в течение двадцати лет, управляя страной, пока Генрих играл роль крестоносца. Уолси *отслужил свое*.

К тому же Уолси ненавидела Анна: ведь это он много лет назад разлучил ее с Генри Перси. Она решила выместить свой гнев, испуг и раздражение на все еще ослепленном короле. Последовали душераздирающие сцены. Она кричала, что Генрих не любит ее. Он преграждает ей путь к

добропорядочному браку, и вскоре она будет слишком стара, чтобы иметь мужа и детей. Она с воплями металась от него прочь и вновь возвращалась, вся в слезах, говоря, что Уолси — источник всех ее бед, не пускающий ее замуж.

Король решил убить сразу двух зайцев: угодить возлюбленной и излить накипевшую злобу на постылого церковника. Сперва он принялся за мелкие гадости: отказывался принимать кардинала, открыто высмеивал его на собраниях королевского совета. В день, когда Кампеджо явился ко двору просить позволения покинуть Англию, его сопровождал Уолси. Двор в ту пору находился в Графтоне, в Нортгемптоншире. Проводив Кампеджо в отведенные ему покои, Уолси справился, где находятся его собственные. И получил ответ, что нигде. Нашелся лишь один человек, осмелившийся выказать доброту к униженному кардиналу. Генри Норрис, королевский грум, сказал Уолси, что, вероятно, оплошный недосмотр короля объясняется малостью самого дома, и предложил кардиналу воспользоваться его собственными покоями, пока не будет найдено что-нибудь получше.

Однако едва ли кто-нибудь мог поддержать Уолси чем-либо кроме таких проявлений вежливости: Месяц спустя Генрих отобрал у него должность канцлера. Скрепя сердце, повинувшись приказу короля, Уолси удалился в небольшой Эшерский дворец неподалеку от великолепного Хэмптон-Корта — резиденции, построенной им ради своей вящей славы, а затем подаренной королю. Вскоре он был отослан в Йорк, дабы приступить к обязанностям архиепископа, о каковых он и не вспоминал последние пятнадцать лет. Однако Генриху показалось мало отлучить его от двора и от политики, которые для Уолси и были смыслом жизни. 4 ноября 1530 года кардинала взяли под стражу по раздутым обвинениям в измене. Официально его обвинение именовалось *Praemunire**: имелся в виду старинный и почти забытый запрет прибегать к иноземной законной власти при рассмотрении любой тяжбы, которую надлежало разбирать в королевском суде. Поскольку папа, несомненно, иноземная

* От латинского глагола *praemunire* — «укреплять спереди»; *фиг.* «приводить подкрепление».

власть, то закон о *Praemunire* становился мощным оружием против духовенства. О том, что Уолси обратился к помощи Рима по приказу самого Генриха, разумеется, для удобства никто не вспоминал.

По пути в Лондон Уолси слег с жестокими желудочными болями и умер, так и не увидевшись с королем. Он служил своему королю лучше, чем своему Богу, — таково было его собственное признание. А «его король» отплатил ему тем же, чем еще отплатит многим другим.

Некогда, пытаясь умиловить Генриха, кардинал пожертвовал ему дворец Йорк-Плейс. Переименовав его в Уайтхолл и чуть обновив, Генрих подарил его Анне, а та уж позаботилась, чтобы ни одни покои там не подошли Екатерине. Отныне, посещая Анну, Генрих виделся с ней наедине. Вскоре после того, как Анна перебралась в Уайтхолл, Генрих сделал ее отца графом Уилтширским, а ее брата Джорджа — виконтом Рошфором, в ознаменование чего устроил банкет в Уайтхолле. Анна — теперь леди Анна Рошфор — восседала подле короля, и ей уже отдавали официальное предпочтение перед всеми прочими дамами, как если бы она уже стала королевой.

Но Генрих продолжал посещать Екатерину и поддерживать с ней на людях дружеские отношения. Тем временем на горизонте появилась фигура, которой предстояло сделаться одним из наиболее стойких союзников Екатерины. Эсташ Шапюи, новый имперский посол, весьма любопытный исторический персонаж побочного плана — «сноска на полях английской истории», как окрестил его биограф Екатерины Гэрретт Мэттингли. Шапюи стал для Екатерины той опорой, которой ей до сих пор так не хватало в ее отчаянном и одиноком противостоянии. Его письма императору, изобилующие подробностями и исполненные колкого остроумия, явились богатейшим источником сведений о годах, последовавших за первыми попытками Генриха получить развод, о царствовании Анны Болейн и о более поздней поре. Шапюи превратился в ярого сторонника королевы, намного превзойдя своего государя, ибо Екатерине и ее дочери удалось пробудить истинного рыцаря в этом, впрочем, циничном дипломате. С его привязанностью к Екатерине и Марии по силе могло сравниться разве что его

презрение к Анне. Даже после ее коронации он отзывался о ней в лучшем случае как об «этой даме», а в минуты, не требовавшие такой вежливости, — просто как о «наложнице». Вскоре он обзавелся целой сетью соглядатаев, докладывавших ему о каждой мелочи придворной жизни, и особое удовольствие он черпал в различных сплетнях, ущемлявших Анну. Несмотря на свою явную предубежденность, он сумел наладить добрые отношения с Генрихом, ибо знал, как умаслить короля, разыграв перед ним чувство грубоватой мужской солидарности, пасующей перед иррациональной женской стихией.

На беду Шапюи и других приверженцев Екатерины, той же осенью на сцену вышел еще один персонаж — Томас Кранмер, застенчивый и неприметный клирик из Кембриджа. С ним случайно повстречались, выходя из своих покоев при дворе в Уолтэме, двое советников Генриха по вопросам церковного права — Стивен Гардинер и Эдвард Фокс. Разговор за обедом коснулся развода, и тишайший затворник обронил замечание, что ответ, которого так ищет Генрих, под силу добыть не знатокам канонического права, а богословам. Это случайное наблюдение перевернуло всю его жизнь, вытащив его из мирной безвестности Кембриджа и ввергнув в драматический мир королевского двора.

Фокс передал Генриху замечание Кранмера, а тот готов был ухватиться за любую соломинку. Генрих велел позвать к себе церковника и был поражен его логикой и широтой познаний. Кранмер, чьи религиозные симпатии приближались к лютеровским, подсказал Генриху, что решение о разводе должно исходить не от папы с его армией правоведов и буквоедов, но от теологов из английских университетов. Если они сойдутся на том, что брак недействителен, архиепископ Кентерберийский официально расторгнет его, и тогда Генрих сможет снова жениться. Король пришел в восторг. И немедленно дал Кранмеру два поручения: во-первых, написать трактат с изложением своих взглядов и, во-вторых, стать капелланом при семействе Болейн.

Генрих и раньше угрожал Клименту отходом от Рима, но до сих пор это было лишь бахвальство. Пустые угрозы не помогли; а отсрочка суда, состоявшегося в Блэкфрайерзе, едва ли сулила Генриху решение папы в его пользу. Теперь

же появился способ воплотить угрозу в жизнь. Генрих, этот «защитник веры», громогласно оборонявший папу от нападок Лютера и прочих ересиархов, наконец обрел возможность заявить, что вовсе не нуждается в папе.

Вероятно, Анна и сама подумывала о чем-то подобном. Ее «прогрессивная» вера шла в ногу с ее тщеславием, и, должно быть, она приветствовала в Кранмере — с его объективностью и видимостью академического беспристрастия — идеального союзника. Она читала сочинение Уильяма Тиндейла (6) «Покорность христианина», где красноречиво излагалась мысль о том, что король правит согласно божественному праву и ему должно повиноваться во всем. Что за беда, что Тиндейл — еретик, живущий в ссылке; что за беда, что она нарушает закон, читая его книгу, на которую Генрих наложил запрет, — ведь этот труд мог сейчас сослужить службу Генриху. По словам Джона Фокса — протестанта, автора «Книги Мучеников», — Анна одалживала Генриху и другие «еретические» книги. Не возникает почти никаких сомнений в том, что, пользуясь своим положением, она внушала королю собственные евангелические взгляды. Отныне Анна затрагивала не только чувства Генриха, но и его ум.

Она становилась все более требовательной. Вспышки раздражения, несдержанные сцены раздражались одна за другой.

Время от времени Генрих все еще навещал Екатерину в ее покоях, приносил ей чинить рубашки — как встарь. Она тоже сердилась и, сидя за штопкой его сорочек и говоря об их дочери, наотрез отказывалась признать, будто никогда не была ему женой.

Некоторые из биографов сочувственно предпочитают видеть в Генрихе этой поры затюканного с обеих сторон властолюбивыми женщинами человека, которому негде укрыться от истерических попреков и поклепов. Но такое сочувствие ни на чем не основано. У обеих женщин имелись основания жаловаться, и обе находились всецело в его власти. Ведь именно Генрих создал те обстоятельства, на которые так горько сетовали и Екатерина, и Анна. Потому наши симпатии вовсе не на стороне короля, перебегающего из одних покоев в другие в поисках спокойствия, ради которого он готов поступиться чем угодно.

Точно так же, как в случае с Екатериной и Анной, Генриху хотелось, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. — ему вздумалось затеять ту же игру с папой. Он снова уговаривал Климента дать ему развод, послав ему прошение, подписанное всеми пэрами королевства, а также несколькими епископами и аббатами. И в то же время идеи Кранмера потихоньку претворялись в жизнь. Эдвард Фокс составил обширный перечень подтвержденных Писанием и историей доводов, с помощью коих Генрих сможет объявить свой брак недействительным в обход папского одобрения, и летом 1530 года вручил его Генриху. Данная компиляция, называвшаяся «*Collectanea satis copiosa*»*, стала ценным подспорьем в неслыханных по дерзости новых начинаниях короля.

Далее Генриху надлежало составить план для рассмотрения ближайшим созывом парламента, дабы архиепископ Кентерберийский смог судить о законности королевского брака. Поскольку Бог хотел, чтобы Генрих освободился от Екатерины, а папа ничуть не помогал ему в этом, — Бог не гласил более устами папы. К разочарованию Генриха, Бог, по-видимому, не собирался гласить и устами архиепископа Кентерберийского. Архиепископ Уорэм, двадцать лет назад выступавший против женитьбы Генриха на вдове брата, теперь не мог заставить себя расторгнуть этот брак. Но он был дряхл и недужен. Раздав кардинала Уолси, Генрих не захотел тут же бросить архиепископа Уорэма в Тауэр. Он занял выжидательную позицию.

Тем временем в игру вступил и третий, главный, новичок — духовное лицо, ранее находившееся под началом Уолси. Томас Кромвель поступил на службу к Генриху в январе 1530 года, а к концу года уже входил в королевский совет. Подобно Уолси, он умел читать мысли короля и, подобно Уолси, был блестящим политиком. Но, в отличие от Уолси, считал нужным гордиться своим взлетом из низов. Он тихо и мирно завоевывал доверие Генриха. К 1533 году Кромвель уже сделался канцлером казначейства**. Кромвель — блестящий управляющий и дальновидный по-

* «Пространнейший свод» (лат.).

** Говоря сегодняшним языком, — министром финансов.

литик, испытавший влияние Макиавелли (7), — умел когда надо польстить, умел исподволь внедрить те или иные мысли в сознание короля, так что тот свято верил, будто сам до них додумался. По-видимому, именно Кромвелю принадлежала мысль о том, что Генрих должен провозгласить себя главой английской церкви.

Все это тянулось бесконечно долго, и раздражение «без пяти минут королевы» уже давало о себе знать. В новогодний праздник 1531 года Анна — как донесли чуткому Шапюи — заявила, что «ей нет дела ни до королевы, ни до кого из ее семейства, и что она скорее согласилась бы увидеть ее на виселице, нежели сознаться, что та была некогда ее королевой и госпожой». В том же месяце состоялось заседание парламента и созыв духовенства, каковыя и были обвинены по статье *Praemunire*, правда, получив дозволение откупиться от вины за 100 тысяч фунтов. Шапюи не без ехидства писал: «Касательно пресловутого *Praemunire* никому в Англии доподлинно ничего не известно. Коренится же оно единственно в воображении короля, который толкует его вкривь и вкось по собственному изволению, сопрягая с любым из случаев на выгодное свое усмотрение».

Парламенту пришлось «проглотить» и целый перечень требований, главным среди коих было величать Генриха «поборником и единым верховным главою английской Церкви». Духовенство, в свой черед, внесло поправку, существенно убавлявшую значимость нового титула: Генрих именовался главой церкви «постольку, поскольку то дозволяется законом Христовым». Такая формулировка явно предполагала неистребимое всемогущество папы. Генрих охотно пошел на такую уступку, вознамерившись впредь постепенно усугублять отход английской церкви от церкви римской. При этом он все еще не терял надежды добиться папского одобрения и немало сил и времени положил на то, чтобы уговорить Климента рассмотреть его давний иск где-либо вне Рима. Текли месяцы; текли годы. Титул королевы по-прежнему принадлежал Екатерине, а Анна — хотя она до сих пор, видимо, ухитрялась избегать королевского ложа — так и ходила в «наложницах».

Вдобавок она стала терять сторонников. Герцог Суффолк изначально поддерживал Генриха, хотя его жена,

сестра Генриха Мария, всячески отстаивала Екатерину. Суффолк, ранее нередко вынуждаемый Генрихом передавать Екатерине враждебные послания, и тогда не находил в этом занятии ничего отрадного. Теперь же он вовсе отвратился от Анны и начал хоть и осторожно, но открыто выражать свое мнение. Весной 1531 года он заявил Генриху, что Екатерина готова повиноваться ему лишь в третью очередь. Генрих спросил, кто же те двое, что опережают его, по-видимому, ожидая услышать, что это папа и император. Но Суффолк ответил, что в первую очередь это Бог, а во вторую — ее совесть. Генрих пропустил мимо ушей слова друга: сколь ни был король влюблен в собственную совесть, он никогда не чтит чужой.

Лишила былой поддержки Анну и герцогиня Норфолкская, жена ее дяди. Она всегда любила Екатерину, и, вероятно, поведение Генриха лишь усилило эту любовь, ибо сама Элизабет Говард пострадала не только от измены, но и от побоев мужа. В 1526 году герцог завел себе любовницу — прачку из Норфолкского подсобного хозяйства по имени Бесс Холланд, — и связь эта длилась годы. Когда герцогиня затеяла из-за этой измены ссору, муж накинулся на нее с кинжалом, за волосы вытащил из кровати и, как она рассказывала позднее, «велел своим прислужницам связать меня, так что кровь выступила у меня из-под ногтей, и колот меня, и сидел у меня на груди, пока я не начала сплевывать кровью». У нее были все причины отождествлять себя с королевой. Герцогиня прислала Екатерине апельсинов, спрятав в одном из них секретную записку, а вскоре принялась передавать ей разные сведения о действиях Генриха. Однако она загубила свои шпионские начинания излишне открытой враждой с Анной, и весной 1532 года ее послали прочь от двора.

Иные так и вовсе не гнушались средствами, чтобы выразить свою неприязнь. Как-то раз в комнаты Анны просочился гадкий рисуночек, изображавший мужчину, обозначенного буквой *G*, и двух женщин — *E* и *A*. У *A* не было головы. Анна показала картинку своей прислужнице Энн Гейнсфорд. «Поди сюда, Нэн, да полюбуйся на это пророчество: вот тут — король, там — королева, а здесь — я с отрубленной головой».

Энн Гейнсфорд вздрогнула. «Кабы я поверила такому — да будь он хоть сам император, ни за что не пошла бы за такого».

С вызовом Анна отвечала: «Да, Нэн, пожалуй, предсказанье-то — пустяк, но чаю я, что королевство осчастливлено будет моим потомством, и я крепко решилась не выпускать короля, уж какая бы меня судьба ни ждала».

Положение было не из легких как для Генриха, так и для Анны, и они беспрерывно бранились, а за ссорами каждый раз следовало покаянно-страстное примирение. Генрих по-прежнему был без ума от своей обольстительной девиственницы, и гнев его против Екатерины все возрастал.

В пятницу 14 июля Генрих предпринял еще один шаг, отдаливший его от королевы. До той поры они вместе существовали при дворе, где бы ему ни случилось расположиться. Теперь же, пустившись с Анной в обычное летнее путешествие по стране, он велел Екатерине оставаться в Виндзоре. И отныне, хотя на государственных церемониях они и будут присутствовать вдвоем, жить он станет не с ней, а с Анной. Вскоре он велел своему совету отправить Екатерине приказ — съехать в Мор, один из прежних домов Уолси, — без Марии. Последнее условие было вызвано исключительно злостью: худшего наказания и придумать нельзя было, ибо единственным созданием, которое Екатерина любила не меньше, чем мужа, была ее дочь.

Генрих слал к Екатерине гонцов, продолжая страшить ее. Одна такая делегация явилась в октябре в Мор. После обычной обоймы бесплодных и теперь уже наизусть знакомых доводов посланцы предупредили королеву, что если она будет упорствовать и впредь, Генрих ушлет ее в какое-нибудь еще более отдаленное поместье. Прекрасно, — отвечала та. Она поедет куда ему будет угодно и даже пойдет на эшафот, если он прикажет. Но там, где его воля идет вразрез с волей Божией, — там единственно она будет противиться.

В Море Екатерина продолжала сохранять хорошую мину, так что навестившие ее в ноябре венецианские дипломаты сочли, что она пребывает в довольном расположении духа. Как докладывали они своему государю, английский народ любит ее «более, нежели любую другую королеву из когда-либо правивших» и стоит за нее горой.

Как ни странно, попытки Генриха и Анны изображать веселье оказались куда менее удачными. Хронист Холл траурным тоном повествует, что на рождественских празднествах в Гринвиче «было весьма безрадостно, потому что отсутствовала королева со своими фрейлинами». Анна вольна была *вести* себя как королева, но все-то знали, что она ею пока не является и, возможно, никогда и не станет. В канун Нового 1532 года Генрих ничего не подарил Екатерине и то же наказал своим придворным. Ее подарок — золотую чашу — король вернул и велел более даров ему не присылать.

Тем временем гнев Анны на папу и се евангелические настроения все усиливались. Генрих был равнодушен к евангелизму, но его зуб против папства был ничуть не меньше, чем у Анны. Он решился на осторожное заигрывание с реформаторами, дабы сдвинуть наконец свое дело с мертвой точки. Должно быть, весьма нелегко было человеку, которого некогда окрестил «защитником веры» сам папа, одним махом разрубить эти узы. (Любопытно при этом, что Мартин Лютер как раз осуждал развод.) Генрих собирался стать тем, кого прежде так презрительно поносил: раскольником, — да что там — еретиком! Анна, Кромвель и Кранмер толкали его на этот безрассудный шаг, который в глубине души был ему крайне неприятен.

Если бы в Англии ни у кого больше, кроме Генриха, не имелось недовольства папством, то, вероятно, его попытка опрокинуть папскую власть и не увенчалась бы успехом. Но к его гневу присоединился гнев многих других, ибо, помимо нежелания предоставить Генриху развод, за церковь числилось немало подлинных злодеяний. Кромвель знал, как этим воспользоваться к выгоде короля. После созыва парламента в январе 1532 года палата общин под ненавязчивым руководством Кромвеля представила Генриху прошение, направленное против ординаривс (епископов или их уполномоченных, выполнявших судебские обязанности в местных духовных судах), где приводился целый перечень их прегрешений против церкви. Среди них главным значилось то, что духовенство «каждодневно изобретает разнообразнейшие законотолкования, постановления и указы касательно вещей преходящих... не имея на то... высочайшего королевского дозволения Вашего».

Созыву духовенства предоставили возможность оправдаться, ибо Генрих очень любил сопровождать тиранические деяния видимостью справедливости. И точно так же, как у него раскрылись глаза на Книгу Левита спустя восемнадцать лет после женитьбы, теперь он обнаружил нечто иное: «Прелаты при посвящении в сан дают клятву папе, каковая вразрез идет с тою клятвою, что дают нам, из коего явствует, будто они не наши, но его подданные». Клятву эту приносили вот уже не первый век, и странным выглядело, что монарх, так гордившийся своими познаниями в богословии и каноническом праве, только сейчас обратил на это внимание.

Последовали месяцы борений. Стивен Гардинер сыпал убедительными доводами в пользу независимости церкви от короля. Гардинер поддерживал развод (поскольку брак Генриха с Екатериной не сулил ему никаких выгод), но теперь его собственные привилегии церковника оказались под угрозой. В ответ на свое велеречие он получил от Генриха изрядную взбучку и быстро стушевался, в качестве извинения подарив Анне свое роскошное поместье в Хансфорте. 15 мая духовенство окончательно капитулировало. Получив бумагу о подчинении духовенства, Генрих фактически прибрал к рукам власть над всей английской церковью. На следующий день былой друг Генриха Томас Мор отказался от своего поста канцлера. В конце концов Генрих пожаловал его место своему лаксю Томасу Одли.

Екатерина, покинутая в Море, продолжала одинокую борьбу за сохранение своего титула. Поддерживали ее несколько преданных друзей и имперский посол. Наибольшая моральная поддержка исходила от старинной подруги Марии де Салинас, ныне — вдовствующей графини Уиллоуби, которая состояла при ней во фрейлинах еще с тех пор, как обе молоденькими девушками приехали сюда из Испании. Замужество и материнство не разлучили даму с ее госпожой.

Екатерина, опираясь на ободрение Марии и на помощь Шапюи, продолжала писать папе и императору. Карл сейчас воевал с турками, напавшими на Венгрию. Екатерина, сознавая, чем грозит христианству нашествие «неверных», предостерегала его, что ересь, вспыхнувшая в Англии, — угроза не менее опасная. Ее слова печальны и многозначи-

тельны: «Я не усматриваю разницы между тем, что эти люди замыслили содеять здесь, и тем, что творит враг веры в Ваших краях».

«Этими людьми» были Анна Болейн, Кромвель, Кранмер — кто угодно, только не Генрих. Екатерина всегда видела в Генрихе лишь жертву, попавшую в силки чужих хитростей: она никогда бы не согласилась признать, что ее судьба — его рук дело. Генрих в ее мечтах был тем чудопринцем, что пришел к ней на избавление двадцать с лишним лет назад, а вовсе не эгоцентричным тираном, превратившим ее жизнь в ад кромешный. Предупредив императора, что развод ознаменует собой утверждение ереси в Англии, она с горечью заканчивала: «То, что происходит здесь, настолько богомерзко и так запятнать грозит честь господина моего короля, что написать об этом рука моя не поднимается».

Летом 1532 года скончался Уорэм. И Екатерина, и Шапюи понимали, что на его место Генрих посадит Кранмера, который, по словам Шапюи, «душою и сердцем предан лютеровской секте». Возможно, это и преувеличение, но Кранмер безусловно был реформатором и врагом папства. Его посвящение в сан архиепископа Кентерберийского (как это ни смешно, одобренное папой) в середине следующего года ускорило крах всех надежд Екатерины.

1 сентября Генрих предпринял важный, но неоднозначный шаг, дабы придать своим отношениям с Анной некий внешний порядок. В Виндзорском замке состоялась пышная церемония, где Анна с распущенными по плечам волосами, вся в драгоценностях, облакалась званием маркизы Пемброкской. Впервые женщина получала подобный титул по собственному праву, а не просто в силу того, что маркизом делался ее муж. Что немаловажно, титул этот мог перейти к «ее наследникам мужеского пола», а традиционная фраза, уточнявшая: «зачатым в законном союзе». — исчезла из формулировки введения в звание. Быть может, Анна намеревалась вступить в связь с Генрихом *до* брака, который всегда представлялся ей чем-то недостижимым. А может быть, она решила застраховаться на тот случай, если король пресытится ею и уступит какому-нибудь подходящему дворянину. Кто бы ни стал отцом ее будущих сыновей — и будь то в браке или вне брака, — Анна блюла в первую очередь их интерес.

Вскоре после возведения Анны в маркизы к Екатерине явился посланник Генриха, потребовавший, чтобы она вернула королю драгоценности — официальную собственность королевы Англии. Она отказалась, не без сарказма заметив, что тем самым ослушалась бы мужа: ведь на Новый год тот приказал ей не посылать ему впредь никаких даров. Она подчинится, лишь получив его недвусмысленный приказ вернуть драгоценности. На следующий день гонец возвратился с письменным приказом короля. Екатерине, уязвленной до глубины души, пришлось повиноваться.

Завладев драгоценностями, Анна почувствовала, что пора ей занять и место Екатерины. Встреча между Генрихом и Франциском I, официальной участницей которой значилась и Анна, должна представить ее в выгодном свете — как несомненно будущую королеву. Франциск с самого начала выказывал себя сторонником Генриха и даже неоднократно писал папе о необходимости этого развода. Встреча королей намечалась на сентябрь и должна была состояться вначале в английской колонии Кале, а затем — во французской Булони. Но тут произошла заминка. Франциск, хотя и великий бабник, все же чтит внешние приличия, а Анна была всего лишь любовницей Генриха — ведь не мог же он поверить в то, что их отношения до сих пор оставались платоническими. Он вежливо сообщил английскому послу, что его жена Элеонора (на которой он женился вскоре после смерти Клод) не сможет принять Анну. Элеонора была испанкой и к тому же приходилась племянницей Екатерине: наверняка Генриху «уже один вид испанского платья показался бы гаже самого дьявола». Что ж, тогда, быть может, сестра Франциска — давняя приятельница Анны — Маргарита, ныне королева Наваррская, согласится сопровождать Франциска? Как выяснилось, Маргарите нездоровилось. Пробежала молва, что, не одобряя катавасии с разводом, она просто отказалась встречаться с наложницей короля. Тогда Франциск предложил кандидатуру герцогини Вандомской, вероятно пряча улыбку в усы, ибо легкое поведение герцогини было притчей во языцех. Генрих только фыркнул. Должно быть, Анну больно задело пренебрежение женщины, которой она некогда так восхищалась. Позднее она писала Маргарите, что встречу с Франциском

омрачало лишь «отсутствие общества королевы Наваррской». Еще год спустя она писала Маргарите, что ее «величайшее желание — после желания иметь сына — это вновь лицезреть Вас».

В конце концов порешили на том, что дамы присутствовать на официальной встрече не будут вовсе. Анна останется в Кале, когда Генрих уедет в Булонь, а потом, когда все важные дела будут уже позади, Франциск нанесет в Кале дружественный визит. И план этот весьма удался. Генрих задал роскошный пир, превзойдя самого себя в показной расточительности. Стены пиршественной залы покрывала золотая и серебряная парча, причем ткань украшали золотые венки с камнями. За обильным угощением последовал маскарад, в котором задавала тон Анна с шестью другими «пышно разодетыми» дамами. Франциск галантно оттанцевал с Анной, а потом оба углубились в уединенную беседу. Присутствовали на банкете и прочие, пусть не столь заметные, но не менее важные персоны. Почти наверняка там находился брат Анны Джордж, виконт Рошфор, поскольку он был одним из любимейших придворных Генриха и прекрасно знал Франциска; а его жена Джейн входила в сопровождение Анны. Среди почетных телохранителей Генриха находился и Эдвард Сеймур — одаренный и честолюбивый дипломат, вероятно с любопытством наблюдавший за Анной и ее братом. Ведь своим стремительным восхождением Джордж Болейн был обязан сестре, полонившей короля. А у Эдварда Сеймура тоже имелись сестры.

Приблизительно в это время, хотя свидетельства колеблются, Анна сочла, что девство уже перестало быть тем бесценным оружием, каким оно оставалось для нее последние семь лет. Необходимо было любой ценой подтолкнуть Генриха к женитьбе, и ценой этой должно было стать неизбежное появление на свет желанного сына. А может быть, она осознавала, что ее таинственные чары начинают понемногу испаряться, а страсть, столь долгое время не находящая себе выхода, может в конце концов устремиться куда-нибудь еще. А посещение Франциска, несомненно, напомнило ей о том французском браке, что некогда замыслил для короля Уолси. Как бы то ни было, время подоспело.

К январю 1533 года Анна добилась своего и забеременела. Она надеялась, что дитя, которое она носит, окажется мальчиком. Да и Генрих был в этом уверен, поскольку его особые взаимоотношения с Богом со всей неизбежностью сулили ему сына. У него не было выбора, кроме как быстро обвенчаться с ней. 25 января, соблюдая строжайшую тайну, они поженились.

Однако эту тайну Анна не собиралась хранить слишком долго. Генрих, может быть, и надеялся выдержать некую паузу приличия, но его новой жене это не было на руку. Она стала-таки королевой и хотела сделать сей факт всеобщим достоянием. Ведь если родится девочка или вдруг случится выкидыш, то ее тайный брак может тотчас улетучиться. 15 февраля она сообщила своему дяде, что если не забеременеет к Пасхе, то отправится в паломничество, чтобы помолиться Деве Марии. Неделю спустя стало ясно, что небесное вмешательство уже не понадобится. Болтая со старым другом Томасом Уайетом в толпе придворных, она громко попросила его прислать ей яблок. «На меня такая охота к яблокам напала! — рассмеялась она. — А знаете, что говорит король? Он говорит — это значит, что у меня будет малыш! Но я говорю ему: конечно, нет. Быть такого не может. Да нет же!» И все еще смеясь, покинула комнату.

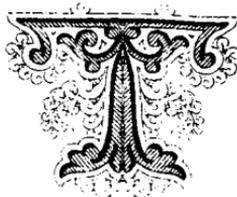
Годами над Анной хмурилось облако: в ней видели любовницу короля, — и облако это рассеялось лишь тогда, когда Генрих соизволил признать, что они женаты. Открытые намеки Анны на беременность вынудили его подтвердить: да, Анна — его жена, и к черту Климента. Неделю спустя на пир, который задала Анна в своих покоях, Генрих пригласил вдовствующую герцогиню Норфолкскую — полюбоваться на роскошное столовое серебро и гобелены, что он подарил Анне, и добавил, что Анна весьма удачно вышла замуж и у нее было прекрасное приданое. После посвящения Кранмера в сан 30 марта, начались заботы о личном хозяйстве Анны. В Пасхальное Воскресенье, во время мессы, на которую Анна явилась со всеми регалиями, священник всенародно молился о королеве Анне.

ТОМАС КРОМВЕЛЬ

Угрюмый церковник и коварный политик, Кромвель воспарил к вершинам власти из низов, так как помог Генриху избавиться от двух жен, которые перестали его устраивать. Но стоило ему промахнуться с выбором четвертой жены для короля — и звезда его столь же быстро закатилась.

АННА БЕЗ ГОЛОВЫ

Теперь, с официальным воцарением Анны, брак между Генрихом и Екатериной наконец должен был кто-то законным образом расторгнуть. Кранмер, прежде чем принять сан архиепископа Кентерберийского, втайне поклялся, что будет повиноваться папе лишь постольку, поскольку такое повинование не пойдет вразрез с волей короля. Вскоре после своего посвящения архиепископ написал Генриху письмо с просьбой позволить ему вновь поднять вопрос о первом браке короля. Генрих дал свое согласие, и Кранмер провел короткий суд, вызвав Екатерину, которая, естественно, явиться отказалась. Никто не был удивлен, когда 23 мая 1533 года Кранмер провозгласил, что этот брак недействителен и силы не имеет, ссылаясь на текст из Левита.

А Генрих и не дожидаясь вердикта Кранмера, чтобы объявить первое супружество недействительным: ведь, раз Анна уже сделала достоянием гласности второе, ему самому ничего другого не оставалось. 9 апреля к Екатерине явилась группа уполномоченных во главе с герцогами Норфолком и Суффолком (первый ликовал, второй хмурился), дабы возвестить, что отныне она не имеет права величать себя королевой. Поскольку она вдова Артура, ей следует вновь именоваться вдовствующей принцессой Уэльской. Если она подчинится, Генрих выкажет щедрость. Если же нет, то вековать ей королевской пленницей в Эмптхилле, в Бедфордшире, с бывшим своим камергером лордом Маунтджо-ем в качестве опекуна, к тому же челяди у нее значительно побавится. С тех же, кому позволят при ней остаться,

возьмут клятву обращаться к ней не иначе, как к вдовствующей принцессе.

Екатерина осталась несгибаема. Пускай челядинцев станет меньше, правда, она надеялась, что король все-таки оставит при ней духовника, врача и двух прислужниц. Да если и не оставит, она и сама справится. Но уж те, кто останутся, будут величать ее согласно титулу: никакая она им не вдовствующая принцесса — она королева!

Увы, это более не так, поспешил заверить ее Норфолк. Может статься, новость сия и не достигла еще ее слуха, но тому два месяца, как Генрих женился на Анне.

Рассчитывая, что, узнав о женитьбе короля, Екатерина дрогнет и сдастся, он глубоко заблуждался. Она утрюмо приготовилась последовать со своими приближенными, сколько бы их ей там ни оставили, в любой уголок земли, куда прикажет король. И столь же утрюмо принялась обдумывать следующий шаг в своей войне за титул.

Если одна королева решила прозябать в глуши и безвестности, то другая королева готовилась к величайшему и торжественнейшему мигу победы. Коронование Анны стало одним из самых ослепительных зрелищ при дворе, в целом все больше приобретавшем черты театра. Генрих возжелал усладить свой порядком расстрошенный народ спектаклем, который его и очарует, и вконец уверит в самом что ни на есть королевском достоинстве новой королевы. По сему случаю затевались четырехдневные гулянья «на полную катушку»: 29 мая королеву должны были по реке препроводить к ее временному жилищу в лондонском Тауэре, увенчать торжества 1 июня должна была сама коронация.

В четверг, в час пополудни, пятьдесят больших судов в сопровождении целого сонмища кораблей поменьше отчалили от Биллинггейта. Палубы их, украшенные золотой фольгой, ломились от музыкантов. Во главе кортежа неслась легкая ладья с механическим драконом, изрыгающим пламя, и дикарями-великанами, издававшими устрашающие вопли и швырявшими в воду шутихи. За нею плыли барки мэра и различных гильдий, увешанные золотой и серебряной парчой. Одна из шлюпок везла златое древо, а на ветвях его сидел белый сокол — личная эмблема Анны. Возле древа стояло несколько девиц, «сладкогласых и сладкострунных». И наконец, появилась Анна на собственном, чудесно

изукрашенном судне — в золотом парчовом облачении, в сопровождении двух знатнейших своих дам. За нею следовала не менее роскошная ладья Генриха. По берегам толпились менестрели, сыпались шутихи. Королевскую водную процессию приветствовал пушечный залп.

Следующий день был отведен для придворных торжеств в Тауэре, в том числе для посвящения восемнадцати новичков в рыцари ордена Бани (1). На субботу было назначено шествие Анны к Вестминстеру, и вновь народу было явлено зрелище. Но все это было лишь прологом к главному событию — самой коронации.

Спозаранку процессия двинулась к Вестминстерхоллу. И снова перед королевой с чинной торжественностью шествовали сливки знати, духовенства, мэр Лондона. Здесь, по крайней мере, расстояние было покороче: несколько метров отделяли возвышение парадной залы от высокого алтаря аббатства, и эти метры были устланы синей тканью. Анна предстала в платье пурпурного бархата и, как то подобает на коронации, в горностаевой мантии. Над головой ее держали золотой балдахин, а предлинный шлейф несла приемная бабушка Анны, вдовствующая герцогиня Норфолкская, высокопоставленнейшая из ее сторонниц. Сверкало и само аббатство: повсюду глаз слепило золотое сияние парчи, а для короля воздвигли особый помост с решетчатой перегородкой, позволявшей ему наблюдать за церемонией, в то же время своим присутствием не отвлекая внимания от средоточия спектакля — Анны.

По окончании торжественной мессы Анна простерлась ниц перед своим другом архиепископом Кентерберийским, и тот вознес положенные моления. Она поднялась; тогда Кранмер помазал ее, надел корону на голову, а в руку вложил скипетр. Службу продолжили дальнейшие церемонии, и по их завершении новая королева возвратилась в Вестминстерхолл, дабы вкусить краткий отдых перед пиршеством, на которое было созвано восемьсот гостей. Три перемены блюд включали восемьдесят различных кушаний, а также разные «изящества» — хитроумные сахарно-гипсовые фигурки, в том числе «восковые кораблики», особенно поразившие гостей. Наконец, измученной, но торжествующей Анне позволено было удалиться. Но отдыхать ей

суждено было недолго, ибо на следующий день намечались турниры, танцы и еще один пир.

Семь лет ждала Анна Болейн этого дня. Теперь она — королева: и Англии и миру это ведомо. И выпирающий живот, заметный даже под величественным одеянием, служил доказательством того, что у нее имеются все права на корону. Через три месяца она подарит Генриху сына, ради которого и затевалось все это великолепие и роскошество и ради которого последние семь лет были отданы сомнениям и терзаниям. Радовало сознание, что, хотя у нее могущественные враги, есть у нее и могущественные друзья. Пусть от нее отворачивается одна сестра Генриха — французская королева, — зато другая сестра, вдовствующая королева Шотландии, к ней благоволит. Маргарита, что было ей несвойственно, предлагала Анне поддержку, называла в письме «наша дражайшая сестрица» и убеждала своего сына, молодого шотландского короля, признать новый брак Генриха.

То обстоятельство, что Генрих столько времени и сил отдал коронации своей новой королевы и приготовлениям к рождению ребенка, а не оборонительной войне против Священной Римской империи, во многом объяснялось здравомыслием и представлениями о приличиях его первой жены. Месяцы, непосредственно предшествовавшие коронации, и те, что последовали за ней, таили в себе опасность, ибо большинство населения Англии было взбешено тем, как обошелся Генрих с женщиной, которую они по-прежнему чтили как королеву. В неурожаях 1533 и 1534 годов люди увидели знамение того, что Господу противен сей брак. В кабаках слышался мятежный ропот. Шапки из кожи вон лез, чтобы воспользоваться этим гневом народным. 10 апреля он написал Карлу: «Приняв во внимание то оскорбление, что нанесено Госпоже тетушке Вашей, едва ли избегнуть Вам войны против сего короля и сего королевства». И придется она сейчас как нельзя кстати, — прибавлял он, — «ибо нет у короля ни конников, ни капитанов, а сочувствие народа всецело на стороне королевы».

Иные из баронов с севера намекали Шапюи, что императорское вторжение будет только приветствоваться. К посланнику приходили совещаться лорды Дарси и Хасси, а также влиятельная маркиза Экстерская. Сам Генрих пре-

красно сознавал, какой любовью пользуется Екатерина и среди знати, и среди крестьянства. Позже он признавался совету, что, случись Екатерине замыслить такое, «она бы без труда созвала огромную рать, устроила смотр полкам и повела бы против меня войну столь свирепую, сколь те, что в Испании снаряжались матерью ее Изабеллой».

Шапюи обдумывал и другие задачи: Екатерину и Марию следует тайком вывезти из Англии, дабы они пребывали в безопасности до успешного завершения этой войны, а после нее, как предполагалось, они возвратятся домой и будут победоносно править Англией.

Но Екатерина и слышать не хотела ни о чем подобном. К Шапюи она искренне привязалась, называла его своим *especial amigo** и часто полагалась на его советы. Но она отказывалась разжигать войну против мужа, которого по-прежнему любила. «Я не подвигну Его Святейшество на войну, — с твердостью отвечала она. — Я скорее умру, нежели сотворю подобное». Бежать она тоже не соглашалась, ибо это «было бы грехом перед лицом закона и мужа моего законного». Шапюи пришел в отчаяние. Та самая решимость, что всегда вызывала его восхищение, встала теперь глухой стеной, о которую разбивались все его благие намерения.

Вскоре после коронации Анны еще одна делегация переступила порог покоев Екатерины. Она была больна и потому принимала королевских вестников, не вставая с постели. Однако телесная немочь не подкосила ее духа и достоинства. Она настояла на том, чтобы слуги ее оставались в опочивальне, пока посланцы с лордом Маунтджоem во главе зачитывали королевские приказы — все те же приказы, с которыми он носился с самого начала. Екатерина в свой черед повторила то же самое, что отвечала и раньше. Если сам папа объявит ее брак недействительным, тогда она примет его суждение. В противном же случае она остается королевой. Лорд Маунтджой предъявил ей перечень приказаний, и, принявшись читать, она вымарывала выражение «вдовствующая принцесса» везде, где оно попадалось: перо дырявило бумагу, полосую ненавистные словеса. Маунтджой мягко заметил, что ее будут судить за измену. Она накину-

* Задуманный друг (*исп.*).

лась на него, требуя доказательств. Ведь единственное, что она содеяла, — отвергла самоубийственное признание, будто состояла «в девках у короля все эти двадцать четыре года». Маунтджой отбыл, несолоно хлебавши. Да и чего другого мог он ожидать после всех этих лет?

Выслушав донесение Маунтджоя, Кромвель не удержался от похвалы женщине, которую стремился изничтожить, и удостоил ее высшего комплимента, какой только мог помыслить: «Природа ошиблась, не сотворив королеву мужчиной. Кабы не ее пол, она бы затмила всех героев истории».

Но сей мужественный дух надлежало сломить. В июле Екатерина получила приказ отправиться в маленький захолустный Бакденский дворец в Хантингдоншире, а штат ее слуг был вновь урезан. В числе тех, кого при ней оставили, находилась горстка фрейлин, врач, два капеллана (одним из них был стойкий в верности Томас Эбелл) и, благодарение Богу, ее старый друг Франсиско Фелипес, немало претерпевший у нее на службе. Мария де Салинас — подруга, которую она «любила более, нежели кого иного из смертных», — не последовала за ней: надо полагать, ей запретил это король.

Путешествие из Эмптхилла в Бакден выдалось веселое, ибо дороги полнились людьми, выкрикивавшими благословения своей испанской королеве вслед более чем скромному кортежу. Генрих воспретил ей подавать милостыню, опасаясь, как бы ее привычная щедрость не разожгла еще большей ненависти к его новому браку. Но простой люд приветствовал свою нищую королеву так, словно расточаемые ею улыбки были золотыми монетами.

За те недели, что последовали за коронацией Анны, Екатерину постигла еще одна потеря. 24 июня умерла французская королева Мария Тюдор, ее старая приятельница. Мария до конца сохраняла верность Екатерине. Незадолго до коронации Анны она приехала в Лондон на свадьбу своей дочери Франчески с маркизом Дорсетом. И хотя здоровье ее было неважным, она вызывающе предпочла вернуться домой, нежели принять приглашение брата присутствовать на коронации.

Через три месяца после смерти Марии ее вдовец женился на своей молоденькой подопечной Кэтрин Уиллоуби. Кэтрин уже не один год жила в доме Суффолков, и, должно

быть, переход из состояния подопечной к состоянию жены показался ей достаточно плавным, к тому же женитьба мужчины средних лет на девушке, не достигшей и двадцати, была вполне в обычаях эпохи. Герцог же обрел не только дитя-невесту, но и грозную тещу, ибо Кэтрин Уиллоуби была дочерью Марии де Салинас.

Под Рождество 1533 года Суффолка вновь отрядили в очередную делегацию с угрозами королеве. Ему вменялось в обязанность взять с приближенных Екатерины клятву, что они будут обращаться к ней «вдовствующая принцесса», а упрямцев уволить. После чего он должен был препроводить Екатерину и остатки ее бывшей свиты в неблагоприятный с точки зрения климата и расположенный на отшибе замок Сомерсем посреди фенов*. Наверное, Генрих, или Анна, или Кромвель надеялись, что и без того недужная королева простудится да сгинет в глуши лесов и топи болот.

Суффолк проклинал возложенное на него поручение; как передавала Мария Шапюи, герцог призывал на свою голову любые дорожные напасти, лишь бы что-нибудь помешало ему выполнить приказ. Эта история любопытна по двум причинам. Во-первых, она показывает, насколько Суффолк отошел от своей прежней позиции, когда безоговорочно поддерживал дело о королевском разводе, и, во-вторых, свидетельствует о том, что Мария де Салинас состояла в деятельном союзе с Шапюи. Брак герцога оказался на руку королеве: отныне у нее появился лазутчик в стане врага, и все, что было известно ближайшему другу короля касательно намерений Генриха, благодаря его теще достигало слуха испанского посла.

К огорчению Суффолка, на пути в Бакден его не поджидали никакие происшествия. Он вновь предстал перед Екатериной и передал ей посулы и угрозы Генриха. И вновь она повторила, что не предаст ни себя, ни своего супруга, отрекшись от связавшего их брака, и что не потерпит у себя прислуги, обращающейся к ней как к вдовствующей принцессе. И по своей воле она не поедет в Сомерсем: тамошний климат погубит ее, а соглашаться на собственную

* Так называется болотистая местность в Кембриджшире и Линкольншире. Само слово *fen* и означает «болото», «топь».

погибель — грех. Туда ее доставят только силой. Она повернулась от Брэндона прочь и заперлась в одном из покоев. Окружение королевы тоже взбунтовалось: никто не согласился давать клятву, и обессиленный герцог велел запереть их всех в привратничьей будке, надеясь, что страх вырвет из них клятву.

Наутро Суффолк и остальные уполномоченные снова пустились в тщетные препирательства с Екатериной, перекрикиваясь через запертую дверь. А между тем под стенами замка кружили окрестные земледельцы, и в случайность их «прогулок» сложно было поверить. Выбившись из сил, Суффолк направил письма Генриху, Кромвелю и Норфолку, в отчаянии объяснив им, что «нет иного средства, кроме как силою доставить ее». На этот шаг он не мог пойти без королевского приказа и потому просил немедленно выслать ему указания.

Но Генрих был слишком увлечен рождественскими торжествами, чтобы снизойти до ответа, и Брэндон, уставясь на запертую дверь, провел унылейший из праздников. Наконец, когда наступил последний день года, он не выдержал. Ему нужно было сделать хоть что-то, чтобы сохранить видимость и убедить Генриха, что он выполнил свой долг. Он разорил те из комнат, в которые смог войти, забрав покрывала и мебель, и свалил их кучей во дворе. Затем велел освободить слуг, но нескольких для вида арестовал. Увы, среди них оказался и Томас Эбелл, которого заточили в Тауэр.

✪ Если Генрих выказывал по отношению к бывшей жене все бóльшую жестокость, тому были причины. Дела шли вовсе не так замечательно, как он надеялся во время коронации Анны. Для начала папа, прослышав о новом браке Генриха и о короновании его беременной жены, наконец предпринял ответное действие, хотя и ограниченное. 11 июля он провозгласил их брак недействительным и силы не имеющим, возвестив также, что Генрих будет отлучен от церкви, коли не расстанется с Анной и не вернется к Екатерине к сентябрю месяцу. Но вместе с тем он и не сделал официального заявления о правомочности первого

брака Генриха. И все же впервые за много лет английскому королю прямо грозили отлучением.

Генрих был ошеломлен. Но он знал, что именно в сентябре, когда угроза должна исполниться, Анна родит ему сына, и тогда папа воочию убедится, насколько Генрих прав.

26 августа Анна «удалилась в свои покои». Отгородившись от мужского мира, королева возлежала на царственной кровати, а все обязанности, обычно выполнявшиеся ее слугами, взяли на себя ее дамы до тех пор, пока не родится дитя. Дитя родилось одиннадцать дней спустя. Изможденная многочасовыми родовыми муками королева еще лежала без сил, а неутешительная новость уже достигла ушей Генриха. Он вновь сделался отцом крепенькой девочки.

Да, рождение принцессы Елизаветы явилось тяжким ударом. Придворные астрологи в один голос твердили, что будет сын. Генрих уже отдал распоряжения относительно турнира, которым должно отпраздновать рождение мальчика. Он уже заготовил для произнесения перед народом официальную речь по случаю рождения принца, а другой, запасной бумаги, если младенец окажется принцессой, и в помине не было. Пришлось срочно засадить камергера Анны за вписывание в документ после слова *принц* недостающих буквочек: *-есса*.

Если бы Генрих искренне полагал, что отсутствие у него законного наследника знаменовало Божие недовольство его первым браком, то он увидел бы в рождении Елизаветы знак того, что он либо неверно истолковал волю небес, либо жестоко ошибся, избрав в супруги сестру бывшей любовницы. Уж во всяком случае, подобные сомнения были бы в порядке вещей. Но Генрих желал Анну, а это означало, что Богу угодно, чтобы он был с ней. В рождении Елизаветы следует усматривать лишь генеральную репетицию перед появлением сына. Турниры были отменены, а праздника урезаны до уровня, приличествовавшего рождению девочки, но крестины, состоявшиеся 10 сентября, прошли с подобающей торжественностью. Случись при этом Генриху вспомнить другой такой день, когда он улыбался другой малютке дочери с уверенностью, что «волею Божией, сыновья еще будут», должно быть, он поспешно прогнал эту мысль. На сей-то раз сыновья *действительно* будут.

Страсть Генриха к Анне не угасала. Пусть она и подвела

его, произведя на свет дочь, зато теперь она нужна ему как никогда, дабы доказать и самому себе, и всему миру, как он был прав. Они были не просто любовниками: они были союзниками — в борьбе против Екатерины, в борьбе против папы, осмелившегося говорить вместо Бога. Генриху было смертельно необходимо самому уверовать в собственную правоту. Он слишком многое поставил на карту, он уже навредил слишком многим. Портрет, набросанный Шекспиром в «Генрихе VIII», одномерен и неубедителен, но сущность этого человека схвачена им в описании другого властолюбца — герцога-самозванца из «Бури»:

Свою он память утопил в грехе,
Во лжи плещась, и вскоре сам поверил,
Что герцог он и впрямь*. (2)

Генриху необходимо было поверить, что Бог говорит его устами, а не устами Климента, а чтобы поддержать такую убежденность, он должен поддерживать в себе страсть к Анне и свою уверенность, что она подарит ему сына, который оправдает его в глазах всего мира.

В свой черед Анне нужно было, чтобы Генрих верил в нес, просто ради выживания. И потому она встала с ним плечом к плечу в ожесточенных нападках на папскую власть. Хотя у нее на то имелись и собственные соображения религиозного порядка. Протест Анны против традиционной религии был более глубоко прочувствованным, нежели протест Генриха. «Защитник веры» задира папу просто потому, что папа задирал его, Анна же подлинно сочувствовала Реформации и, живи она дольше, вероятно, стала бы вполне оперившейся протестанткой.

В 1531 году Эсташ Шапюи заявил, что Анна «лютеранка пуще самого Лютера». Но Шапюи был страстным католиком, а ненависть к Анне заставила швырнуть в нее самое отвратительное ругательство, какое ему было известно. На заре Реформации слово *лютеране* применялось очень широко: им называли приверженцев любой из ветвей религиозной оппозиции. А ветвей таких появлялось все больше, причем некоторые из них напрочь расходились с пропове-

* Акт I, сцена II.

дями Мартина Лютера. До каких бы радикальных идей ни дошла Анна, будь ей отпущен больший срок, — в течение своего краткого царствования она была евангелисткой, а вовсе не отъявленной «еретичкой». А памятуя ее живейшую привязанность к Маргарите Наваррской, которую она столь близко узнала за годы, проведенные во Франции, это едва ли может удивить. Маргарита не только придерживалась радикальной веры — ее религиозные сочинения громко заявляли о том, сколь важна роль женщины в истолковании божественных материй.

Как бы то ни было, не сохранилось никаких упоминаний касательно того, чтобы Анна когда-либо отрицала учение о пресуществлении — один из величайших камней преткновения в протестантизме. И она явно верила, что добрые деяния могут обеспечить местечко на небесах. — вполне добропорядочное католическое убеждение, шедшее вразрез с лютеранским утверждением оправдания верой, согласно которому одна лишь вера в Иисуса Христа способна даровать спасение. Незадолго до казни Анна сказала тюремщику: «Я стану святой на небесах, потому что сотворила много добрых деяний в жизни».

Но если Анна сама и не была протестанткой, то за свое скоротечное правление чрезвычайно сблизилась с протестантами. Э. У. Айвз, опираясь на достоверные свидетельства, настаивает на том, что Анна «не была катализатором английской Реформации: она явилась лишь элементом уравнения». Она использовала свое влияние на Генриха, чтобы добиться важных назначений для ряда епископов-реформаторов, в том числе для воинствующего Гуго Латимера, которому в более поздние годы царствования Генриха будет запрещено проповедовать. Капелланов она себе подбирала среди реформаторов. В их числе оказался Уильям Латимер, позднее сочинивший цветистое прославление ее реформаторства, и Мэтью Паркер, который станет первым на королевском веку Елизаветы архиепископом Кентерберийским. Анна определила Паркера в коллегиальную церковь в маленьком городке под Садбери и обеспечила его реформы покровительством: он получал постоянное место проповедника и постоянное вознаграждение и мог беспрепятственно читать лекции по Библии.

Помимо принятия постулата о королевском верховенст-

ве (бессмысленно даже задаваться вопросом, были ли в данном случае убеждения Анны искренни, настолько это затрагивало ее собственные интересы), важнейшее место среди реформистских верований Анны заняло убеждение в основополагающей роли Священного Писания. У нее имелась по меньшей мере одна копия Библии в переводе Тиндейла, запрещенного Генрихом ввиду предосланых ему лютеранских заявлений. По словам Уильяма Латимера, на аналое в ее покоях лежала еще одна английская Библия — для чтения фрейлин.

Анна защищала Библию на английском языке и за пределами своего двора. Год спустя после вступления на царство она услышала о некоем Ричарде Хермане, изгнанном из английского купеческого общества в Антверпене за то, что он «как достоянием своим, таким и действием, к великому ущербу и убытку своему в мире сем, пособлял перелагать Новый Завет английским языком». Анна вмешалась и заставила восстановить его в прежних правах. Другие жертвы религиозных гонений тоже обрели в Анне заступницу. Она приютила француженку, известную как госпожа Мария, бежавшую в Англию, и помогла другому французу-протестанту, Жану Штурму, раздобыть бумаги, необходимые для выезда из Франции. Французский реформатор Никола Бурбон был схвачен и лишен всей собственности (что самое обидное, даже ручного соловья). Когда весть о его беде дошла до Англии, Уильям Баттс — придворный лекарь, пользовавшийся Анну, когда ее сразила потная болезнь, — попросил у Анны содействия, и та убедилa Генриха обратиться к Франциску. Бурбон перебрался в Англию, и Анна платила за его жилище. В стихотворении, написанном несколько позже, он особо воздавал благодарность Анне за свое вызволение: «Не за грехи — по ложному навету.../ Томился я в темнице под замком.../ Нежданно жалость ваша воссияла,/ Мне, Анна, средь унынья и тоски,/ И к свету снова вырвала из мрака./ Не то бы вечно гнить в оковах мне/ И сгинуть в заточенье безвозвратно».

Сострадание Анны простиралось и на изгнанников веры ради. Возможно, следуя примеру Гуго Латимера, чья помощь сирым нередко обрушивала на него гнев знати, она выказывала заботу о страданиях низших сословий и бедняков. Она строго-настрого наказывала подчиненным, чтобы

все бедные просители незамедлительно получали помощь, а если кто-то обходил просителя вниманием, она вмешивалась в дело лично. Во время обязательных королевских объездов она и ее фрейлины раздавали бедным одежду, за шитьем которой проводили так много времени. Вдобавок, бедняки получали каждый по шиллингу; беременным женщинам вручали пару простынь и два шиллинга. Однажды она пожертвовала 20 фунтов одной из прихожанок Гуго Латимера, у мужа которой недавно пала вся скотина.

Приятно видеть Анну именно такой — заботливой и задумчивой, отвернувшись от того навязчивого образа порочной строптивицы, что сложился за три года ее замужества. Правда, она нередко устраивала Генриху сцены, но ее раздражительность не заслуживает осуждения. Что бы ни претерпел Генрих в новом супружестве, он сам накликал это на свою голову, и власть оставалась всецело на его стороне. Анна проявляла жестокость и к другим, но эту жестокость разделял и Генрих, и именно Генрих имел власть для ее насаждения.

Если это и покажется здесь преувеличением, то лишь благодаря тому, что историки чаще вторят тем из современников, кто винил Анну, а не Генриха в злодеяниях, посыпавшихся вслед за разводом. Поныне живуч образ коварной соблазнительницы, охмуравшей слабого и безобидного мужчину и притеснявшей падчерицу: многие так и рисуют себе Анну. Но Генрих был далеко не безобиден и далеко не слаб, и что вершил — вершил по собственной воле. Анна же была одновременно и его сообщницей, и его жертвой. И мы, в нашем отвращении к первому, рискуем проглядеть второе.

Разумеется, Анна была не сахар. Пользуясь своим влиянием на Генриха, она грубо обходилась с теми, кто вставал у нее на пути. Она пошла ва-банк, пообещав Генриху, что подарит ему сына. Сознывая, что другие увидят в рождении Елизаветы знак того, что брак короля был ошибкой, она молилась, чтобы Генрих с ними не согласился. Что бы она ни делала — все должно служить ее образу королевы, все должно подтверждать ее право на престол. До тех пор пока у нее не появится сын, ее будет преследовать лицо *той* — стареющей, отверженной, заточенной в Бакденском дворце женщины, ибо через несколько лет это лицо может стать ее лицом. И Анне придется куда горше, чем Екатерине. Как-

то раз, в 1530 году, во время ссоры с Генрихом. ей припомнилось, что «в древних пророчествах предсказано, что об эту пору будет сожжена некая королева». И у нее из памяти не шел тот рисуночек, что был когда-то подброшен к ней в комнаты, где она была изображена без головы.

Даже не будь того пророчества, действительность, которую предсказывал разум, представлялась неутешительной. Если замужество Анны окажется расторгнуто, она не станет вдовствующей принцессой со всеми вытекающими общественными и денежными последствиями, хотя титул маркизы Пемброкской и обеспечит ей какой-никакой доход. Она станет знатной отщепенкой, опорочившей свою семью, любовницей в отставке — как ее сестрица Мэри, — но только, в отличие от Мэри, ее будет ненавидеть почти вся страна, а шансов на удачное замужество не останется. Может быть, ни на какое замужество. Если Генрих вознамерится расторгнуть брак, то, уж конечно, на основе того брачного договора, что некогда связывал ее с Генри Перси. Летом 1532 года уже раздавался зловещий шум по поводу ее отношений с Перси: его жена, пытаясь избавиться от своего жалкого брака, заявила, что ранее Перси был помолвлен с Анной. Король встрял в тяжбу и удовольствовался клятвой Перси, что никакого брачного договора не было. Но что ему стоило передумать?

Анна знала, что при дворе у нее есть враги. Ее недолюбливал Николас Кэрю, один из придворных любимчиков Генриха. Норфолк, ее дядя, ценивший в женщинах исключительно послушание, понял, что его племянница отнюдь не марионетка в его руках, и тоже воспылил к ней враждой. Теперь еще и Суффолк вслед за женой проникся к ней презрением. Были еще маркиза Эксетерская и Маргарет Поул, графиня Солсберийская, близкие подруги прежней королевы. Все они до поры до времени хорошенько затаят враждебность, лишь распуская порочащие ее сплетни.

Наверное, были и другие, ей не ведомые, враги или просто такие люди, которые могли бы ополчиться против нее, отстаивая собственные выгоды. Она и сама поначалу не была врагом Екатерины: оставалась просто тщеславной фрейлиной, пока Генрих глаз на нее не положил. А ведь фрейлин и сейчас вокруг хоть отбавляй, да и тщеславных особ при дворе немало.

А за пределами двора тоже было кого опасаться. Например, Элизабет Бартон, известная больше как Кентская Монахиня, прославившаяся мистическими пророчествами и целительством. Она вполне довольствовалась своей безвестностью до тех пор, пока не услышала, как и Жанна д'Арк, ангельские голоса, чьим велениям сочла нужным подчиниться. В 1527 году «голоса» потребовали, чтобы она выступила против королевского развода. Она во всеуслышание объявила: Генрих умрет через месяц, если вступит во второй брак. У самой Монахини не было никаких политических побуждений: она просто возвещала миру то, что услышала от ангелов. Будь она одна, ее можно было объявить безумицей или орудием сатаны. Но она привлекала внимание тех, кто тоже противился этому разводу и женитьбе Генриха на Анне Болейн. В 1533 году ее схватили вместе с пятерыми последователями. В апреле 1534 года всех казнили. Ее мученичество пало тенью на Анну.

24 марта 1534 года Климент наконец вынес вердикт по делу Генриха и Екатерины: их брак был признан законным перед лицом Бога и церкви. Решение явилось слишком поздно, чтобы хоть чем-то помочь Екатерине, но подлило масла в огонь тех, кто и так пылал враждой к Анне.

Раздувал этот огонь и сам Генрих, беспощадно сметавший с дороги всех, кто осмеливался встать поперек. Причем не только таких людей, как епископ Фишер, открыто высказывавшихся против нового брака, но и тех, кто без лишнего шума следовал собственной совести. Елизавета I, как известно, не любившая отыскивать «окна в души людей», пошла явно не в отца. Томас Мор, ни словом не осудивший развода, но отказавшийся высказаться в его поддержку, в апреле 1534 года был взят под стражу. Спустя несколько недель за ним отправился Фишер. Летом к ним в Тауэре присоединилась целая группа монахов-картузианцев (3), которые, как и Мор, отказались подписать клятву о престолонаследии; но ничем не выразили протеста ни против самой присяги, ни против женитьбы короля. Раздавалось все больше голосов, винивших в этих гонениях Анну, но ниоткуда не явствовало, что она подстрекала к ним. Даже Шапюи, всегда державший ухо остро, чтобы при случае напасть на Анну, не приписывал ей этой вины. Ведь эти упрямцы представляли угрозу именно для Генриха,

точнее, для его королевского верховенства. ведь именно Генрих вершил их судьбы. Какое бы облегчение ни принесли Анне их казни в следующем году, особенно казнь смелого на язык Фишера, — должно быть, они пробудили в ней смутное беспокойство. Ведь Фишер некогда был ближайшим другом Маргариты Бофор, да и Генрих знал его всю жизнь. Мор был любимым собеседником самого Генриха. Человек, способный на убийство друзей, — не самый надежный муж.

Однако сейчас враги ничем не могли навредить Анне, потому что она снова была беременна. И снова Генрих взялся за приготовления: серебряная колыбель, младенческие платяца из золотой парчи. И затем, в конце июля — выкидыш. Даже женщина менее мнительная, чем Анна, поняла бы, сколь шатко ее положение, и, пожалуй, даже женщина с более добрым сердцем на ее месте набросилась бы на любого, кто покусился бы на ее королевское величество.

И Анна набросилась. Как ни печально (но и предсказуемо), двумя главными предметами ее ненависти сделались та женщина, которую она вытеснила, и дочь той женщины. Как передаст Шапюи, Анна поклялась, что не успокоится до тех пор, «пока и королеву, и ее дочь не отравят или иначе как не умертвят». Несомненно, он сгущает краски, ибо, замышляя Анна и вправду отравить соперниц, она бы позаботилась, чтобы смерть их выглядела естественной, и не стала бы распространяться о своих намерениях. Но она действительно потребовала, чтобы Генрих по закону казнил Екатерину и Марию, так как они не подписали клятву о престолонаследии, объявлявшую наследницей трона Елизавету, если от королевского супружества не родятся сыновья.

По правде говоря, Анна никоим образом не смогла бы обойтись с Екатериной и Марией «по-доброму»: ведь само ее существование в качестве жены Генриха было уже величайшей бедой, какую она им причинила. Вначале она совершила несколько неуклюжих попыток подружиться с Марией при том условии, что Мария признает ее королевой, но Мария склонялась на такое ничуть не больше, чем Екатерина. Лишь поняв, что из заискивания ничего не выйдет, она перешла к угрозам.

Других примеров жестокости со стороны Анны. пожа-

луй, нет, если не считать некоторых недобрых поступков. В 1534 году ее сестра Мэри тайно вышла замуж за Уильяма Стэффорда — воина, с которым повстречалась во время поездки в Кале в 1532 году. Анна пришла в ярость и, заручившись поддержкой клана Болейнов, отослала Мэри прочь от двора. Такой поступок весьма озадачивает: ведь до сих пор Анна всегда была чрезвычайно милостива к Мэри — «черной овечке» в своей семье. Воспользовавшись своим влиянием, она помогла сестре ее первого мужа стать аббатисой зажиточного Уилтонского монастыря; она раздобыла источник средств для Мэри, когда ее муж Уильям Кэри умер от потной болезни, оставив ее в нищете: она включила Мэри в число дам, сопровождавших ее в Кале, и, наконец, сделала ее своей фрейлиной, став королевой. Но теперь, как никогда, Анне требовалась полнейшая видимость безупречного королевского достоинства, а брак сестры с человеком, стоящим ниже ее на сословной лестнице, ронял это достоинство в глазах света.

Возможно, у негодования Анны имелась и другая причина. В письме Кромвелю Мария, умоляя его использовать свое влияние, чтобы ей позволили вернуться ко двору, красноречиво описывала, как Стэффорд вызволил ее из глубочайшего несчастья. «Я пребывала в рабстве, — писала она, — и была счастлива оказаться на свободе... Я узрела, как мало значу для мира, и как много — для него, и решила, что нет для меня участи лучшей, кроме как выбрать его, а о прочем всем позабыть, и вести с ним жизнь бедную и честную». Понимая, что «могла бы найти человека более высокородного, уверяю вас, никогда бы я не нашла человека, который любил бы меня больше... Я бы скорее согласилась просить вместе с ним на пропитание, нежели быть могущественнейшей из королев». Мало вероятно, чтобы Анна видела это письмо, но раз уж Мэри допустила неосторожность, доверив подобные чувства Кромвелю, она наверняка была столь же неосторожна, излив их в разговоре с Анной. Должно быть, она понимала, что Анна-то вышла замуж не по любви, а из надежды стать «могущественнейшей из королев». Ирония их судеб не могла укрыться ни от одной из сестер. Мэри, в былые дни покоровшись Генриху, как только он ее впервые возжелал, теперь обрела подлинное личное счастье. А Анна, годами укрывавшаяся броней

целомудрия, оказалась заложницей сначала Генриха, а затем собственного тщеславия, воцарившегося на месте прежней надежды. Может быть, Анна просто злилась на счастье сестры.

Прогнав сестру, она поступила глупо. Число врагов Анны при дворе росло с каждым днем, и едва ли позволительно было потерять друга, пусть даже друга столь незначительного, каким была ее сестра. Фрейлины были полезными союзницами, но из них выходили и опасные противницы. Их легко можно подкупить, и их посвященность в повседневный быт королевы превращалась в ценный источник сведений для врагов.

Неясно, каковы были отношения Анны с ее другими дамами. До нас не дошло таких рассказов о неразлучной дружбе и неколебимой верности, какие появлялись в царствия Екатерины Арагонской и Катарины Парр. Нам в удел осталась лишь скудная горстка осколков, сложив которые, можно различить смутную картину: королева любезно обходилась с фрейлинами, но держалась на расстоянии, всегда помня, что стоит выше. Сохранились воспоминания о том, как Анна с фрейлинами вместе сидели за шитьем, трудясь то над роскошными покрывалами для двора, то над одеждой для бедняков; о том, как однажды она танцевала с вельможами Генриха. Известна и другая картина: как четверо верных дам, оставшиеся неназванными, в день казни сопровождают Анну на эшафот. Энн Гейнсфорд встревожилась за Анну, увидев жестокое изображение своей королевы без головы. Даже многие годы спустя Гейнсфорд — в ту пору уже мадам Зуш — с теплотой вспоминала бывшую госпожу, так что, возможно, между ними действительно была дружба. Королева питала расположение и к Элизабет Браун, ибо даже после ареста, когда у нее своих забот хватало, она беспокоилась, не случится ли у ее прежней прислужницы выкидыш. Впрочем, в конце концов Браун свидетельствовала против королевы, поэтому вряд ли дружба была такой уж тесной.

Любопытно, в каких отношениях Анна была с Бесс Холланд, любовницей своего дяди Норфолка. Происхождение Холланд, очевидно, более благородное, нежели заставляет предположить ее бытность прачкой в юности: дальним родственником ей приходился лорд Хасси. И все же от

прачки до королевской фрейлины — скачок немалый. К тому же, памятуя о повышенном «чувстве приличия» Анны в делах придворного протокола, весьма трудно понять, что заставило ее принять Холланд в свой круг, поскольку к дяде своему она никогда не питала симпатии. Быть может, она почувствовала некое родство с еще одной презируемой «другой женщиной»? К сожалению, никаких свидетельств об их отношениях не осталось.

После выкидыша Анна особенно остро ощутила потребность в друзьях. Смерть ее нерожденного сына положила конец и той всепоглощающей страсти, которой пылал к ней Генрих. Поразительно, что она длилась столько лет. Ведь Генрих — как показало его обращение с Екатериной и с Томасом Мором — не был способен на любовь. Его величайшей страстью оставалось себялюбие, а привязанности к другим людям теплились лишь постольку, поскольку он видел в них отражение собственного образа. Некогда Анна бросила вызов этому образу, и он принялся преследовать ее, влюбившись в само преследование. Но те самые черты, что вначале завораживали его, делая Анну недосягаемой, — ярая независимость, буйное веселье, страсть к самоутверждению, порой звучавшая эхом его собственного нарциссизма, — пресытили его, стоило ему овладеть ею. Вероятно, Генрих был пресыщен раньше, чем показал это, быть может, еще до женитьбы. Но Анна была нужна ему для оправдания собственных действий. Он бы не позволил никому — и прежде всего себе самому — догадаться, что его великая любовь оказалась просто чувственным влечением, таким же, какое испытывают сотни других мужчин к сотням других женщин, таким же, каким была страсть Норфолка к его прачке. До тех пор, пока от Анны можно было ждать сына, Генрих должен был верить, что любит ее.

Анна тоже в это верила. Но уже летом 1533 года, согласно Шапюи, она «впала в ревность — и не без оснований». Генрих, по всей видимости, обзавелся новой любовницей, и Анна осыпала его «словами... которые пришлось ему не по нраву». Он заявил, что ей придется закрыть на это глаза и смириться, «как это делали и другие, достойнейшие ее». Он напомнил ей, что именно он возвысил ее до нынешнего положения и что ему ничего не стоит снова отнять его. Но за ссорой последовало примирение, и

Генрих сказал Анне, что так любит ее, что скорее согласился бы ходить с протянутой рукой, нежели расстаться с ней.

Осенью 1534 года, после первого выкидыша Анны, Шапюи записал, что Генрих увлекся одной из «благородных девиц» королевы. Екатерину в былое время весьма огорчали связи Генриха, но, коль скоро они пребывали в тени, она мирилась с ними как с неизбежностью. Но Анна неверно толковала чувство Генриха к ней, приняв силу за глубину, и просто не могла поверить, что мужчина, стольким пожертвовавший ради нее, теперь поглядывает на других. Она потребовала от Генриха оставить эту женщину, но он только огрызнулся, вновь попрекнув, что «следовало бы помнить ей, откуда она взялась». Вознамерившись разорвать эту связь, Анна затеяла заговор со своей невесткой Джейн Рошфор, дабы сделать жизнь сей леди при дворе столь невыносимой, что она сама предпочтет удалиться. Генрих раскрыл заговор и в гневе прогнал саму леди Рошфор.

На ложе Генриха безымянную леди вскоре заменила кузина Анны Мэдж Шелтон, но и эта связь оказалась преходящей. Однако эти связи — неважно, преходящие или нет, — угрожали благополучию Анны. Не следует думать, будто она была влюблена в своего мужа, для того чтобы понять, что его измены ранили ее больше, чем некогда Екатерину. Пока на Генриха не напали запоздалые угрызания совести, Екатерина была убеждена, что ее положение в качестве жены Генриха незыблемо. У Анны же имелись достаточные основания полагать, что в ее случае это не так. В отличие от Екатерины, она уже «не могла себе позволить» иметь неверного мужа, по крайней мере, до тех пор, пока не родит ему сына.

И наконец наступил день, когда новое увлечение короля оказалось не случайной интрижкой, и опасения Анны подтвердились. Генрих вновь решил, что влюблен, влюблен в женщину, столь же разительно отличавшуюся от Анны, сколь сама Анна отличалась от Екатерины.

Анна уже была некоторое время знакома с Джейн Сеймур. Джейн, появившаяся при дворе в 1529 году, состояла во фрейлинах при Екатерине Арагонской. С ней произошла печальная история наподобие той, что пережила Анна: ее любви помешал социальный снобизм. Правда, здесь разрыв

не был подстроен королем-сластолюбцем. Джейн прониклась привязанностью к молодому Виллу Дормеру, сыну сановного вельможи сэра Роберта Дормера и леди Дормер. Ее кузен Фрэнсис Брайян от ее лица подступился было к Дормерам. Но даже близость Брайяна к королю не произвела на них никакого впечатления. Сеймуры недостаточно хороши для Дормеров — и весь сказ. Виллу Дормеры подыскали жену «под статью», а Джейн отправили ко двору.

На этом сходство с судьбой Анны заканчивалось. Если сердце Джейн было разбито, об этом никто не упоминал. В отличие от Анны, она никому не клялась отомстить — ни капли ярости, ни признака бунта против тех, кто решил ее участь. Джейн просто поступала так, как ей велели.

Возможно, она и оставила двор летом 1533 года, когда штат Екатерины был урезан, но если это так, то к началу 1534 года она уже вернулась. В приходских книгах ее имя значится в числе фрейлин Анны, получивших от Генриха подарки к Новому году.

При дворе обретался и ее брат Эдвард — тот самый телохранитель, что сопровождал Генриха и Анну в Кале. Эдвард, отличавшийся дальновидностью, смекалкой и тщеславием, был по-дружески расположен к Анне и тоже сочувствовал движению реформаторов. На данном этапе цель, которую он полагал наивысшей для своей сестры, была достигнута: ибо находиться при королеве фрейлиной — что могло быть слаще (в политическом смысле) для женщины? При этом он не терял бдительности, и, когда взоры Генриха устремились к Джейн, он был во всеоружии.

По-видимому, это произошло в начале сентября 1535 года. Генрих с Анной находились в традиционном объезде, и одной из остановок на их пути стал Вулфхолл, дом отца Джейн сэра Джона. Возможно, Джейн прибыла в дом отца раньше, возможно, она находилась среди свиты Анны, — во всяком случае, ее присутствие было весьма заметным. Быть может, Эдвард позаботился о том, чтобы король обратил внимание на скромную прелесть его сестры в уютной обстановке отцовского дома. Так или иначе, вскоре король открыто ухаживал за этой невозмутимой и невзрачной дамой.

Как и в начале ухаживаний за Анной, король сперва и не помышлял о женитьбе. Да и сейчас он был расположен

к этому куда меньше, чем в те дни, когда в нем зажглась страсть к Анне: его разборка с женами была встречена на всем континенте осмеянием с ужасом пополам, а его собственный народ все еще уповал на то, что он бросит Анну и вернется к Екатерине. Отвергнуть же Анну и жениться на *еще одной* женщине — такое вызвало бы не только скандал, но и гражданскую войну, к тому же сделав из него посмешище для всей Европы.

Освободить его от второй жены могла лишь смерть первой. Екатерина все старилась и все болела, но оказалась на редкость живучей. Вскоре после того, как папа провозгласил ее брак законным, Генрих вновь направил к ней своих уполномоченных с увещеваниями — на сей раз во главе с Эдвардом Ли, архиепископом Йоркским, и Кутбертом Танстеллом, епископом Дирэмским. Королевские посланники вслух зачитали перед ней клятву о престолонаследии и акт о верховенстве короля, не забыв известить, что отказ подписать сей документ почитается за измену. Она презрительно заявила им, что королева Англии — она. «По праву не может король иметь никакой иной жены, и пусть таков будет ответ ваш». — холодно произнесла она. Что же касается кары за так называемую измену, то она готова понести ее, но в этом случае требовала себе прилюдной казни. Сколь ни порадовала бы Генриха ее смерть, он знал, что казнь Екатерины вызвала бы огромный бунт. Знали это и подручные короля.

Ли и Танстелл, как и Суффолк полтора года назад, обратились к слугам. Все они, один за другим, отказались от клятвы. К концу первого дня неопрошенной осталась лишь горстка ее испанских слуг. Они явились к Екатерине посовещаться, прежде чем гонцы удалились для вечернего отдыха. Наутро они согласились принять присягу, но только на родном языке. Ли и Танстелл не стали возражать: уступка так уступка. Слуги же воспользовались тем, что на испанском сходно звучали слова, весьма различные по смыслу: вместо того, чтобы поклясться, что Генриха *надлежит сделать* (*sea hecho*) главой церкви, они поклялись, что он сам *сделал себя* (*se ha hecho*) ее главой. Так Екатерине удалось удержать при себе своих немногочисленных любимых слуг, среди которых был и незаменимый Франсиско Фелипес.

Вскоре Генрих повелел Екатерине перебраться из Бакде-

на в замок Кимболтон, тоже в Хантингдоншире. Это следовало расценивать как милость, так как она уже просила в письме поискать ей место не столь сырое. Такая просьба предоставила ему возможность выказать видимость сострадания и в то же время услатить ее еще дальше от двора и от людей. Кимболтон был обнесен широким рвом и толстыми стенами — узилище почище Баклена. Управляющим замка назначили сэра Эдмунда Бедингфилда, камергером же — весьма в точку! — сэра Эдварда Чэмберлена*. Оба, по сути дела, стали ее тюремщиками. С обоих взяли клятву именовать ее не иначе как вдовствующая принцесса, но Екатерина на такое обращение упорно не отзывалась. В результате она прожила более года, не молвив с ними слова напрямую. С горсткой слуг она пребывала на своей половине, лишь изредка выходя на прогулку вокруг часовни, по саду, огороженному высокой стеной.

Посетителей к Екатерине не допускали. Шапюи неоднократно добивался разрешения увидеться с ней, но каждый раз получал отказ. Каким-то образом она умудрилась передать ему записку, прося навестить ее: ей явно хотелось что-то сообщить ему. Он снова кинулся просить разрешения на визит, и снова его «завернули».

В конце концов он придумал хитрый ход: возвестил, что отправляется в паломничество в Вальсингам, к святыне Богоматери, а поскольку путь пролегает через Кимболтон, он посетит королеву. Он пригласил неких испанских купцов сопровождать его, и вскоре вереница пилигримов двинулась в путь — с длиннющей свитой слуг в ливрсах, с музыкантами и даже шутом, словно пародируя в миниатюре королевский объезд. На полпути к Кимболтону их настиг гонец короля и передал приказ Генриха: не заезжать к Екатерине. Шапюи отвечал вежливо, но уклончиво, и гонец поскакал к Кимболтону. Немного погодя появился еще один гонец — на сей раз от Екатерины. Это был Франсиско Фелипес. Он сообщил Шапюи, что раз королю неугоден его визит, Екатерина не сможет с ним повидаться. Посол кивнул: разумеется, он подчинится велению королевы, — сказал он Фелипесу, — но не будет же она возражать, если его спутники проедут мимо замка, чтобы взглянуть на

* Игра созвучий: «камергер» по-английски — *chamberlain*, имя сэра Эдварда — *Chamberlain*.

место, где живет Екатерина; сам же он будет держаться поодаль. Фелипес не возражал.

Оказавшись у стен замка, испанцы решили потешить его насельников. Стоило слугам Екатерины и Бедингфилда взглянуть, как музыканты заиграли, юные испанцы затанули песни и заставили лошадей выкидывать коленца, а шут пустился в пляс, а затем начал кувыркаться на краю рва, пока не свалился в него. Пришлось вытаскивать его, к превеликому веселью зрителей по обе стороны рва, а испанцы на родном своем языке поддразнивали бедолагу. Что бы ни хотела сообщить или услышать Екатерина — все утонуло в громогласных взрывах хохота.

Такая *mission impossible** стала прекрасной разрядкой и для Екатерины, и для Шапюи: они вволю повеселились, одержав маленькую победу над Генрихом. Ведь в жизни Екатерины было так мало веселья и так мало побед, а Генрих был горазд лишь на все бóльшие жестокости.

Худшим наказанием для нее стала разлука с Марией. Она знала, что ее дочь держат такой же узницей, и что ей плохо придется за отказ признать законность развода.

Незадолго до переезда в Кимболтон Екатерина написала Марии, предупредив принцессу о намерении короля заставить ее подписать клятву о престолонаследии, между строк дав понять, что отказ может грозить ей смертью. Ей следует повиноваться Генриху «во всем, кроме того, чем ты оскорбишь Господа и загубишь душу свою; и не заходи далеко в споры и мудрствования... Ограничься немногими словами и не встречай ни во что». Весьма разумный и практичный совет. Подобно Томасу Мору, Екатерина не искала мученичества — ни для себя, ни для дочери. Марии не стоит возмущаться разводом или порицать Анну Бoleйн. Лишь оберегая свою бессмертную душу от греха, следует давать отцу отпор, и то лишь отказом подписать клятву. Можно только гадать, каких болезненных усилий стоили Екатерине эти спокойные слова. Ведь она толкала свое дитя на гибель.

Екатерина не единственная, кто опасался за жизнь Марии и за свою собственную. Англия наполнилась слухами, что Анна замышляет отравить обеих женщин. Ни Екатерина, ни Мария не сомневались, что это вполне может случиться.

* Невозможная (несостоявшаяся) миссия (фр.).

Весной 1535 года Мария тяжело заболела: у нее началась тошнота и слабость, вероятно, как следствие крайнего напряжения. Шапюи, Екатерина и, быть может, сам Генрих решили, что это следствие отравления. Генрих послал собственного лекаря осмотреть девушку. Встревоженный доктор Баттс послал за Мигелем де ла Са — лекарем Екатерины. Оба врача заподозрили, что здесь замешан яд, и припугнули служанку Марии, что отравителей ждет котел с кипящим маслом.

Екатерина написала Шапюи полное отчаяния письмо, умоляя вступить за нее перед Генрихом. «Пусть смилостивится он надо мною и отправит дочь нашу туда, где я... Никто не сможет ухаживать за ней лучше меня... Я уложу ее в свою опочивальню, в свою кровать, и буду печься о ней неустанно...»

Генрих ответил так, как и следовало ожидать. Вначале он просто отказался, а потом явил видимость снисхождения: Марии было разрешено перебраться в дом, расположенный в тридцати милях от Кимболтона, — достаточно близко, чтобы ее мог навещать де ла Са, но при условии, что сама Екатерина не будет делать попыток увидеться с ней.

Екатерина вновь написала Шапюи, велев ему поблагодарить Генриха «за доброту, явленную дочери и мне», и обещала воздержаться от попыток увидеть Марию. Но тут же добавила, что очень хотела бы быть рядом с дочерью, ибо «то утешение и веселие, что мы обрели бы вдвоем, уже наполовину исцелило бы ее». И с горечью заметила, что просьба ее «столько справедлива и разумна и столь затрагивает честь и совесть самого короля, господина моего, что не могу даже помыслить, что будет мне в ней отказано».

Екатерина могла бы в любой миг спастись сама и спасти Марию, пожелай она только предать Генриха. Но ее предостережения Марии и собственные заявления различным посланцам Генриха, пытавшимся запугиванием добиться от нее покорности, были искренни. Генрих — ее супруг, отец Марии и король Англии. Ему подобало повиноваться во всем, что не противоречило долгу перед Господом. И поэтому, когда Шапюи снова и снова умолял ее позволить ему устроить мятеж против Генриха, она неизменно отвечала отказом. Отказалась она и бежать из страны. Шапюи запасся планами на оба случая, поддерживая связь с врагами

Генриха при дворе и по всей стране, и в любой момент был готов собрать воедино разрозненные, но растущие силы ропщущих англичан. Екатерина же не желала и слышать ни о чем подобном, даже тогда, когда убедилась, что муж вознамерился погубить и ее, и дочь. Мысль о протесте была ей не менее отвратительна, чем мысль о примирении с разводом.

1535 год приносил ей все большие горести. Расправа, учиненная над Мором, Фишером и теми несчастными картузианцами, потрясла ее до глубины души. Англия на глазах катилась к среси. В опасности были души людей, которых ей довелось узнать и возлюбить и за которых, как королева Англии, она несла известную ответственность. После усердных молитв и внутренних переживаний Екатерина решилась на меру, от которой, пожалуй, оставался лишь шаг до бунта против мужа. 15 октября она написала письмо новому папе Павлу III, прося его издать буллу об отлучении Генриха от церкви. На Англию следует наложить интердикт (4) и ввести войска с императором во главе. «Ежели не применить незамедлительно такового средства, — писала она, — то не счесть нам погубленных душ и святых мучеников. Добродетельные тверды будут и страдания примут. Нестойкие отступятся, коли никто не поддержит их, а большинство разбредется вслепую, словно овцы без пастыря». Сходное письмо она отправила и Карлу. Шапки давно побуждал ее к этому шагу.

Но было слишком поздно. На политической сцене Европы произошли сдвиги, и война между Францией и империей казалась неминуемой. Карл хотел, чтобы Генрих встал на его сторону, а не на сторону Франциска. Екатерина потерпела очередное поражение, а силы ее были на исходе. В ноябре она вновь слегла с жестокими болями и тошнотой. В начале декабря она собралась с силами и вновь написала Шапюи, прося подать Генриху от ее имени прошение о скромном вспомоществовании (купить рождественские подарки для слуг) и, как всегда, благодарила посла за все его попечения о ней. Она составила завещание, отписав Марии те немногие сокровища, что у нее еще оставались, — старинные меха и золотое ожерелье.

Выздоровление Екатерины было недолгим, и 29 декабря доктор де ла Са отправил Шапюи короткую записку. Королева при смерти; если он хочет еще раз увидеть ее, пусть

приезжает тотчас же. Шапюи в неистовстве кинулся к Генриху, прося позволения навестить Екатерину. Генрих был настроен великодушно: коли вдовствующая принцесса при смерти, ему дозволяется в последний раз увидеть ее.

«А Мария?» — спросил Шапюи. Неужели Генрих не разрешит девушке проститься с умирающей матерью? Но Генрих колебался. Ему следует потолковать на сей счет с советом.

Отчаявшись, Шапюи покинул короля. Пусть же он в излишне жаркие споры, требуя допустить к Екатерине дочь, Генрих, чего доброго, вспыхнет и лишит его самого только что дарованного позволения.

В Кимболтон он прибыл на второй день наступившего 1536 года. Там уже находилась старинная подруга королевы Мария де Салинас. Она тихо и спокойно жила в Лондоне, когда дошла весть об ухудшении здоровья Екатерины. Месяцами она умоляла Генриха разрешить ей визит к Екатерине, и месяцами ее прошения оставались без внимания. Как и Шапюи, она понимала, что настал ее последний шанс увидеться с королевой. В первые часы нового года, пока еще стояла густая тьма, она в одиночку прокралась из дома, оседлала лошадь и поскакала к Кимболтонскому замку, расположенному почти в шестидесяти милях к северу от Лондона. Ночь обжигала лютым морозом, а Мария была уже пожилой женщиной, привыкшей к путешествиям в сопровождении слуг. По дороге лошадь споткнулась, сбросив ее в грязь. Она вновь села верхом и скакала весь день, прибыв на место, лишь когда сгустились сумерки.

Вначале Бедингфилд, управляющий, не пускал ее в замок, потому что при ней не было королевского разрешения. Она сказала, что по дороге упала с лошади, и показала ему на свою забрызганную и изорванную одежду. Король дал ей согласие, но бумаги потерялись, когда она падала. У вдовствующей принцессы так мало времени в запасе. Бедингфилд, несомненно, почтит желание короля и позволит Екатерине перед смертью увидеться со старой подругой. Бедингфилд сдался, и Марии было позволено пройти в покои Екатерины. Она тут же заперла за собой двери и более не показывалась. «Мы не увидели больше ни ее самой, ни ее бумаг», — уныло докладывал управляющий.

Два вернейших друга Екатерины, бывшая фрейлина и испанский посол, скрасили ее последние часы на смертном

одре. Шапюи беззастенчиво лгал, рассказывая все, что ей хотелось услышать. Папа издаст буллу об отлучении, заверял он ее, и тогда Генрих опомнится, прогонит свою шлюху и восстановит Марию в ее законных правах на престолонаследие. Он рассказал ей, что Анна королю порядком принелась — и это больше походило на правду, — но ни словом не обмолвился, что вниманием Его Величества завладела другая женщина.

Шапюи оставался в замке трое суток. Екатерине казалось, будто здоровье ее идет на поправку, и она уговорила его возвращаться в Лондон: ведь там его ждут дела. Он неохотно уехал, пообещав, что скоро вернется.

Но Екатерине не становилось лучше, и она знала это. На следующий день она написала письмо Генриху, сообщив, что прощает ему все зло, что он совершил по отношению к ней. Она просила его позаботиться о благополучии оставшихся при ней слуг и быть добрым отцом Марии. Письмо заканчивалось словами: «Ныне в последний раз клянусь я, что очам моим Вы желаннее всего». И подпись: «Екатерина, королева Англии». В этих предсмертных словах отразилась вся сущность ее жизни: две главнейшие силы, что, наряду с глубочайшим благочестием, поддерживали ее все эти долгие и угрюмые годы. Она любила Генриха страстно и самозабвенно, и ничто не в силах было разрушить эту любовь. И она была королевой Англии. Этого тоже никто и ничто не в силах изменить. На следующий день она скончалась на руках своей старейшей и преданнейшей подруги.

Когда тело Екатерины вскрыли для бальзамирования, обнаружилось, что ее сердце почернело, и снаружи его появился чудовищный нарост. Де ла Са был уверен, что ее отравили, и позднее это обвинение было возведено на Анну Болейн. Но к королеве никто не имел доступа, кроме ее верных дам. Современные историки врачебной науки считают, что она умерла от рака. В свете сегодняшнего мышления «нового века» любопытно проследить, насколько связаны болезни людей и их эмоциональное состояние: Екатерина Арагонская умерла от чего-то такого, что можно назвать «разбитым сердцем».

Когда весть о ее кончине достигла Генриха, тот злорадно прокаркал: «Померла старая карга, хвала Богу!» Анна тоже

вздохнула с облегчением. Но к ее радости, вероятно, при-
мешивалось смутное беспокойство. Екатерина, как и папа,
выбрала неудачное время. Умри старая королева лет пять
назад, когда Генрих еще пылал к ней страстью и был
незыблемо уверен, что она избрана Богом, чтобы родить
ему сыновей, тогда ее смерть обернулась бы безусловной
выгодой для сменившей ее женщины. Теперь же все пере-
менилось. Анна перестала быть лакомым кусочком — с пылу
с жару с французского двора. Утонченный аромат недости-
жимых любовных угод, что она источала ранее, улетучился:
волшебство рассеялось. Она превратилась в надменную жену
с изрядным гонором, отдалившую Генриха от его народа, а
за три года и в постели перестала казаться чудом. Теперь,
когда не стало Екатерины, возможности короля несказанно
расширились.

Отныне у Анны оставалась единственная надежда, но это
была величайшая из надежд, какую только могла лелеять
жена короля, особенно жена Генриха: она была беременна.
Какими бы любовными интригами ни тешился король,
каковы бы ни были его подлинные чувства к самой Анне,
она окажется в безопасности, если родит ему сына.

Если. Цель, раньше казавшаяся легче легкого, теперь
превратилась в зыбкое «если». Ведь когда-то и Екатерина ни
капли не сомневалась, что подарит Генриху принца-наслед-
ника. И у нее, как и у Анны, случались выкидыши. Она,
как и Анна, произвела на свет дочь. Когда та родилась, ей
было тридцать, затем снова последовали выкидыши, а за-
тем — ничего. Тогда-то Генрих и понял, что Господь
гневется на его брак.

Теперь и Анна подобралась к возрасту Екатерины в ту
пору, когда у нее родилась Мария. Покойная королева не
выходила из ума у Анны в те первые недели 1536 года. Если
Анна подведет Генриха и на этот раз, будет ли он все еще
надеяться на сына или его совесть и вожделение снова
вступят в союз, дабы внушить ему, что в действительности
Господь предназначал ему в королевы совсем другую жен-
щину?

29 января состоялись похороны Екатерины Арагонской.
В тот же самый день Анна Болейн, по убийственному
замечанию Дж. И. Нил, биографа ее дочери, «выкинула
своего несостоявшегося спасителя».

ДЖЕЙН СЕЙМУР

Третья жена Генриха, чей девиз гласил: «Обязана служить и покоряться», — так она и делала. Она стала матерью его единственного законного сына.

Умерла своей смертью

СОСУД

Потеря нерожденного сына явилась для Генриха неизмеримо большей трагедией, чем смерть женщины, которая двадцать лет была его женой. Она доказала, что Анна неспособна подарить ему сыновей, а значит, как и Екатерина, не настоящая жена ему. Не исключено (как предполагает в своем замечательном очерке Рита Уорник), что плод был ущербен, и Генрих в ужасе увидел в этом клеймо ведовства. Действительно, до Шапю доходили сплетни, будто Генрих заявил одному из приближенных, что Анна завлекла его в сети супружества с помощью «волшбы и приворотов». Сколь ни соблазнительна гипотеза Уорник, не осталось ни малейших свидетельств о том, что зародыш был ненормален. Для непомерно эгоистичного человека, каким и был Генрих, второго выкидыша жены после рождения дочери оказалось вполне довольно, чтобы начать кидаться словами вроде «колдовства» и решить избавиться от второй жены, как избавился от первой.

И уж конечно, этого оказалось довольно, чтобы пробудить в нем вспышки жестокости. Подойдя к постели жены, он ледяным тоном процедил: «Зрю я, что не одарит меня Господь сынами». Ужаленная, Анна принялась винить в своем несчастье самого мужа, ударившегося во флирт с Джейн Сеймур, и тот испуг, что она испытала несколькими днями раньше, когда Генрих чуть насмерть не убился, сверзившись со скакуна.

Ревность Анны к Джейн ее дамы толковали на романтический лад: «ес *Ах, любовь*», — так они это называли. Но

трудно себе представить, будто эта зоркая и сметливая женщина и вправду любила этого неотесанного пентюха, в которого превратился Генрих. Любовь Екатерины еще была исполнена какого-то смысла: ведь она знала его с юных лет, и тот Генрих, которого она любила, всегда оставался в ее воображении мальчиком, ухаживавшим за нею и избавившим ее от бед. Перед Анной Генрих предстал сначала хищником, а потом лицемером, лукавившим даже перед самим собою. Но как знать, быть может, она все-таки по-своему любила его: она была не первой и не последней умной женщиной, влюбленной в достойного презрения мужчину. И все же более вероятно, что ревность ее происходила из трезвого осознания опасности, которая над ней нависла.

До того как случился этот выкидыш, Генрих, должно быть, пробавлялся невинными заигрываниями с Джейн Сеймур, чей девический облик притягивал его, а быть может, он надеялся ее вскоре завоевать, как до нее — вереницу других. Но до тех пор, пока Анна не разрешится от бремени, ни о какой новой женитьбе и речи быть не могло. Этот выкидыш неожиданно решил все. Отныне Генрих хотел избавиться от Анны и жениться на Джейн.

Чего хотела сама Джейн — если она вообще чего-нибудь хотела, — сказать весьма сложно. Из всей череды женщин, побывавших в женах у Генриха, из всех заглавных фигур той драматичной эпохи Джейн, пожалуй, единственная, чей лик лишь едва проступает смутными очертаниями. В народной мифологии она приближается чуть ли не к святой — полная противоположность «искусительнице» Анне Болейн. В этом-то вся и ирония, ибо она в точности повторила роль, ранее разыгранную Анной. Привлекши интерес короля, она не поощрила его поползновений, но и не лишила своего присутствия. Затем, когда намерения короля отделаться от надоевшей жены стали более чем ясны, она спокойно заняла место этой жены. Но здесь имелись два существенных расхождения с судьбой Анны, причем ни одно не говорит в пользу Джейн. Во-первых, когда Генрих решил бросить Анну, она, в отличие от Екатерины, была все еще молода и способна снова зачать. И во-вторых, Джейн прекрасно понимала, что речь пойдет не просто об «отставке», а о физическом уничтожении Анны.

Среди историков XIX века, не принявших лубочного

образа святоши Джейн, была Агнесса Стрикленд, чей многолетний труд «Жизнеописания английских королей» сохранил для нас множество ценных сведений касательно самой эпохи и женщин того времени. Она обличает «бесстыдное поведение» Джейн, «принявшей ухаживания Генриха VIII», и винит ее в падении Анны. Того же мнения придерживается и ряд сегодняшних историков. Айвз обвиняет Джейн в том, что она «нацепила на себя добродетель, словно наживку на крючок». Эстер Чэпмен отмечает, что поза ее была «просчитана до мелочей и нацеплена как в маскараде».

Большинству прижизненных свидетельств, превозносящих ее добродетели, явно не хватает подробностей, несмотря на обилие восхвалений. Тот образ, что рождается со страниц ее современников-панегиристов, не представляется ни святошей, ни негодяйкой, в нем нельзя ясно различить ни добродетельности, ни расчетливости. В описаниях Джейн не проглядывает ничего такого, что принято определять как злонравие, или тщеславие, или сострадание, или теплота, или холодность. Во всех событиях, в которых Джейн принимала участие, сама ее личность — как загадочным или даже жутковатым образом представляется — начисто отсутствует. Брат подтолкнул ее к королю, и она, по меткому выражению Стрикленд, пассивно «приняла» ухаживания Генриха. Действуя так, как того следовало ожидать от добродетельной женщины и как, по-видимому, того хотел сам Генрих, она нацелилась на брак, безучастно наблюдая за устрашающим процессом, разразившимся над Анной. Верила ли она в виновность Анны? Негодовала ли она на то, что Анна изменила Генриху? Или на Генриха — за убийство Анны? Пугала ли ее мысль о замужестве с человеком, который втоптал в грязь одну жену и собирался казнить другую? Приходило ли ей в голову обратиться к брату, сказать: «Вытащи-ка меня отсюда»? Все это нам неизвестно. И даже для простейших догадок у нас слишком мало сведений.

Возможно, именно благодаря тому, что ее образ лишен черт, она вошла в историю и утвердилась в ней как «добрая» жена Генриха. Рядом со злоюкой и ведьмой Анной Болейн она — Белоснежка, воплощение тех качеств, которые описывает Андреа Дворкин в книге «Woman Hating»*. «Женщина

* Это название можно перевести по-разному: «Ненавидящая женщина», «Женская ненависть», но также — «Ненависть к женщинам», «Женобоязнь».

представляется доброй, — пишет Дворкин, — лишь когда она мертва или как только возможно близка к смерти... Золушка, Спящая Красавица, Белоснежка, Рапунцель, — всех их объединяет страдательность, красота, невинность и *жертвенность*. Таковы архетипические добрые женщины... они никогда не думают, не действуют, не предпринимают чего-то, не ропщут, не сопротивляются, не бросают вызова, не чувствуют, не заботятся, не вопрошают... Вначале они становятся предметом чьей-то несправедливости, а потом — предметом романтического обожания. Самы же не являются залогом ни того, ни другого».

Современник Джейн Эсташ Шапюи, кому сам Бог велел благосклонно смотреть на женщину, которая помогла уничтожить «наложницу», как мог старался восхвалять ее. «Писаной красавицей ее не назовешь — она белокожа настолько, что можно назвать ее бледной, — признавался он. — Помянутая Сеймур хоть и не великого ума женщина, но вполне рассудительна».

Став королевой, она избрала себе девиз «Обязана служить и покоряться». В самом начале ухаживаний Генриха человеком, которому она служила и покорялась, был ее брат Эдвард. На всех встречах Генриха с Джейн он разыгрывал такую дуэнью, ибо, коль скоро Джейн суждено стать следующей женой Генриха, на их добрачные отношения не должна падать тень нечистых помыслов. Вероятно, именно Эдвард рассудил, что ей следует отвергнуть предложение Генриха стать его любовницей, но позволить ему матримониальные преследования, и далее режиссировал все ее ответы. Шапюи был уверен, что действовала Джейн по чужой подсказке. В письмах на родину он сообщал, что ей явно внушили «ни за какие коврижки на ульщения королевские не поддаваться, коли королевой не заделается».

К этому времени Генрих уже не скрывал своих ухаживаний за Джейн. Он подарил ей ладанку, и Анна, завидев ее, в припадке ревности сорвала ее с шеи соперницы. Ладанка была почетным даром — о набитом кошельке этого нельзя было сказать. Когда Генрих послал ей такой кошелек в придачу к письму, Джейн письмо поцеловала, но читать отказалась. Возвратив его нераспечатанным, она бухнулась на колени перед остолбеневшим вестником и принялась умолять его «от ее имени попросить короля поразмыслить,

что она порядочная женщина, из знатного рода и от почтенных родителей происшедшая, с безупречною славою. И нет у нее в мире сокровища большего, нежели честь, и она согласилась бы тысячекратно смерть претерпеть, нежели честь эту запятнать». Если Генриху угодно одарить ее деньгами, пусть он сделает это, когда она найдет себе удачную пару.

Генрих остался очарован. К покоям Кромвеля в Гринвиче прилегал потайной коридор, что вел прямым к покоям короля. Генрих сорвал с дверей печать лорда тайных покоев и пожаловал эти комнаты Эдварду Сеймуру и его решительной жене, Энн Стэнхоуп. Там-то, правда, под неусыпным надзором брата-друзья, он мог вволю наслаждаться обществом Джейн. А Эдвард — за то, что способствовал сближению короля с сестрой, — был назначен королевским постельничим.

Вероятно, хотя Генрих об этом и не подозревал, Эдвард Сеймур не только «открыл ему доступ» к Джейн. Сблизившись со сторонниками принцессы Марии из Тайного совета, он живо втянулся в заговор против Анны Болейн. Он и его сообщники давали Джейн указания относительно того, как ей держаться с Генрихом, и та послушно им следовала. Упорно храня чистоту, она к тому же должна была пенять Генриху на Анну неизменно в присутствии сторонников из числа знати, принимавшихся дружно поддакивать. Ей надлежало напирать на то, «сколь мерзок королевским подданным сей брак, заключенный с наложницей, коему каждый отказывает в законности». И вновь Джейн исполняла то, что велено, — с радостью ли? С огорчением ли? Или в полном безразличии покорства?

Кромвель сразу сообразил, что здесь ни Генриху, ни ему самому заурядным разводом не отделаться. Прежде всего, Анна не признает ни расторжения своего брака, ни объявления своей дочери незаконной, как не признала этого Екатерина. Анна лишена глубочайшей веры Екатерины в святость своего брака и ее величайшей любви к Генриху, зато гордости, как и любви к собственной дочери, у нее не меньше. Как некогда и Екатерина, она бы страстно желала, чтобы трон унаследовал ее сын, но раз сына нет, никто не отнимет трона у ее Елизаветы. Ясно: коса найдет на камень, и воля Генриха уже не окажется непреложной.

Поэтому прежде всего важно дать Генриху желаемое так, чтобы королю позволено было убедить себя, будто речь идет не о его личной воле, а о божественном правосудии. Кромвель как никто другой видел короля насквозь. Генрих не просто разлюбил Анну Болейн: он ее *возненавидел*.

Когда он только вознамерился расстаться с Екатериной, он отнюдь не испытывал к ней ненависти. Она просто перестала быть ему полезной. Быть может, он все еще питал к ней расположение, и, смирись она с разводом, между ними сохранилась бы теплая и сердечная дружба. Возненавидел он ее позже, когда она больно задела его самолюбие. С Анной все обстояло иначе. Влюбившись в нее по уши, Генрих впал в одурь. Ничто так не гнетет душу, как воспоминание о неизбывном наваждении, когда от него уж и следа не осталось. Любой преувеличенный жест, любая вычурная причуда — все это еще стоит в памяти, и тут же — мурашки по телу: «Неужели я вытворял *такое?*» Чрезмерные и нелепые подарки, слащавые цидульки — как, должно быть, преследовали теперь Генриха эти «прелестные перси»!

У человека более здорового склада или даже у человека, временами подверженного вспыльчивости, подобные тягостные ощущения выливаются в конце концов в досаду на самого себя — прежнего. Генрих же этой отдушины был лишен. Он неспособен был сознаться, что попался на удочку собственной мелкой страстишки. Он не мог примириться с тем, что Анна некогда пробудила в нем эти унижительные чувства, просто отмахнувшись от них. Он не дурачился: это *она* одурачивала его.

Неудача Анны, не сумевшей родить ему сына, оказалась чревата двумя последствиями. Она усугубила ненависть Генриха к ней, ибо выставила его еще большим глупцом, и в то же время предоставила ему повод избавиться от нее. Родила Анна сына, в ее руках оказалось бы неотразимое оружие против его ненависти. Он был бы вынужден жить с ней дальше, признавать ее своей королевой и даже спать с ней в надежде обзавестись другими сыновьями (на тот случай, если первый сын вдруг умрет). Он был бы жесток с ней, но в меру; завел бы себе уйму любовниц. Но избавиться от нее он бы не смог. Но раз сына нет, он мог на это пойти.

Анна осточертела Генриху, и он хотел сына. По второй причине ему было необходимо отделаться от нее, по первой

же — умертвить. При этом Кромвель прекрасно понимал, как важно «утаить» от Генриха его собственные побуждения. Нельзя отнимать у него веры в свою правоту. Его надлежит обмануть. Не то чтобы *полностью* обмануть — достаточно позволить тешиться самообманом. Задача Кромвеля — изыскать нечто такое, что явится оправданием ненависти Генриха к Анне и легко заставит его податливую совесть склониться к смертному приговору. Кромвель подумал, что здесь, пожалуй, сгодится прелюбодейство. Само по себе оно, конечно, не карается казнью, но королева, у которой есть любовник, должно быть, мечтает выйти замуж за этого любовника, а это было бы возможным лишь в случае смерти короля. А надеяться на смерть короля — уже преступление, уже измена.

Однако и здесь нужно быть наческу: ведь окажись это прелюбодейство из самых заурядных (что называется, из спортивного интереса) — и народ примется жалеть короля и, чего доброго, усомнится в его мужских доблестях. И пойдут чесать языками по кабакам: «Генрих-то наш — рогоносец! Так вот почему у него нет сына — он и жену-то ублажить как следует не может!» Начнут сравнивать стати короля и предполагаемого соперника — и карта короля бита. Если соперник окажется молод, значит, она отвернулась от бессильного старика в поисках любвеобильного юнца: бедный дядюшка Хол, он уж не тот, что прежде. Если же соперник окажется старше и непривлекательнее Генриха, выйдет еще хуже: бедный дядюшка Хол, ему наставило рога *это* пугало огородное!

А что, если у Анны был не один любовник? Два, три, еще больше? И не все — благородных кровей. Хорошо бы ей запятнать королевскую честь с каким-нибудь слугой, что чаще всего находился при ней. А еще лучше, если другой любовник — собственный ее брат. За время правления Анны лорд Рошфор обрел значительное влияние, и всем было известно, как близки брат и сестра. Да, решил Кромвель, королева должна предстать настоящим чудовищем ненасытной и противоестественной похоти. И тогда никто не осмелится подтрунивать над королем. Его околдовала женщина, чья порочность сродни дьявольщине.

Заговорщики тоже не дремали. Кромвелю оставалось лишь созвать сообщников. Со многими из них он, вероят-

но, совещался и раньше — с Николасом Кэрю, с братьями Сеймурами. Остальных ничего не стоило завербовать. Джейн Рошфор, жена Джорджа Болейна, когда-то состояла во фрейлинах при Анне (они с Анной еще замыслили тогда вытурить со двора одну из любовниц Генриха). Со временем ее любовь к Анне заметно охладела, быть может, оттого что она постоянно чувствовала себя лишней в том нежном союзе, что объединял Анну с братом. Та сноровистость, которую леди Рошфор проявила некогда в кознях против безымянной любовницы Генриха, теперь могла обернуться Кромвелю на пользу. К тому же свидетельство невестки Анны должно было придать видимость правдоподобия истории, которую он собирался состряпать.

Существовали и другие фрейлины, в том числе Энн Кобэм и леди Вустер. Кромвель и другие запаслись терпением и стали выжидать. Анна должна сказать или сделать нечто такое — безобидное само по себе, — что можно будет умело подвергнуть кривотолкам. Подобно тому, как Генриху понадобилась Книга Левита, чтобы опереться на убежденность в греховности своего первого брака, теперь ему необходимо предоставить неопровержимую улику распутства Анны, чтобы он мог, умыв руки, отправить ее на эшафот.

Незадолго до 30 апреля Анна беседовала с Генри Норрисом, королевским грумом. Норрис был видным вельможей и входил в число ее друзей. Он давно уже был помолвлен с Мэдж Шелтон, одной из фрейлин Анны, и Анна попытствовалась, отчего он до сих пор не женится на ней. Тот отвечал, что «погодит еще немного». Такой ответ почему-то задел Анну: может быть, ей померещилось, будто такое вялянье объясняется ее собственной немилостью при дворе. И она обрушилась на него с обвинениями, будто он вознамерился жениться на ней самой. «Вы всё вынюхиваете, что где плохо лежит, — кричала она. — Ведь, вздумай король что неладное, вы тут же возьмете мой след!»

Норрис был ошарашен, быть может, утрачен. Он принял яро доказывать, что ни сном ни духом не помышлял ни о чем подобном, и между ними у всех на глазах произошла шумная ссора. Успокоившись, Анна вдруг поняла, что натворила: ведь свидетели могли решить, что они любовники. Вероятно, среди них находился Джон Скин,

королевский управляющий раздачами милостыни, так как она велела Норрису ступить к Скипу и «поклониться, что королева — женщина благопорядочная». На беду обоих, Норрис согласился. Человек, семью годами раньше выказавший доброту к обреченному Уолси, теперь с опасностью для себя выказывал доброту к обреченной Анне Болейн.

Кромвель продолжал свои поиски, и вскоре обнаружил еще одну подходящую жертву. В субботу, накануне Майского Дня, Анна повстречала Марка Смитона, придворного музыканта. Юноша выглядел печальным и унылым. Разыгрывая этакого раненого пастушка, он горестно отвечивал на вопрос королевы: ах, пустяки. Анна пожуривала его за то, что он не по себе выбрал роль: игра в куртуазную любовь не подобает человеку его сословия. «Тебе не следует ожидать, что я буду разговаривать с тобою, словно с дворянином, — заявила ему королева, — ибо ты особа незнатная». Тот же смиренно отвечал: «О нет, мадам, мне и одного взгляда вашего достаточно».

Кромвелю тоже этого было достаточно. Смитон явно застал влюбленность в королеву или, может быть, осмелел от того, что его музыка доставляла королеве удовольствие, отважился вступить с ней в робкий флирт. Так или иначе, на следующий же день Смитона схватили и доставили в дом Кромвеля в Степни, и там допрашивали в течение суток. Поговаривали, будто из него пытками вырвали признание. А может быть, ему просто пригрозили смертью предателя: не повесят, так заживо выпотрошат. Люди знатного рода обычно избегали такой участи (им «даровали» не столь грязную казнь через повешение), но осужденным из сословия Смитона, которых признавали виновными в измене, полагалось наказание «по полной программе». Он рассказал своим следователям все, что они хотели услышать, после чего его заточили в Тауэр и заковали в кандалы.

Теперь наступила очередь Норриса. Кромвель, прихватив письменное признание Смитона, отправился в Тайный совет, а затем поспешил к Генриху — поведать ему и о вырванном признании, и о ссоре Анны с Норрисом. Генрих решил повременить с облавой на Норриса до назначенного на День Мая турнира, где Норрис должен был сражаться с Рошфором. В конце состязания Генрих внезапно вскочил, оставив Анну одну, и потребовал, чтобы Норрис последовал

с ним в Вестминстер. Там он обвинил Норриса в прелюбодеянии с Анной. Изумленный придворный принялся отрицать. На заре следующего дня Норрис очутился в Тауэре. Теперь очередь дошла и до Анны. Ее арестовали через несколько часов после Норриса и обвинили в прелюбодеянии с ним, со Смитоном и еще с одним мужчиной, чье имя до нас не дошло. Генрих приказал заточить ее в Тауэр, в те самые покон, где три года назад она провела ночь перед своей коронацией. Она ожидала, что ее швырнут в какую-то берлогу, поэтому, когда к ужасу примешалось облегчение, с ней приключилась истерика. «Ах, здесь слишком хорошо для меня! — кричала она. — Иисус, смилуйся!» Она упала на колени и принялась всхлипывать, «и пребывая в таковой скорби, то и дело разражалась громким смехом», как свидетельствовал ее тюремщик сэр Уильям Кингстон.

Подобное помешательство Анны сыграло на руку Кромвелю, и Кингстон стал дотошно докладывать ему обо всех ее выходах. Вскоре арестовали и ее брата, и, по-видимому, ей намекнули на это, так как она требовала сообщить ей, где он находится. Услышав уклончивый ответ Кингстона, она принялась повторять: «Ах, где же мой любимый брат?» Затем завела речь о тех мужчинах, в прелюбодеянии с которыми ее обвиняли, ломая себе голову, что же они могли о ней сказать. «Ах, Норрис, — плакала она, — неужели ты возвел поклеп на меня? Ты со мной в Тауэре, и мы умрем вместе. Марк, и ты тоже здесь». Анна поняла сейчас то, что впоследствии будет отрицать: она обречена, а вина ее или невиновность не имеет никакого отношения к ее участи. «Мистер Кингстон, — говорила она, — неужели я умру без правосудия?»

Кингстон, приняв чопорный вид, ответил, что «и нижайшему из подданных королевских даровано бывает правосудие». «На что, — позднее сообщал он Кромвелю, — она лишь расхохоталась».

И была права. Анне ли не знать, каково правосудие Генриха! Она горестно огляделась: к ней приставили четверых женщин, поголовно ее врагов. В их числе были ее тетка леди Шелтон и леди Кингстон. «Сдается, что король весьма недобр ко мне, окружив теми, кого я никогда не любила», — заметила она Кингстону. Но о доброте здесь и речи не шло: такова была стратегия. Кромвель рассчитывал, что эта

четверка станет обо всем докладывать Кингстону. Кингстон, в свой черед, будет наушничать Кромвелю, а уж Кромвель, что сочтет нужным, нашепчет королю.

В числе прочего Кингстон сообщал, что говорила Анна во время своей первой нервной вспышки, чтобы отвести от себя любые подозрения в связи с Норрисом. За год до того, как она обвинила Норриса в желании жениться на ней, у нее произошла сходная, хотя не столь пылкая перепалка с Фрэнсисом Уэстоном, принявшимся ухаживать за невестой Норриса Мэдж Шелтон, забросив собственную жену. Уэстон же отвечал ей, что Норрис навевается в покои к Анне не столько ради Мэдж, сколько ради самой Анны, и застенчиво добавил, что и сам он любит «кого-кого в ее доме гораздо больше», нежели Мэдж или свою жену. Столь же застенчиво Анна полубопытствовала — кого же? — и услышала в ответ: «Это вы сами». Это была всего лишь куртуазная игра, которую никто и не думал принимать всерьез, но Кромвель, уже взяв след, учуял свежую добычу.

На следующий день Уэстона схватили, а с ним заодно и Уильяма Бриртона — грума тайных покоев и сторонника Болейн. Зачем Кромвелю понадобилось отлавливать еще и его, не совсем ясно. — но «послужной список» Анны увеличивался, а ее сексуальные аппетиты приобретали и вовсе чудовишный размер.

Упрятав Анну в Тауэр, Генрих жизнерадостно ухаживал за Джейн Сеймур, перебравшейся из Гринвича в дом сэра Николаса Кэрю в Беддингтоне. В те дни, что последовали за королевской облавой, Генрих настолько бесстыдно зачастил к ней, что в людях стало пробуждаться сочувствие к Анне, чего она во все время правления была лишена. И сочувствие это выражалось столь открыто, что Генрих счел нужным оповестить об этом Джейн. В одном из писем он сообщал ей: «На днях сочинили тут о нас некую балладу, с превеликими нам поношениями, так коли случись ей дойти до Вас, умоляю, не обращайтесь особого внимания». Он пообещал разыскать и сурово покарать автора «злостного пасквиля». К счастью для автора, его (или ее) так и не нашли; к несчастью для нас, баллада бесследно исчезла из истории.

Нам неизвестно, напугала ли баллада Джейн или оставила ее равнодушной, как некогда и Анну, пропускавшую

мимо ушей подобные враждебные выходки населения. Не знаем мы и того, испытывала ли Джейн хоть тень сочувствия к женщине в Тауэре, чья смерть означала ее собственное восхождение на трон.

Скорбел об Анне по крайней мере один человек — и человек этот даже осмелился заикнуться Генриху, что, быть может, он совершает ошибку. Письмо архиепископа Кранмера и сегодня больно читать. В каждой строке сквозит и тревога за Анну, и страх за собственную жизнь. «Я в такой растерянности, что ум мой пребывает в смущении; ибо ни о ком из женщин не придерживался я мнения лучшего, нежели о ней: каковос думать меня побуждает, что она невиновна». Так он писал, тут же спохватываясь: «Я полагаю, что Ваше Величество не зашло бы так далеко, не будь она действительно виновна». После самого Генриха, он был «привязан к ней наиболее всех живущих» и уповал на то, «что она провозгласит себя невинной и безгрешной». Но если есть на ней вина, «то никто из чтящих Господа и Евангелие Его да не снизойдет к ней, но возненавидит ее превыше всех...».

Бедный Кранмер! Он, должно быть, знал, что Кромвель лжет, а Генрих принимает эту ложь во имя своих личных целей. Разве он мог позволить Анне умереть, зная о ее невиновности? Но разве мог он перечесть Генриху, зная, что тот *желает* верить в ее виновность? Его устраивало место архиепископа Кентерберийского, и он любил жизнь. Он не отважился бы на большее, ибо его заклеили бы сообщником Анны и казнили бы как предателя.

Генрих позаботился, чтобы более никто из друзей Анны не докучал ему мольбами или какими-то сведениями, которые могли бы заставить его передумать. Джон Хьюзи, лондонский уполномоченный губернатора Кале, так оправдывался в своих неудачных попытках передать королю одно из губернаторских прошений: «До сих пор не удается мне изыскать способ предстать перед королем. Его Милость не выходит из своих покоев вот уже две недели кряду (не считая редких прогулок по саду или ночных катаний на лодке, в каковых случаях никому не подобает попадаться ему на глаза)».

Письма Хьюзи передают то чувство смятения, что выпало испытать в ту пору лондонцам. «Тут столько басен

нагородили, что даже не сразу поймешь, за какую взяться, — записывает он 13 мая. — Ибо нынче сказывают, будто молодой Уэстон спасется; а иные сказывают, будто никто не умрет, только королева да брат ее... А еще ходит молва, что те, кому суждено пострадать, умрут тогда же, когда королеву с братом отправят на казнь». Его же собственное разумение таково: «Думаю я, что точно все они пострадают...»

Всеобщую сумятицу усугубило еще и то, что 8 мая за поддержку Анны были взяты под стражу Ричард Пейдж и Томас Уайет. Народ — что было естественно, но ошибочно — предположил, будто и их обвиняют в любовной связи с Анной. Позже обоих выпустили.

У Анны не оставалось ни малейшей надежды на справедливый суд, но Генрих, по своему обыкновению, решил сохранить хорошую мину при дурной игре. Для предания суду были избраны две группы присяжных, ибо Анну и ее брата, как королеву и виконта, должны были судить отдельно от четырех мужчин более низшего сословия. Первое заседание присяжных было созвано 9 мая. Возглавлял его старшина присяжных Джайлз Херон, зять старого врага Анны Томаса Мора. Не замедлило последовать и другое заседание, и было принято решение, что для того, чтобы отослать оба дела в суд, оснований предостаточно. Спустя три дня начались суды над Смитоном, Уэстоном, Норрисом и Бриртоном.

Смитон, ранее во всем признавшийся перед Кромвелем, вновь сознался в прелюбодеянии, но не в измене. Другие не признали за собой никакой вины. Записей этого суда не сохранилось, но мы вправе полагать, что присяжные услышали некие свидетельские показания, которые вскоре должны были обернуться против Анны и ее брата. Всех четверых подсудимых быстро нашли виновными и приговорили к казни через утопление и четвертование.

От второго суда дошли кое-какие документы. Присяжные заседатели предъявили Анне обвинение в прелюбодеянии и измене. Любопытна формулировка обвинения: Анне вменялось, будто она соблазняла своих любовников «посредством бесстыдных речей, подарков и прочих дел»; что же до мужчин, то они «по причине подлейшего подстрекательства и приманивания помянутой королевы поддались и склонились на уговоры помянутой королевы». «Воспылав

плотскою страстию к королеве», все четверо «удовлетворяли ее необузданные желания». Впоследствии же королева и ее любовники «помышляли и раздумывали о смерти короля», после чего она пообещала выйти замуж «за одного из предателей», как только Генрих умрет.

В обвинительных речах лейтмотивом проходит агрессивность Анны. Она оказалась зачинщицей прелюбодеяний, раздираемой «необузданными желаниями». Она представляла не заурядной прелюбодейкой, походя наставившей рога Генриху, которую привлекали мужчины моложе ее. Сама ее агрессивность стала клеймом ее злобной природы. Забавно, как заставлял себя поверить в такое Генрих, потративший семь лет жизни на бесплодное ухаживание за Анной, прежде чем затащить ее в постель. Примечательно еще и то, что, хотя судили Анну за измену и прелюбодеяние, в ту пору, когда проходил суд, как уголовно наказуемое преступление рассматривалась *только* измена.

Довершил град обвинений последний и уж совсем чудной поклеп. Король якобы, прознав о преступлениях Анны, «принялся так горевать, что Его Королевское Величество постигли некоторые опасные телесные увечья». *Что* хотели этим сказать судьи, остается загадкой. Значило ли это, что Генрих хлопнулся в обморок, заслышав ужасную весть? Или, быть может, он принялся рвать на себе волосы и биться головой о стену, пытаясь расшибиться до смерти? Не сохранилось никаких иных указаний на то, что несчастный Генрих умирал от разрыва сердца, словно какой-нибудь герой Боккаччо (1): по замечанию Айвз, «мнимо расслабленный монарх» напропалую ухлестывал за Джейн Сеймур. Но раздутое чувство самодовольства Генриха было явно принято во внимание: разве могли судьи пощадить женщину, которая заставила его страдать?

Обвинения этого мрачного и преступного суда послужили лишь началом. Дядю Анны Норфолка наскоро назначили лордом верховным управляющим — милый акт садизма. Норфолк не питал симпатии ни к племяннице, ни к племяннику, но их осуждение ложилось грязным пятном на семейную честь. Герцог дальновидно удалил из числа присяжных своего шурина, отца Анны и Джорджа, хотя у него не было причин опасаться, что этот жалкий оппортунист бросится на защиту своих детей. Менее добр оказался он к

человеку, некогда любившему Анну. — Генри Перси, ныне графу Нортумберленду: злосчастного и недужного графа вынудили стать одним из заседателей.

Суд состоялся в королевском зале Тауэра, куда набились две тысячи алчущих зрителей. Официальная запись суда столь же кратка, что и запись первого суда, но имеются и другие источники. Чарльз Райотсли описывал этот суд в своей современной хронике правления Генриха, а Шапюи собрал все записи, какие нашел, и отослал в Испанию.

Анна вошла в зал суда, сохраняя хладнокровие, и пребывала в спокойствии, пока Кромвель зачитывал ей обвинения. Свидетели обвинения, подписавшиеся под обоими исками, сами на суде не выступали. По мере того как обвинения зачитывали, Анна опровергала их. К первоначальным обвинениям, вынесенным на предварительных заседаниях, добавилось еще одно: она отравила Екатерину и замышляла отравить Марию. Она отвечала: нет, никого она не отравляла. По словам Райотсли, ее ответы были «мудры и благоразумны... как если бы она никогда не была во всем этом виновна».

Норфолк огласил приговор: присяжные заседатели сочли ее виновной. Его племяннице надлежало умереть: через сожжение либо обезглавливание — «на королевское усмотрение».

Анна выслушала приговор с тем же достоинством, какое сохраняла на протяжении всего суда. Она выразила сожаление лишь о том, что с нею должны погибнуть невинные люди, и еще о том, что не всегда «вела себя с должным смирением по отношению к королю». Это прозвучало настолько близко к насмешке, насколько она могла себе позволить. Теперь-то Генрих подыскал на смену слишком самоуверенной королеве женщину, воплощавшую беспрекословное смирение.

После ее ухода Генри Перси, ослабленный смертельной болезнью и подкошенный нестерпимой пыткой — ложным осуждением женщины, которую некогда любил, — рухнул на пол, и его пришлось вынести из помещения суда. Вскоре после этого он скончался.

Как только Анну приговорили к смертной казни, Генрих отправил Джейн «благую весть». Достаточно омерзительна подобная картина — король, в спешке заверяющий

свою новую возлюбленную в неминуемой казни прежней! Генрих довершил ее уродство еще и тем, что в тот же день помчался самолично навестить Джейн. Любопытно было бы знать: смеялись ли они оба при мысли о скорой смерти Анны или Джейн целомудренно утешала короля, тшившегося сохранить маску преданного женой мужа?

На очереди был суд над Рошфором. Кромвель зачитал обвинения в кровосмешении и измене. Джордж опроверг оба. Тогда — это показалось бы весьма комичным в менее трагичных обстоятельствах — Кромвель торжественно обвинил Рошфора в том, что вместе с сестрой он насмеялся над поэзией Генриха и его манерой одеваться. Рошфор воздержался от замечания, что такое поведение, пусть и грубое, едва ли можно счесть уголовным преступлением. Он просто опроверг это обвинение. Затем Кромвель протянул ему клочок бумаги, велел не зачитывать написанное вслух. Это было утверждение, будто Анна сообщала брату о том, что Генрих — импотент. Рошфор это отрицал, и тогда его спросили, не рассказывал ли он другим людям, что Елизавета не дочь Генриха. Быть может, она дочь самого Рошфора? И вновь Рошфор опроверг все обвинения. Его тоже признали виновным.

Если бы присяжные действительно хотели знать, истинны ли все эти утверждения, вместо того, чтобы смириться с желанием короля умертвить жену и ее друзей, они могли бы задать пару вопросов от себя и порыться в памяти, ибо в одиннадцати из предполагаемых случаев прелюбодеяния либо Анна, либо ее мнимый любовник находились совсем в другом месте, нежели то, что было указано как место любовного свидания. Так, одно из приписывавшихся ей свиданий со Смитом будто бы произошло тремя неделями раньше, 26 апреля, в Вестминстере, хотя двор-то в ту пору находился в Гринвиче. Как отмечали многие историки, вне всяких сомнений, присяжные, да и все пары королевства и многие из самих придворных должны были хорошо помнить это.

Однако память избирательна. Сам Генрих тоже «припомнил» теперь кое-что. Он вдруг вспомнил, что Анна не была девственницей, когда он впервые сошелся с ней. Он заявил также, что за время их брака она сменила более сотни любовников.

17 мая Кранмер провозгласил, что Анна, ныне осужден-

ная за прелюбодеяние, никогда не была женой Генриха. Все существенные документы были позднее утрачены, так что нам не известно, на каких основаниях был расторгнут брак, — возможно, предварительный брачный договор Анны с Генри Перси, возможно, давняя связь Генриха с ее сестрой. Безотказным подручным Генриха не составило особого труда выискать какую-нибудь причину. Айвз высказывает предположение, что они сочли папское разрешение (2) жениться на сестре бывшей любовницы «противным закону Божьему», что, безусловно, было бы очень в духе Генриха.

В то же утро, когда брак был провозглашен недействительным, пятеро мужчин, обвиненных вместе с Анной, были казнены. Смитон повторил перед казнью свое признание — видимо, из страха, что его все-таки не обезглавят, а утопят и четвертуют. Остальные четверо приняли смерть так, как и подобало умирать на плахе: воздержавшись от обвинений в несправедливости, они произнесли несколько общих слов о грешной своей жизни, как добрые христиане перед лицом смерти. Обвинений в свой адрес они не признали.

Анна думала, что ее черед — завтра, и когда выяснилось, что это не так, по словам Кингстона, весьма опечалилась, ибо «уповала, что к тому времени умрет, и прекратятся все эти муки». Ее настроение бешено менялось: то ей мерещилось, что Генрих отменит приговор и отправит ее в монастырь, то воображала картину своей смерти. Она сказала Кингстону, что уверена: дождя не будет до тех пор, пока ее не освободят. Затем заявила, что народ молится за нее и что после ее смерти небеса ниспошлют на землю страшные бедствия. А то заливалась веселым смехом и заявляла, что ее новое прозвище — *Anna Sans Tête**. Все больше времени она проводила за молитвой, находя утешение в религии, которая много значила для нее и в годы царствования. «Мне довелось видеть множество мужчин, да и женщин, в ожидании казни, — рассказывал Кингстон, — и они печаловались и скорбели; эта же дама находила смерть радостной и приятной».

Смерть явилась за ней 19 мая. Генрих, несомненно, разыгрывавший милосердие, не только воспротивился ее сожжению, но даже послал в Кале за палачом-мечником:

* Анна без головы (фр.).

меч делает свое дело быстрее, чем более привычный топор. Кингстон мягко объяснил Анне, что казнь будет безболезненной. Анна провела руками по шее и рассмеялась: «Я слышала, что палач просто искусник, а шея у меня тонкая».

Ее речь, обращенная к толпе, была исполненной достоинства и легко предсказуема, хотя, должно быть, у нее комом в горле встали слова о том, что Генрих был «добрым, нежным и превосходным супругом». Она не признала за собой никаких злодеяний и сказала, что «не винит никого», из чего явствовало, что «кого-то» — а именно, Генриха — все же следовало винить. Кроме того, она смирялась с условиями казни. Она подобрала волосы, спрятав их под чепец, надела повязку на глаза и преклонила колени. «Иисусу Христу вверяю душу свою», — молвила она, и рука палача опустилась.

Фрейлины уложили тело и голову покойной в небольшой ящик, где ранее держали стрелы, и похоронили ее в часовенке при Тауэре. Мало кто верил в ее виновность — не верил даже ее заклятый враг Шапюи. Смерть королевы вызвала во многих сердцах уныние и горечь. Ее кузен и друг Томас Уайет, присутствовавший на судах и при казнях Анны и пятерых невиновных мужчин, говорил не только за себя, когда написал: «Кровавых дней не выдержало сердце...»

☞ В утро казни король, что вполне отвечало моменту, находился в окружении своих ловчих и гончих, когда его настигла весть о долгожданной смерти Анны. Охота закончилась; дичь была убита; и он поскакал к Джейн. На следующий день было официально объявлено об их помолвке.

Через полторы недели, 30 мая, Генрих без лишней помпы обвенчался с Джейн в часовенке Уайтхолла. Как с колкостью писала Стрикленд, «уже пекся свадебный пирог, стряпался свадебный ужин, шились свадебные наряды, а кровь еще теплилась и текла в жилах жертвы, чье место должна была освободить ужаснейшая смерть».

Генрих и не пытался изображать ни скорби о женщине, за которой он бегал целых семь лет, ни уныния, в которое она будто бы ввергла его своими преступлениями. Шапюи

шнично заметил, что никогда в жизни не видел рогоносца, который носил бы свои рога с такой веселостью.

Рогоносец-весельчак не смог отказать себе и в малости прилюдного лицемерия, должно быть, заставившей Шапю ухмыляться еще шире. Генриху показалось недостаточным, чтобы его брак с Джейн расценили как нечто само собой разумеющееся, — он должен выглядеть чуть ли не самоотверженным деянием. Томас Одли, ныне лорд-канцлер Англии, провозгласил в парламенте, что Генрих, претерпев в первом браке «превеликие тревоги и метания», а во втором — «опасности и угрозы», навверное, впредь вполне мог бы поостеречься от брачных уз. «И вот он, наш сиятельныйший государь, вновь снисходит до заключения супружества, склонившись на смиренные мольбы знати нашей и взяв себе жену, чьи лета и здоровье обещают славное потомство». Многие из числа той самой «знати» были бы несказанно рады, если бы король откликнулся на другие их просьбы с такой же проворностью, с какой «отозвался» на эту.

В июле, два месяца спустя после свадьбы, до Шапю доползли слухи, будто Генрих решил повременить с короной Джейн, пока не убедится, что она не бесплодна. Еще месяц спустя он пожаловался Кромвелю, что чувствует себя стариком и вряд ли у него появятся дети от Джейн. Как ни нелепо, при этом он добавил, что тогда сделает наследницей Марию. Однако такое чудачество, по-видимому, длилось недолго. Возможно, ему просто наскучили блеклые красы новой королевы гораздо ранее, чем он предполагал, и поэтому ему доставляло немалых хлопот исполнение супружеских обязанностей. А может быть, между ним и его новобрачной вставали призраки обеих сведенных в могилу королей? Если так, это, должно быть, вселяло тревогу в Джейн и ее братьев. Если ей так и не удастся расшевелить в короле мужчину, Господь не замедлит изыскать для своего «подопечного» какое-нибудь основание, чтобы отвязаться и от третьей жены.

Вскоре Генрих отогнал прочь былые сомнения, и они с Джейн выглядели вполне счастливыми. Один из придворных, Джон Рассел, с воодушевлением писал Артуру Плантагенету, лорду Лайлю, что Джейн — «милейшая из дам, каких я когда-либо встречал, и прекраснейшая из королев христианского мира. Король, выбравшись из преисподней, попал прямехонько в рай, ибо насколько проклят и злосчастен

был прежний союз, настолько сладостен сей». Возможно, тут сэр Джон преувеличивал, и уже из следующих его слов явствует, насколько хорошо он знал короля, ибо он предлагает Лайлю написать Генриху и поздравить его с тем, что тот «столь счастливо сочетался со столь изумительною женщиной. чем вы весьма Его Милости угодите». Слово вылетело: хочешь заслужить милость Генриха — рассыпайся в похвалах его новой королеве.

Придворным-консерваторам Джейн должна была принести огромное облегчение. Анна водилась с протестантами и была — по необходимости — смертельным врагом Екатерины и Марии. Джейн же сохраняла к ним сочувствие, а ее религиозные взгляды представлялись вполне традиционными, вопреки реформаторским наклонностям ее брата Эдварда.

Радикалы были уже менее довольны. В Германии Мартин Лютер писал одному своему другу, что Джейн — «враг Евангелия»*, и выражал обеспокоенность тем, что возврат Генриха к консерватизму чреват неприятностями для его английского друга, протестанта Роберта Барнза.

По правде говоря, Джейн вовсе не влияла на политические дела. Однажды она попробовала, но получила отпор. Это случилось во время «паломничества благодати» — ряда восстаний, где религиозные мотивы перемешались с экономическими, вспыхнувших в 1536 году в Линкольншире и распространившихся до Йоркшира. Генриху, который всегда побаивался бунтов, теперь пришлось несладко. По словам Скэрибрика, мятежи эти «были вызваны мотивами настолько запутанными и в различных местах столь различались характером и ходом своим, что, пожалуй, вовсе не поддаются обобщениям». Отчасти, особенно на севере, они проистекали из недовольства старой феодальной аристократии, лишившейся былых прерогатив ввиду все большей централизации политической системы. На северо-западе, напротив, бунтовали бедняки, страдавшие теперь еще больше, чем прежде, от разных сельскохозяйственных новшеств, а также от упразднения системы благотворительных раздач, неотъемлемой от старого церковного уклада. В Линкольншире, например, камнем преткновения стало возобновление всех дореформационных установлений. Среди много-

* Имеется в виду, конечно, не само Евангелие, но евангелистское течение в протестантизме.

численных требований бунтовщиков было восстановление монастырей, разогнанных и разграбленных при раскольничестве и отходе Генриха от Рима.

Генрих принялся за подавление восстаний, и тут его ждал сюрприз: его безропотная новая женошка бросилась перед ним на колени и стала умолять его восстановить монастыри. Генрих вспыхнул, прикрикнул на нее и велел впредь не совать нос в дела государственной важности, зловеще напомнив, что постигло последнюю королеву, которая на это отважилась. Екатерине, всегда мудрой, правившей и выручавшей мужа советами в политических вопросах, подобный приказ показался бы смехотворным; Анне, привыкшей открыто выражать свою волю, он показался бы вопиющим. Но Джейн не была ни Екатериной, ни Анной, и больше никто никогда не слышал, чтобы она куда-нибудь еще «совала нос».

Джейн нельзя отказать лишь в единственном бескорыстном проявлении доброты — в покровительстве принцессе Марии. Генрих не забыл своей дочери того, что она отказалась признать себя незаконнорожденной и смириться с унижением матери. Народ взваливал вину за жестокое обращение с Марией на злобные козни ее ведьмы-мачехи Анны Болейн. Но Анны не стало, а Мария по-прежнему пребывала в немилости. Джейн, преодолев природную робость, рискнула навлечь на себя гнев Генриха и попросила, чтобы он позволил Марии вернуться ко двору. Правда, согласно другой версии, ее толкнуло на это не великодушие, а социальный снобизм. «Нынче, когда Ваша Милость явила удовольствие сделать меня своей женой, — сказала Джейн, — мне не с кем и повеселиться, кроме низших по положению, не считая Вашей Милости. Не будет ли изволения Вашего на то, чтобы мы могли наслаждаться при дворе обществом принцессы Марии? Я бы веселилась с нею». Генрих — в лучших традициях грубоватого дядюшки Хола — ответил: «Радость моя, будет тебе принцесса, коли она тебя развеселит».

Прежде чем позволить Марии «веселиться» с новой королевой, Генрих потребовал от дочери тяжкого раскаяния. Через Кромвеля он передал ей, что удовлетворит его лишь бесповоротная капитуляция. Она уже написала Генриху, поздравляя его с женитьбой и денно молясь Богу, чтобы Он «вскорости послал Вашей Милости принца». Этого

письма Генриху показалось мало. Его дочь должна испить чашу унижения до дна: признать, что он является верховным главой церкви и что брак ее матери был недействительным. Понукаемая Кромвелем и прочими приспешниками Генриха, боясь, что ее отравят, слыша даже от Шапюи советы подчиниться королю, Мария наконец сломилась. Не читая, она подписала подsunутую Кромвелем бумагу. Но даже так она едва ли могла вовсе не заметить написанного. Она знала, что сим соглашается «полностью отвергнуть ложную власть епископа Римского». И, что самое главное, последнее предложение документа — прямо перед ее подписью — гласило: «Брак, в коем ранее состоял Его Величество с моей матерью, покойной вдовствующей принцессой, перед лицом Господа и в глазах людей был связью кровомесительной и беззаконной».

«Покойной вдовствующей принцессой». Итак, дочь Екатерины смирялась с титулом, который все те годы ее мать высокомерно отвергала. Это была капитуляция, в которой Мария будет раскаиваться всю свою жизнь.

Ранним летом 1536 года Мария вернулась ко двору. Если верить испанской хронике — современному отчету о правлении Генриха, — первый день ее возвращения был ознаменован высокой драмой. Испуганная и робкая Мария вошла в залу аудиенций, где ее ожидали король с королевой. Упав на колени, Мария попросила у отца благословения. Генрих поднял ее с колен и поцеловал, потом подвел к новой мачехе, и та тоже обняла ее. Сверкнув глазами вокруг себя, Генрих прорычал: «А некоторые из вас хотели, чтобы я уничтожил эту драгоценность».

Мария вздрогнула, но королева поспешила вмешаться: «О, какая превеликая жалость была бы утратить сию Вашу драгоценность, прекраснейшую в Англии».

Генрих не затем женился на Джейн, чтобы у дочери Екатерины Арагонской была добрая мачеха. Погладив живот Джейн, он ответил: «Нет, нет. Эдуард...» Позже он сообщил дочери, что она в безопасности, ибо «та, что причинила тебе столько зла и так долго не давала мне видеться с тобою, понесла кару». Марии и самой слишком хотелось верить, как верила ее мать, что вина целиком лежала на Анне Болейн. Эта ведьма заставляла несчастного Генриха идти наперекор своему мягкому характеру: с беспощадностью с ней покончено на плахе несколько недель назад. Этот

рассказ, как и всё в испанской хронике, следует воспринимать *cum grano salis**, но поведение Генриха передано точно. На него очень похожи эти размашистые жесты: сперва заключить дочь в объятия и тут же припугнуть ее: прилюдно выразить уверенность, что Джейн — даже не беременная еще — обязательно подарит ему сына; свалить собственную вину — дурное обращение с Марисей — на Анну Болейн. В любом случае, доброта Джейн к Марии неоспорима, и на протяжении всего своего недолгого царствования она оставалась другом и покровительницей принцессы.

Было в жизни Джейн еще несколько происшествий, заставляющих предположить в ней не столь добрую натуру (однако, как и положительные черты, недостатки ее выглядят ничтожными). Незадолго до Рождества 1536 года в Вулфхолле скончался ее отец. Можно было ожидать, что королева, столь одаренная женскими добродетелями, тут же устремится к своей матери и вместе с нею оплачет отца на похоронах. Но Джейн осталась при дворе, участвовала в праздничном представлении и не выказывала никаких признаков скорби. Но, как знать, быть может, не стоит обвинять саму Джейн в кажущемся безразличии. Генриху была ненавистна мысль о смерти и трауре, и он запросто мог запретить жене оплакивать утрату. Если это так, она повиновалась со свойственной ей безмятежностью.

Другой случай представляется достаточно странным, так как сложно предположить в женщине с темпераментом Джейн такой снобизм и тягу к самоутверждению. Среди ее фрейлин находилась некая Энн, дочь тщеславной леди Лайль, муж которой был губернатором Кале. Джейн досаждали «континентальные» наряды Энн. Джон Хьюзи, ближайший друг леди Лайль при английском дворе, написал ей, что «королеве угодно, чтобы госпожа Энн перестала носить французские платья. Так что ей надлежит обзавестись парой шляпок, с лентами и ниткой жемчуга, и платье черного атласа, и другое — бархатное... И надобна ей ткань на платье с рукавами, ибо пеняет она на грубость тамошней одежды». Вполне возможно, что Джейн подлинно пеклась о чести короны, а может быть, то была вспышка самолюбия, сознания собственной важности теперь, когда она сделалась королевой Англии. Но более вероятным представляется, что

* С должной степенью юмора (*бужв.* — «с крупицей соли») (*лат.*).

она действовала по наущению своей властной невестки Энн Стэнхоуп, свято уверенной в том, как важно соблюдать дворцовые приличия. По природе Энн была столь же хваткой, сколь Джейн смирной, а ее муж без труда мог внушить сестре, что у королевы из рода Сеймуров все фрейлины должны быть одеты с иголочки.

Другие рассказы о жизни и правлении Джейн довольно скудны. В феврале 1537 года она стала крестной матерью ребенка Эдварда и Энн. Зима выдалась холодная: в январе она и Генрих, со всем двором, пересекли замерзшую Темзу верхом. Стрикленд саркастически назвала это событие «наиболее замечательным из деяний королевы». Зато по мнению Генриха, от Джейн и не требовалось ничего «замечательного»: всё, что от нее требовалось, — это родить здорового сына. И к этому-то времени она забеременела.

Генрих окружал Джейн особой заботой те месяцы, что она вынашивала их дитя: несомненно, он помнил о тех сыновьях, что выкинули, не сумев доносить, его предыдущие жены. Он решил никуда не отлучаться от двора, чтобы точно знать, хорошо ли обстоят дела, и даже отменил важную поездку (он должен был возглавить Северный совет). В письме герцогу Норфолку он объяснял, что, хотя Джейн и чувствует себя хорошо и обеспечена всем необходимым, тем не менее, «так как она всего лишь женщина», ее могут огорчить «досадные сплетни и слухи», что «породит опасность немалую или угрозу для младенца, коим брюхата она ныне».

Джейн, казалось, радовалась своей беременности. У нее постоянно появлялись гурманские капризы, и ей доставляли куропаток — *жирненьких* куропаток. «Милорд, король велел попросить у вас куропаток пожирнее, ибо на королеву напала большая охота до них, а у нас их днем с огнем не сыщешь», — писал Джон Хьюзи лорду Лайлю. Если сэръ Артур хочет, чтобы и другие его дочери оказались при дворе, — намекает письмо, — он должен немедленно прислать куропаток. «Но они должны быть жирнющими».

Джейн, уплетая жирных куропаток и указывая фрейлинам, что им следует носить, по-видимому, легко и беззаботно переносила месяцы беременности. Но наверняка в течение этих долгих месяцев, от исхода которых так много зависело, она вспоминала и о беременностях предшествен-

ниц — об их мертворожденных младенцах, об их выкидышах, об их дочерях. Как всякая беременная женщина, она боялась умереть родами. Она могла держать под надзором гардероб своих дам; она могла держать под надзором те кушанья, что ей подавали. Но от нее — как и от Генриха — не зависело ни здоровье ребенка, ни ее собственное здоровье.

12 октября, на третий день родовых мук, Джейн разрешилась от бремени. Она потрудилась на славу: родился здоровый и крепкий мальчик. На улицах Лондона зажгли костры, повсюду стоял колокольный звон, рекой лилось бесплатное вино и эль.

Пока народ ликовал, а двор Генриха готовился к крестинам наследника, женщина, которая выносила и произвела на свет этого наследника, лежала обессиленная и изможденная. Но ее работа еще не закончилась: ей предстояло вынести ряд утомительных церемоний, положенных при крестинах. Восседая в королевской опочивальне, она приняла и официально поприветствовала около трехсот или четырехсот почетных гостей. Церемония длилась пять часов кряду, после чего гости гурьбой устремились в часовню. Утомленную королеву оставили в постели, где она слушала, как трубы торжественно возглашали ее малютку Эдуарда полноправным членом христианского сообщества, и блаженно улыбалась своей удаче. Отныне призраки Екатерины и Анны могут утомониться. Джейн не прогонят и не уничтожат за то, что она не смогла подарить королю сына.

Три дня спустя она почувствовала недомогание; неделю спустя она умерла от родильной горячки. Генрих горевал и велел устроить пышные похороны. Джейн Сеймур была идеальной женой: послушная и покорная, она родила ему сына и умерла прежде, чем он сам пресытился ею. Те, кому она служила и покорялась, — Генрих, братья, сын, которому не суждено было ее узнать, — позднее всегда с любовью вспоминали ее в те редкие моменты досуга, что им оставались для воспоминаний.

Тем временем Генрих отдавал распоряжения относительно воспитания наследника, собираясь в путь по делам государственной важности. И почти тотчас же он принялся высматривать себе очередную жену.

АННА КЛЕВСКАЯ

Генрих поручил Гансу Гольбейну (1) написать портрет этой германской принцессы и остался очарован красотой картины. Зато во плоти четвертая жена понравилась ему куда меньше, и король прозвал ее «здоровенной фламандской кобылой».

Разведена

ФЛАМАНДСКАЯ КОБЫЛА

Париже, в Лувре, в крошечном помещении наверху, в отдалении от того зала, где люди толпятся перед *Моной Лизой*, висит совсем небольшой (2) портрет другой дамы — Анны Клевской. На ее губах лишь едва заметный намек на улыбку, в больших глазах — задумчивость и некоторый испуг. Если весь мир дивится, чему улыбается знаменитая красавица Леонардо да Винчи, то угадать, отчего *не* улыбается Анна Клевская Ганса Гольбейна, не так сложно. Ведь Гольбейн писал портрет германской принцессы по заказу английского короля, подумывавшего о женитьбе на ней, а такое замужество не вселяло радужных надежд.

Однако, как показало время, Анна все-таки смеялась последней. Если истории первых двух браков Генриха — это жанр высокой трагедии, где Генрих беспощадно уничтожает сильных, но совершенно беззащитных женщин, то его четвертый брак — чистая комедия: фигляр, одержимый самолюбованием, пасует перед женщиной с железным здравым смыслом.

На поиски новой жены после смерти Джейн Сеймур у короля ушло три года. Мало кто из женщин желал идти на подобный риск, и мало кто из монархов хотел ставить на карту жизнь своих сестер или дочерей, выдавая их за человека, с легкостью избавляющегося от неудобных жен.

Сразу же после смерти Джейн начали расползаться слухи, будто во время родов повитуха сказала, что или сама Джейн, или дитя умрет, и Генрих велел ей спасти ребенка, так как другую жену он себе всегда найдет. Подобные

рассказни ни на чем не основывались, но уже само их быстрое распространение говорило о том, как возросло недоверие к Генриху.

Король, видимо, даже не представлял, какая у него теперь дурная слава. Тело Джейн еще не предали земле, а безутешный вдовец уже подумывал о новой невесте. За время краткого правления Джейн ни одна из фрейлин не разбередила в нем романтических наклонностей и тем более не пробудила гласа Божьего, поэтому Генриху — впервые в жизни(!) — пришлось выглядывать и подыскивать невесту. Тайный совет, научившийся упрашивать Генриха о том, что сам Генрих хотел бы совершить, умолял его найти себе новую жену ради вящего блага королевства. Кромвель разослал по всей Европе своих ищсек. Донося весть о смерти Джейн до французского посла, Кромвель прибавлял, что, хоть Генриху и претит мысль о новом браке, «все же нежная и ревностная забота о подданных уже превозмогла названное расположение духа Его Милости».

Невзирая на таковую самоотверженность, Генрих желал удостовериться, что его будущая жена хороша собою. Казалось, он просто не понимал, что сам-то не красавец. Тот златовласый чудо-принц, приводивший в восторг Эразма и венецианского посла почти три десятка лет назад, за истекшие годы изрядно задубел и заматерел. Его портреты, относящиеся к этому времени, изображают короля таким, каким он нам известен: тучное тело и заплывшие глазки-бусинки. Европейские дипломаты судачили промеж себя, как он «нагулял жирок». К 30-м годам на ногах его образовались незаживающие язвы, против которых врачи оказались бессильны. Ему было уже под пятьдесят — старик по меркам той эпохи, причем старился он безобразно, не то что иные из его современников, например, герцог Суффолк, все еще сохранявший былую привлекательность.

Если облик Генриха напрочь утратил прежнюю красу, то и нрав его стал ничуть не лучше. Мария — сестра Карла V и правительница Нидерландов со времени смерти Маргариты Австрийской — порицала Генриха, дурно обошедшегося с ее теткой Екатериной Арагонской. К тому же она при всей своей враждебности к Анне Болейн считала, что Генрих сам возвел на нее напраслину и наплел небылиц о ее

изменах. «Я полагаю, что когда ему надоест новая жена, он найдет способ и от нее отделаться, — произнесла она, узнав новость о его женитьбе на Джейн Сеймур. — Наш пол не очень-то обрадуется, если подобные деяния войдут в моду».

«Методы ухаживания» Генриха повергли в шок даже мужчин. Ему бы хотелось жениться на какой-нибудь знатной француженке, сообщил он послу Франциска I. Но вначале ему бы хотелось обозреть всех достойных избранниц, а уж из них он сам выберет наиболее соблазнительную. Не будет ли король так любезен и не пришлет ли ему в Кале дюжину отборных французских красоток, чтобы Генрих устроил им смотр?

Нет, он не будет так любезен. Хоть Франциск и сам был лихой дамский угодник, его взяла оторопь. Француженок. отвечал он холодно, не приводят на рынок гуртом, «словно рысистых скакунов на ярмарку».

Генрих расстроился, но решил не унывать. Раз ему нельзя воочию увидеть этих дам, он предпримет следующий шаг. Ганс Гольбейн, блестящий фламандский портретист, с 1532 года живший в Англии, создал ряд портретов людсей, приближенных ко двору. Генриху нравились его картины, и к 1536 году Гольбейн официально сделался «королевским художником». Он написал портрет Джейн Сеймур, а также серию картонов для дворцовых фресок, изображавших Генриха, Джейн, Генриха VII и Елизавету Йоркскую. И теперь Генрих нашел таланту Гольбейна иное применение: он снарядил живописца в путешествие по Европе с тем, чтобы тот написал по дороге портреты различных дам, на которых король был не прочь жениться (3).

В числе этих дам была Мари де Гиз, происходившая из влиятельнейшего французского семейства. Она была женщиной весьма высокого роста. Генриху это показалось заманчивым. Он заявил французскому послу, что «сам мужчина статный, и жена ему нужна солидная». Но Мари им не заинтересовалась. Позже ходила байка, будто посланник Генриха повторил Мари замечание короля, та же отвечала, что хотя сама она и высока, шея у нее короткая. Мари и ее семейство предпочли племянника Генриха — Иакова Шотландского, вдовца лишь единожды.

Генрих кинулся напролом. Если с Францией ему не

светил супружеский союз, в запасе всегда оставалась Священная Римская империя. У Карла была очаровательная юная племянница — шестнадцатилетняя Кристина, вдова герцога Миланского. Однако Кристине такая мысль пришла по душе ничуть не больше, чем Мари де Гиз. Ей приписывали ответ, что, будь у нее две головы, она с удовольствием пожертвовала бы одну Его Величеству. Источники этой реплики несколько моложе, чем само правление Генриха, но и современники передавали кое-какие замечания, пусть менее остроумные, зато столь же отрицательные. Английским министрам, сказала Кристина, незачем попусту тратить время на брачные переговоры, ибо «сердце ее не лежит к этому». «Ее разумение, — схищничал реформатор Георг Константин, — нашептывает ей, что ее внучатая тетка (Екатерина Арагонская) была отравлена, что вторая жена была безвинно предана казни, а третья погибла оттого, что ей не давали покоя после тяжелых родов».

Один из отряженных Генрихом искателей невест, подлиза Томас Райотсли, писал королю, что самолично допросил юную вдовицу, и та заверила, будто охотно сделает все, чего только пожелает ее дядя император. Но она, вероятно, просто старалась тактично показать, что *ей* такого добра, как Генрих, не надобно. Она жила в ту пору в Брюсселе вместе со своей теткой Марией, регентшей Габсбургов, и, должно быть, со слов Марии знала, какой из Генриха муж. В какие бы политические игры с Генрихом ни желали вступить Карл и Мария, они не собирались жертвовать свою племянницу человеку, который угробил их тетку.

Преследуя собственные политические цели, Карл сам вмешался в брачные переговоры между Генрихом и Кристиной, так что вскоре Кромвель возопил: «Никогда ранее не видел я, чтобы из стольких ладных слов не выходило ни одного ладного дела!» Этот фарс продолжался вплоть до следующего января, пока наконец Райотсли не написал королю, что дело безнадежно. Злосчастное сватовство Генриха оставило по себе одно прелестное напоминание: портрет несостоявшейся невесты (4) кисти Гольбейна (причем девушка отказалась позировать более трех часов, поскольку знала, что это ни к чему) — единственная, за исключением портрета Анны, сохранившаяся картина из заказанной Ген-

рихом серии красоток-принцесс. Она висит в Лондонской Национальной галерее: смысленный взгляд устремлен на зрителя прямо и спокойно, без всякой ложной скромности или женского самоуничижения. Кристина знала, чего хочет, и король Англии ей был не нужен. Несколько лет спустя она вышла замуж за менее могущественного, но зато менее грозного герцога Лотарингского; вторично овдовев, она впоследствии обрела значительное влияние в царствование своего кузена Филиппа Испанского.

Между тем взаимоотношения католических сил Франции и Испании принимали угрожающе теплый характер. Кроме того, в декабре 1538 года папа Павел III наконец пустил в ход буллу Климента, коей король английский отлучался от церкви. Генрих не на шутку встревожился, и протестантская клика при дворе отыгралась на его испуге. Король с тех пор, как охладел к Анне Болейн, все больше скатывался к консервативным религиозным взглядам и, хоть преследовал любого, кто поддерживал папу, подлинных реформаторов жаловал ничуть не больше. В июне 1539 года, вероятно пытаясь умиловить папу, Генрих велел парламенту рассмотреть спорный акт из шести статей, который его противники тут же окрестили «кнотом о шести вервях». Все постулировавшиеся им догмы поддерживали традиционные церковные учения; в центр было положено утверждение доктрины пресуществления — веры в то, что хлеб и вино евхаристии действительно претворяются в плоть и кровь Христовы. Всякого, кто отрицал таковое «вещественное присутствие» Христа в святых дарах причащения, ждал костер (5).

Если Генрих женится на католичке, с нею явятся ко двору ее друзья-консерваторы и начнут влиять на короля. Кромвель, Кранмер и другие реформаторы убедили Генриха, что франко-испанский союз чреват опасностями для Англии, и советники Генриха принялись высматривать како-нибудь союзника на тот ужасный случай, если два католических недруга объединятся и вместе двинут войной против короля-отступника. Генрих начал заигрывать с протестантскими государствами и с протестантскими принцессами. Герцог Клевский, владевший землями в Германии, отличался некоторыми симпатиями к протестантам и имел

связи с антиимперской Шмалькальденской лигой (6). Кроме того, у него было двое незамужних сестер, Амалия и Анна. В августе 1539 года Гольбейн вновь снарядился на континент — писать портреты сестер.

У Генриха имелись все основания беспокоиться о наружности сестер, особенно Анны, которая, как старшая, была более вероятной кандидаткой ему в супруги. Один из посланцев, Джон Хаттон, ранее предупреждал Кромвеля: «Я не слыхал особой похвалы ни нраву ее, ни красоте». Но вскоре Кромвель получил и другие донесения от тех, кого отрядили вести переговоры о заключении брака. На Кристофера Монта произвела благоприятное впечатление Анна, чью красоту «всяк хвалит... и за лик ее, и за нрав». Николас Уоттон, другой сват Генриха, одобрительно отзывался о портрете Гольбейна, говоря, что он «весьма жизнеподобен», хотя затем сообщал некоторые сведения, которые могли бы заставить Генриха призадуматься и погодить со свадьбой. Анна охотно шьет, но ей явно не хватает придворных навыков, обязательных для любой знатной дамы в Англии, а именно — умения играть на музыкальных инструментах, петь, танцевать и бегло изъясняться по крайней мере на одном или двух языках, помимо английского. Анна, вполне сведущая в немецком, других языков не знала вовсе. Петь и играть тоже не умела, «ибо здесь, в Германии, почитают они за порок или за пустяк, коли важных дам возьмется учить музыке». Генриху, который любил музыку и сам прилично музицировал, это должно было показаться досадным упущением.

Но Анна обладала изрядным умом, и Уоттон был уверен, что она быстро выучит английский язык, «стоит ей только захотеть». Она была недолгое время обручена с герцогом Лотарингским, но потом договор между ними был расторгнут, и Анна была вольна выходить замуж за кого захочет, или, точнее говоря, за кого захочет ее брат. (Кратковременная помолвка Анны с человеком, который впоследствии женился на предыдущем предмете желаний Генриха, являет любопытный пример того, сколь тесное и почти кровосмесительное переплетение связей царило в XVI веке в мире монарших кланов.)

Против предыдущей помолвки Генрих ничего не имел:

ведь такие помолвки приходились как нельзя кстати, если вдруг жена не рожала сыновей. А «весьма жизнеподобный» портрет Гольбейна Генриха очаровал. 4 сентября 1539 года был подписан брачный договор. Анне Клевской суждено было навсегда покинуть родину, чтобы стать невестой мужчины, который, как утверждали слухи, до нее уже убил трех жен.

Путешествие в Англию не предвещало ничего приятного, к тому же не избежать множества церемоний, положенных «поезду» королевской нареченной. Вначале Анне предстояло посуху добраться до Кале в сопровождении 263 прислужников и 226 лошадей. Там ее будет ждать отряд высокопоставленных лиц из Англии, которые препроводят ее в Дувр, а оттуда — поэтапно — в Лондон. Она выехала в середине ноября, в среднем делала пять миль в день, и 11 декабря наконец добралась до Кале. Там ее приветствовали: сэр Уильям Фицуильям, граф Саутгемптон и лорд-верховный адмирал; лорд-уполномоченный города Кале; несколько сот других аристократов, сплошь облаченных в бархат и золотую парчу, а с ними — двести йоменов*, несших королевские красно-синие знамена. Среди этой толпы находились и двое расторопных и миловидных юношей, быстро завоевывавших милость Генриха, — Томас Сеймур, его деверь, и Томас Калпепер, дальний родственник Анны Болейн. Королевские суда — «Лев» и «Вихрь» — были принаряжены не меньше, чем сами вельможи: на ледяном кусачем ветру развевались десятки шелковых знамен, расшитых золотом, а 150 пушек приветствовали Анну такими залпами, что «в учиненном дыму одна часть ее свиты не различала другой».

Дым рассеялся, погода же — нет. Две недели ждала германо-английская свита в Кале, пока уймется шторм. Анна решила не терять времени и упросила Саутгемптона научить ее некоторым карточным играм — ей сказывали, что Генрих до них большой охотник. Как-то раз она повергла в шок степенного лорда-адмирала, запросто пригласив его и его приближенных отужинать с нею. Но несмотря на такую бесхитрость Анны, Саутгемптону нравилось ее общество, и в письме Генриху он весьма

* *Yeoman* — историческое название землевладельцев средней руки в Англии.

хвалил ее манеры и, главное, ее «превосходную красоту». Вероятно, тогда же она принялась за английский язык. Она встретила беспокойное Рождество в Кале, но 27 декабря ветер улегся, и всего за пять часов ее корабль, сопровождаемый пятьюдесятью королевскими судами, достиг Дувра. И вновь Анну встретили пышными церемониями; на сей раз их возглавлял герцог Суффолк и его молодая жена Кэтрин Уиллоуби, дочь стойкой Марии де Салинас.

В Дувре тоже бушевали шторма, и во время путешествия в Кентербери было влажно, холодно и ветрено. Но Анна мужественно выдержала переезд, а затем отправилась из Кентербери в Рочестер, где остановилась в епископском дворце. Теперь уже наступал Новый год. Вскоре она прибудет в Лондон, и там ее ждет первая встреча с Генрихом. Пока же она может перевести дух и начать обываться в новой стране, осваивать ее странные обычаи и язык.

Но у Генриха были другие планы. Много лет назад, когда он еще был прекрасным принцем, он вызволил из невзгод прелестную и печальную принцессу Екатерину. Теперь он разыграет похожую роль — любвеобильного юного жениха, которому не терпится заключить милую невесту в объятия, похитить ее и умчаться прочь. Мысль о том, что в 1509 году такая роль подходила ему куда лучше, чем в 1540, видимо, не посещала его. Он по-прежнему представлялся самому себе сиятельным юным принцем. Он приосанился и опрометью поскакал в Рочестер, переодевшись при этом гонцом. Когда он ворвался к Анне, та глазеда из окна на медвежью травлю во дворе. Она сумела не растеряться при внезапном появлении какого-то перепачканного и шумного толстяка, но когда он вскоре вернулся и провозгласил, кто он таков, ее ждала ужасная новость: этот обормот и есть ее новый повелитель.

Мы не знаем, как проходила эта диковинная встреча, поскольку Генрих и Анна оставались одни. Но Генрих, выйдя из покоев Анны, послал за теми лордами, что доставили ее из Кале, и выбрал их, что они не известили его раньше о том, что принцесса черт знает как дурна собой. «Я не вижу ничего из того, что было представлено мне на картинах и в донесениях, — твердил он. — Я устыжен тем, что люди так ее расхваливали, и я ее совсем

не люблю». Генрих явно хотел сказать, что портрет Гольбейна, а также описания посланцев грубо погрешили против действительности.

Король со свитой отбыл в Гринвич, и там Генрих продолжил разнос, на сей раз выплеснув гнев на Кромвеля и Саутгемптона, которые, как он вопил, всучили ему эту «здоровенную фламандскую кобылу». На трехдневном королевском совещании, отчеты о котором скорее напоминают сценарий водевиля, велась бурная перебранка: Кромвель обвинял Саутгемптона в том, что тот описал Анну как красавицу. Воочию убедившись, что в жизни принцесса далеко не так привлекательна, как можно было понять из донесений, граф должен был задержать ее в Кале, а тем временем известить короля о том, какова она в действительности. Саутгемптон огрызнулся, что ему было поручено доставить даму в Англию, а не слать королю записочки о ее наружности. — Этот довод был бы куда убедительней, если бы он именно этого и не сделал, взявшись в письме уверять короля, что принцесса и вправду хороша собою, как о ней и говорили. Пока лорд-верховный адмирал и лорд-хранитель печати пытались свалить вину друг на друга, разбитый монарх капризно потребовал, чтобы его избавили от этих отвратительных супружеских уз.

Историки поверили на слово Генриху, который считал Анну безобразной, и потому сами сочли, что раз она показалась ему безобразной, значит, она такой и была. Но не все так просто. Генрих верил в то, во что *хотел* верить. Человеку, убедившему себя в том, что Екатерина Арагонская не была ему женой, а Анна Болейн была ненасытной прелюбодейкой, не составило бы большого труда поверить в уродливость еще одной жены. Помимо всего прочего, его рассказ о том, что произошло в покоях Анны в Рочестере, едва ли заслуживает безоговорочного доверия.

Из всех донесений, полученных Генрихом до прибытия Анны в Англию, лишь одно заставляет предположить, что принцесса малопривлекательна. — это записка от Хаттона. По меньшей мере из трех других следует совсем противоположное: это доклады Монта, Уоттона и Саутгемптона. Все же прочие отзывы о ее дурной наружности появились уже после того, как недовольство Генриха стало известно каж-

дому, так что им доверять, наверно, не стоит. Ведь было бы непростительной дерзостью оспаривать разъяренного короля, и никто не был обеспокоен судьбой заморской невесты настолько, чтобы хоть заикнуться Генриху, что она вовсе не так дурна, как ему кажется.

Шарль де Марийак, французский посол, явно колебался в своем суждении: в одном письме он сообщал, что Анна высока, стройна и «в меру красива», и лишь позднее сетовал на ее «недостаток красоты». Вспомним, что Анна была протестанткой, а ведь уже одно это в глазах желчного католика могло бы сделать ее страшилищем. Да будет нам позволено скептически отнестись и к его словам о том, что все ее фрейлины, «коих двенадцать или пятнадцать девиц, как на подбор, еще безобразнее своей госпожи». Допустим, герцог Клевский решил сбить Генриху с рук свою дурнушку сестру, но вряд ли он стал бы рыскать по всей стране в поисках дюжины других уродок, чтобы дать их ей в сопровождение.

Несходные суждения Хаттона и некоторых других напоминают и о том, что красота, в конце концов, понятие субъективное, поэтому и Генрих мог быть вполне искренним, сочтя Анну отталкивающей. Если это и так, его отношение к ней не становится менее возмутительным. Ничтоже сумняшеся, он заставил свою сестру, грациозную красавицу Марию, выйти замуж за короля, которого весь мир почитал омерзительным стариком. Зато его требования к самому себе были куда как мягче: как заметил Франциск I, Генрих полагал, будто женщин, словно лошадей, нужно осматривать перед сделкой.

Но ведь Генрих уже осмотрел свою «фламандскую кобылу». Он отправил Ганса Гольбейна писать с нее портрет и остался доволен картиной. Она понравилась ему настолько, что, доверившись изображению, он решил жениться на принцессе.

Тогда нам остается поверить, что портрет Гольбейна был неточен и что Николас Уоттон лгал, сообщая Генриху, будто картина «весьма жизнеподобна». Но к чему было Уоттону лгать? И тем более, к чему было лгать Гольбейну? Он не мог *нечаянно* придать Анне несуществующие черты. Ведь он был блестящим портретистом, за что Генрих ценил

его и нанял к себе на службу. Если его портрет и грешил против точности, это могло быть сделано только умышленно. Он прекрасно знал Генриха и понимал, в чем состоит его задача как художника. Он, должно быть, слышал о просьбе Генриха, обращенной к Франциску касательно знатных француженок; он, должно быть, сознавал, сколь важно для Генриха, чтобы он на совесть выполнил свою работу.

У историков существует три версии относительно того, почему Гольбейну не удалось справиться с заданием, за которое ему было заплачено. Одни предполагают, что, будучи настоящим художником, Гольбейн писал то, что зрел «внутренним оком», а не то, что во плоти находилось перед холстом. Другая сходная теория гласит, будто Анну уродовали оспинки, а Гольбейн галантно «опустил» эту подробность в своем портрете. И наконец, согласно теории Фруда, Кромвель будто бы убедил Гольбейна, что «от него ждут *миловидного* портрета».

Но при ближайшем рассмотрении ни одна из этих догадок не выдерживает критики. Гольбейн был не живописцем-романтиком XIX века, но добротным мастером XVI века, которого наняли для выполнения специфической задачи, вовсе не требовавшей от него выражения *собственного* представления о красоте. Не требовала она и галантности. Хотя Марийак позже упоминал о том, что на лице Анны сохранялись следы оспы, они, вероятно, были не очень глубокие, поскольку никто больше о них не упоминал. Во всяком случае, хотя Гольбейн из деликатности мог бы проигнорировать крошечный шрамик или родинку, он не стал бы скрывать эти оспины, будь они действительно огромные, — ведь не хотел же он лишиться прибыльного места при дворе. Не был он и настолько глуп, чтобы поверить Кромвелю или кому-нибудь другому, будто Генрих желает видеть приукрашенную картину. Ведь, в отличие от портрета Джейн Сеймур, это не было изображением правящей королевы, с которой король уже связан узами брака. Значит, такой портрет должен лишь донести до короля сходство с «натурой», а уж король сам решит, стоит ли жениться на ней или нет. Королю нужна была не

картина для украшения стены. ему нужна жена для украшения супружеского ложа.

И наконец, доказательством служит сам исход этой истории. Будь король действительно убежден, что его обманули насчет красоты невесты, он бы наказал «провинившихся». Гольбейн был в Англии чужеземцем, и Генрих мог спокойно отослать его в Германию. Он мог бы даже бросить его в Тауэр за измену. Но он не сделал ни того, ни другого: он по-прежнему держал Гольбейна при себе и продолжал снабжать его другими заказами. Как-то не верится, что человек, который казнил Томаса Мора и Анну Болейн, который ускорил смерть Екатерины Арагонской и кардинала Уолси, стал бы радостно вознаграждать *какого-то холсто-марателя*, подложившего ему такую свинью.

Что же постигло остальных — Уоттона, Саутгемптона, Монтэ? Уоттон, который божился в правдивости гольбейновского портрета, оставался одним из послов Генриха. Впоследствии, составляя завешание, Генрих включил его в регентский совет, которому предстояло править Англией до совершеннолетия принца Эдуарда. Саутгемптон стал лордом-хранителем печати. Монтэ тоже долго оставался на службе у Генриха. Все они видели Анну до того, как она прибыла в Англию, и все они, зная, какое значение придает Генрих ее наружности, засвидетельствовали ему, что она красива.

Итак, в портрете Гольбейна не было ни капли лжи. Он был действительно «жизнеподобен», и его модель, во всяком случае, достаточно привлекательна, чтобы можно было по совести счесть ее красивой. Да и сам Генрих воспламенился уже при виде этого портрета. Чем же тогда объясняется бурная реакция Генриха на первую личную встречу с Анной? По всей вероятности, здесь столкнулись два обстоятельства, вызвавшие в Генрихе чувства разочарования и унижения, которые, преломившись через задетое самолюбие Генриха, и сделали в его глазах Анну «уродиной».

Первое обстоятельство — это то, что, с точки зрения англичанина-«патриция», у Анны имелись серьезнейшие недостатки, как Уоттон и предупреждал Генриха. Она была начисто лишена того воспитания и тех черт, которые считались непременными для английской дамы. Памятуя о том, сколь ослепительна была Анна Болейн с ее манерами и

обхождением, усвоенными при французском дворе, не стоит удивляться, что Генриха разочаровала эта немка, как разочаровала бы его *любая* немка. Та домовитость, которую привили Анне Клевской ее воспитатели, не могла заменить грации и изящества, которых искал в жене или любовнице каждый знатный англичанин. Сама Англия казалась захолустьем по придворным меркам Франции, которой Генрих с молодых ногтей тшил подражать, но небольшие дворы германских государств отстояли в этом отношении от Англии настолько же, насколько сама Англия отстояла от Франции или Бургундии. Возможно, думая о Клеве, Генрих принимал его за двор нидерландский, но несмотря на их географическую близость изысканный двор Маргариты Австрийской и мелкие германские княжества были поистине небом и землей. Генриху, пребывавшему в грезах о красавице принцессе, живая Анна в ту первую встречу показалась какой-то сиволапой свинаркой. На ней была немецкого кроя одежда, посетителей она не ожидала и, вероятно, выглядела довольно неуклюжей, особенно когда попыталась на незнакомом языке заговорить со своим незванным и препотешным гостем.

Второе обстоятельство, которое, должно быть, повлияло на впечатление, произведенное Анной на Генриха, это то впечатление, какое произвел на Анну сам Генрих. И опять-таки во всем виновато его внезапное появление. При всей своей «неотесанности» Анна не была ни глупа, ни бесчувственна. Если бы она знала, что перед ней ее новый муж, она бы выказала подобающую случаю умеренную радость, каковы бы ни были ее истинные чувства. Однако внезапное вторжение в ее личные покои какого-то несносного и мужиковатого «гонца», который на поверку оказался королем, не оставило ей времени на притворство. Наверное, сперва она лишь смущалась, видя, как этот одышливый старик разыгрывает пылкого юного пастушка. Но пока она пыталась прийти в себя, на лице ее, видимо, отразился самый настоящий ужас. И Генрих, должно быть, узрел в этом «зеркале» себя, но не таким, каким он рисовался самому себе, не удалого молодца времен его юности, а таким, каков он стал теперь. Как бы они потом оба ни старались сгладить и замять неловкость той минуты, воспоминание о ней, должно быть, постоянно угнетало Генриха

и не давало вздохнуть покойно. Человек более скромный, наверное, хорошо бы усвоил такой урок и впредь глядел бы на себя трезво. Но Генриху не хватало честности примириться с чем-либо, что угрожало его самолюбию. Если он почуял, что вызывает у Анны дрожь отвращения, что ж, он ответит ей тем же. Так зародился миф о «фламандской кобыле», и ему-то предстояло укорениться в истории как образу более мощному, нежели тот, что взирает на нас с полотна Гольбейна глазами уверенной в себе миловидной дамы.

Пока оскорбленный в лучших чувствах Генрих пребывал в Гринвиче, Анна продолжала путь как ни в чем не бывало. Генрихов побег из Рочестера был столь же бесцеремонен, сколь нелеп был его набег на епископский дворец, но Анна, наверное, осталась только благодарна ему за то, что у нее появилось время на небольшую передышку перед свиданием со своим суженым. Что до ее опасений касательно предстоящего брака, то они, должно быть, утроились. Она ожидала увидеть тирана, женоубийцу, но не была готова лицезреть. Она понимала, что королевские браки основываются отнюдь не на влечении, а на политике, поэтому что бы она к нему ни испытывала, ей все-таки предстоит стать женой этого стопудового шута горохового. Что же ей делать, если он и дальше будет избегать ее? Воспитатели внушили Анне, что ей следует примириться с сексуальными требованиями супруга, но они забыли подсказать ей, в чем состоит искусство соблазнения, дабы пробудить в этом супруге хоть какой-то интерес. Анна неспешно двигалась к Лондону, с высоты носилок любезно расточая улыбки своим новообретенным подданным, приветствовавшим ее, и метр за метром приближалась к своей тоскливой и безрадостной участи.

Генрих в свой черед все это время лихорадочно изыскивал способы расторгнуть постылую помолвку. Он созвал совет, и его члены, заняв подвстренную сторону, сошлись на том, что предыдущая помолвка Анны с герцогом Лотарингским является препятствием к заключению брака. Посланников герцога Клевского попросили предъявить бумаги, доказывающие, что помолвка была расторгнута. У них не имелось при себе такого письменного свидетельства, но они

без труда могли заполучить документ из архивов. Выигранные недели в ожидании бумаг явились не более чем отсрочкой неизбежного, к тому же подобной недоверчивостью англичане рисковали оскорбить даму и ее брата. Генрих нимало не желал «переполошить весь белый свет» и вынудить герцога Клевского примкнуть к вражьему стану Франции и Испании. «Неужели же не отыщется другого средства, — жалобно восклицал король, — и мне против воли придется впрячь выю в ярмо?»

А тем временем Анна уже подъезжала к Гринвичу, к лондонским окрестностям. Ей и Генриху предстояло пройти через все формальности первой официальной встречи.

Последовало весьма пышное действо, в миниатюре напоминавшее встречу Генриха с Франциском I на Парчовом поле в 1520 году. Генрих пошел на это ради своих подданных, которым не терпелось поглазеть на новую королеву, и ради иностранных дипломатов, которых надлежало угостить трепетным зрелищем воссоединения двух могущественных антипапистских держав. Какое бы уныние ни всеяла в короля его невеста (или — хотя едва ли такая мысль посещала его — какое бы уныние ни всеял в нее он), обоим предстояло разыгрывать радость счастливой парочки.

Французский посол Марийак, неизменно циничный, и английский хронист Холл, неизменно цветистый, оставили подробнейшее описание этого события. «Января третьего дня, что пришелся на субботу, посреди ясной Блэкхитской* поляны, у подножия Шутерсхилла**, — повествует Холл, — раскинулся богатый шатер из золотой парчи, а вокруг него множество других шатров и павильонов, и повсюду жглись костры и курились благовония в честь Ее Милости и фрейлин ее». Трава от самых палаток до садовых ворот Гринвича была выстрижена для удобства зрителей, которые, если верить рассказам, сотнями стекались к месту события. Английские и чужеземные купцы, нарядившиеся в бархатные плащи, стояли по краям поляны; следом явились 160 старейшин Лондона и члены королевского совета. Еще

* *Blackheath* — черный вереск (англ.).

** *Shooter's Hill* — Холм стрелка (англ.).

ближе. прямо возле шатров, разместились рыцари и с ними «пятьдесят благородных стипендиатов»; за ними стояли пажи, «столь собою видные, что, если б кто взглянул на них попристальнее, мог бы заключить, что особы столь рослые и пригожие, и телом и осанкою ладные, вполне силою потянутся с владетельнейшим из государей христианских». Тут же находилась и знать из окружения лорда-канцлера, лорда-хранителя печати, лорда-верховного адмирала и других высокопоставленных вельмож. Все они сверкали великолепным облачением и массивными золотыми цепями.

Анна появилась в полдень. Ее сопровождала сотня соотечественников, не считая еще и тех придворных, что ранее встретили ее в Кале и в Дувре. Вся эта вереница торжественно подступила к Гринвичу, где вначале их приветствовал совет, подобранный для нее Генрихом, — граф Рутланд, сэр Томас Денни и некий доктор Кэй, управляющий раздачами милостыни. Последний представил невесте новых слуг и разразился прочувствованной речью на латыни, из которой она не уразумела ни слова. За ним последовало шестьдесят пять знатных дам, в том числе Маргарет Дуглас, дочь Маргариты Тюдор, и Франческа Брэндон, дочь Марии Тюдор. Анна покинула экипаж и всех любезно приветствовала; когда ей вдоволь нацеловали ручки, она смогла наконец вместе с фрейлинами удалиться в отведенные им шатры, чтобы перед прибытием короля насладиться теплом и краткими минутами относительного уединения.

Вскоре явился поприветствовать невесту Генрих, окруженный не менее великолепной свитой. Они пустились в обход сада: впереди шествовал трубач, за ним — чины королевского совета, постельничие, бароны, лорд-мэр Лондона, епископы, графы и разные заграничные светила. Все были разодеты в бархат или атлас, на груди у большинства красовались тяжеленные золотые цепи. И наконец, вослед за всей этой вереницей, но, как дотошно сообщает Холл, «на добром от них расстоянии», ступал сам Генрих, в плаще пурпурного бархата с золотым шитьем и кружевами, подбитом парчой и украшенном алмазными, рубиновыми и жемчужными застежками. «Шляпу его украшали камни столь несметные», что страшно было и подумать об их цене. Его окружали десять лакеев, тоже выряженные в золото. Холл

заверяет нас, будто сам Генрих, «миловидностью особы своей и королевской статью» затмевал собственные умопомрачительные драгоценности. За Генрихом следовал конюший, почетные пажы в ливреях «малинового бархата со множеством блессток» и, наконец, капитан стражи со своим караулом.

Толпы расступались, давая королю дорогу. Услышав о прибытии короля, Анна вышла из шатра. На ней было парчовое платье, расшитая драгоценностями шапочка, а спереди платья — фрез или раф (7), настолько изукрашенный драгоценными камнями, что «своим сиянием они освещали все поле». Она села на не менее расфуфыренную лошадь и в сопровождении своих разряженных лакеев выехала навстречу Генриху. Завидя друг друга, сиятельная пара спешила и церемонно заключила друг друга в объятия.

Будь эта пышная и искусственная встреча действительно их первым свиданием, быть может, у их брака еще оставался бы какой-то шанс. Будь они сами ослеплены сверканием драгоценностей и лестью восхищенных зрителей, они могли бы показаться друг другу такими, какими их увидел Холл: «степеннейший государь, благороднейший король... прекрасная дама достойнейшей стати и женственного облика». Сумей Генрих хоть раз обмануться, его пыла достало бы на то, чтобы Анна смогла родить ему хотя бы еще одного сына, а Анна бы постигла подлинный нрав супруга без излишней внезапности, что помогло бы ей сохранить видимость почтительного обращения. Но сделанного не воротишь: фарс, сколь ни старались актеры, оставался фарсом.

Продолжая ритуал официальной встречи, обе свиты сомкнули ряды, следуя за королем и его новой дамой, и вся честная компания верхом двинулась к Гринвичу. Спектакль был поставлен на славу, и дополняла его одна милая «домашняя» черточка, которая столь многое раскрывает в характере Анны. Среди ее свиты, «в экипаже, обтянутом черным», прибыли три ее прачки. Анна была сестрой герцога, без пяти минут королевой, но воспитатели, хоть и не научившие ее латыни и игре на лютне, научили с уважением относиться к людям, трудившимся на нее.

С той же помпой королевская процессия прибыла в Гринвич, и там Генрих, после заключительного объятия.

чуть ли не запихнул Анну в ее новые покои, а сам спасся бегством в собственные. Там он продолжал распекать Кромвеля, который теперь покорно вторил, что в новой королеве «красы ни капли», в то же время с тревогой в голосе настаивая на том, что у нее «царственная статья». Генрих с этим не спорил, но ему не было никакого дела до царственной стати. Он потребовал, чтобы Кромвель вновь созвал Тайный совет и они сообща изыскали какой-нибудь предлог, который помешает ненавистному браку. Он уже не думал о Левите, дабы найти возвышенный мотив. Он просто хотел улизнуть от Гименея *любой* ценой.

Собравшийся совет вновь обратился к посланникам герцога Клевского с вопросом, не была ли Анна обручена ранее с кем-нибудь еще. Утомленные послы вновь принесли заверения, что Анна свободна и вполне может выйти за Генриха. И снова Генрих убеждал Кромвеля, что лишь боязнь франко-испанского союза толкнула его на этот брак. Затем он совершил последнюю отчаянную попытку сбросить с себя брачное бремя: Анну, заявил он, надо заставить поклясться, что она свободна ото всех предыдущих помолвок.

Должно быть, и Анна соблазнилась такой возможностью улизнуть от неприглядной участи. Но в этом случае она бы выставила дураком своего брата, к чьему двору ей пришлось бы тогда возвращаться. Признание таковой помолвки сделало бы из нее пустую обузу для герцога, которому не удалось бы спровадить ее ни к одному монарху, да и к не монархам тоже. И ей пришлось бы всю жизнь жить под каблуком у преданного ею брата. Так что лазейки для нее — по крайней мере, сейчас — не оставалось. Поэтому она дала официальную клятву в том, что никакой договор не связывает ее узами брака ни с кем, кроме короля Генриха. Узнав об этом, Генрих вновь разбушевался, твердя что-то о вые и ярме, и, насупившись, назначил свадьбу на следующий четверг, совпадавший с Богоявлением — праздником королей.

В четверг утром он все еще дулся. Облаченный в роскошное свадебное одеяние из малинового атласа и золотой парчи с алмазными украшениями, король поджидал невесту и бурчал Кромвелю: «Не пожелай я угодить миру и коро-

левству моему, ни за какие земные блага не сотворил бы я того, что сегодня должен сотворить».

Вне сомнения, невеста испытывали сходные чувства. Причем у нее с самого начала выбора практически не было. Ведь к ее услугам не предоставили художника, который мог бы привезти ей портрет далекого суженого. Генриху вольно было сетовать, что государи гораздо несчастнее бедняков, потому что бедняки сами выбирают себе жен, тогда как государям остается «брать то, что им подносят другие», но ведь принцессам приходилось еще горше, когда им в женихи прочили бог весть кого. Неудивительно, что Анна опоздала на собственную свадьбу. Наконец она явилась, наряженная не менее пышно, чем ее нареченный, в платье из непрременной золотой парчи, по которому были жемчугом вышиты цветы, в золотом венце с вставками из камней и, что любопытно, с побегами розмарина — растения, которое, как заметила Стрикленд, «девицы держали при себе и на свадьбах, и на похоронах».

Архиепископ Кранмер благословил брак, а затем злосчастная чета с «приклеванными» улыбками вытерпела целую череду турниров, маскарадов, банкетов и «разнообразнейших усад», пока наконец день не подошел к концу и супруг не препроводил супругу в ее покои.

Когда наступил неизбежный миг и они остались в постели вдвоём, они не довершили своего освященного брака. Анна приготовилась снести отвратительные ласки Генриха лишь для того, чтобы дать ему сыновей и тем обеспечить себе безопасность. Генрих же провозился с ней некоторое время, дабы окончательно удостовериться, что она безобразна, а затем ретировался, правда, прежде убедившись, что ее живот и грудь свидетельствуют о том, что она невестственна. «Когда же я ошупал сие, сердце мое упало, и я утратил смелость и желание продолжить свои попытки». «Упало ли сердце» у Анны, после того как в брачную ночь ее слегка потеребили, а потом оставили в покое, об этом Генрих умалчивал.

Наутро Генрих объявил Кромвелю о своем отвращении к невесте и о своем крахе в исполнении супружеских обязанностей, снабдив министра чрезвычайно полезными сведениями. Например, что у Анны «отвислая грудь». Такое

не сулило ничего доброго. Некогда Генрих изничтожил Уолси за то, что тот не сумел освободить его от нежеланного брака; Кромвель же, как выходило, втянул Генриха в нежеланный брак. Оставалась единственная надежда, что Генрих вдруг «передумает» и внезапно найдет в Анне и девственность, и прелесть.

Как-то раз вскоре после свадьбы несколько новых фрейлин — леди Эджкоум, леди Рутланд и леди Рошфор — как будто невинно болтали с новой королевой. Заметим здесь присутствие вдовы Джорджа Болейна. О жутких подробностях суда над Анной Болейн сплетничали во всех европейских дворах, так что Анна, вероятно, слыхала рассказ о роковом свидетельстве леди Рошфор против своего мужа и его сестры. Этой женщины следовало остерегаться.

Дамы выражали надежду, что королева беременна. Анна уверенно заявила, что ничуть не бывало. «Как же может быть Ваша Милость уверена в этом, коли еженощно почи- вает с королем?» — сладким тоном, но не без подвоха спросила леди Эджкоум.

Вероятно, Анне захотелось просветить наивную даму относительно некоторых особенностей женского организма, но она ограничилась лишь тем, что вежливо и твердо повторила сказанное: «Я прекрасно знаю, что не беременна».

Вкрадчиво, со зловещим огоньком в глазах, леди Рошфор произнесла: «Клянусь Богоматерью, мадам, я полагаю, Ваша Милость до сих пор девица».

Широко раскрыв глаза, Анна отвечала: «Да как же я могу быть девицей, если каждую ночь сплю с королем? Ложась в постель, он целует меня и берет за руку и желает мне «Покойной ночи, милая», а поутру снова целует меня и желает мне «С добрым утром, милая». Ужели этого недостаточно?»

Тут взяла слово леди Рутланд. «Мадам, — настаивала она, — ведь должно быть еще кое-что, а не то долго нам не видать герцога Йоркского, которого все королевство страсть как дожидается».

Анна же лишь отвечала, что ей, слава Богу, «ничего более не ведомо». Разумеется, она не была столь наивна, как можно заключить из этой беседы с фрейлинами. Ей уже

давно миновало двадцать лет. и пусть тот двор, при котором она воспитывалась, придерживался строгих правил, это была строгость простоты, но не лицемерия. И то была отнюдь не викторнанская эпоха, которая почитала невежество в вопросах пола непрременной составляющей целомудрия. В Европе XVI века в женщинах тоже ценили целомудрие, но при этом у людей хватало ума сознавать, что молодой даме, да еще при королевском дворе, лучше знать, что бывает между мужчиной и девушкой, если ей подобает сохранить эту величайшую жемчужину целомудрия. Анна просто хотела дать знать своим английским фрейлинам, что их брак — фикция. Она разгадала их неуклюжий допрос, ибо не могла не сознавать, что Генрих хочет положить конец их браку, а ей самой этот смехотворный союз нужен ничуть не больше.

Анна почувствовала еще большее отчуждение, когда вскоре после свадьбы Генрих отослал на родину большинство ее фрейлин-фламандок, заменив их англичанками. У него не хватило жестокости — или смелости — отослать и мать Лоуве — надзирательницу фрейлин, старую наперсницу королевы, оставив ее присматривать за Анной и руководить отбором новых фрейлин-англичанок. Именно мать Лоуве приходили умасливать знатные дамы, желавшие пристроить дочерей на службу к королеве, задабривая ее различными дарами. Такие дары в XVI веке составляли излюбленную обеими сторонами неотъемлемую часть покровительства: почтенной даме подносили вина, соленья, диковинных зверюшек, дорогостоящие безделушки. Анну, должно быть, немало забавляли все эти просительные подношения, так как в отличие от хлопотливых матерей она знала, что тем дочерям, которых возьмут на службу к Анне Клевской, недолго суждено продержаться во фрейлинах при королеве.

Отвращение Генриха к супружеству не ослабевало, а тем временем политическая ситуация, вызвавшая сей фантом к жизни, переменилась. Франко-испанский союз затрещал по швам. И хотя до официального его расторжения, по-видимому, оставались месяцы, Генрих уже смекнул, что нечего бояться ни Карла, ни Франциска. Сохраняя же он сам союз с протестантскими государствами. — это не защитило бы

его от католических держав, но, напротив, послужило бы им поводом поддержать свою шаткую связь.

Самому Генриху была не по душе Шмалькальденская лига. Он никогда не любил еретиков, его религиозное чутье было предрасположено к консерватизму, и он всегда оставался бы *защитником веры*, если бы только эта *вера защитила* его право развестись с Екатериной Арагонской и жениться на другой. Роберт Барнз, один из наиболее ревностных протестантов при дворе Генриха, выразил мнение многих истинных христиан — и католиков, и протестантов, — когда во всеуслышание заявил: «Мой король не печется о вере». Как припечатал его Мартин Лютер: «Юнкер Хайнц сам станет Богом и будет творить то, что ему потребно». Союз с германскими силами представлялся «юнкеру Хайнцу» все менее целесообразным.

А стоило одной из фрейлин Анны привлечь благосклонное внимание Генриха, его ненависть к браку возросла стократ. Как это всегда происходило с Генрихом, политика выгодным образом переплелась со страстью. Кэтрин Говард приходилась племянницей тому самому герцогу Норфолку, который уже продвинул одну племянницу на трон, а затем не менее участливо спровадил ее на эшафот. Он наставлял Кэтрин, уговаривая ее понравиться королю — мысль, пожалуй, не слишком оригинальная, зато подкреплявшаяся успешными доводами из истории. И вскоре Генрих уже осыпал Кэтрин подарками, а двор тем временем хихикал и ждал, когда же наконец снова появятся его знаменитые угрызения совести. К тому же теперь каждому было известно, что его брак с Анной является таковым лишь для посторонних: разве сама Анна не проговорила об этом леди Рошфор и ее подругам?

Все это неизбежно вело к разрыву. Такая мысль улыбалась и Генриху, и Анне, хотя для нее было важно, чтобы всем, включая мужа, эта мысль представлялась только его порождением. Ее брат может рассердиться, но теперь она находилась в положении более выгодном, нежели до замужества, когда ей предоставлялась возможность признать предыдущую помолвку и тем избежать брака. Если Генриху удастся расторгнуть брак, ее не в чем будет винить. Ведь герцогу Клевскому хорошо известно, что у Генриха имеется привычка избавляться от надоевших жен. Если Генрих

отошлет ее сейчас, то, вернувшись на родину, она будет вызывать всеобщую жалость, а не осуждение.

Но хотелось ли ей на родину? Если не считать самого брака, ей пришлось весьма по вкусу жизнь в новой стране. Она расхаживала в атласе и шелках, красовалась в алмазных подвесках; постоянно играла в карты с дамами, и денег у нее вполне хватало на то, чтобы для азарта слегка проигрывать. У нее завелся ручной попугай. Музыка, в ее собственной стране считавшаяся неподобающим развлечением, здесь стала ее новой отрадой. Правда, сама она играть все еще не умела. зато у нее имелись собственные музыканты, которые могли услаждать ее слух когда угодно, а время от времени она нанимала для своего удовольствия и менестрелей принца Эдуарда. Музыку, у нее на родине почитавшуюся за «пустяк», в Англии почитали за радость. Она даже выучилась танцевать.

Анне хотелось оставаться в этой милой и уютной Англии, но без Генриха. Король уже избавился от двух предыдущих браков, и конец обеих жен был страшен. Ей ни к чему опасаться участи Екатерины Арагонской, ибо, в отличие от Екатерины, она не намерена бороться за своего мужа. Но бояться судьбы Анны Болейн у нее все-таки имелись основания, случись ей вызвать гнев Генриха. Когда настанет час, ей нужно будет казаться оскорбленной, но покорной. А пока отношения между Францией и империей продолжали ухудшаться; пока среди придворных носились слухи о постигшей Кромвеля высочайшей немилости; пока девица Говард шеголяла во все более роскошных нарядах и драгоценностях, а остальные фрейлины бросали на нее косые взгляды и шушукались между собой, Анна терпеливо ждала и раздумывала о будущем.

Каковы бы ни были думы королевы в течение этих шести странных месяцев, пока она шила и танцевала, нянчилась с крошкой Эдуардом, только учившимся ходить, играла с маленькой Елизаветой, навещала вечно хмурую Марию, наслаждалась игрой музыкантов или забавлялась с попугаем, о них не знал никто, кроме матери Лоуве, которая по-прежнему оставалась рядом с королевой.

Генрих проводил с Анной все меньше и меньше времени. Когда же они находились вместе, она продолжала

выполнять свою деликатную задачу — выказывать мягкость и покорность, но воздерживаться от попыток обольщения. Лишь однажды, если верить Стрикленд, она вспыхнула. Он заговорил о каких-то сомнениях касательно их брака, и она колко ответила, что, «не вынуди ее другие пойти за него, она бы давно уже счастливо соединилась с человеком, которому обещала свою руку». Несомненно, такой ответ был заранее продуман, ибо Генрих получал возможность ухватиться за ее слова, чтобы расторгнуть брак.

Анна с каждым днем все больше боялась Генриха. Та жестокость, которую он проявлял все эти месяцы по отношению к другим, вселила в нее вечный испуг и желание иметь с ним как можно меньше дела. Чуть что не по нем. Генрих пускался в крик, и кончалось все весьма плачевно. 3 марта Генри Поул и Эдвард Куртенэ, два стойких приверженца консервативной фракции, были казнены за измену, а престарелую мать Поула Маргариту, графиню Солсберийскую, схватили и заточили в Тауэр.

Пострадали не только консерваторы. В Пасхальную неделю был арестован и приговорен к сожжению за ересь Роберт Барнз. И что ужасало более всего, в начале июня по сфабрикованным обвинениям в измене схватили Кромвеля. Его арест потряс всю страну, ибо не далее как в середине апреля Генрих возвысил его до пэрства и даровал ему титул графа Эссекса. Но у новоиспеченного графа имелись могущественные недруги среди высшей знати. Из их числа особо выделялись Норфолк и Стивен Гардинер, епископ Винчестерский. Они сговорились скинуть влиятельного выскочку, как много лет назад другие сговаривались скинуть могущественного выскочку Уолси. То обстоятельство, что Кромвель подстроил женитьбу короля на Анне, а также его легкий крен в сторону протестантизма позволили заговорщикам раздуть против своего врага обвинение в ереси. А уж обвинения в измене приплюсовались сами собой — для вящей силы.

Вскоре после ареста Кромвеля Генрих отослал Анну в Ричмонд, ссылаясь на какие-то слухи о близящейся чуме в Лондоне и на беспокойство о ее здоровье. Конечно, это был чистый вздор. Генрих был бы рад, случись его жене-нескладхе помереть от чумы, а если бы угроза эпидемии

действительно существовала, как сухо заметил Марийак, Генрих едва ли остался бы в Лондоне сам, «ибо в таковых случаях особу боязливее, чем он, в целом свете не найти».

Как место негласной ссылки Ричмонд вполне годился. В любом случае, он был намного лучше тех замков, куда ссылали Екатерину Арагонскую. Некогда это был любимый дворец Генриха VII, дорогой сердцу его стойкой матери Маргариты Бофор. Анне очень понравилось это место, и, если бы не недавшее ее беспокойство, она была бы рада остаться там насовсем, лишь бы не видеть супруга-людоеда. Но ее глодала тревога. Удовлетворится ли Генрих одним разводом с ней или обнаружит какое-нибудь омерзительное преступление, подкрепив его хитро подстроенными свидетельствами, за которое ее и казнят?

К счастью для Анны, у Генриха не было желания чинить ей вред — лишь бы он мог благополучно удалить ее из своей жизни и поспешить навстречу следующему браку. Тот же самый парламент, что давеча провозгласил Кромвеля изменником, ныне смиренно испрашивал у короля позволения затронуть тему, которая, как представлялось, давно уже тревожит его представителей. У них имеются сомнения касательно законности нынешнего брака их государя, и они просят передать данный вопрос на рассмотрение духовенства, как раз собравшегося для заседаний. Не удивительно, что король дал таковое позволение, в задумчивости прибавив, что им следует заручиться и согласием самой королевы.

Согласно сценарию, зловеще напоминающему самую первую попытку Генриха добиться расторжения брака, герцог Суффолк и епископ Винчестерский возглавили делегацию к пребывавшей в изгнании королеве, дабы убедить ее пойти на развод. Но эта королева была только рада такому обороту. С каким облегчением она, должно быть, вздохнула наконец! Ее настолько измучили страхи подвергнуться участи Анны Болейн, что вначале при виде посланцев она чуть не лишилась чувств. Когда же она пришла в себя и поняла, что ее не собираются везти в Тауэр, она живо согласилась на то, чтобы вопрос передали в ведение духовного собрания, и показала, что останется только довольна его решением.

Анне повезло: ее не вынуждали лично выступать с

показаниями. Не пришлось ей и выслушивать гадких излияний короля. Леди Рошфор и другие дамы передали содержание своих разговоров с Анной, указав и на то, что бедняжке даже неизвестно, что делают муж и жена в постели. Генрих представил письменное изложение своих доводов. Он утверждал, что в брак его заманили ложные отчеты о красоте Анны, но что впоследствии она показалась ему настолько отталкивающей, что он не смог довершить брак, добавив при этом: «Мои врачи могут засвидетельствовать истинность моих слов».

Что врачи и не замедлили сделать. Главный врач Его Величества Джон Чэмберз повторил суть своих бесед с Генрихом о его дилемме, каковая сводилась к заверению, что «он полагал, что способен на совокупление с другими, но не с нею». Доктор Батте попотчевал аудиторию сообщением о том, что у Генриха во время брака с Анной случались ночные истечения семени, что доказывало длительное отсутствие полового акта.

Слушателей ждал лишь один сюрприз. Хотя по словам Кромвелля выходило, что Генрих объявил Анну «недевственной» наутро после брачной ночи, теперь невинность ее чудесным образом восстановилась. Генрих заверил присяжных, что он не лишал ее девичества, что доказывал тот факт, что она все еще девственна.

Приспешники Генриха сочли бы достаточной причиной для расторжения брака уже неспособность Генриха выполнять супружеские обязанности, но для вящей надежности они предпочли сослаться на наличие в прошлом договора между Анной и герцогом Лотарингским, каковой сам по себе не лишал настоящий брак силы, — как они решили, — но достаточно запутывал дело, чтобы оно представлялось спорным. На основе этих расплывчатых формулировок собрание духовенства составило иск о разводе, и 9 июля брак между Генрихом Английским и Анной Клевской был официально расторгнут.

☞ Томасу Кромвеллю было позволено дожить лишь до дачи показаний по делу о разводе. 28 июня он был казнен. Его оплакали немногочисленные друзья, среди которых были

архиепископ Кранмер и Томас Уайет. Уайет посвятил своему покойному покровителю строки:

Увы мне! Рухнул столп, служивший искони
Оплотом беспокойному уму.
И равных в мире не сыскать ему. (8)

И Генрих действительно не сыскал ему равных. Король всегда недооценивал роль Кромвеля. Двамя годами раньше он сказал французскому послу, что Кромвель «превосходный управляющий хозяйством, но негоже ему вмешиваться в дела королей». Он оказался слишком туп, чтобы понять: Кромвель-то и определял во многом эти «дела королей» (по крайней мере, *его* политические дела), и в этом не знал себе равных. Когда же Генрих лишил себя и Уолси, и Кромвеля, всецело погрузившись в самолюбование, вся его политика после 1540 года свелась, по словам Лейси Болдуина Смита, «к просчетам либо глупостям».

За казнь Кромвеля последовало шесть других. 30 июля были сожжены Роберт Барнз и два других протестанта. А чтобы сохранить видимость беспристрастности, Генрих в тот же день велел казнить трех католиков, в числе коих оказался Томас Эбелл, старый друг и сторонник Екатерины Арагонской. «Удивительно было то, что приверженцев двух противоположных партий казнили одновременно, — писал Марийак, — и обе партии сетовали на извращение правосудия... ибо их не призывали в суд и не сообщили им, за что их приговорили к смерти».

Но жизнь Анны Клевской была вне опасности. Если она и горевала об утрате мужа и соложника, то от души порадовалась утешительным подаркам. Генрих, хоть и перестал быть ее супругом, желал оставить ее в семье и даже предложил себя в «любящие братья». В качестве сестры Генриха у нее оставалось бы самое высокое место среди придворных дам, после очередной королевы и его дочерей. Генрих пожаловал своей новой сестренке весьма щедрый годовой доход, подарил ряд поместий и особняков, в том числе Ричмонд и, что забавно, Хивер-Касл — дом, где прошло детство Анны Болейн. Если Анна надумает покинуть Англию, всех этих владений ее лишат. Таким образом,

Генрих явно не хотел, чтобы Анна возвращалась на родину. Возможно (как предполагает Стрикленд), он опасался, что, вернувшись домой, она подговорит брата отомстить за нанесенное ее чести оскорбление и тем толкнуть Германию на войну с Англией.

Но Анну мысль о родине не манила. Она подружилась с принцессой Марией и, если верить не всегда точному биографу XVII века Грегорио Лети, попросила у Генриха позволения навещать время от времени Елизавету. Генрих дал свое согласие, только девочка должна была обращаться к ней «леди Анна», а не «королева Анна». Елизавета, которая и сама превратилась из «принцессы» в «леди» после казни матери, не сочла такое условие тягостным, а что до Анны, то утрата титула огорчила ее не больше, чем утрата мужа.

Генрих никак не мог взять в толк, что Анна ни капли не жалеет о разлуке с ним. Он велел ей написать брату, что она довольна разводом и новой родиной. Он многократно предупреждал членов Тайного совета, что, если Анна не даст письменного заверения, все «останется зыбким, опираясь лишь на женское обещанье», которому верить нельзя; она могла бы подтвердить, что на слово ее можно положиться, лишь изменив свою женскую натуру, «а сие есть вещь невозможная». Непостоянство и перменчивость, — так рассудил этот мастер на капризы, — неотъемлемы от женского нрава.

Анна терпеливо перенесла весь этот вздор, поскольку действительно намеревалась остаться в Англии. Она пообещала своему *новому брату*, что напишет *старому* все, чего он пожелает. Она разрешила ему читать все свои письма и письма от ее семьи (это было мудрое решение, так как она знала, что он все равно будет это делать) и написала герцогу Клевскому, что очень довольна тем, как обернулись дела, что все было совершено с ее согласия и что теперь она любимая сестричка Генриха. Письмо заканчивалось самыми искренними словами: «Бог даст, я проживу всю жизнь в здешнем королевстве». Герцог вначале поворчал, но, поняв, что с Анной обращаются хорошо, успокоился и смирился с неизбежностью. В ее нынешнем двусмысленном семейном положении сестра едва ли могла быть ему полезна, а коли

ее новый братец собирался содержать ее в такой роскоши, которая ему самому была не по карману. ссориться просто не из-за чего.

Написав письма, покончив с браком, леди Анна быстро освоилась со своей новой жизнью. Генрих забрал у нее немало фрейлин, но у нее не было оснований печалиться о тех англичанках, что вынюхивали ее альковные секреты. При ней все еще находились те фрейлины-фламандки, которых оставил ей Генрих, а также грозная мать Лоуве. Кроме того, Генрих предоставил в ее распоряжение скромный, но вполне достаточный штат прислуги.

И теперь, когда отпала нужда обольщать, а скорее, избегать обольщения Генриха, Анна по-настоящему расцвела. Посол французский глазам своим не верил: вместо того, чтобы хандрить, как полагается недавно брошенной жене, Анна прихорашивалась, словно павлин! «Она весела необычайно, — сообщал он Франциску, — и меняет платье каждый день, одно краше другого. И все время она проводит в развлечениях и усядах».

Спеша угодить Генриху, совет духовенства признал, что за Анной, как и за королем, остается право заключить новый брак. Но она этим правом пренебрегла. Промаявшись полгода с Генрихом, она теперь обрела такую свободу, какая женщинам в ту эпоху и присниться не могла. И она упивалась этой свободой.

КЭТРИН ГОВАРД

Какова в действительности была пятая жена Генриха, неизвестно, но уже много лет считается, что этот портрет кисти Гольбейна изображает именно Кэтрин. Любопытно было бы взглянуть на настоящее лицо этой женщины, подвергшейся столь великим поношениям за то, что она осмелилась «присвоить» прерогативы короля на прелюбодейство.

Обезглавлена

РОЗА С ШИПОМ

Кэтрин Говард доводилась кузиной Анне Болейн и племянницей могущественному герцогу Норфолку. Она была скромнейшей дочерью скромнейшего из братьев Говардов — девушкой, у которой имелись все основания надеяться на удачный брак с ровней себе по знатности, но которая никогда не смела бы и помышлять о том, что станет вдруг королевой Англии.

Как это некогда случилось с Джейн Сеймур, родственники Кэтрин были безмерно рады, когда ее выбрали во фрейлины к новой королеве. Герцог был доволен, что сумел «пристроить» девушку. Ведь она может приглянуться королю и стать его любовницей, а тот будет услаждаться ею, не покидая своей жены-германки. Хотя герцог отличался внешним благочестием, он был не прочь и посводничать, если это сулило какую-то выгоду. Он всячески поощрял внимание короля к другой своей племяннице, когда та еще не хотела иметь ничего общего с мужем Екатерины Арагонской. Как-то раз он даже предлагал Кромвелю, которого презирал, жену одного из своих слуг, любезно подбрасывая козырь в колоду, — «смазливая бабенка с соблазнительной грудью». О самой же Кэтрин Норфолк знал мало, а заботился и того меньше.

Кэтрин родилась около 1521 года в семье младшего брата Норфолка Эдмунда, где было еще девять человек детей. Ее отправили на воспитание в Хоршем, дом ее приемной бабки, вдовствующей герцогини Норфолк. Там она жила почти в пансионной обстановке вместе с другими девушками из знатных семей. Само по себе такое воспитание не

было редкостью. Мало кто из детей английской знати в XVI веке жил при родителях: почиталось более целесообразным посылать ребенка к кому-нибудь из богатых родственников или друзей, чтобы там его наставляли в должных по рангу манерах. Иногда это благотворно сказывалось на детях, например, в случае Анны Болейн, долгое время пребывавшей при дворах Маргариты Австрийской и Клод Французской, или Кэтрин Уиллоуби, жившей на попечении «французской королевы» и герцога Суффолка.

Кэтрин Говард повезло значительно меньше: «пансиону» ее приемной бабки недоставало ни лоска европейских дворов, ни тепла, что царили в доме «французской королевы». Она жила в толпе других воспитанниц, учась необходимым для девушки ее сословия навыкам — чтению и письму, узорчатому шитью, поверхностной игре на музыкальных инструментах, но более ничему. Это было не такое уж дурное воспитание, но слишком «прописное», и от скуки девочки часами болтали в своих покоях о том, о чем обычно болтают девушки во все времена: о пробуждающейся чувственности и о тех молодых людях, что на них уже «клюнули». Процветали флирты, и вскоре догадливые девушки изыскивали способ держать по ночам двери спальни открытыми, чтобы их любезные пастушки могли просочиться внутрь с вином и земляникой. Если, как признавалась позже одна из этих воспитанниц, с кровати одной из девушек доносились «вздохи и стоны», другие постоялицы сей «девической опочивальни» либо деликатно не замечали этого, либо следовали тому же примеру — на собственное усмотрение. Герцогине, по-видимому, не было дела до «внеклассных» занятий ее юных подопечных — лишь бы их не застигли. К тому времени, как у Кэтрин появился первый поклонник, она прекрасно знала, что к чему. Она поведала позже, что рано узнала, как «женщина может наслаждаться мужчиной и при этом не зачать младенца».

Кэтрин исполнилось четырнадцать лет, когда герцогиня решила, что пора уже девушкам учиться музыке. У их соседа Джорджа Мэнкса как раз был сын-музыкант, искавший работу. Вскоре молодой Генри Мэнкс перебрался в Хоршем и взялся обучать нимфеток игре на лютне и вёрджинале. Возможно, его отец надеялся, что он подыщет себе жену

среди этих благородных девиц, и довольно скоро Генри увлекся Кэтрин.

Кэтрин воспользовалась увлечением Мэнокса для испытания собственной чувственности. Разумеется, она не доходила до победного конца, но охотно допускала различные вольные ласки при условии, что ее распаленный поклонник «не возжелает большего». Мэнокс явно желал много большего, но пока что терпел таковые условия (позже он признавался, что знал ее тело «более чем подобает»). Он дожидался, пока его любовное мастерство и ее собственные желания наконец не заставят Кэтрин пойти дальше, и, вполне возможно, он оказался прав. Но прежде чем это случилось, как-то раз в самом разгаре ласк их застала герцогиня. Ее светлость весьма разгневалась. Она воспретила им видеться впредь и, кажется, уволила Мэнокса с должности. Как и следовало предположить, это лишь разожгло в незадачливой парочке жажду приключений, и, обзаведясь посредницей в лице услужливой горничной, они начали обмениваться записочками. Но это отнюдь не было пылкой романтической страстью: Кэтрин откровенно заявила Мэноксу, что брак между ними невозможен, ибо ее семейство стоит гораздо выше, чем его.

К этому времени в жизни Кэтрин произошла важная перемена. У герцогини имелось поместье в Ламбете, неподалеку от Лондона, которым она не пользовалась долгие годы. Теперь ей вздумалось, забрав свое окружение, переехать в это, более выгодно расположенное место. Переезд позволил Кэтрин и другим «деревенским» девушкам краском глаза взглянуть на ослепительный мир по ту сторону реки, где раскинулся двор английского короля. Порой она любовалась молодыми придворными, сопровождавшими Норфолка во время его визитов к герцогине. Должно быть, даже ее стареющий и толстеющий дядя казался ослепительным Кэтрин и ее подругам, которые тоже хотели попасть в число тех волшебных созданий, что жили и служили при дворе, воздавая почести тогдашней новой королеве — Джейн Сеймур. Поселившись в Ламбете, они подолгу стояли у реки, замороженно глядя поверх воды, и воображали себя фрейлинами Джейн. Кэтрин, быть может, грезила о том, как она сама была бы королевой, только в ее пустых мечтах

не было ни выкидышей, ни топора: лишь драгоценности, лишь парча, лишь поклонение льстивого двора.

А тем временем, спускаясь из мира грез в мир «здесь- и-сейчас», она могла вволю развлекаться со своим смазливym музыкантом. Мэнокс тоже перебрался поближе к Лондону и теперь находился на службе некоего лорда Беймента. Повидимому, в доме его нового хозяина не нашлось симпатичных молодых дам, и Мэнокс с Кэтрин возобновили свою полуподпольную связь.

И вновь их поймали с поличным. На сей раз это была горничная, доложившая обо всем камеристке герцогини Мэри Ласель и добавившая, что иные языки поговаривают, будто эти двое тайно помолвлены. Мэри пришла в ярость. Она «вызвала на ковер» Мэнокса и предупредила его, что если он посмеет жениться на Кэтрин, «кто-нибудь из ее родных живо разделается с тобой».

Мэнокс лишь рассмеялся. Его намерения, заверил он, не настолько честны, и женитьба в них не входит. От Кэтрин ему нужна только физическая близость, «и из тех вольностей, что юная дама уже даровала мне, я могу смело заключить, что цели мои не замедлят осуществиться». Кэтрин обещала ему свое девство, бахвалился он, хотя и страшится боли.

При всей циничности такого признания Мэнокса, ему нельзя отказать в честности. Его не следует судить слишком строго: ведь и Кэтрин хотела от него того же, чего он хотел от нее. Она уже показала ему, что не намерена выходить замуж за человека настолько ниже ее по статусу, и ей, повидимому, просто хотелось пережить сексуальное посвящение с помощью привлекательного и сведущего любовника. Но когда слух о том, как нескромен оказался Мэнокс в описании их отношений, неотвратимо достиг Кэтрин, она не на шутку разозлилась. Они бурно поссорились, и, хотя вскоре Кэтрин простила его, ее романтический интерес к юноше пропал.

Конец же ускорило появление нового, еще более соблазнительного поклонника. Фрэнсис Дирэм, в отличие от Мэнокса, был человеком знатным, хотя до Говардов ему было далеко. Он состоял «благородным стипендиатом» при Норфолке и вскоре открыл для себя дом мачехи герцога и

его постоялиц. И не заставил себя долго ждать, присоединившись к числу тех молодых людей, что тайком проникали в dormitorio, дабы попить и повеселиться в обществе благородных девиц. Вначале предметом его пристального внимания во время этих милых «пижамных вечеринок» была Джоан Бульмер, но затем он живо переключился на Кэтрин. И она не менее живо отозвалась. Чувственность, пробудившаяся от ласк Генри Мэнкса, теперь расцвела пышным цветом за задернутым пологом в Ламбете. В течение нескольких месяцев она переживала бурный и полноценный роман с Дирэмом.

Она не рассчитывала на ревность Мэнкса. Прознав про ночные проделки, он пришел в ярость, что Дирэм до конца вкусил любви Кэтрин, и настроил герцогине письмо, советуя ей наведаться в спальню девушки через полчаса после того, как она отойдет ко сну: там, предупреждал он, «вы узрите нечто, что вызовет ваше неудовольствие». Герцогиня действительно осталась недовольна, но ничуть не встревожилась, как надеялся Мэнкс, и после вялого шлепанья по рукам вновь закрыла глаза на девичьи шалости. И возне любовных пар, расположившихся по разным углам dormitorio, снова никто не мешал.

Кэтрин «втрескалась» в Дирэма еще сильнее, чем когда-то в Мэнкса, но все еще не задумывалась о замужестве. Зато Дирэм, в отличие от Мэнкса, о женитьбе задумывался. Был ли он действительно по уши влюблен или просто хотел выгодно жениться, но он неоднократно умолял Кэтрин выйти за него замуж.

Хотя Кэтрин нравилось прикидываться, что они жена-ты, пока тянулся их роман, впоследствии она непоколебимо стояла на том, что помолвлены они никогда не были, ибо, будучи Говард, она могла найти себе мужа только среди высшей знати. Она привязалась к Дирэму и наслаждалась близостью с ним, но не более того. Теперь, оглядываясь вспять, можно только пожелать Кэтрин выйти за него замуж в те месяцы между 1537 и 1539 годами. Такой брак подарил бы ей лучшего мужа, нежели тот, что ей в конце концов достался, — и более долгую жизнь. Вместе с тем важно не забывать, что сама Кэтрин никогда не сожалела о том, что ее отношения с Фрэнсисом Дирэмом носят огра-

ниченный характер. Пока они были любовниками, она не хотела становиться его женой; не хотела она и впоследствии, чтобы ее считали его женой. В Тауэре, когда она могла бы спасти свою голову, признав, что они с Дирэмом были обручены, она стойко отрицала это.

Их роман, должно быть, заглох бы сам собой спустя год-другой, если бы не переменились обстоятельства. Осенью 1539 года король обручился с Анной Клевской, и двору вновь потребовались фрейлины. Отбор проходил жесткий, но годы верноподданной службы герцога Норфолка и его верноподданного лизоблюдства были вознаграждены. Кэтрин Говард, а также еще одну из его племянниц приняли в свиту королевы.

Дирэма расстроил ее отъезд. Кэтрин же была слишком возбуждена предстоящей переменой жизни, чтобы попусту расточать чувства на любовника, чье внимание уже становилось чересчур назойливым. Впоследствии они по-разному вспоминали о своей разлуке. Дирэм говорил, что она плакала, покидая его. Кэтрин же уверяла, что когда он обещал умереть от горя, она лишь пожала плечами: «Дело твое». Быть может, оба говорили правду. У нее было доброе сердце, и она вполне могла поплакать на прощанье, но ей слишком не терпелось вступить в новую полосу своей жизни. В декабре 1539 года Кэтрин Говард прибыла ко двору, готовая служить новой королеве. Никто из них не знал в ту пору, сколь великую службу сослужит эта смазливая девушка своей злосчастной госпоже.

Очевидно, Генрих «запал» на Кэтрин еще до приезда Анны, ибо позднее кто-то передавал вдовствующей герцогине, что «Его Королевское Высочество изволил устремить благосклонные взоры к Кэтрин Говард сразу же, как только Его Милость увидел ее впервые». Возможно, этим отчасти объяснялось его отвращение к Анне Клевской. Норфолк и его не менее консервативный друг Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, узнали о том, что новая невеста пришла не по вкусу Генриху, как только он впервые заявил об этом, и Норфолк, видимо уже оглядевший наметанным взглядом «новеньких» женщин, принялся потирать руки. (Кстати сказать, не чуждался роли сводника и Стивен Гардинер: веками Вестминстерское епископство осуществля-

до легальный надзор за Вестминстерскими притонами.) Нет почти никакого сомнения в том, что Норфолк велел племяннице всячески поощрять внимание короля, должно быть поминув Анну Болейн и Джейн Сеймур, но предупредил ее, чтобы до крайней милости она не доходила. Ему и в голову не могло прийти, что племянница уже вдоволь нарасточала этих милостей тому, кто ей самой приглянулся: ведь в *его* мире женщины поступали согласно мужским велениям, а не собственным хотениям.

Норфолком и Гардинером двигали мотивы как политические, так и религиозные, ибо Анна представляла протестантский союз, а Кэтрин, принадлежа роду Говардов, — консервативные силы, поддерживавшие в английской церкви традиционное учение под владычеством короля. На самом деле обе женщины были благочестивы, но лишь в меру, разделяя примитивную веру в Бога и готовность поклоняться Ему в любом обличье, которое им укажут.

Сомнительно, чтобы заговорщики сразу же выложили Кэтрин все свои намерения, да и намерения эти, вероятно, вначале были не совсем ясны. Если королю удастся перебороть свое отвращение к Анне Клевской настолько, чтобы ее оплодотворить, она ведь может родить сына, и тогда все мечты о пятом браке пойдут прахом. В таком случае Кэтрин Говард сгодится ему в любовницы. Если же нет, ее стоит приберечь для более почетной роли.

К сожалению, нам ничего не известно о том, как сложились отношения Кэтрин и Анны вначале, но, судя по их позднему поведению, они оказались весьма теплыми, даже дружескими. Ничто не намекает на ту ревнивую злобу, что питала Анна Болейн к Джейн Сеймур, — никаких срываний талисманов с шеи фрейлины, никаких бурных сцен с Генрихом. Если Кэтрин знала, что ее задача — отбить Генриха у жены, она выполняла эту задачу без тени враждебности к той женщине, которую ей предстояло вытеснить. Возможно, она просто не задавалась вопросами морали; возможно, она догадывалась, что Анне ее брак столь же не по душе, что и Генриху.

К апрелю всем уже стало известно, что Генрих мечтает сплавить Анну куда-нибудь подальше и жениться на Кэтрин. Его увлечение юной дамой намного превзошло ожида-

ния герцога и епископа. Он втрескался по уши. Она стала его «перлом», признавался он придворным, его «розой без шипа». В ее объятиях он вновь обретал утраченную молодость, он снова видел себя доблестным рыцарем — образ, вдребезги разбитый Анной Клевской в тот злосчастный рочестерский вечер.

Он не удосуживался прятать свои чувства. Кэтрин всюшеголяла в пышнейших нарядах и украшениях, которыми подарил ее вконец обезумевший поклонник. Нередко они вдвоем с Генрихом обедали в Винчестер-Хаусе, где их услужливо развлекал почтенный епископ Гардинер. Как представляется, ухаживание проходило весьма благоприсстойно. Как это было некогда с Джейн Сеймур, король приберегал свою страсть до тех пор, пока не сможет благополучно обвенчаться с любимой, чтобы на сына Кэтрин не пало, чего доброго, подозрение в незаконности.

В июле парламент уведомил короля о сомнительности его четвертого брака. Генрих согласился расторгнуть этот брак, Анна приняла его условия, а Кэтрин, очевидно, дала согласие стать его женой. Лишь этот последний пункт вызывает некоторые колебания, поскольку никто не считал нужным изложить взгляды самой Кэтрин. Вероятно, никто даже не посчитал нужным узнать их. Генрих ни капли не сомневался, что любая женщина будет безумно счастлива выйти за него замуж; Норфолк ни капли не сомневался, что его милашка-племянница подчинится ему ради процветания рода Говардов.

И Кэтрин подчинилась. Возможно, в ослеплении величественностью регалий она просто не разглядела под королевскими одеяниями его дряхлой, сочащейся гноем плоти. А может быть, она видела, каков Генрих в действительности, но решила пойти на этот шаг ради вящей славы Говардов и ради весьма ощутимых выгод, какие сулило положение молодой жены влюбленного старика короля.

Если так, то она понимала, что это положение не продлится вечно. Все прекрасно знали, как сестра Генриха Мария, которую силой выдали за дряхлого и омерзительного французского короля, уморила своего нового господина трехмесячным весельем и празднествами, а когда тот наконец помер, его молодая вдова преспокойно вышла замуж за

своего лихого герцога. Вероятно, мысль о Марии согревала Кэтрин в те долгие вечера, когда праздновалась ее собственная свадьба. Но месяцы текли один за одним, а Генрих все пребывал в здравии, ничуть не собираясь следовать великодушному примеру Людовика XII. Если Кэтрин и вправду была столь расчетлива, ее вполне можно простить, памятуя о подлой природе ее супруга, назначившего на день своей свадьбы казнь Томаса Кромвеля.

Генрих был упоен новой невестой. Он выбрал ей девиз — «Одни его желанья», — но, как выяснилось, у Кэтрин имелись и кое-какие собственные желанья.

Какие бы чувства ни испытывала Кэтрин к королю, ей, несомненно, нравилось быть королевой. Муж ее хлил и лелеял, остальные обращались с нижайшим почтением. Веселья кругом было вволю. Анна Клевская, в ее теперешнем статусе «сестры» Генриха, радостно привечала бывшую фрейлину как «невестку». Король посетил Анну в Ричмонде, а та на Новый год явилась с ответным визитом в Хэмптон-Корт к Генриху и Кэтрин. Она привезла им подарки: для Генриха — пару коней в бархатных пополах, для Кэтрин — колечко и двух крошечных собачек, и преклонила колена перед королевой. Этим великолепным жестом она одновременно воздавала почести Кэтрин и показывала, что не держит зла ни на короля за то, что развелся с ней, ни на королеву за то, что заняла ее место. Они отобедали втроем, после чего Генрих, которого донимала боль в ногах, отправился на боковую, а обе королевы принялись танцевать друг с другом.

Любопытно поразмыслить о том, почему Анна искала дружбы Кэтрин. Возможно, она испытывала жалость к девушке, унаследовавшей ту опасную роль, которой она сама с удовольствием оставила. Наверное, она действительно нравилась Анне: каким бы презрением ни обдавали Кэтрин историки, их описания порождают образ великодушной, подкупающей искренностью и любящей развлечения женщины, а такие люди, как правило, стараются и для других сделать жизнь приятной. Может быть, Анна выказывала к ней приязнь просто потому, что хотела убедить Генриха в своих добрых намерениях. Почти сразу же после того, как король расстался с Анной и женился, поползли слухи, будто

он несчастлив с Кэтрин и хочет вернуть Анну. Поэтому было мудро показать и королю, и миру, что она довольна тем, что ее место заступила Кэтрин, а ее саму больше устраивает статус «сестрицы». И для этого у нее имелись все основания. Благодарный Генрих обходился с нею гораздо лучше, чем обошелся бы с ней родной брат, а как мнимая жена, превратившаяся в мнимую сестру, благодаря Генриху она жила теперь припеваючи, как не довелось пожить ни одной из его настоящих сестер и жен. Как хорошо было вновь оказаться при дворе, но уже вкушая его прелести со спокойной душой — не то что в те первые месяцы, когда ее грызла неумная тревога и терзала неопределенность. Быть может, к ее дружбе с Кэтрин примешивалось и нечто вроде чувства вины. Ведь она смирилась с желанием Генриха жениться на Кэтрин и, быть может, даже ускорила его исполнение. Теперь ей, наверно, хотелось сыграть роль этакой овчарки, которая охраняет милую овечку от венценосного волка, в лапы которому ее безжалостно бросили.

Была и еще одна причина, по которой Анне хотелось остаться при дворе. Она любила всех королевских детей и по-настоящему подружилась с принцессой Марией. Анне потребовался немислимый такт, чтобы остаться в дружеских отношениях и с Марией, и с Кэтрин, ибо они-то были далеки от дружбы. Мария могла быть дружески настроена к такой женщине, как Анна, близкой ей по возрасту и, подобно ей самой, пренебреженной и отвергнутой. Кэтрин же была моложе Марии и ребячлива, что никогда не было позволено Марии. И наконец, что самое главное, она доводилась кузиной Анне Болейн.

Жизнь Марии несколько улучшилась с тех пор, как Джейн Сеймур удалось примирить отца с дочерью. Но Генрих так никогда до конца не доверял девушке, однажды послушавшейся его, а она так никогда не простила себе той уступки, что совершила по отношению к нему. Подписав то унижительное признание, что подсунул ей Кромвель, она навсегда превратилась в «несчастнейшую даму во всем христианском мире», как она позднее себя называла. Вместе с тем она старалась покорно сносить свою участь. Дружба Джейн Сеймур помогла ей, а поскольку Джейн стала женой Генриха уже после смерти Екатерины Арагонской, Мария

могла признать ее настоящей женой Генриха. Сам Генрих, женись на Джейн, считал себя холостяком; для Марии же он был вдовцом. Вместе с королем и королевой Мария искренне радовалась рождению Эдуарда. Конечно, радость была бы куда полнее, будь он сыном Екатерины, но все-таки это был подлинный королевский сын и законный престолонаследник.

После смерти Джейн Мария утратила друга и союзника, но вскоре обрела родственную душу в сердечной и рассудительной Анне Клевской. Но затем Генрих развелся с чересчур для него приземленной германкой, чтобы жениться на этой вертихвостке, кузине Анны Болейн. Сколь бы ни разнился этот развод с тем, первым, он все равно будил ужасные призраки прошлого. Мария просто не способна была найти в себе хоть каплю теплых чувств к королеве, само существование которой уже напоминало ей обо всех перенесенных страданиях.

Нам точно не известно, чем именно обидела Мария Кэтрин, но, должно быть, это была достаточно злобная выходка, раз она заставила добродушную в общем королеву в свой черед окрыситься на нее. Все, что мы знаем, — это то, что Мария не удостоила Кэтрин обхождением «столь же почтительным, что двух ее предшественниц». Возможно, она открыто осадил Кэтрин, как некогда осадил Анну Болейн, и дала понять, что Кэтрин не является настоящей королевой, поскольку Анна Клевская все еще жива. Кэтрин в отместку подговорила Генриха уволить двух любимейших фрейлин Марии, одна из которых, как передавали впоследствии, не вынесла разлуки и умерла от горя. Мария была «чрезвычайно огорчена и опечалена». Позднее королева и принцесса перестали открыто враждовать и даже обменивались новогодними подарками, но их отношения, по-видимому, так и не продвинулись дальше простой вежливости.

Подобная мелочность не свойственна Кэтрин, которая по природе была великодушна, подчас даже слишком великодушна. Вскоре после замужества на ее пороге появился Фрэнсис Дирэм. Он вкрадчиво напомнил ей о временах, когда им было так хорошо вместе, и попросился на какую-нибудь службу при королевском хозяйстве. Поколебавшись, она взяла его к себе личным секретарем, строго-настрого

запретив упоминать кому бы то ни было об их былых отношениях. Преодолев легкое смущение, она взяла на службу других старых и потому опасных друзей — четверых бывших подруг по «пансиону» герцогини. Никто из них в злословии замечен не был.

Числились за ней и иные милости. Она вступилась — успешно — за жизнь некоей пряжи по имени Хелен Пейдж, совершившей какое-то уголовное преступление. Когда Томаса Уайета опять заточили в Тауэр (на сей раз за тесную связь с Томасом Кромвелем), она попросила Генриха выпустить его. Генрих согласился, но лишь при одном условии, не имевшем ни малейшего касательства к его «делу»: Уайет должен вернуться к своей распутной жене. Очевидно, право распоряжаться постылыми супругами Бог даровал одному Генриху.

Стараясь облегчать жизнь другим, Кэтрин не забывала заботиться и о себе. Она хорошо относилась к королю, который был от нее без ума. Может быть, она даже питала к нему некую привязанность. Но, достигнув таких лет, едва ли он привлекал как любовник такую искушенную в делах любви молодую женщину, как Кэтрин. Возможно, ее притягивал кто-то другой, например, Том Калпепер, один из постельничих Генриха.

Между Кэтрин и Калпепером существовало отдаленное родство, и они уже знали друг друга в течение некоторого времени, возможно, даже с детства. До того как Генрих проявил интерес к Кэтрин, ходили слухи, будто они с Калпепером собираются пожениться. Он был одним из вернейших слуг Генриха, и не исключено даже, что в те дни, когда Генрих еще старался держать свою страсть в тайне от окружающих, он использовал Калпепера как посредника или как своего рода «дуэнью» при свиданиях. А коли так, у юной дамы имелась прекрасная возможность сопоставить ладную и мужественную статью Калпепера с обрюзгшей тушей короля.

Слухи о Калпепере сами собой улеглись, когда Генрих и Кэтрин поженились, и отношения между королевой и придворным на поверхности представлялись учтивыми, но в должной степени отстраненными. Но лишь на поверхности. Калпепер принадлежал к тем напыщенным, чванливым и

беспринципным молодым людям, которых некоторые женщины находят привлекательными. Их увлечение друг другом не угасало в течение нескольких месяцев вслед за замужеством Кэтрин. Она знала, что может поплатиться головой, если поддастся своему влечению к Калпеперу. Но она была готова пойти на такой риск.

☞ Здесь возникает искушение изобразить эту связь Кэтрин этаким романтической страстью. Рисковать жизнью ради любви — вот благородный порыв, отзывающийся высокой трагедией, принимающий мифические очертания величия. Ведь мы склонны прощать женщин, предающих мужей во имя всепобеждающей любви. Гвиневера, Изольда, Анна Каренина: кто не преклоняется перед этими мифическими героинями, кто не проливает слез над их неизбежной, но овеянной изящной дымкой гибелью? Памятуя о мягкосердечии и великодушии Кэтрин Говард, очень хочется и ее внести в сей мартиролог любви, избавив от жгучего клейма самой банальной прелюбодейки. Если же забыть об этом светлом образе, можно впасть в другую крайность и присоединиться к тем обличителям, что обвиняют ее в распутстве, разврате и преступности. Сколь бы ни хвалились мы своей просвещенностью, нас по-прежнему держит в тисках застарелая дихотомия мадонны и блудницы. Если же отмахнуться от этих навязчивых представлений, можно увидеть совсем иную Кэтрин Говард — образ более человечный и гораздо более трагичный, нежели те личины, что во множестве нацепляли на нее различные истории.

С романтической маской разделаться легче всего. Ничто в заслуживающих доверия современных источниках не свидетельствует о ее большой любви, напротив, многое указывает на противоположное. Романтический образ зародился на страницах Испанской хроники, а о том, насколько можно сей басне доверять, можно судить хотя по тому, что в ней действует Томас Кромвель, устрашающий королеву последствиями романа с Калпепером. По словам хрониста, Кромвель считал ее «почти покойницей», что, в общем, неудивительно, поскольку в описываемую пору он сам уже изрядное время был совершенным покойником.

Да и сам характер Калпепера как-то не укладывается в картину благородной страсти. При всем своем обаянии и соблазнительной наружности, он был благороден лишь по званию. На самом же деле он был насильником и убийцей. В 1540 году он заташил в кусты жену садовника и, приказав слугам крепко держать, изнасиловал ее. Когда ей на выручку прибежали селяне, он убил одного из них. Вскоре после ареста он был освобожден по приказу Генриха. Выйдя сухим из воды после изнасилования жены садовника, Калпепер теперь охотно пускался в амурные дела уже с женой короля, и на сей раз по взаимному соглашению.

Если Кэтрин и было известно о неприглядных «подвигах» Калпепера, это не остановило ее. Ее влекло к нему, и ей нравилось заниматься любовью. Она вышла замуж, следуя внушениям семейства и понимая, что ее брак построен не на любви и даже не на плотском влечении, а единственно на социальном положении. Та непосредственность сознания, что побудила ее завести любовника до брака, в то же время рассчитывая в будущем подыскать себе мужа породовитее, но избавив себя от тягостного сохранения потребного невесте девства, осталась при ней и тогда, когда она уже стала королевой Генриха. Она покорилась воле семьи, выйдя замуж достаточно выгодно, чтобы удовлетворить самые высокие запросы Говардов. Она выполнила свой долг, и теперь имела право на удовольствия.

Сколько жалости истрачено на несчастного Генриха VIII, которому изменяла Кэтрин! Столько не выпало самой Кэтрин. Хронисты ее времени писали о ней с презрением, что по крайней мере объясняется нравами эпохи, когда целомудрие и честь в применении к женщине были абсолютными синонимами. Менее объяснимо рьяное желание писателей XX века присоединиться к их хору. Даже вполне сочувствующий ей биограф Лейси Болдуин Смит в своей книге «Тюдоровская трагедия» (1961) многократно отзывается о Кэтрин как о «распутнице» и «шлюхе»; она же «уличная девка» и «малолетняя преступница». Даже в 1991 году Элисон Уиэр называет ее «несомненной развратницей».

Защитники же сослужили службу ничуть не лучшую. Испанская хроника развела на пустом месте романтические сантименты. Агнесса Стрикленд, историк XIX века, нахо-

дьясь в тенетах своих викторианских ценностей, вовсе отрицала ее связи, как если бы защищать ее мыслимо лишь как безвинную жертву клеветы.

И апологеты, и очернители бьют мимо цели. Кэтрин Говард отнюдь не была образцом целомудрия, но и потаскухой ее нельзя назвать: любая «уличная девка», живи она так, как Кэтрин Говард, очень скоро умерла бы с голоду. Не будучи ни блудницей, ни мученицей любви, она стала «крепким орешком» для умов, погрязших в привычных мифологемах. Ей нравилось и просто заниматься любовью, и чувствовать восхищение тех мужчин, с которыми у нее были редкие любовные приключения. Глядя на нее не глазами ее современников, для кого принадлежность женщин их мужьям была непреложной данностью, а с точки зрения века, как предполагается, более просвещенного, мы должны осознать, какую отвагу проявила она, пойдя на бесстрашную авантюру с Калпепером. Кэтрин Говард прислушивалась к своим плотским желаниям и, несмотря на все то, чему ее с детства учили, понимала, что у нее есть право на эти желания отвечать. Она была готова пойти на любой риск, лишь бы остаться верной самой себе.

Быть может, ее связям не хватало какого-то героического ореола — риск всем на свете ради подлинной любви, — но свидетельствует ли это о распутстве? По меркам ее собственной эпохи, она была «развратницей», как была ею всякая женщина, уличенная во внебрачной связи. По меркам же нашей эпохи в ней можно увидеть лишь женщину со здоровым сексуальным аппетитом, в удовлетворении которого она была весьма сдержанна. Ведь ни одного мужчину не сочли бы — ни тогда, ни сейчас — необузданным сексуальным маньяком, числись за ним всего лишь две полноценных любовных связи и одна — «половинчатая». То, что образ Кэтрин Говард до сих пор столь запятнан, говорит не столько о ее нравственности, сколько о нашей неспособности принять женскую сексуальность как такую.

С большим оправданием можно подозревать ее в глупости. Будучи кузиной женщины, казненной по ложному обвинению в прелюбодеянии, Кэтрин знала, что живет в окружении, где сохранить что-либо в тайне почти невоз-

можно. Она предупреждала Калпепера, чтобы, отправляясь на исповедь, он «и заикнуться не думал о том, что есть между ними, ибо эта весть непременно... дойдет до слуха короля». Шпионы рыскали повсюду — даже в священных пределах исповедальни. Стоила ли милая интрижка со смазливый придворным того, чтобы рисковать из-за нее жизнью?

Может быть, и стоила. Ей было двадцать, а королю — пятьдесят. Тогда это уже считалось старостью, но многие благополучно доживали и до семидесяти, и до восьмидесяти лет. Ей самой может стукнуть пятьдесят, когда король умрет, и тогда, как знать, она будет такой же толстой и безобразной, как сейчас Генрих. Подобная перспектива едва ли радовала — долгие годы угождать капризам старика-тирана, удовлетворяя его сексуальные прихоти, а свои собственные оставлять без внимания. Возможно, мысль о Томе Калпепере — о веренице Томов Калпеперов — несколько скрашивала такую безрадостную картину ее будущего: тайные и бурные наслаждения могли хоть как-то вознаградить ее за тягостные супружеские отношения с Генрихом, — наслаждения, которым предавался сам Генрих на протяжении двух первых браков. Быть может, это и не было такой глупостью — пойти по пути, который сделал бы ее жизнь хотя бы сносной.

При этом оставалась опасность, что она забеременеет. Правда, по словам самой Кэтрин, она знала, как избежать нежелательной беременности. К каким бы методам она ни прибегала с Дирэммом, они сгодились бы и для Калпепера. А может быть, ее это не тревожило вовсе. Она с молоком матери впитала представление о древности своего семейства, чья кровь могла потягаться в знатности с любой другой, а то и выиграть. Тюдоры завладели тронном не столько по праву крови, сколько благодаря силе, и старая аристократия до сих пор поглядывала на них свысока. Быть может, Кэтрин решила, что, случись ей забеременеть, не столь важно, кто отец ребенка: ее сын, будь он законнорожденный Тюдор или незаконнорожденный Говард, достоин английского престола. Памятуя же о желании Генриха иметь еще сыновей для высшего укрепления династии, а также о том, сколь трудно ему всегда давалось зачатие здоровых детей, она, быть может, даже надеялась забеременеть от

Калпепера. Ведь пока она разделяет ложе с королем, никто ничего не узнает.

И Кэтрин пустилась во все тяжкие. Когда именно это началось, мы не знаем, но к весне 1541 года (со дня ее замужества прошло меньше года) она уже дарила ему дорогие подарки. Одним из таких подарков была расшитая драгоценностями шапочка, которую, как гласило предупреждение, надлежит прятать под плащом и никому не показывать. В письме, относившемся примерно к тому же времени, она сетует, как соскучилась по нему, и говорит: «Сердце мое сжимается, оттого что не могу я всегда пребывать в вашем обществе».

В том же письме она упоминает женщину, благодаря которой их связь стала возможной: «Приходите же, когда здесь будет леди Рошфор, ибо тогда буду я наидосужейшим образом в вашем распоряжении». Леди Джейн Рошфор — одна из самых причудливых фигур при дворе Генриха VIII. Она была золовкой Анны Болейн и свидетельствовала против собственного мужа. Она оставалась при дворе во время правления других королей, сменивших Анну, но, кроме несколько блудливого интереса к альковным делам Анны Клевской, упоминания об этой даме были весьма скудными до тех пор, пока она не взяла на себя роль посредницы между Кэтрин и ее любовником.

Почему она взяла на себя эту роль, остается загадкой. Сводничество дяди Кэтрин и епископа Винчестерского, сколь бы гадким оно ни было, по крайней мере имело смысл: покуда король забавлялся в постели с их подставной пешкой, они могли быть уверены в своем влиянии на него. Леди Рошфор ничего не выигрывала — лишь проигрывала, при первом неудачном ходе собственную голову. Но каковы бы ни были ее побуждения, работу свою она выполняла на славу. Во всех дворцах и замках, где останавливался двор, она буквально вынюхивала задние лестницы и потайные комнаты, где парочка могла встречаться, и носила для них письмашки. На суде она показала, что действовала исключительно по приказам королевы. Если это правда, то ее действия поражают своей основательностью. Похоже, она была рьяной и пылкой соучастницей этого романа.

Кэтрин и Том ухитрились сохранять достаточное благо-

разумие, поскольку ни один из чутких врагов клана Говардов при дворе, по-видимому, не заметил ничего неподобающего. Летом 1541 года Генрих решил отправиться с объездом по северным провинциям, где недавно было подавлено восстание. Явив отдаленным подданным свое величие и мощь, он заодно попытается устроить встречу со своим племянником Иаковом Шотландским в пограничном Йоркском графстве.

Это должен быть всем объездам объезд: короля с королевой будет сопровождать тысячная рать воинов с пятьюстами лошадьми и двумя сотнями шатров. Отправятся в путь и придворные дамы, и вельможи, а также наиболее важная часть королевской челяди. Велено было снаряжаться и членам Тайного совета, поскольку ежедневно большая часть времени будет посвящаться обсуждению правительственных дел — на заседаниях, не требующих присутствия королевы, равно как и личных слуг, которые вольны между тем развлекаться как им вздумается.

Прежде чем отправляться в дорогу, Генрих разослал по городам и весям весть, что каждый подданный, кто «был обделен правосудием», сможет лично предстать перед Его Величеством. Вслед за этим он велел казнить графиню Солсберийскую, которую последние два года держали в тюрьме по обвинению в измене. Она не сдавалась даже во время казни: палачу пришлось несколько раз ударить по ее шее топором, прежде чем она умерла. По словам некоего донесения, писанного столетие спустя, она отказывалась покориться, крича, что она не предательница и поэтому не должна умирать предательской смертью. Она боролась с палачом, говоря, что если ему нужна ее голова, «пусть добывает ее как может». Хотя и всет от этой картины жутковатым могильным холодком, она в то же время ободряет (если тут уместно будет так выразиться). Ведь это единственный известный нам пример того, как кто-то нарушил тягостную поруку безвинных людей, принимавших свою казнь без единой жалобы, поскольку чувствовали за собой не этот, так другой тяжкий грех, совершенный перед Господом. Советники Генриха, допрашивавшие графиню, нашли ее столь грозной, что отзывались о ней «скорее как о сильном и стойком мужчине, чем о женщи-

не». Однако ни один мужчина не оказался настолько силен и стоек, чтобы умереть протестуя, как это сделала она.

Разделавшись с графиней и с несколькими другими столь же опасными злодеями, Генрих со спокойной душой тронулся в путь. По дороге король и его свита останавливались в королевских дворцах и в поместьях различных знатных лордов. Во время каждой из остановок устраивались охотничьи выезды, турниры, маскарады и прочие улады королевской жизни. Устроение всех этих забав вменялось в обязанности герцогу Суффолку. Всю дорогу герцог без усталости пекся о развлечениях короля.

Зато Том Калпепер и леди Рошфор всячески старались развлечь королеву, в том числе в собственном доме герцога, пышном Гримсторпе, где Генрих оставался дольше всего. Жаль, что большую часть времени Кэтрин проводила там со своим «милым дурачком»: вместо этого ей бы следовало поближе познакомиться с хозяйкой, Кэтрин Уиллоуби. Герцогиня Суффолкская была одной из наиболее замечательных женщин своей эпохи. Внешне в жизни обеих дам было много общего. Обе происходили из старинных знатных родов, обеих в детстве отослали из дома. Они были примерно одних лет, и каждая вышла замуж за мужчину почти втрое старше ее. Их мужья были чем-то похожи. Как и Генрих, Чарльз Брэндон был неоднократно женат. Как и Генрих, он был крепко сбит, молодцевато держался, обожал охотиться, воевать и пировать. Но он не обладал ни прозорливостью, ни жестокостью Генриха; он был бесхитрым человеком и, если даже проявлял в юности коварство по отношению к любившим его женщинам, оказался добрым мужем сестре короля, а затем юной герцогине. Кэтрин Уиллоуби повезло в браке куда больше, чем Кэтрин Говард.

Повезло ей и с воспитанием. Дочь неустрашимой Марии де Салинас, она стала подругой принцессы Марии в те далекие, счастливые дни раннего детства. Возможно, Кэтрин даже училась некоторое время вместе с принцессой: Вивес настоятельно советовал Екатерине Арагонской разрешить Марии заниматься вместе со сверстницами, а дочери старших фрейлин, безусловно, как нельзя лучше годились для такого выбора. Во всяком случае, Кэтрин воспитывалась

согласно тем правилам, которые рекомендовал Вивес воодушевленной королеве. Когда умер ее отец, шестилетнюю девочку отправили к герцогу Суффолку и его жене Марии, которую до сих пор все любовно называли «французской королевой». Ей повезло, ибо, когда грянул гром — Генриха начала одолевать совесть, — она находилась на безопасном расстоянии от грозы.

Когда вскоре после коронации Анны Болейн «французская королева» умерла, герцог женился на своей подопечной. Ей — пятнадцать, ему — сорок семь. Нам, пожалуй, подобный брак показался бы возмутительным насилием над ребенком, но в ту пору такие вещи случались сплошь да рядом. В качестве опекуна герцог и так держал под контролем все состояние Кэтрин; в качестве мужа он упрочил этот контроль. Ей в свой черед такой союз тоже сулил преимущества. Женщинам и без того оставляли мало выбора при замужестве, а Кэтрин по крайней мере хорошо знала будущего супруга и, возможно, питала к нему расположение. По всей видимости, это оказался счастливый брак; из тех упоминаний, что проскальзывают у современников, явствует, что это была дружная и ладная чета. У них родились два сына, и Кэтрин, подобно многим другим знатым дамам той эпохи, управляла домашним хозяйством во время частых отлучек мужа.

В царствие Анны Болейн она слушала при дворе проповеди ярого протестанта Гуго Латимера, епископа Вустерского, и была ими потрясена. Между ними завязалась дружба, которой суждено было длиться всю их жизнь. Она называла его своим «отцом Латимером». Зерна гуманизма, что заронил в душу ребенка Вивес, теперь, в сознании молодой женщины, дали всходы протестантизма, которому впоследствии предстояло определять жизнь зрелой матроны.

Кэтрин Уиллоуби прославилась и своим живым умом — умом, который, по обиженному замечанию одной из жертв ее острого языка, «обслуживал упрямеишую волю». Другой такой жертвой стал Стивен Гардинер. Хотя епископ Винчестерский был крестным герцогини, он и Кэтрин презирали друг друга. Возможно, их взаимная антипатия упиралась в религиозные расхождения, но, вероятно, ее усугубляла неприязнь Гардинера к сильным духом женщинам. Кэтрин

Уиллоуби была не из тех, кто скрывает свое презрение. Однажды во время званого обеда у герцога Брэндон объявил, что каждой даме надлежит избрать себе в спутники до пиршественного стола того мужчину, который нравится ей более всего, при этом скромно исключив себя из числа избранников. Кэтрин взяла под руку Гардинера и с милой улыбкой заявила, что, раз ей не позволено выбрать того, кого она любит больше всех, она выбирает того, кого любит меньше всех. В другой раз она нарядила в епископские одежды своего спаниеля и дала ему кличку Гардинер.

Возможно, Гардинер, наряду с герцогом Норфолком державший под присмотром жизнь молодой королевы, внушил ей, что следует избегать близкого знакомства с грозной молодой герцогиней. Нигде не упоминается, чтобы две дамы проводили много времени вместе, пока королева гостила у Суффолков: слишком часто королева в тайных покоях предавалась усадом с королевским любимцем. Но были и частые заседания Тайного совета, а в Гримсторпе, как отмечали оба биографа герцогини, имелись две потайные лестницы, как нельзя лучше подходившие для секретных встреч. Благодаря деятельной помощи леди Рошфор, любовники упивались запретными свиданиями, в то время как герцог сопровождал короля на заседаниях совета, а герцогиня неустанно заботилась о нуждах десятков вельмож и их слуг, заполонивших весь дом к превеликой чести и превеликому утомлению его владельцев. Ни у герцога, ни у герцогини просто не оставалось времени, чтобы заметить еще кое-что, совершавшееся под их гостеприимной крышей.

Зато оно оставалось у других. У Кэтрин имелись при дворе враги, и не из-за того, что она *делала*, но из-за того, чем она *была*, — орудием консервативной клики. С тех пор как пал Кромвель, протестанты пытались выискать нечто такое, что отвратит от нее Генриха.

Среди этих недругов был некий Джон Ласель, некогда состоявший на службе у Кромвеля и сокрушавшийся как о гибели прежнего господина, так и о консервативных религиозных влияниях Гардинера и Норфолка. У Ласеля была сестра Мэри — та самая Мэри Ласель, которая когда-то отчитывала Генри Мэнкса за безнравственное поведение с

девицей Кэтрин Говард. Покинув службу у старой герцогини, Мэри вышла замуж за некоего мистера Холла из Ламбета. Джон Ласель подкатился к сестре с предложением: почему бы ей не использовать знакомство с Кэтрин, чтобы получить местечко при дворе, как уже делали многие? А там она сможет шпионить для него.

Мэри заартачилась: она ни за что не уронит себя так низко, служа такой распутной бабенке. К полному изумлению брата, она пустилась в долгие рассказы о том, какими шалостями забавлялась будущая королева в девической опочивальне.

Взбудораженный Джон поспешил вернуться в Лондон, чтобы сообщить об услышанном архиепископу Кранмеру. Король полагал, будто женился на благоуханной юной девственнице, а ему всучили подержанное добро! Кранмер кивнул и принялся тщательно составлять письмо Генриху, излагая вкратце историю, поведенную Мэри Холл.

Когда Генрих возвратился из поездки, его уже ждали две печальные новости. Во-первых, его сестра Маргарита скончалась в Шотландии. Во-вторых, его жена была далеко не невинна, когда он женился на ней. Смерть сестры он перенес стойчески, но над утраченными иллюзиями залился горькими слезами.

Но вначале он наотрез отказался верить письму Кранмера. Кто-то распространил эту злобную клевету, чтобы опорочить королеву. Генрих приказал Саутгемптону и Райотсли расследовать эту историю, дабы злоумышленники, осмелившиеся бесславить его жену, предстали перед правосудием.

Однако Райотсли живо выяснил истинную подоплеку рассказа Мэри Холл. Он велел схватить Мэнокса и Дирэма, и оба — несомненно, под пытками, — сознались в своих отношениях с Кэтрин. Саутгемптон, допрашивавший Мэри Холл, добавив красок, подтвердил правдивость всего, что она сообщила брату. Оба поспешили к королю. И тому, вместе с его советом, пришлось выслушать эту историю целиком.

Генрих был словно громом поражен. Вначале он рвал и метал, требуя меч, дабы он вмиг умертвил женщину, столь подло обманувшую его. Затем разразился рыданиями, оп-

лакивая свою злосчастную участь — «попадаться на удочку таких дурных и коварных жен».

Утерев слезы и высморкавшись, Генрих велел Кранмеру и Норфолку допросить Кэтрин. Сперва она яростно все отрицала. Ее «следователи» ушли, не забыв запереть королеву в ее покоях. На следующий день они явились вновь.

К тому времени Кэтрин уже взяла себя в руки и осознала, что лгать бесполезно. Ее исповедь едва ли способна вызвать восхищение. Отчаянно пытаясь уйти от последствий своих поступков, она призналась в своей связи с Дирэмом, но заявила, будто он вынудил ее к этому. Вскоре она отказалась и от этой лжи и изложила свое признание на бумаге, написав Генриху, что, после того, как Мэннок «настойчивыми речами склонил ее к своим порочным намерениям», она позволила ему «прикасаются к потайным уголкам своего тела», Дирэм же «совершал с нею то, что совершает муж с женою, превеликое множество раз».

Она достаточно хорошо знала Генриха и понимала, что единственный способ спастись — это пресмыкаться перед ним. Она честила себя «подлейшей мерзавкой на свете», «недостойной называться ни женой вашей, ни даже подданной». Генрих же, напротив, оказался человеком «бесконечно добрым, жалостливым, сострадательным и милостивым», который, как она надеялась, пощадит ее юность, невежество, слабость и «смирненное признание моей вины». Но несмотря на многократные настояния тех, кто вел допрос, она отказывалась от предположения, будто была помолвлена с Дирэмом. Дирэм, внушали ей, непреклонно утверждает, что лишь спал с женщиной, обещавшей выйти за него замуж. Он лжет, заявила она. Они продолжали настаивать. Генриху нужен предлог для расторжения брака, а помолвка с Дирэмом могла бы стать таким предлогом. Но Кэтрин была одной из Говардов, а Говарды, хоть и могли водить шашни с подобными Фрэнсису Дирэму, не заключали с ними браков.

Прошлое Кэтрин настигло ее, и она до смерти перепугалась. Но худшее ждало впереди. Члены Тайного совета, пустившись в расследование ее *добрачных* любовных приключений, со всей неизбежностью прознали про ее приключение *внебрачное*. И вскоре они уже допрашивали ее о Томе Калпепере.

Кэтрин призналась, что дарила ему ценные подарки и втайне встречалась с ним, но близкие отношения с Калпепером отрицала. И если раньше она сваливала всю вину на Дирэма, то теперь обвиняла Калпепера в том, что он запугиваниями склонил ее к тайным свиданиям. А заодно она сообщила, что леди Рошфор тоже вынуждала ее встречаться со смазливym придворным.

Когда схватили и принялись допрашивать самого Калпепера, он тоже отрицал любовную связь с королевой, хотя «намеревался содейть дурнос с королевой, и она ничуть не менее желала содейть с ним то же». Он утверждал, что именно Кэтрин настаивала на тайных встречах, а он лишь повиновался с превеликою неохотой.

Завершила сей неприглядный треугольник признаний леди Рошфор: по ее словам выходило, будто она ни в чем не виновна, поскольку лишь исполняла их приказы против своей воли. Сказав, что сама, разумеется, не присутствовала при их совокуплениях, она заявила, что они тем не менее происходили, «судя по всему тому, что она слышала и замечала между этими двоими».

Хоть и малопривно соглашаться с этой закоренелой вруней и смутьянкой, утверждение леди Рошфор все же заслуживает доверия. Калпепер и королева были весьма искушены в ремесле Венеры и чувствовали друг к другу сильнейшее влечение. Они понимали, что на своих бурных свиданиях заигрывают с самой смертью. Пойти на такой риск и при этом лишиться себя высшего наслаждения — такое может прийти в голову лишь недоумку! К тому же трудно предположить, чтобы Калпепер, запросто изнасиловавший жену садовника, рисковал своей шкурой ради каких-то невинных ухаживаний и сладостных бесед.

Тайные советники короля не вдавались в эти тонкости. Они объявили, что Калпепер сознался в желании свершить плотский акт с королевой. А согласно законам об измене, бытовавшим в Англии в эпоху Генриха, уже одно желание причинить вред королю, высказанное вслух, приравнивалось к самому деянию.

Следуя еще более выморочной логике, они объявили также, что поступление Дирэма на службу к королеве обличает его в намерении соблазнить ее, поэтому он тоже

повинен в измене. Хотя единственное, в чем это его обличало, — это в желании воспользоваться удачей старой знакомой, чтобы она подфартила и ему. Ничто не указывало на то, что его связь с Кэтрин возобновилась, или на то, что этого хотелось кому-то из них.

Чтобы подкрепить дело хоть какими-то уликами, совет допросил всех служанок Кэтрин, и те засвидетельствовали, что слышали, как королева и Калпепер обмениваются различными ласковыми выражениями. Если даже все эти истории и не содержали недвусмысленного указания на их связь, они безусловно доказывали одно: Кэтрин с вождением смотрела на другого мужчину — не Генриха.

Для смертного приговора одного этого было достаточно. Как отмечают многие историки, Генриху было вовсе не обязательно убивать Кэтрин. Он мог поверить Дирэму и расторгнуть брак с Кэтрин на основании ее предварительной помолвки с другим. Он мог с запозданием «припомнить», что Кэтрин приходится кузиной Анне и Мэри Болейн. Поскольку одна из них некогда была его женой, а другая — любовницей, любая из этих давних связей могла превратить настоящий брак в кровосмесительный союз. В конце концов, теперь он уже изрядно поднаторел в бракоразводных процессах.

Но Кэтрин больно ранила его королевское достоинство, и поэтому он решил покончить с ней. В качестве дальнейших доказательств стоит взглянуть хотя бы на судьбу Фрэнсиса Дирэма. Едва ли Дирэм хотел чего-то большего, чем просто получить хлебное место при дворе. Но он, этот ничтожный червь, познал Кэтрин до того, как ее познал Генрих, и он жил при дворе, зная, что король женился не на девственнице. Он мог разболтать другим сокровенные тайны о той, которую обнимал король, о тех приемах, что возбуждали Кэтрин, о том, какова она была в постели. Он мог сказать: ага, я знаю, что она вытворяет, чтобы ублажить короля, это я научил ее всем этим штучкам. Само существование этого человека ущемляло, умаляло величие короля. Поэтому Дирэму уготовили не быстрый удар топора, но медленную пытку утопления и четвертования. Наказание для дворянина Калпепера, который действительно предал короля, Генрих не уточнял.

Оба приговоренных были казнены 10 декабря в Тайберне перед толпой, которая всегда охотно стекалась на подобные зрелища. Какое-то злорадное любопытство заставляет представить себе в этой толпе жену садовника: она, должно быть, улыбалась, глядя, как ее насильнику, выпущенному по приказу короля, теперь отрубают голову за то, что он заделал рога этому самому королю.

Оставались две последние жертвы Генриха. С леди Рошфор приключилось «некоторое умопомешательство», в каком она и пребывала до последней минуты. Здравость ее ума всегда вызывала сомнения, а страх предстоящей казни, вероятно, лишь стал последней каплей.

Кэтрин, преодолев охватившую ее вначале истерику, видимо, смирилась с неизбежной гибелью. Когда ее уводили в Тауэр, она попросила тюремщиков убедить короля отдать ее одежды горничным, поскольку ей больше нечего подарить им. В ночь перед казнью она велела принести к ней плаху, чтобы она могла немного потренироваться правильно класть на нее голову.

Казнь состоялась в 9 часов утра 13 февраля. Кэтрин настолько ослабела, что к эшафоту ее пришлось буквально тащить на руках. Она кое-как пробормотала, как положено, несколько слов о своей вине. Потом положила голову на плаху. Палач одним взмахом отсек ее. Сразу же после этого была казнена леди Рошфор.

Генрих рыдал крокодиловыми слезами. Развратник Франциск I прислал ему письмо с сожалениями о «непристойном и гадком поведении» Кэтрин, но напомнил ему, что «женское вероломство не должно пятнать мужскую честь». Испанский посол отнесся к горю Генриха более цинично. Генрих, писал он, уподобился той женщине, что оплакивает смерть своего десятого мужа сильнее, чем предыдущих девяти, оттого, «что ни одного из них она не схоронила, не обеспечив себе следующего, но теперь, когда умер десятый, у нее не было никого на примете».

Генрих по праву заслужил презрение Шапюи, и он вполне заслуживает презрения истории. Речь идет не о том, чтобы лишать сострадания состарившегося мужчину, тщетно гнавшегося за утраченной юностью. И не о том, чтобы защищать жертву Генриха как некое исключительное сушес-

тво. Кэтрин была вполне порядочной, пусть несколько заурядной, женщиной, любившей радоваться жизни. Мы не знаем, какой бы она стала с годами. Не исключено, что и сама Кэтрин, доживи она до лет Генриха, принялась бы охотиться за продажными ласками какого-нибудь красавца-придворного, оттеняя свои седины его молодостью и наперскор всему убеждая себя, что она все еще та обворожительная и лихая девчонка, какой некогда была.

Но это лишь догадка. Нам не дано знать, как вела бы себя Кэтрин в старости, потому что Генрих не позволил ей дожить до старости. Он убил ее за то, что она дерзнула существовать независимо от него, поступать так, как велели ее собственные желания — не его, — быть женщиной в своем праве, то есть быть самой собой.

Не стоит забывать об этом, представляя себе, как удрученный старик, то и дело смахивающий слезу сожаления к собственной персоне, хватает перо и подписывает смертный приговор свой юной жене. Уж ей-то не достанется в удел старости с ее самообманом: Генрих как следует позаботился об этом.

КАТАРИНА ПАРР

Последняя жена Генриха была уже дважды вдовою, когда они поженились. Она оказалась умнее Генриха и чуть не поплатилась за это головой.

Уцелела

«ЦЕРКОВНИЦА»

В феврале 1542 года Кэтрин Говард казнили, и Генрих снова остался без жены, к тому же на примете у него никого не оказалось. Уже после смерти Джейн Сеймур достаточно трудно было найти женщину, которая охотно пошла бы за него замуж. Теперь же, когда за ним числился еще один развод и еще одна казнь, а сам он еще больше раздался вширь, Генрих стал еще менее привлекательной партией в глазах возможных невест.

Поначалу, казалось, он смирился с тем, что пришла пора, когда для линии престолонаследия важнее заняться устройством браков своих детей, нежели тшиться самому произвести новых отпрысков. Вместе с тем он не упускал из поля зрения и придворных дам. И, не заставив себя долго ждать, остановил взор на одной из них.

И он сам выбрал ее. Хотя при дворе порхало множество юных прелестниц, у которых имелись тщеславные родственники, судьба Кэтрин Говард показала всю опасность тщеславия. Смертный приговор, вынесенный Кэтрин Говард, внес зловещую оговорку касательно того, что впредь любая женщина, ставшая женой Генриха, не будучи «девицей чистой и непорочной» и не известив его о своем темном прошлом, повинна в тяжкой измене, равно как и любой, кому известны ее грехи и кто не донес о них королю.

Это многое меняло для тех придворных, которым хотелось извлечь прибыль из своих родственниц на выданье. Девственность не так легко доказать: сам-то Генрих в сих материях уже не раз выказывал себя негодным судьей. Он считал Кэтрин Говард девственницей, хотя она таковой не

являлась. Вначале он счел и Анну Болейн девственницей, но позже заявил, что у нее имелись сотни любовников и до, и во время замужества. Проведя первую ночь с Анной Клевской, он заключил, что она не невинна, только чтобы впоследствии поклясться, что она была невинна и осталась таковою после их брака. Что же касалось будущей жены, то стоило ей утратить невинность в объятиях Генриха, ее девственность в прошлом становилась недоказуемой: любой, кто точил на нее зуб или следовал тщеславию, мог провозгласить «вновь обретенное» известие об отсутствии у нее целомудрия. Посему напрашивалось наиболее разумное решение: жениться на почтенной вдове — женщине, ныне хранившей целомудрие, но некогда законным образом утратившей невинность.

И все же та вдова, на которой он остановился, на первый взгляд представляется довольно необычным выбором. Правда, в жилах Катарины Парр имелось несколько капель королевской крови благодаря Джону Гонту, этому ссыателю вездесущего семени. Но ко времени их брака ей исполнился тридцать один год — немало, с точки зрения короля, которому хотелось завести новых сыновей. К тому же оба ее предыдущих брака были бездетными. Некогда дед Генриха Эдуард IV, женившись на вдовой Элизабет Вудвиль, встречал недоуменные взоры, но всем с веселым упрямством отвечивал, что ее сыновья и дочери являют живое свидетельство тому, что мать их окажется плодотворной женой и подарит трону наследников.

Катарина же, по всей видимости, страдала бесплодием. К чему королю, перевернувшему всю страну вверх дном, лишь бы заполучить сына-наследника, жениться на такой женщине? Быть может, он уже отчаялся заиметь детей, как предполагают иные историки. Возможно, он сам уже сделался импотентом и хотел замаскировать собственное бессилие предположениями об ущербности жены. Здоровье его ухудшалось день ото дня. Язвы, что образовались на обеих ногах еще в середине 1530-х годов, с годами терзали его все больше. Его непомерный вес усугублял болезнь. По ступеням его приходилось поднимать при помощи огромного механизма, специально созданного для этой цели. В начале 1540-х годов приключались с ним отдельные приступы лихорадки, и каждый такой припадок оставлял его ослаб-

ленным и уже более уязвимым для следующей схватки. Так что ему гораздо более потребна была сиделка, нежели соложница, и потому взоры его обратились к Катарине Парр.

Генрих знал Катарину еще в ее детские годы, когда отец ее служил при дворе, а мать состояла во фрейлинах при Екатерине Арагонской. В 1517 году Томас Парр скончался от внезапного недуга, а его жена Мод оставалась в числе королевских челядинцев. Можно предположить, что Катарина обучалась некоторое время вместе с принцессой Марией, которая была года на четыре ее младше, у приглашенного Екатериной Арагонской наставника Хуана Луиса Вивеса. Безусловно, годы спустя Катарина проявила твердую приверженность тому гуманизму, что исповедовал Вивес, — пусть и в совсем иной форме, нежели та, что была любезна этому убежденному католику.

Мод Парр, женщина волевая, вознамерилась наилучшим образом устроить судьбы своих троих детей. Катарину ожидала прибыльнейшая участь, о которой только можно было помыслить для женщины: брак со стариком-богачом. Ей исполнилось четырнадцать, когда она вышла замуж за лорда Боро — вдовца, коему перевалило за шестьдесят.

В 1528 году лорд Боро скончался, оставив Катарину состоятельной шестнадцатилетней вдовицей. На следующий год умерла ее мать. По-видимому, супружество пришлось Катарине по душе, ибо, хотя она вполне могла последовать примеру Мод Парр и зажить беспечной жизнью богатой вдовы, она предпочла снова выйти замуж. В начале 1530-х годов она стала женой Джона Невилла, лорда Латимера — вдовца лет сорока пяти. Латимер до того был дважды женат и имел двоих детей. Так Катарина, не достигшая и двадцати, оказалась мачехой двоих детей вдвое младше ее самой.

Вскоре после замужества Катаринины ее сестра Энн вышла замуж за Уильяма Герберта. Возможно, это был брак по любви, и безусловно, это был брак между подлинными товарищами, целиком разделявшими религиозные и политические взгляды. Оба вращались при дворе, и оба, по-видимому, испытали влияние свангелизма, коему покровительствовала новая королева Анна Болейн, поскольку годы спустя они выказали явные реформистские наклонности.

Если интерес самой Катаринины к религиозным реформам

вспыхнул именно в эту пору, она никак его не проявила. И была права, поскольку муж ее сочувствовал консерваторам. Латимер примкнул к северянам-повстанцам во время Паломничества Благодати, хотя он мог сделать это по принуждению. Он отступил после первой волны восстаний и получил королевское прощение, возможно, по просьбе семейства Гербертов, к которым Генрих, кажется, питал некую приязнь.

Он явно симпатизировал и Катарине. В 1540 году по ее просьбе и в пику тогда еще могущественному Кромвелю Генрих освободил из Тауэра ее родственника Джорджа Трокмортон, обвиненного в отрицании королевского верховенства. Сдавалось, что чары леди Латимер возымели некоторую власть над монархом.

В ту пору эти чары ничем ей не угрожали. Катарина была благополучнейше замужем, а Генрих, что важнее, был благополучнейше влюблен. Но после казни Кэтрин Говард в 1542 году положение переменилось. Лорд Латимер занемог и лежал при смерти. Катарина вдруг стала получать дорогие подарки от Генриха. Смысл сих даров не мог укрыться от нее: ведь она годами обреталась при дворе и знала повадки короля. Вероятно, она надеялась, что королевское внимание рассеется само собой, стоит только какой-нибудь из клик «выпустить» пред ясные очи старика-короля очередную попрыгунью-родственницу. Покамест же она никоим образом не разочаровывала Генриха, лишь вежливо «не замечая» значения его подарков и тщательно избегая его общества.

При дворе находился, пожалуй, один человек, чьего общества ей не хотелось избегать ни в малейшей мере. Томас Сеймур, брат покойной королевы Джейн, был пригож, ладен и обаятелен, правда, не обладал острым умом. Он тоже увлекся любезной вдовой и, вероятно, пуще того увлекся ее наследством. Он принялся ухаживать за ней сразу после кончины лорда Латимера. Она влюбилась в него и сохраняла эту любовь всю свою жизнь. «Рассудок мой столь властно повелевал мне выйти за вас, как ни за какого иного мужчину», — писала она ему четыре года спустя.

Одновременно со страстью Катарини к Тому Сеймuru расцвела и другая ее страсть — величайшая в ее жизни. После смерти мужа-католика Катарина Парр могла открыто пуститься в изучение тех религиозных идей, которые Ген-

рих столь неохотно поощрял. Том Сеймур вселял земную страсть; Новая Ученость вселяла страсть умственную. Она подружилась с такими видными реформаторами, как Гуго Латимер (не состоявший в родстве с ее покойным мужем), Майлз Ковердейл и Джон Паркхерст. Вероятно, именно в это время ее старое знакомство с протестанткой Кэтрин Уиллоуби, герцогиней Суффолкской, переросло в тесную дружбу. Должно быть, она была необычайно счастлива в течение нескольких кратких недель: влюблена в Тома Сеймура, влюблена в Новую Ученость и — как она полагала — вольна ввериться обоим этим страстям. Однако все сложилось по-другому: король уже решил жениться на ней.

Но Генриху навязывали и другую кандидатку в королевы. Вновь всплыла — к большому неудовольствию обеих сторон — комическая история со сватовством Генриха VIII и Анны Клевской.

Как муж и жена Генрих и Анна были несчастны, зато в качестве брата и сестрицы поистине нашли друг друга. Анна, по-видимому, совсем удалилась от двора после казни Кэтрин Говард. Гибель этой милой ветреной девушки, с которой Анна так весело танцевала в то счастливое Рождество после своего развода, глубоко потрясла и разгневала ее. Правда, ее собственная жизнь текла гладко и весело. Она до сих пор пользовалась определенной славой, несмотря на то, что сама предпочитала молчать и оставаться в тени. Хаживали сплетни, будто после развода она родила-таки нескольких детей от Генриха. Генрих боялся, что она обзавелась любовником и действительно родила дитя; он разведал, как все было, и выяснил, что слухи породила некая незначительная хворь, продержавшая ее недолгое время в постели. Распутанная ниточка сплетни привела к некоему Фрэнсису Лилгрейву, ткачу-ковровщику, и его живо упрятали в Тауэр за распространение лживых наветов.

Саму Анну устраивало ее странное положение, других же — нет. Человек здравомыслящий заключил бы, что казнь Кэтрин Говард должна была показать семейству Анны, сколь удачно она ускользнула невредимой от брака с Генрихом. Они же рассудили иначе, миг увидав возможность для Анны вновь занять положение королевы. Вскоре посланники герцога Клевского уже осаждали Генриха просьбами «взять ее обратно».

Анне, должно быть, пришлось туго. Ведь она сама едва ли могла отвергнуть просьбу герцога, не показав при этом своего отвращения к Генриху. Ей оставалось лишь хранить благоразумное молчание и уповать на то, что физическая неприязнь Генриха к ней осталась прежней.

Невероятно, но даже некоторые из фрейлин самой Анны разделили порыв герцога, сочтя, что казнь Кэтрин Говард явилась «промыслом Божиим, дабы вновь госпожа наша леди Анна Клевская сделалась королевою». Лишь одна из этих дам, Элизабет Бассет, отозвалась об этом более цинично, что, несомненно, отвечало чувствам самой Анны. «Что за человек этот король! — воскликнула миссис Бассет с негодованием. — Сколько же ему надобно жен?»

Намерение Генриха жениться на Катарине Парр положило конец и надеждам, и страхам, что он вновь свяжет себя узами брака с «фламандской кобылой». Как передавали, Анна пожалела новую королеву, вздохнув: «Хорошенькую обузу взвалила на свои плечи госпожа Катарина!» И Анна вновь растворилась в своем пространстве, лишь изредка являясь навестить свою приятельницу, принцессу Марию.

И Катарина Парр с неохотой вышла на первые роли. В каком-то смысле она идеально подходила на роль последней жены приохотившегося к супружеству короля, ибо нрав ее сочетал в себе различные черты всех его прежних жен. Возможно, Генрих отдавал себе отчет в ее сходстве с любимейшей его женой — Джейн Сеймур. Обе были безмятежными, с виду чопорными дамами, обеим выпала судьба заменить собою чрезмерно привлекательную королеву, в чем обаянии король потерпел болезненное разочарование. В Катарине было нечто от безропотного послушания Джейн, нечто утешительное и успокоительное, что вскоре должно было исцелить раны старика, вынужденного отбросить последнюю мечту о вечной юности и мужественности. То показное раболепство перед мужским всевластием, что подвигло Джейн взять себе девиз «Обязана служить и покоряться», побудит Катарину с полной видимостью искренности написать, что женщинам надлежит «учиться у Св. Павла послушанию мужьям и хранить молчание в собраниях и дома внимать мужьям».

Но обманчиво гладкий нрав Катарин Парр таил и

иные сходства. Большинство историков сравнивает ее с Екатериной Арагонской, так как обе были преисполнены учености и питали серьезную привязанность к гуманизму. Такая параллель между первой женой и последней образует изящную рамку, Генрих же завершает свое супружеское поприще там, где его начал, — в объятиях мягкосердечной, разумной и благочестивой жены.

Но стоит чуть повернуть призму — и возникает еще одна Катарина: близкая по взглядам к протестантизму, ярая евангелистка, чьи религиозные убеждения заставляют вспомнить Анну Болейн. Подобно Анне, она отважно привлекала ко двору крамольных протестантских епископов, в том числе и друга Анны Гуго Латимера. Она чрезвычайно восхищалась Маргаритой Наваррской, с коей и Анна в былые дни водила дружбу; жизнь и сочинения Маргариты являли собой любопытную смесь светскости и набожности. Позже, в четвертом и последнем своем браке, Катарина проявит схожесть с Анной и иным боком: ибо она ничуть не уступала Анне вспльщивостью и прямою, вполне достойной этой горячки.

Было в складе ее характера и нечто от Анны Клевской: обе прямо-таки дышали домашним уютом, живя в лад со всеми теми мелочами, что украшают хозяйственные дела. Такая страсть к домашнему очагу придавала подобие устойчивости даже беспокойной и кочевой придворной жизни — неважно, по каким замкам были разбросаны члены королевского семейства. Как и Анна, Катарина легко шла на компромисс, желая скорее понести то, что свет сочтет унижением, лишь бы обеспечить безопасность самой себе и тем, о ком она пеклась. И подобно Анне, ей удавалось поддерживать дружбу со всеми тремя детьми Генриха, сколь бы ни разнились они с нею и между собою.

Кроме того, хотя в ту пору никто бы этого не заподозрил, в ее природе была заложена мощная чувственность, неизменно подавлявшаяся в продолжение трех браков по расчету. Ей еще предстояло хлынуть наружу, когда наконец Катарина сможет выйти замуж за обожаемого ею человека. Степень такого обожания изумила бы любую из ее предшественниц-королев, за исключением Екатерины Арагонской, зато бьющая ключом, головокружительная и дикая стра-

тность, коей была пронизана эта любовь, была чем-то сродни норову Кэтрин Говард.

Если Генриха и восхищало сходство Катарини с Джейн Сеймур, ее откровенное увлечение братом Джейн радовало куда меньше. В давние годы, когда его любовь к Анне Болейн только пробуждалась, он воспользовался своей королевской властью, дабы силою прервать отношения Анны с Генри Перси. Теперь же он отослал Тома Сеймура с посольской миссией к регенту Нидерландов. То маленькое окошко, что позволяло Катарине уповать на счастье, захлопнулось, и она не вольна была ничего изменить. Генрих хотел заполучить ее, и Генрих заполучит ее.

Единственным, что помогало Катарине сносить тяжесть ее положения, стала его религиозная значимость. Пусть сам Генрих — личность тираническая, но ведь он освободил Англию от римского ига. Став королевой, она поможет ему не сбиться с этой стези. Она узрела здесь свое призвание: Бог словно силою тянул ее в верную сторону. Позднее она поняла, что вначале сопротивлялась этой силе, но «Господь противостоял моей воле незыблемо, а затем милостию Своей и благию содеял возможным то, кое мыслилось мне невозможнейшим; иначе говоря, понудил меня отрешиться напрочь от собственной моей воли и с превеликой охотою устремиться вослед Его воле».

Претерпев мучительные борения с совестью, Катарина примирилась со своей участью, одарившей ее супругом опасным и непривлекательным. Они сочетались браком 12 июля в Хэмптон-Корте; церемония была весьма пышная. Но, по крайности, ее окружали женщины, чтимые ею и любимые. Помимо обеих принцесс, ее сопровождали сестра Энн и любезная подруга Кэтрин Уиллоуби. Их присутствие было добрым предзнаменованием, ибо им, как и несколькими другим женщинам, предстояло сделать ее правление сносным, поддерживая ту религиозную веру, что служила ведущей силой всей ее жизни.

Если она надеялась пробудить в Генрихе большее сочувствие к протестантам, ей это не удалось — во всяком случае, в первые дни их супружества. Один купец-протестант в письме другу сообщал, что Генрих «давеча за два дня сжег троих людей Божиих. Ибо в июле женился он на вдове дворянина именем Латимер, а он дюже горазд все свадьбы-

женитьбы свои праздновать такими вот пакостными злодеяниями».

Хотя Катарина не в силах была уберечь еретиков от костра, ничто не мешало ей тихо распространять в собственном придворном кругу умеренный реформизм, выбрав себе в капелланы таких людей, как Джон Паркхерст и Майлз Ковердейл, а во фрейлины — Энн Стэнхоуп, Джоан Денни и Кэтрин Уиллоуби.

Эти женщины образовали кружок, одновременно напомиравший набожных знатных дам времен Маргариты Бофор и значительно отличавшийся от них. По утверждению Джона Кинга, они «пропитывали само чтение Библии расхожими богословскими штудиями» и намеревались распространять протестантский гуманизм не только среди дам из числа знати, но и среди женщин низших сословий. Катарина оказывала покровительство сочинителям-протестантам и поощряла любые попытки сделать Евангелие общедоступным чтением.

Однако она не ограничивалась одним только покровительством. В тот век лишь немногие женщины писали что-либо, кроме личных писем: так, Томас Мор хвалил свою дочь Маргарет за то, что пишет она единственно для отца своего и мужа. Временами женщины, подобные Маргарите Бофор, переводили для напечатания чужие труды. Зато за морем, во Франции, сестра короля Маргарита Наваррская отважно писала собственные сочинения, как религиозного, так и светского характера, предназначенные для вполне широкого круга знати.

Катарина Парр вознамерилась последовать ее примеру. Опираясь на сочинение Фомы Кемпийского «Подражание Христу» (1), она написала небольшую книжку «Молитвы и размышления». Это были непритязательные, традиционно благочестивые короткие молитвы, достаточно безвредные, чтобы заслужить одобрение короля, опубликованные во время ее правления и пользовавшиеся спросом годы спустя после смерти их автора. Сама по себе лишенная исключительности, книжка обрела значимость в силу двух причин. Во-первых, просто потому, что ее написала женщина — королева. Во-вторых, она стала предвестницей другого, более серьезного труда, косму суждено было появиться уже после смерти Генриха.

Если Господь призвал Катарину укрепить Реформацию в Англии, то призвал Он ее и для выполнения более личного задания. К числу несомненных достоинств Катарин Парр можно отнести то, что ей всегда удавалось сочетать отвлеченное с реальным: религию с милосердием, любовь к Богу с любовью к Его созданиям. Она видела, что сделал Генрих со своими детьми: даже юный Эдуард казался скорее продолжением непомерного «я» короля, нежели его возлюбленным сыном. Новая королева решила восполнить детям то, чего им так не хватало, наладив с каждым из них личные и сердечные отношения. Это было нелегко, ибо в ту пору дети редко жили в одном месте друг с другом или с родителями. Елизавета, которой теперь исполнилось девять лет, присутствовала на свадьбе короля, после чего не видела мачеху целый год.

Зато Мария перебралась жить ко двору, когда Катарина и Генрих поженились. Та дружба, что почти наверняка родилась еще в их детские годы, когда Мод Парр находилась в услужении у Екатерины Арагонской, ныне расцвела. Если Марии и не по нраву было играть низшую роль при дворе по отношению к женщине, чья мать некогда служила ее матери, она ничем не выдавала подобных чувств. Вскоре Катарина обсуждала с падчерицей один свой замысел, обещавший увлечь их обеих. Эразм Роттердамский написал латинское переложение Нового Завета. А что, если Мария, чья латынь, как она тонко заметила, намного лучше ее собственной, переведет часть этого парафраза, а именно Евангелие от Святого Иоанна, на английский язык?

Мария с воодушевлением взялась за работу, хотя слабое здоровье помешало ей довести труд до конца. Тогда королева подрядила других завершить перевод, доверив правку Николасу Удаллу. Книга была закончена в 1545 году, но свет увидела лишь три года спустя. В своем посвящении Удалл блестяще описал двор новой королевы.

Нимало не кажется странным ныне, коли доведется слышать, как знатные дамы вместо того, чтобы попусту трещать о лунном свете, отраженном в воде, ведут с мужьями серьезную и изящную беседу на греческом или латыни о божественных материях. Не новость в Англии и юные девицы в домах благородных и при дворах вельможных, кои не картами или иными безделицами забавляются, но держат в руках поминут-

но или Псалмы, или проповеди, или иные благочестивые наставления.

В таковые славословия вкралась неизбежная доля лъстивого преувеличения, на какие падки писатели в отношении к своим покровителям, ибо в самом деле не было новостью, что многие знатные дамы, в том числе Мария, Катарина и герцогиня Суффолкская, любили вести благочестивые беседы, но и в карты были не прочь сыграть. Но, безусловно, Катарина привнесла в придворную жизнь особый религиозный и умственный настрой, глубокий и серьезный.

В то же время она сохраняла природное жизнелюбие. Одевалась она весьма изящно и броско. Кресты, что носила на шее, соседствовали рядом с алмазными подвесками и прочими драгоценностями. Даже туфли королевы были оторочены золотом. Она любила танцевать, по словам испанского посланника, не желая отказываться от любимого развлечения даже тогда, когда ей нездоровилось.

Влиянию Катарины при дворе и ее собственному интеллектуальному росту способствовало одно обстоятельство: через год после ее замужества, летом 1544 года, разразилась новая англо-имперская война против Франции. Генрих назначил регентшей Катарину, как некогда Екатерину Арагонскую, а сам в поход собрался. Она исполняла возложенную на нее обязанность добросовестно, как и первая Екатерина, надзирая за войной с Шотландией, неизбежно сопровождавшей любую войну с Францией, хотя большую часть военных решений принимал ее друг и сотоварищ по религии Эдвард Сеймур.

Письма Катарины Генриху поражают своей нежностью. «Хоть недолог срок и невелик счет дням, протекшим после отъезда Вашего Величества, — писала она в одном из посланий, — столь желанен мне ныне приезд Ваш, что не будет мне ни в чем покоя и радости, доколе не дойдет до меня весточка от Вашего Величества». Трудно поверить, что она действительно пеклась о человеке, чье тиранство было ей так хорошо известно, но письма эти дышат неподдельной искренностью. В ее чувствах не было романтизма: предметом ее пылкой страсти оставался Том Сеймур. Но Генрих был ее королем, тем Моисеем, который, пусть радея лишь о себе самом, вызволил Англию из цепких объятий

папства. Господь вменил ей в долг стать женой Генриха, и она исполняла сей долг достойно и мужественно.

Генрих выиграл последнюю свою перестрелку, и Катарина сложила победную молитву, где звучало не столько ликование победы, сколько упование на мир: «Смирнейше умоляем Тебя, о Господь Бог Сонмов, склонить сердца супостатов наших к алканию мира, дабы не проливалась более кровь христианская. И позволь еще, о Господь, малой кровию и невеликим вредом и ущербом невинных, одержать нам победу к вящей Славе Твоей». Для Катарини победа была менее важна, нежели спасение человеческих жизней.

Месяцы регентства упрочили влияние Катарини при дворе и еще больше склонили ее к протестантству. Она сблизилась с архиепископом Кранмером, чья предрасположенность к всяческому примирению, столь созвучная ее собственной, скрывала под собой глубоко захороненную протестантскую веру. Она проводила больше времени, чем обычно, со своими фрейлинами, и теперь, когда над ними не тяготела тень тучного тирана, они вдоволь беседовали о том, что увлекало их в первую очередь, — о евангелических верованиях, зачастую граничивших с «ересью», как называл это Генрих.

Королева воспользовалась отлучкой короля и для того, чтобы сплотить королевскую семью. Елизавета совершила какой-то проступок, за что на год была отлучена от двора, и вот теперь она писала Катарине, прося вступиться за нее, так как сама не осмеливалась навлечь на себя гнев Генриха, написав ему напрямую. И вскоре Елизавета уже вновь находилась при дворе, под теплой опекой мачехи. Свою благодарность она выказала в новогоднем подарке к 1545 году, предпослав собственному переводу «Зеркала грешной души» Маргариты Наваррской (2) следующие слова: «Нашей благородной и добродетельной королеве Катарине ее смиренная дочь Елизавета желает вечного благоденствия и непрестанной радости». (Вспоминала ли девушка собственную мать, когда писала эти строки, — королеву Анну, некогда жившую при французском дворе и так восторгавшуюся Маргаритой Наваррской все последующие годы?)

Вполне вероятно, что именно в эти месяцы Катарина

принялась улучать досужие часы для написания откровенно протестантской книги «Сетования грешницы». Генриху не суждено было увидеть этого сочинения. Несмотря на обильную лесть в адрес самого короля (именно там Катарина уподобила его Моисею), книга была полна идей, которые Генрих яростно отвергал. Катарина подвергала нападкам пышные церемонии римской церкви, каковые Генрих весьма почитал, и без обиняков утверждала, что благие деяния проистекают из веры, но для спасения души надобна одна лишь вера.

В октябре возвратился торжествующий Генрих, и Катарина встретила его надлежащим выражением радости. В какой мере истинна была эта радость, остается только гадать: Генриха куда легче любить в его отсутствие. Хотя он вернулся домой исполненный веселья, пышущий гордостью от одержанной победы, нелады со здоровьем и усугубляющиеся религиозные разногласия среди народа вскоре воспламенили его гневливость. Консерваторы держались за те взгляды, на которых воспитывались, сторонники же Реформации упорно ломались в ту дверь, что приоткрылась благодаря разрыву Генриха с папой.

«Еретиков» развелось пруд пруди благодаря тому, что само значение «ереси» в богословии Генриха приобрело чрезвычайно размытый характер. Они получали поддержку от многих придворных, например, Кэтрин Уиллоуби, и от людей, не входивших ко двору, пользовавшихся всеобщей известностью «проповедников», среди коих была и Анна Эскью, фанатичная молодая женщина из Линкольншира.

✪ Анна Эскью — одна из наиболее завораживающих фигур той эпохи. Катарина Парр с фрейлинами знали о ней, как и все лондонцы, и ни один человек, питавший хоть какую-то склонность к протестантизму, не мог устоять перед обаянием ее личности. Она умела внушить трепет, эта непреклонная, умная и обаятельная протестантка, осмелившаяся присвоить два права, дотоле принадлежавшие единственно Генриху. Она сама рассудила, что есть религиозная истина, и покинула своего супруга, вновь приняв прежнее

родовое имя и перебравшись в Лондон, дабы проповедовать Евангелие.

Анна родилась в 1521 году в семье бедного рышаря, сэра Уильяма Эскью. Он позволил дочерям получить образование, достаточное для того лишь, чтобы они умели читать и писать по-английски. Их знания впоследствии косвенно пополнились, когда их старшие братья Фрэнсис и Эдвард поступили в Кембридж. Навешая в каникулы родных, школяры толковали о протестантских веяниях, что носились в университетском городке. И веяния эти увлекли девочку, которой до смерти наскучил плоский и косный мирок Линкольншира.

Какие бы чувства ни сохранялись еще у Анны к старосветской религии ее детства, им настал конец в 1536 году, когда в Линкольншире вспыхнули восстания. Сэр Уильям, стойко хранивший верность Генриху, противостоял мятежникам. В отместку они вломились в дом, пока его не было, и устрешенным женщинам оставалось лишь беспомощно глядеть, как они хватают Фрэнсиса и еще одного рыцарского сына, Томаса. Мятеж был подавлен, братья целые и невредимые вернулись домой, но отвращение Анны к старой вере лишь окрепло.

Отец разделял ее чувства, но это не помешало ему в совершении практических решений — например, в выборе мужа для Анны. Туповатый Томас Кайм, живший по соседству, придерживался традиционной веры, а его приличный достаток, видимо, должен был восполнять недостаток ума. Ранее он был помолвлен с сестрой Анны Мартой, которая перед свадьбой внезапно умерла. Отец Томаса с большой охотой согласился на другую девицу Эскью.

Анна бежала, как могла, от тоски, которую нагоняло на нее унылое супружество с Томасом Каймом. Скорее всего, она проводила много времени с сестрой Джейн, муж которой, Джордж Сен-Поль, был протестантом и дружил с герцогом Суффолком и его смелой на язык молодой женой. Не сохранилось никаких свидетельств о встречах Анны Эскью и Кэтрин Уиллоуби, но столь тесные родственные и дружеские связи позволяют предположить, что эти две ярые протестантки имели не один случай повстречаться.

Были у Анны в первые дни ее замужества и другие отдушины. В 1538 году Генрих в очередной раз качнулся в

сторону передовых воззрений и постановил, что каждому приходу надлежит выставить в своей церкви большую английскую Библию, дабы прихожане «могли беспрепятственно к оной обращаться и читать ее». Это позволяло грамотным прихожанам, питавшим склонность к протестантизму или евангелизму, устраивать в церквях неофициальные публичные чтения Библии на английском языке. Священникам оставалось лишь в смятении наблюдать, как их былая привилегия становится уделом различных мирян и даже мирянок.

Чтение Писания переступало и пределы церковных стен. Зажиточные домовладельцы читали Библию своим домочадцам и челядинцам, и, разумеется, чтение сопровождалось объяснениями, толкованиями и прочими беседами. И Анна Эскью ухватилась за открывшуюся возможность. Она читала в церквях, она читала челяди и всем, кто приходил посетить Томаса Кайма, превратив особняк сельского стародума в рассадник протестантизма. Рождение двоих сыновей ничуть не помешало увлечению Анны библейскими материями: пусть беременность временно удерживала ее в четырех стенах, зато у нее появлялось больше времени, чтобы читать Библию своим слугам и служанкам.

В 1543 году Генрих настроился на более консервативный лад и издал Акт о Продвижении Истинной Религии, коим чтение Библии воспрещалось людям неблагородного звания, а также всем женщинам. Томас Кайм возликовал. Но Анну не так легко было запугать. Она обладала удивительной памятью, к тому же уже провела многие часы за чтением Писания. Пусть ей не дозволено читать саму бесценную книгу, ведь она помнит наизусть большие отрывки из нее. Этот запрет означал: она может и должна использовать свой дар, чтобы помогать другим людям, ныне лишенным доступа к Слову Божьему. И ее проповедование продолжалось.

Томас Кайм, доведенный до иступления мозгов (и без того слабых), устремился к местным священникам, дабы те вразумили его, как же обуздать «распоясавшуюся» жену. Те посоветовали Кайму вышвырнуть ее из дома, рассудив, что таковое унижение откроет ей глаза и вернет мужу. Ничуть не проникнувшись такой карой, Анна забрала обоих сыновей и переехала жить к брату Фрэнсису, с утроенными

силами продолжая проповедовать. Ибо у апостола Павла написано, что, коли добрая христианка состоит в браке с неверующим, она должна оставаться с супругом, если супруг сам не решит иначе. «Если у набожной женщины окажется муж неверующий, который не захочет долее жить с нею, она вольна оставить его. Ибо ни брат, ни сестра не обязаны подчиняться таковому человеку». Кайм и его рясоносные советчики, знавшие Библию далеко не так основательно, как Анна, сами того не желая, освободили ее от бремени супружеского долга. Она никогда не вернется к мужу. Как позднее напишет ее современник Джон Фокс, составитель мартирологов: «Она не могла помыслить достойным ее супружества того, кто питал злобную ненависть к Богу — главному творцу брака».

Линкольнский суд отверг ее прошение о разводе, и Анна решила отправиться в Лондон, чтобы попытать удачи там. Как и новая жена короля, Анна почитала Генриха за освобождение английского народа от власти лукавого папства. Она была убеждена, что король, самолично избавившийся от нескольких недостойных супругов, позволит благочестивой женщине отделаться от мужа.

В Лондоне Анна вновь взяла себе «девичью фамилию» и наняла комнаты неподалеку от Иннс-ов-Корт*. Там, должно быть, она являла собой причудливое зрелище среди прочих постояльцев, преимущественно, молодых мужчин, изучавших юриспруденцию. Она разыскала бывшего соседа, который ныне обретался при дворе в качестве одного из троих «швцов» — точнее, людей, заведовавших устройением королевских трапез, рассаживавших его гостей и пробовавших королевские кушанья на предмет отравы. Это был, кстати сказать, Джон Ласель — брат той услужливой дамы, которая некогда поведала ему во всех подробностях о первых любовных опытах юной Кэтрин Говард.

Ласель охотно принял под крыло свою молодую приятельницу, введя ее в шумливый круг лондонских протестантов. Вырвавшись из затхлого и замкнутого Линкольншира, Анна почувствовала себя как рыба в воде. Здесь ее окружали протестанты, чье благочестивое рвение было под стать ее собственному. Личности, недавно казавшиеся ле-

* *Inns of Court* — четыре английские юридические корпорации, готовящие адвокатов.

гендарными, стали ее постоянными собеседниками: Гуго Латимер, епископ Вустерский. Николас Шэкстон, епископ Солсберийский, священник-ренегат доктор Эдвард Кроум. Все они стали ее друзьями, и все они были друзьями новой королевы Катарины Парр.

Город насчитывал множество кружков по изучению Библии. Их посещали знать и простонародье, купцы и подмастерья, лавочники, студенты, — одним словом, все, кто почитал Писание, невзирая на пол и общественное положение. Запрет, наложенный на чтение Библии, лишь разжигал охоту к нему, и изрядные знатоки Библии пользовались известностью проповедников — новая разновидность проповедников-мирян, собиравших слушателей во всех заулках и закоулках Лондона — от церквей до трактиров, — и толковавших незаконно, но открыто Слово Божие, слыша его теперь не на прекрасной, таинственной и недоступной латыни, а на своем родном ясном и звонком английском языке. Анна и прежде не чуждалась подобной практики, хотя число ее слушателей было невелико. Здесь ее звезда стремительно поднялась, проповеди этой дамы стали самыми знаменитыми и любимыми в Лондоне, а ее красота и благородство проповедницы стяжали ей прозвище Прекрасной Проповедницы. Она обрела свой настоящий дом, и вскоре весь Лондон прослышал о миловидной знатной даме, на равных беседовавшей со слугами и господами, обладавшей совершеннейшим знанием Слова Божия и покорявшей слушателей своей мощной силой убеждения.

К несчастью, не все в Лондоне радовались этому. Епископа Гардинера предостерегали от нее недовольные линкольнские священники еще до того, как она прославилась в Лондоне. Добронравную женщину епископ Винчестерский представлял себе безропотной и покорной — такой, какова была третья жена короля, чье единственное упущение заключалось в том, что она умерла родами и оставила короля одного, сделав его беззащитным перед чарами более воинственных женщин. Гардинеру пришлось не по душе и новая королева. Не любил он и своей крестной дочери, острой на язык герцогини Суффолкской. Теперь он невзлюбил Прекрасную Проповедницу. Это все новая религия, — думал он с горечью, — плодит подобных дамочек. Он гневно писал

некому протестанту: «Вы предоставляете женщинам смелость и свободу толковать на всякий лад даже самое Слово Божие». Но королева и герцогиня были пока слишком могущественны, чтобы воспрепятствовать их «баловству» с религиозными реформами, зато эта надменная проповедница — совсем иное дело. Вне сомнения, соглядатаи Гардинера донесли ему о связи Анны с Кэтрин Уиллоуби, а связь с Кэтрин Уиллоуби была и связью с Катариной Парр. Если епископу удастся обернуть дело так, чтобы порочащая тень пала на королеву, — как знать, быть может, ему выпадет честь подыскать для короля седьмую жену.

Подручных он подобрал и вышколил на славу. Верховодил лорд-канцлер Томас Райотсли. Райотсли, человек на редкость беспринципный, был готов охотиться на католиков и на протестантов, на консерваторов и на радикалов, в зависимости от того, куда дул политический ветер. По словам Джорджа Блэгга, Райотсли использовал «навет, клевету, коварство, лесть», дабы позволить жестокости «змей виться, к вершине взлезть». Оба слали шпионов вести слежку за Анной и разнюхивать, каковы ее связи с Катариной Парр и ее окружением.

Насколько сильны были эти связи, нам неизвестно. Безусловно, Анне удалось проложить путь ко двору и, по крайней мере, увидеть — пусть издали — своего кумира — короля. Благодаря знакомствам с герцогиней и с Ласелем, у нее имелся некоторый доступ к внешним придворным кругам, а однажды, как об этом говорилось в одном ее позднем стихотворении, она лицезрела Генриха, восседающего на королевском троне.

В июне 1545 года ее и двух ее сотоварищей по религии схватили по обвинению в ереси, но за неимением свидетелей обвинения пришлось снять.

В канун Рождества, когда Генрих выступил с обращением к парламенту, Анна находилась в Лондоне и благополучно проповедовала. Речь короля, этот шедевр лицемерия, взывала к христианскому милосердию, братской любви и окончанию религиозных распрей. «Каковы же ныне любовь и милосердие меж вами, коли один клеймит другого папистом и анабаптистом, а тот честит его в ответ папистом, лицемером и фарисеем? Таковы ли знаки братской любви меж вами?»

Речь эта едва ли могла пробудить доверие в слушателях, ибо исходила от человека, чья приверженность братской любви заставила его казнить во множестве папистов и еретиков, а к ним в придачу жен, друзей, вельмож и сановников. Но Генрих снимал с себя ответственность за религиозные раздоры, вина взамен духовенство: ведь «они разглагольствуют наперекор друг другу и толкуют все вразнобой». Поразглагольствовав еще немного о любви и милосердии, он добрался наконец до главного: любой, кому известно что-либо о священнике, проповедовавшем «лживое учение», обязан донести об оном королевскому совету, мирянам же не дозволялось более «вести споры и превращать Писание в оружие, хулой и насмешками разящее священников с проповедниками». Затем Генрих вновь вернулся к медоточивым увещаниям к слушателям, дабы те возлюбили друг друга, но основная посылка не ускользнула от них: шпионьте за еретиками и доносите на них совету. Им надлежало искоренять ересь, преисполнившись христианского духа, а если христианская любовь нуждалась в закалке, так на то и существуют пытки.

В начале 1546 года прошение Анны о разводе попало в суд на рассмотрение лорда-канцлера. Но хотя она питала уверенность, что в Лондоне обязательно выиграет дело, этого не произошло. Ее иск отвергли, а ей самой велели возвращаться к мужу.

Она и не помыслила повиноваться. 10 марта 1546 года Анну вновь схватили по обвинению в ереси. На сей раз ее допрашивали перед «дознанием». Это было нечто вроде заседания присяжных, обязанностью коих было заключить, подлинно ли арестованный повинен в ереси, и если это так, то передать его дело для дальнейшего рассмотрения в вышестоящую судебную инстанцию.

В помещение суда битком набились сторонники Анны, и ее гонителям пришлось нелегко. Для начала, хоть они и призвали на подмогу доктора Джона Стэндиша, епископского канцлера, вскоре стало ясно, что никто не знает Библию лучше, чем Анна. Стэндиш начал обвинение с того, что, дескать, она нарушила завет апостола Павла, запрещавшего женщинам толковать Слово Божие. Вовсе нет, — отвечала она, — Павел говорил лишь, что женщинам не

следует проповедовать в собраниях верующих. А разве когда-нибудь Стэндиш видел ее за церковной кафедрой? Нет, признался он, никогда не видел, чтобы женщина проповедовала с кафедры. Ну что ж, упрекнула она его, тогда и «несзачем придираются к несчастным женщинам», коли они не преступали закона.

Анна еще некоторое время обыгрывала тему «несчастливых женщин», упиваясь иронией. Когда ее одернули за уход от прямого ответа, она заявила, что «всего лишь женщина» и не сведуща во всех этих строгих правилах. Так и не добившись от нее ответа, верит ли она в пресуществление, они спросили, почему она столь немногословна. Прекрасная Проповедница ответствовала: «Рек царь Соломон, что неболтливая женщина — дар Божий». Доктор Стэндиш, пытаясь выманить у нее какое-нибудь еретическое заявление, попросил ее объяснить один из текстов апостола Павла. Но скромница лишь потупилась. «Противно учению Святого Павла было бы мне, женщине, толковать Писание, особенно когда кругом столько мудрых мужей».

Мудрые мужи остались в замешательстве и недоумении. Едва ли они могли винить Анну за таковую женскую скромность, но они понимали, что над ними просто смеются. Они вновь бросили ее в темницу, решив возобновить слушания через две недели, когда допрашивать ее прибудет сам Эдмунд Боннер, епископ Лондонский, матерый охотник за еретиками. Но Боннер преуспел не больше, чем его коллеги. На все его вопросы она просто отвечала, что верит в Писание, и отказывалась от уточнений. В конце концов измаявшийся епископ освободил ее, и Анна вернулась к брату в Линкольн.

Анна, видимо, смирилась с жизнью в Линкольне. Как бы ни скучала она по Лондону, здесь все-таки был ее брат, разделявший ее верования, а она могла в тишине и покое читать Писание. Прекрасная Проповедница распрошталась с прошлым, но лелеяла воспоминания о нем в этой захолустной, но протестантской гавани.

Она не подумала о том, что мстительный Гардинер захочет продолжить свою травлю. Кольцо облавы окружило друзей и сотоварищей по религии — Латимера, Шэкстона, Кроума и весельчака сэра Джорджа Блэгга, придворного

Генриха (чья полнота заслужила ему снисходительное королевское прозвище «моя свинка»). Все они были арестованы по подозрению в ереси.

Вернувшись не к Томасу Кайму, а к брату, Анна тем самым предоставила Гардинеру мощное оружие против себя. Ее вызвали в Лондон и приказали возвращаться к мужу. Снова Анну допрашивали о ее религиозных воззрениях, на сей раз — члены королевского совета. Одним из них был брат Катарины Парр Уильям, какового, наряду с другими сторонниками протестантизма, Анна выбрала за то, что он рассуждает «наперекор своему знанию». Она еще недвусмысленно выразила свое презрение к Гардинеру. Он поднимал стяг королевского верховенства, он отъездался на монастырских угодьях, — и нате-ка, до сих пор исповедует почти папистское богословие! Она высмеяла его, спросив, «сколь долго еще будет он медлить, пасясь из обеих кормушек».

Анна более не уклонялась от признания собственной веры. В пресуществлении она усматривала лишь шутку. Разумеется, Иисус говорил, что он — хлеб евхаристии. Говорил также, что он — врата ко спасению, но означает ли это, что он присутствует в каждой вратах, которые вздумается благословить священнику? Анна заигрывала со смертью, и 18 июня ее приговорили к публичной казни.

В ожидании казни ее отправили в лондонский Тауэр. И там произошло нечто до крайности необычное. К Анне явились королевские советники — Ричард Рич и подлый приспешник Гардинера Райотсли — и принялись расспрашивать про ее «секту». Входили ли в нее какие-нибудь фрейлины королевы? Может быть, герцогиня Суффолкская или леди Сассекс, или леди Хертфорд, или леди Денни? Анна только пожимала плечами. Она знать не знала об этих дамах и их верованиях. Но королю, — твердили «гости», — было доложено иное. Она с горечью отвечала, что королю всегда лгали о многих вещах. Она продолжала отрицать знакомство с фрейлинами королевы, и тогда ее подвергли пытке.

Комендант Тауэра Энтони Невет пришел в ужас. Ведь пытки применялись для того, чтобы исторгнуть признание, а эту женщину *уже* осудили на смерть. К тому же в

отношении знатной дамы они не допускались. На первые повороты дыбы ответом было гробовое молчание, и он отказался продолжать. Тогда Рич и Райотели закатали рукава и сами взялись вертеть колесо. Невет помчался ко двору, пробился на аудиенцию к Генриху и, бросившись на колени, поведал королю о том, что происходит. Он хотел знать: неужели эту женщину истязают по воле Его Величества? Поскольку Генриха прилюдно приперли к стенке, ему ничего не оставалось, как только изобразить неведение и ужас. Он поблагодарил Невета и приказал прекратить пытку.

Весть эта успела просочиться в народ, вызвав изумление и ярость. Купец Отуэлл Джонсон писал: «Анну истязали после оглашения приговора (так гласит молва), а сие есть вещь непотребная, по моему разумению. Да будет Господь милостив ко всем нам».

Пытка настолько изнурила Анну, что она едва ступала, но решимость ее не сломили. В ожидании казни она описала свои аресты, допросы и пытку, а затем передала этот отчет служанке. После ее гибели служанка, о которой неизвестно ничего, кроме ее верности и отваги, вручила манускрипт неким немецким купцам-протестантам, а те переправили его епископу Бейлу — фанатичному протестанту, находившемуся в изгнании. Тот опубликовал это сочинение и передал его своему другу Джону Фоксу, включившему его в более подробное описание жизни и казни Анны.

Анна была не в состоянии сама дойти до места казни, и ее пришлось нести к столбу на стуле. Ее казнили вместе с тремя мужчинами, среди которых находился ее старый друг и наставник Джон Ласель. Вокруг них уже набросали порядочно хвороста, когда, продираясь сквозь толпу, явился Райотели и предложил всем четверым помилование, если они отрекутся. Анна ответила за всех, выкрикнув, что «не за тем она сюда явилась, чтобы отречься от Господа Моего и Учителя!» Запылал факел, и четверых настигла быстрая смерть благодаря пороху, что некий друг украдкой подбросил в пламя. Внезапно грянула гроза. Это лишь придало больше красок легенде, которой вскоре обросла смерть Прекрасной Проповедницы. Как заверял читателей Джон Страйп, церковный историк XVIII века, этот гром «казался людям гласом Божиим, или гласом ангельским».

☞ Анна Эскью умерла, не предав ни королеву, ни одну из ее дам. Как бы ни относилась Катарина Парр к Прекрасной Проповеднице, ей едва ли могло прийти по душе, чтобы молодую женщину постигла столь страшная гибель за веру, которой она сама сочувствовала. Вероятно, она даже выказала Генриху свой гнев и тем вызвала его гнев. Он начал подавать признаки недовольства. Ему не нравились ее растущие протестантские пристрастия. Поползли слухи, якобы Генрих замысливает развестись с ней и жениться на другой, — разумеется, тут же кивали на Анну Клевскую. Еще того смехотворнее были догадки, будто Генрих засматривается на Кэтрин Уиллоуби, чьи религиозные убеждения отличались пушей радикальностью, а язычок был острее, нежели у Катарин Парр. Слухи эти, пусть и раздутые немилосердно, все же отражали одну зловещую правду: Генрих более не был очарован Катарин Парр.

Стивен Гардинер сразу уяснил это. Епископ Винчестерский ревниво прислушивался к разговорам между королем и королевой, он внимательно следил за поведением Генриха по отношению к жене. И улыбался украдкой: Катарина сама подыгрывала ему. Как-то раз она имела смелость в присутствии Гардинера не согласиться с Генрихом касательно какого-то богословского вопроса. Генрих не проронил ни слова до тех пор, пока она не вышла из комнаты, а затем обернулся к епископу и пролаял: «Хорошенькое дело, когда бабы заделываются эдакими церковницами! А мне-то куда как сладко, что на старости лет меня жена поучает!»

Так подвернулась возможность, которой Гардинер давно дожидался, и он с радостью за нее ухватился. Для начала он усладил слух Генриха медоточивой лестью, на которую оказалась скупа Катарина. Генрих, мол, сущий гений, «парящий не токмо над князьями сего века и прошлых, но даже над ученейшими знатоками божественных материй». А раз так, то «негожее это дело, чтобы кто-либо из подданных королевских оспаривал его с дерзостью толикой, как ныне то изволила содеять королева». Ведь слова, добавил он зловеще, ведут к делам, а посему Генриху грозит опасность.

Генрих кивнул. Но где ему искать защиты? У епископа было наготове предложение. Почему бы не подписать ордер на арест королевы? Коли ее препроводят в Тауэр и допросят, им удастся выяснить размах ее еретической деятельнос-

ти. И король, еще недавно непреклонно устремлявший помыслы на вдову Латимер, ныне с живостью согласился на ее арест.

Такой ордер был составлен, но каким-то образом по дороге к епископу попал в руки одной из фрейлин Катарини. Фокс назвал это счастливым совпадением. Некоторые современные биографы высказывают предположение, что это было подстроено самим Генрихом, ведшим двойную игру. Более правдоподобно, что это было делом рук какого-нибудь сторонника Катарини из числа королевских приближенных — или Блэгга, или брата королевы Уильяма, или ее зятя Уильяма Герберта, или ее друга Энтони Денни.

Так или иначе, ордер попал в руки Катарине, и она прочла его. Действовала она стремительно. Первым делом позаботилась о том, чтобы бумага вернулась туда, где ее обнаружили, — никто не должен заподозрить, что она видела ее. Затем королева ударилась в истерику. Ее покои располагались по соседству с покоями короля, и он прекрасно слышал ее крики. Генрих, то ли встревожившись за ее здоровье, то ли просто наскуча шумом, послал к ней своего лекаря. Доктор Томас Венди любил королеву и, пусть неявно, разделял ее верования. Он известил Генриха, что Катарину тяжело поразил некий душевный недуг.

Генрих был настолько озабочен, что явился навестить ее и осведомился о причине ее несчастья. Она отвечала, что знает о его недовольстве ею и что сознание этого недовольства ввергло ее в такую скорбь и вызвало дурноту.

Такой ответ пришелся Генриху по нраву, и он заверил, что любит ее как прежде и что, собственно, намеревался зайти к ней и посоветоваться касательно некоторых богословских вопросов, давно уже тревоживших его.

Катарина живо возразила: да как же может она, «несчастливая, неразумная женщина, во всех отношениях уступающая по природе своей» Генриху, наставлять его в религиозных делах!

Да, но ведь совсем недавно она наставляла его, напомнил ей Генрих. Не далее как вчера она спорила с ним именно о религии.

Ах, она вовсе не спорила взаправду, заверила его Катарина. Она лишь делала вид, что не соглашается с ним, потому что знала, как мучит его больная нога, и просто

хотела отвлечь его мысли от этой несносной боли. Столь же ловко она привела и другой мотив. Если бы она действительно разошлась с ним во мнениях, он бы изложил ей собственные доводы, и она «приняла бы их к вящему своему разумению». Разумеется, Генриху показалось, что воссозданная Катариной картина превосходно отражает подлинное положение вещей. Он от души расцеловал ее и заявил, что теперь они снова «добрые друзья».

На следующий день Генрих и Катарина беседовали наедине в дворцовых садах, как вдруг появился Райотсли со зловещим указом в руке. Генрих увидел документ и заерзал. А вдруг Катарина узнает, что он замышлял? Не успел канцлер и рта раскрыть, как Генрих уже орал на него. «Скотина! — выкрикивал он. — Бестолочь! Сволочь!» Райотсли поспешно ретировался, а тем временем Катарина смотрела на мужа, и лицо ее светилось женским состраданием. Что бы ни натворил этот Райотсли, так разгневавший Генриха, она умоляла, ради нее самой, простить несчастного, ибо, несомненно, он хотел только добра. «Ах, душенька, — вздохнул Генрих, — вовек не знать тебе, сколь недостоин он этой милости от тебя».

Катарина вышла из игры победительницей, но лишь из этого кона. После этого случая она держала собственное мнение при себе. И это молчание было ей нестерпимо. Ведь она вышла за короля потому, что он некогда избавил Англию от папского ярма, но ей так и не удалось направить его на более праведную стезю. Их супружеская жизнь началась с того, что Генрих казнил людей, чья вера была отчасти созвучна ее вере. Потом сжег Прекрасную Проповедницу. Теперь же он угрожал самой Катарине Парр. Пока он жив, ей придется страшиться за свою жизнь.

К счастью для нее, Генриху уже недолго оставалось. В сентябре он слег с тяжелой простудой. Затем поправился, но в декабре его сразила лихорадка. Он снова излечился, но силы покинули его. Испанский посланник доносил, что следующая лихорадка, пожалуй, убьет короля.

Приближался конец года, и Генриху становилось все хуже. Он заперся в опочивальне, допуская к себе только врачей, священников и нескольких советников. В хмурое утро 28 января 1547 года Генрих, вспившись в руку архиепископа Кранмера, скончался.

Всенародный траур был пышным и, возможно, искренним. Генриха и вправду многие любили. Каждый приход отслужил торжественную панихиду, всюду гудели колокола. Согласно воле короля, его захоронили подле любимой жены — Джейн Сеймур.

В завещании Генрих отдал щедрые распоряжения в отношении Катарины, но не счел нужным включить ее в состав совета шестнадцати, который должен был править страной до тех пор, пока девятилетний Эдуард VI не достигнет совершеннолетия. Да если бы он и включил ее в этот совет, это не имело бы никакого значения. Эдуард Сеймур, войдя в тихий сговор с двумя другими членами совета — Уильямом Пэджетом и Джоном Дадли, — спокойно и беспрепятственно присвоил себе титул протектора королевства, тем самым лишив регентский совет всякого значения. Сеймур решил, что до достижения Эдуардом зрелости он сам будет править Англией. Иными словами, он станет новым английским королем, лишь отказав себе в королевском названии. Вскоре он убедил совет титуловать его герцогом Сомерсетом.

Эдуард Сеймур был человеком тщеславным и угрюмым, но он действительно пекся о нуждах английского народа. Время от времени он проявлял подлинную человечность. Так, прежде чем о кончине Генриха было объявлено народу, он позаботился о том, чтобы отрядили вестника к Анне Клевской, любезной сестрице Генриха.

Катарина без лишнего шума покинула двор и перебралась в свой особняк в Челси. Там, если благоприятствовала погода, она блуждала по дивным садам над Темзой, упиваясь вольным и спасительным вдовством.

Затем ее посетил старый друг Томас Сеймур. Он был влюблен как прежде, да и человек, что стоял между ними, теперь мертв. Катарина решила не терять времени попусту. Три года назад их браку помешал король, теперь ему может помешать регентский совет. Ведь вдовствующая королева не имеет права выходить замуж без одобрения нового короля, а тем самым — без одобрения регентского совета. Как некогда сестра Генриха Мария, Катарина твердо решила, что после смерти нелюбимого мужа она непременно започнет любимого, прежде чем кто-нибудь успеет вмешаться.

Вероятно, Том Сеймур был всего лишь мелким опор-

тунистом (Джон Хейвард, писатель конца XVI века, отзывался о нем как о человеке, наделенном «изрядной отвагой, вежливым обхождением, ладной статью, внушительным голосом, но при этом несколько пустоватом»), но ему удалось чудесно преобразить некогда столь послушную Катарину. Если ей придется драться за мужчину, которого она так давно любит, она сможет и станет драться. Почему-то и Эдвард Сеймур, и его жена Энн Стэнхоуп, бывшая фрейлина Катаринины, яро воспротивились этому браку, хотя он ничем не угрожал их благополучию. Сомерсет вначале попросту уклонился от ответа. Он пообещал вкороности навесить Катарину и обсудить с ней этот вопрос. Но так и не явился. Катарина пришла в ярость. Ее нежное любовное послание Тому прервалось описанием вероломства его брата: обычай не держать данного слова, утверждала она, взялся у него от жены. «ибо она гораздо обещать друзьям непременно нанести визит, но никогда и не думает в действительности этого сделать». Совершенно очевидно, что между прежними подругами произошла некоторая размолвка.

И вдова, в юности слышавшая образцом добропорядочности, ныне ударилась в тайную интрижку. В самом тоне ее писем, где назначаются любовные свидания, чувствовался авантюрный дух, способный повергнуть поклонников мягкосердечной королевы в настоящий шок. Но она была женщиной благоразумной, и даже страсть ее протекала благоразумно. Втолковав Сеймуру, как и когда ему просочиться в особняк, оставшись незамеченным, она затем сообщала ему о своем желании стать его «смирненной, преданной и любящей женой» и излагала свои замыслы касательно того, как добиться от короля разрешения на их брак. И пусть протектор продолжал упорствовать, его брату надлежало «заручиться благосклонными письмами короля, а также помощью и поддержкой наиболее видных мужей из Совета».

Катарина выждала ровно столько, сколько того требовала практическая необходимость. В мае они тайно обвенчались, что засвидетельствовано в дневнике короля Эдуарда и в письме, которое отправил Сеймур Катарине, покуда сам остается с ее сестрой и зятем — лордом и леди Гербертами. Герберты попрекнули его ночными визитами к Катарине, но затем признались, что им известна правда и что они ей

весьма рады. Позднее Сеймура обвиняли в том, что он женился на королеве, едва успел умереть Генрих, и та «столь скоро заделалась матерью, что можно заподозрить, уж не дитя ли это покойного короля». Обвинение это, естественно, нелепо. Свадьба состоялась по меньшей мере три месяца спустя после кончины Генриха. Катарина была влюблена по уши, но вовсе не глупа, и едва ли она рискнула бы ввергнуть свою страну в гражданскую войну, которая, безусловно, последовала бы, случись вдруг умереть малолетнему королю, если бы на ее сыне лежала тень королевского отцовства.

Молодожены скрывали факт своего супружества от приемных детей Катаринины, надеясь получить их одобрение и только потом сообщить им новость. Самым главным было завоевать согласие Эдуарда, ибо без него их брак могли признать недействительным. Действуя через слугу Джона Фаулера, Сеймур застенчиво попытался подтолкнуть самого племянника-короля к нужному решению. Фаулер сказал ему, что Сеймур всерьез подумывает о женитьбе. Нет ли у Эдуарда каких-либо соображений по поводу невесты? Сначала Эдуард предложил свою сестру Марию и Анну Клевскую, но эти кандидатуры были вежливо отвергнуты. Наконец мальчик клюнул на приманку: а как насчет его последней мачехи, Катаринины Парр? Сеймур был очарован таким предложением. Эдуард же настолько поверил, что идея принадлежала ему, что, узнав о согласии Катаринины выйти замуж за Сеймура, он написал ей, благодаря за «любезное приятие нашего замысла».

Зато старшая сестра Эдуарда реагировала совсем иначе. Сеймур умолял Марию помочь ему заручиться согласием регентского совета, но его ждал холодный отказ. Она не станет «вмешиваться в это», и весьма странна сама мысль его обратиться к ней, «памятуя о том, чьей женой была так недавно ее милость». Марию неприятно поразило, что Катарина способна «позабыть утрату того, кто столь жив в моей памяти», и попросила Елизавету поддержать ее. Однако ответ Елизаветы оказался политичен — в характерном духе Елизаветы. Разумеется, соглашалась она, поспешное новое замужество их мачехи возмутительно. Но что сделано, то сделано, и теперь лучше всего хранить молчание и попытаться пережить это.

На самом деле Елизавета пережила это достаточно легко. Она переехала вместе с Катариной в Челси и, должно быть, знала или догадывалась о тайных посещениях Сеймура. Она не меньше Марии любила и чттила отца, но она любила и Катарину и замечала — даже слишком, как оказалось, — знаки внимания Тома Сеймура. Она постарается умили-вить Марию, разделив ее неодобрение; но в то же время удержит это втайне от Катаринины, дабы не рассориться с ней. В какую же сторону склонялся в действительности ее ум? Кто знает. Она сизмальства поняла, как важно скрывать от остальных свои истинные чувства.

Сомерсет с женой встретили известие о браке довольно нелюбезно. Герцогиня отказалась впредь носить шлейф за вдовствующей королевой, поскольку Катарина, будучи женой младшего брата Сомерсета, стоит отныне на низшей социальной ступени, нежели она сама. Она нелепо настаивала на своем праве входить в любое помещение первой из всех дам: ранее такая привилегия принадлежала королеве, за которой должны были следовать дочери короля, а затем его сестры. Тем самым она вынуждала потесниться не только Катарину, но заодно Марию, Елизавету и Анну Клевскую. Подзуживаемый женой Сомерсет от имени совета отказался выдать Катарине драгоценности, завещанные ей Генрихом, заявив, будто они не находились в личной собственности короля, а принадлежали короне. Сомерсет также взял на себя вольность отдать одно из ее владений, Фостерн, какому-то своему другу, хотя Катарина явственно высказывала желание, чтобы этим местом ей можно было свободно распоряжаться.

Некогда столь кроткая Катарина теперь написала мужу, что, слава Богу, она находится в отдалении от протектора, а не то «она бы его искусила». Во всех подлостях протектора она винила его жену и, возможно, была права. Энн Стэнхоуп проявила особую мстительность по отношению к женщине, которой некогда служила. Передавали ее слова о том, что Генрих VIII женился на Катарине, «уже впад в детство, когда он опустил до такой похоти и жестокости, что ни одна дама, коя дорожила бы своей честью, не польстилась бы на него». Сколь ни прискорбно, две умнейшие и прогрессивнейшие женщины Англии стали отныне заклятыми врагами.

Но Катарина упивалась своим счастьем. Даже ярость, мелькавшая в ее письмах, указывала на полноту чувств. Она целиком погрузилась в стихию любовной страсти. Кроме того, теперь никто не мешал ей открыто исповедовать свою веру. Она могла смело разделять эту религиозную радость с другими, в особенности с одним человеком. Пусть ее смертельным врагом оказалась одна из двух английских герцогинь, зато вторая была ее лучшим другом. Кэтрин Уиллоуби по-прежнему дарила ее теплом своего расположения.

Катарина продолжала проявлять материнскую заботу о потомстве Генриха, а именно о юной Елизавете и о семилетней Джейн Грей, кузине Елизаветы и внучке сестры Генриха Марии. Родители Джейн, люди жадные и порочные, только обрадовались, когда Сеймур предложил, чтобы их дочь переехала в его новый дом. Он явно надеялся устроить брак между этой девочкой и ее кузеном, королем Эдуардом: в результате такого брака он вытеснит своего брата и сам окажется наиболее влиятельной фигурой возле трона. Из этого замысла так ничего и не вышло, зато Джейн провела в доме Сеймуров несколько счастливых месяцев: ее не колотили, а всячески баловали и нежили.

Расцвела в новом окружении и Елизавета, однако этот расцвет был чреват опасностями. Отрочество ее было на исходе, и чары Тома Сеймура не могли остаться незамеченными. Сеймур, в свой черед, находил присутствие в своем доме миловидной юной принцессы чрезвычайно волнующим. Он принялся заигрывать с ней. Вначале флирт был весьма безобиден. Даже Катарина, сбросившая вместе с лишними годами и ненужную чопорность, иногда присоединялась к их озорным забавам. Порой Сеймур являлся к Елизавете в спальню, когда она еще не проснулась, отдергивал полог и желал ей доброго утра. Она застенчиво куталась в простыни. Но игра развивалась, и вскоре он уже осыпал ее поцелуями, к превеликому замешательству ее гувернантки Кэт Эшли. Но Эшли ничего не могла поделать, особенно когда утром вместе с Томом заявлялась Катарина, и оба принимались шекотать лежащую Елизавету. А как-то раз они все втроем скакали по саду, и Сеймур изрезал в мелкие кусочки платье Елизаветы. Катарина же, хохоча, не пускала ее.

Но однажды во время прогулки Катарина застигла своего мужа и принцессу в объятиях друг друга. Такое предательство разгневало и ранило ее. К тому же, в отличие от них самих, она понимала, что здесь начинается опасная территория. Елизавета занимает второе место в линии престолонаследия. Если ее добрачные шалости обернутся беременностью, Тому Сеймуру не миновать казни, а всем домочадцам, включая саму Катарину, придется кончить свои дни в Тауэре. Вдобавок, Елизавета лишится малейшей возможности наследовать трон и даже выгодно выйти замуж. Посему, нежно распрощавшись с Елизаветой, Катарина отослала ее к своим давним друзьям, сэру Энтони и Джоан Денни, где девушке было обеспечено доброе и почтительное обращение, а также прогрессивное религиозное влияние.

Некоторое время Катарина снова казалась счастливой. Она забеременела, и Том, как прежде, был преданным мужем. Когда у них родилась дочь, даже Сомерсет был тронут и в письме поздравил брата с тем, что он стал «отцом такой прелестной девочки».

Но за удачными родами последовала родильная горячка. В бреду она бранила мужа. «О мой господин, от вас слышала я много обидных насмешек», — кричала она. Сеймур, тотчас смекнув, что речь не о нем, улегся рядом и попытался успокоить ее, но все было напрасно. Вскоре она забылась сном, а потом, видимо, и не вспомнила своего яростного бреда. В завещании она оставляла все имущество Сеймуру, с любовью посетовав, что желала бы оставить ему в тысячу раз больше.

5 сентября женщина, которая была последней женой Генриха, скончалась. Но наследие его браков по-прежнему ощущалось: в веселом существовании его бывшей жены, превратившейся в сестру, Анны Клевской; в глубоком религиозном расколе страны; и наконец, в правлении его детей, которых подарили ему три разные жены, заплатив за это так дорого!

МАРИЯ I

Дочь Генриха и Екатерины Арагонской пережила все брачные перипетии отца, дабы воцариться — недолго и несчастливо.

И КОРОЛЬ, И КОРОЛЕВА

Династия Тюдоров началась с того, что одна тщеславная женщина вознамерилась во что бы то ни стало добыть власть для своего сына. А закончилась тем, что другая тщеславная женщина вознамерилась во что бы то ни стало добыть власть для себя. Генрих VIII с вереницей своих жен «уместился» между этими женщинами.

Каждая из этих жен по-своему повлияла на спокойную и задумчивую девушку, ныне слегшую с недугом и оплакивавшую смерть последней мачехи, Катарина Парр. Елизавета Тюдор, которую поразил один из приступов нервной болезни, преследовавшей ее в ранней юности, искренне любила эту женщину. Катарине больше, чем другим, удалось окружить падчерицу материнской лаской и заботой, которой Елизавете столь явно не хватало. Елизавета злилась на себя за флирт с Томом Сеймуром, а на него злилась настолько, что даже не послала ему письмо с соболезнованиями. Отныне ее общение с ним ограничивалось деловыми письмами относительно имущества, хотя он-то вроде бы даже делсял некие скороспелые надежды на брак с ней.

В правление Эдуарда процветал протестантизм, который так приветствовала Катарина Парр и который несколько неохотно поддерживала Елизавета. Теперь, когда не было Генриха с его шатаниями из стороны в сторону, англиканская церковь стала целиком реформистской. За девятилетним королем приемотривал его дядя, властолюбивый Эдвард Сеймур, герцог Сомерсет, а также союзник Сомерсета, еще более властолюбивый Джон Дадли, в скором времени сделавшийся графом Нортумберлендом. На религиозные пред-

ставления мальчика во многом успела повлиять Катарина Парр, но он не унаследовал ее природной склонности к мягкосердечной терпимости. Его собственной религией стал резкий, непримиримый протестантизм, тщательно насаждавшийся его дядей, а затем и Нортумберлендом.

Елизавета, как и Эдуард, была протестанткой: сами обстоятельства ее рождения неизбежно к этому вели. Она уже завела привычку создавать желаемый образ, эта привычка сослужит ей верную службу во все годы ее собственного долгого царствования. Она знала, что молва до сих пор опасным образом связывает ее имя с именем Томаса Сеймура. Освободившись от чар Сеймура, она понимала, что его тщеславие, случись кому-нибудь связаться с ним, до добра не доведет. Отныне она избрала себе новый образ — трезвомыслящего и благочестивого целомудрия. И если ее прежние проказы с Сеймуром наводили на мысль об иных чертах ее нрава, то теперь и ее одесания, и поведение на людях представляли ее в лучшем свете в глазах брата и всего английского народа. Эдуард прозвал ее своей «милой сестрицей Воздержанностью», одобряя скромность и простоту безыскусных нарядов.

Внешне казалось, что Елизавета более удачливая из двух сестер, ибо католицизм Марии — не менее ревностный, чем протестантизм Эдуарда, — зачастую приводил ее к стычкам с братом и с регентским советом. Протектор позволил Марии слушать католическую мессу в ее собственной домашней церкви, но втайне, и принцесса возмущалась такими ограничениями, находя их мерзостными и греховными.

Но и у Елизаветы не все шло гладко. Правление короля-ребенка неизбежно влекло за собой злоупотребления властью беспринципного регента. Эпоха Ричарда III, коварно похитившего престол у юного племянника, еще не ушла в далекое прошлое. Над Эдуардом и над теми, кто стояли за ним в линии наследования, незримо висел дамоклов меч. Безопасности Елизаветы угрожали и выходки Сеймура. Но наряду с протестантской верой, которая в данный момент находилась в фаворе, у Елизаветы имелось еще одно важное преимущество перед Марией: она *никогда* не знала счастья. Неспособность Марии смириться с жалкой участью происходила из ее радостных детских воспоминаний. С того

самого часа, как на сцене появилась Анна Болейн, Мария неустанно вспоминала, какой была жизнь до того, как ее мать оказалась отверженной, до того, как произошел разрыв с Римом, когда она была принцессой-златовлаской, купавшейся в лучах отцовской любви и любви всей Англии. Всю оставшуюся жизнь Мария будет отчаянно и бесплодно бороться за возвращение тех счастливых дней.

Елизавета же никогда не была такой принцессой-златовлаской. Она была нежеланной дочерью, причиной материнской гибели, и не выдалось ей такой поры, когда бы она не ведала страха, отчуждения, унижения. С самого рождения усвоила она горькое правило: чтобы выжить, надлежит притворяться, прятать свои подлинные чувства, наблюдать и изучать чужие поступки. Такое мрачное наследие наделило ее способностью хорошо ориентироваться в любом окружении, чего всегда так недоставало Марии. Нежная интеллюдья, так резко оборвавшаяся в доме Катарины Парр, когда Елизавета едва начала осознавать свои чувственные порывы и отдаваться им, лишь укрепила ту недоверчивость, которой она научилась сызмальства.

Теперь Елизавете требовалось собрать все свои силы. Сеймур вязался в губительнейшую и нелепейшую карьерную игру, не делавшую чести его и без того невеликому уму. Не удовольствовавшись званием лорда-верховного адмирала, доставшимся ему вскоре после смерти Генриха, он возроптал на то, что брат его занимает высочайшее место в совете, видимо не осознавая, что лишь особое политическое положение сделало это возможным. Глубокой ночью 18 января 1549 года с кучкой сообщников он прокрался в опочивальню короля, намереваясь похитить мальчика и провозгласить новым лордом-протектором Томаса Сеймура. На незваных гостей залаял маленький спаниель Эдуарда. Запаниковав, Сеймур выхватил меч и убил собаку. На шум в королевскую спальню примчался стражник и увидел, как Эдуард в изумлении взирает надохлого пса и на окровавленный меч в руках дяди. Сеймура схватили за измену и бросили в Тауэр.

К несчастью для Елизаветы, поползли слухи о прежних шашнях Сеймура. Нортумберленд, состоявший в регентском совете и прикидывавшийся другом Сомерсета, увидел воз-

возможность очернить протектора и в то же время подрезать крылышки этой слишком умненькой девушке, представлявшей угрозу его собственным замыслам захватить власть над Англией. Нескольких челядинцев Елизаветы арестовали, а ее саму вызвали в суд, дабы предстать перед обвинением в том, будто бы она беременна от Сеймура. Она с негодованием отвергла обвинение, наотрез отрицала подобные проступки и выказала явное безразличие к участи человека, которым некогда была столь увлечена. Говорят, что, узнав о его казни, она холодно отвечала: «Сегодня умер человек большого остроумия и скудного суждения». Ученые немало копий сломали, споря о подлинности этого высказывания (один, например, утверждал, что она слишком хорошо знала Сеймура, чтобы приписывать ему большое остроумие), но никто не спорил с тем, что она проявила крайнее равнодушие. Если она и горевала, то горевала в одиночку.

Сейчас, как и всегда, принцессу тревожил только один вопрос: как уцелеть. Ей нужно худо-бедно пережить годы протектората, пока брат не повзрослеет и не начнет править самолично. Тогда она может быть уверена, что его расположение обеспечит ей безопасность.

А пока ее безопасности угрожал ряд других ужасных происшествий. Нортумберленд продвинулся еще на шаг в своем замысле опорочить бывшего друга Сомерсета. В конце 1549 года он возглавил переворот и свергнул протектора. Сомерсет был схвачен, обвинен в измене и лишен всякой власти. Протекторское место занял Джон Дадли, граф Нортумберленд. В течение двух лет Сомерсета перевозили из Тауэра в его поместье, из поместья в Тауэр, но прежней власти ему уже не досталось. В январе 1552 года его казнили.

Но Нортумберленд недолго упивался победой. В апреле 1552 года, четыре месяца спустя после казни Сомерсета, король Эдуард занемог. За месяц он поправился и казался вполне здоровым. Только Нортумберленд почуял, что выздоровление это обманчиво. За непонятным недугом явно должны были последовать признаки ухудшения. Если мальчик умрет, королевой станет его сестра Мария. С Марией Нортумберленд обращался еще хуже, чем ранее Сомерсет, и едва ли в таком случае мог надеяться сохранить прежнее

влияние в царствование монархини-католички, уже миновавшей полдень жизни.

А Генрих даже из могилы продолжал чинить пакости тем женщинам, которых не жаловал при жизни. В завещании он восстановил дочерей в линии престолонаследия, однако ни словом не обмолвился об их законности, так что официально они продолжали считаться незаконнорожденными и, как таковые, не имели права легально притязать на трон.

Прежде чем указать на сие недоразумение недужному юному королю, Нортумберленду следовало взять под надзор девушку, стоявшую в линии наследования вслед за принцессами. — внучатую племянницу Генриха леди Джейн Грей, которой теперь исполнилось пятнадцать лет. Он подкатился к ее родителям и предложил своего сына в женихи их дочери. Он обещал позаботиться о престолонаследии, если они согласятся вместе с ним «приглядывать за троном», когда Джейн станет королевой. 21 мая 1553 года Джейн Грей вышла замуж за Гилдфорда Дадли. Она не желала этого брака, но родители побоями заставили ее подчиниться.

Только после этого Нортумберленд обратился к Эдуарду и быстро убедил ослабленного болезнью, но по-прежнему ревностного мальчика, что, если допустить до трона католичку Марию, она разрушит все здание Реформации. Какие доводы он привел, дабы Эдуард отлучил от наследования свою «милую сестрицу Воздержанность», нам неизвестно. Так или иначе, его ухищрения возымели успех. Эдуард составил новое завещание, коим наследницей престола провозглашалась Джейн. А затем, 6 июля, в окруженном прекрасными садами Гринвичском дворце, король обрел вечный покой.

Утром 10 июля Джейн Грей, влачившую в постылом замужестве злосчастную участь, буквально вытащили из постели и объявили, что кузен ее скончался и отныне она — королева. Если Нортумберленд и родители Джейн ожидали, что сие ошеломительное известие будет встречено выражением радости, они жестоко просчитались. Политическая власть нимало не прельщала Джейн, она чтит подтвержденную завещанием Генриха линию наследования, согласно которой по старшинству очередь на трон принадлежала Марии. «Законная наследница — леди Мария, — отвечала

она, отшатнувшись. — Корона не принадлежит мне по праву». Взбешенные родители уже не могли привычным способом вынудить ее к повиновению, ибо им едва ли пристало обрушиваться с тумаками на девушку, которую только что провозгласили своей королевой. Им оставалось лишь применить эмоциональное давление, втолковывая ей, как втолковывал Нортумберленд Эдуарду, что ее правление насущно необходимо для сохранения протестантской религии. И вновь до нас не дошло никаких упоминаний о Елизавете, хотя логически напрашивалось противопоставление между ее протестантизмом и суровым католицизмом Марии. Джейн в ее положении не приходилось спорить, к тому же она, вероятно, была слишком потрясена своими жизненными напастями, чтобы здраво рассуждать.

Мы не знаем, как откликнулась на эти события Елизавета. Если она сама желала быть королевой, то мудро молчала об этом. Она почувствовала, что находится в опасности еще до того, как ей объявили о кончине брата. Когда король лежал при смерти, Нортумберленд отправил обеим сестрам приказ явиться к одру больного. Должно быть, сестринская забота побуждала ее тотчас высзжать, но осторожность одержала верх. Если ее брат уже умер или умрет, то, приехав во дворец, она окажется всецело во власти своего беспринципного опекуна. Она сама сказала нездоровой и пообещала прибыть, как только почувствует в себе достаточно сил.

Более доверчивая Мария получила такую же «повестку» и выехала в Гринвич. По дороге ей повстречался таинственный вестник, предостерегший ее и посоветовавший возвращаться обратно. Она послушалась его, и тут же снарядила войско для защиты своего права на трон. За девять дней она со своими отрядами беспрепятственно добралась до Лондона. Запиравшегося узурпатора заточили в Тауэр, и дочь Екатерины Арагонской сделалась королевой Англии.

Зато дочь Анны Болейн оказалась теперь в щекотливом положении. Она стояла следующей в линии наследования и приходилась сводной сестрой королеве, фанатичной католичке, относившейся к ней с большим недоверием.

Поначалу между сестрами царило внешнее согласие. Елизавету призывали в Лондон воздать почести новой королеве, и та, изъявив радость, исполнила надлежащие церемонии.

Во время шествия в честь коронавания Марии она занимала место в одном экипаже с их почтенной тетусшкой Анной Клевской.

Обе сестры понимали, что чествование людей, столпившихся по пути их следования, относятся к Елизавете в той же степени, что и к самой Марии. Испанский посланник Симон Ренар с тревогой отмечал любовь английского народа к юной принцессе. Мария доверяла Ренару, как некогда доверяла Эсташу Шапюи, не осознавая, что галантность старого посла сменилась отстраненным цинизмом нового. Его интересами были интересы Испании, а Марию с ее сентиментальной привязанностью к материнской родине он с некоторым презрением рассматривал лишь как полезное орудие.

Ренар увидел ахиллесову пяту Марии и беспощадно воспользовался своим открытием. Ей было тридцать семь лет. Ее красоту давно унесли годы, болезни и жизненные удары. Вместе с тем она была немного не от мира сего и отличалась крайней неискушенностью. Это было незавидное сочетание. Королева осталась по-детски наивна, но утратила детскую свежесть; она состарилась, но не обрела опыта взрослой женщины. Она не умела скрывать своих чувств, как умеют это делать пожившие люди; мало того — она даже не осознавала этих чувств. Но ее ранимость представлялась скорее жалостной, нежели соблазнительной.

В отличие от самой Марии, Ренар догадался, что она живет с постоянно подавляемыми чувственными страстями, и если их умело разжечь, вооружившись языком религии, то королевой можно будет помыкать. Он вознамерился выдать ее замуж за Филиппа, сына Карла V и наследника испанского престола. Он принялся расписывать ей великие добродетели и благочестие Филиппа и велел прислать из Испании портрет прекрасного принца. Любуясь на картину, слушая сладкие речи посланника, Мария влюбилась в принца, поверив, что он избавит ее от угрюмого одиночества и поможет восстановить мир таким, каким он был до того, как явилась злая королева-колдунья и разрушила его.

Невинность королевы забавляла и поражала Ренара. Однажды он застал ее в слезах перед заветным портретом. Она не может выйти замуж за Филиппа, прорыдала она: ей

довелось узнать о нем нечто ужасное. Оторопевший Ренар спросил, что же именно. «У него есть любовница!» — воскликнула она.

Посланник вытарашил глаза. Как-никак, Филиппу двадцать семь лет, он вдовец, он мужчина. Неужели она вправду полагала... Совершенно очевидно, что да. Ренар поспешил заверить ее, что Филипп чист аки агнец, что все это происки сретиков, порочащих его злобными наветами. Поверив, королева вновь вернулась к мысли о замужестве.

Правда, сообщил Ренар, имеются два препятствия. Во-первых, до сих пор жива Джейн Грей, которая, волею неволей, остается средоточием вероятных попыток свергнуть нынешнюю королеву. Мария коротко отказалась казнить кузину.

Во-вторых, существует загвоздка с Елизаветой. Ведь она протестантка и сретичка. С эти Мария охотно согласилась. Она убеждена, что, если только предоставить английскому народу возможность, он оставит сретические заблуждения и вернется к истинной вере, вере ее матери, вере Англии в ту пору, когда была она счастливой и благополучной страной. И если Елизавета — добрая христианка, она тоже непременно вернется к истинной вере.

И Мария обратилась к сестре. Отчего бы Елизавете не пойти на мессу вместе с Марией? Елизавета попыталась увильнуть. Как же она пойдет с ней на мессу, если не разделяет верований Марии? Быть может, Мария попробует вразумить ее? Мария согласилась. Елизавета отправилась слушать мессу, принялась читать благочестивые книжки, которыми снабдила ее сестра, и разыграла обращение.

Мария — небеспочвенно — сохраняла прежнюю недоверчивость, но внешне они ладили между собой до тех пор, пока в январе следующего года не поднялся мятеж, имевший своей целью низложить Марию и посадить на трон Елизавету. Его зачинщиком стал сэр Томас Уайет Младший, чей отец некогда посвящал стихи матери Елизаветы. Другим застрельщиком был безмозглый Генри Грей, герцог Суффолк, с чего-то вбивший себе в голову, что сможет вернуть престол своей дочери Джейн. Но мятеж быстро подавили, а его заводил казнили.

Елизавете было понятно обхождение сестры с презрен-

ным Генри Греем. Но его дочь — совсем иное дело! Марии было хорошо известно, что она всего лишь невинная пешка в руках своих родителей. Но советники королевы настаивали на том, что во имя безопасности страны девушка должна умереть, а Ренар твердо стоял на том, что Филипп и не подумает приехать в Англию, пока жива Джейн Грей. Влюбленность и отчаяние одиночества взяли верх над состраданием и благоразумием. 12 февраля 1554 года Джейн Грей была казнена.

Елизавета горевала об участи юной кузины, но пуше того опасалась за свою. Перед казнью Уайет под пыткой отрицал причастность Елизаветы к заговору. Отрицание самой Елизаветы сопровождалось выражениями ярости и презрения к злосчастному Уайету. Но Мария не поверила обоим, и Елизавету взяли под стражу. Хлестал колющий дождь, когда ее посадили в лодку и повезли через Изменнические Ворота в Тауэр. Девуцу охватил страх, усилившийся еще и оттого, что ей не позволили переговорить с сестрой. Допрашивал ее Гардинер, а Гардинер, как она была убеждена, хотел ее смерти. Елизавета нисколько не сомневалась, что ее спасет расположение самой Марии, только бы ей поговорить с ней лично. Она написала Марии, умоляя об аудиенции. «Слыхала я слова лорда Сомерсета о том, что, коли дозволили бы брату его поговорить с ним, он не понес бы столь страшной кары», — напомнила она.

Мария оставалась непоколебима. Елизавета томилась в Тауэре, размышляя о других женщинах, которых ввергали сюда лишь в преддверии казни, — о Джейн, что находилась здесь еще несколько недель назад; о Кэтрин Говард; о Маргарет Поул, графине Солсберийской. И конечно же, об Анне Болейн. Предаваясь мрачным раздумьям в сырой камере Тауэра, Елизавета совсем было отчаялась в милосердии сестры: ей то и дело являлся угрюмый призрак матери. Согревала одна-единственная надежда: возможно, Мария последует примеру отца, совершившего последнюю уступку женщине, которую он обожал, а затем уничтожил. Елизавета решила, что когда пробьет ее час, она упросит Марию послать за палачом-французом с легким мечом.

Но сколь бы Мария ни ненавидела сестру, она понимала, что казнь Елизаветы может привести к гражданской

войне. Народ любил Елизавету, и даже Гардинер с сожалением признавал, что убийство девушки дорого им обойдется. Приводить же ее в суд, где сама ее юность и всенародная любовь неизбежно вызовут смуту, тоже было бы ошибкой. Вместо этого решили отправить ее в Вудстокский дворец, что в Оксфордшире, под присмотр сурового сэра Генри Бедингфилда. Согласно распоряжению Марии, ей отвели четыре комнаты в привратничкой сторожке — отнюдь не царские палаты, каких могла бы ожидать принцесса крови. Ей позволялось гулять по фруктовым садам, но непременно в сопровождении дам, приставленных к ее особе самой королевой. Когда одна из этих дам вдруг искренне привязалась к принцессе, ее тут же отослали прочь.

Что ни день, Елизавета узнавала о гибели еретиков от рук ее некогда кроткой сестрицы. В октябре 1555 года были публично сожжены Гуго Латимер и Николас Ридли. В марте 1556 года за ними отправился архиепископ Кранмер, старинный друг Анны Болейн. Остальной «улов» был «помельче». С угрюмой верностью гнувший спину на королевую католичку Уильям Сесил, питавший сочувствие к протестантам, заметил, что в 1556 году было сожжено восемьдесят человек, «среди коих было много юных девиц»; в следующем году — сорок четыре мужчины и двадцать женщин. Взбреди Марии в голову, что ее сестра не какая-то там изменница, а еретичка. — Елизавете пришлось бы страшиться не только палаческой неловкости. Она оставалась узницей и не могла, подобно Кэтрин Уиллоуби, тайком бежать из страны, не дожидаясь нападения королевы.

И вдруг, по велению неведомого союзника, Елизавета вновь оказалась при дворе. То был Филипп Испанский, явившийся в Англию, исполнителем женившийся на женщине, которую в тесном кругу звал своей «любимой тетушкой», и быстро прознавший о народной любви к новообретенной своячнице. Мария была беременна — так, во всяком случае, полагали молодые. Если она родит здорового сына, то Филипп может считать, что его дело сделано, и затем постепенно установить над Англией надзор Испании. Но королева была далеко не юна и не очень здорова: вполне вероятно, у нее случится выкидыш и она умрет. Тогда оставались две возможные претендентки на престол — про-

тестантка Елизавета и католичка — но при том француженка — Мария, королева Шотландская, внучка Маргариты Тюдор. В глазах испанского принца, французская кровь на королевском троне — худшая напасть, нежели еретический дух. Посему Филипп настоял, чтобы Мария освободила сестру и примирилась с ней. В течение нескольких месяцев Елизавета оставалась при дворе, а затем вернулась в Хэтфилд, но уже не пленницей, а всеми почитаемой принцессой и, хоть Мария не желала того признавать, наследницей престола.

Беременность Марии оказалась сушей фантазией — то ли это была так называемая истерическая беременность, то ли водянка, то ли вообще рак матки. Неожиданно Филипп обнаружил, что дела требуют его присутствия в Испании. В августе он уехал, поклявшись скоро вернуться.

Вернулся же он через несколько месяцев, в феврале 1557 года, но вовсе не для того, чтобы здесь оставаться. Испания снова встряла в войну с Францией, и императору нужна была помощь Англии. Мария не питала такого пристрастия к войнам, как ее отец, но была безнадежно влюблена в Филиппа и поэтому дала свое согласие. Ее совет принялся было возражать, но королева сломила его сопротивление.

Однако она не смогла сломить сопротивления сестры. Филипп вознамерился выдать ее замуж за своего кузена Филибера Савойского, марионетку в руках императора. Марии такая мысль пришлась по вкусу, так как она давно уже собиралась выдать ее за какого-нибудь знатного иностранца. Елизавете она пришлась совсем не по вкусу. Она твердила, что *ни за кого* не выйдет замуж. Мария, как и все остальные, приписала ее заперательство застенчивости, упрямству или девичьей скромности, но смирилась с железным отказом Елизаветы.

Исполнив свою основную задачу — заручившись союзником против Франции, — Филипп вновь отбыл в Испанию. Возможно, Мария поверила его обещаниям вернуться: ведь в мастерстве самообмана она зарекомендовала себя не хуже отца. К тому же она снова возомнила себя беременной, а Филипп уж непременно вернется, когда у них появится сын. Пока же Елизавета вышивала крошечные

распашонки для младенца, который вытеснит ее из очереди на престол.

Посреди всех этих событий Елизавета понесла еще одну утрату. Весной 1557 года Анна Клевская, жившая теперь в старом особняке Катарины Парр в Челси, заболела и умерла. Анна распорядилась своим уходом с тем же спокойным здравомыслием, с каким распорядилась всей своей жизнью. Она составила завещание, в котором позаботилась обо всех своих многочисленных слугах и друзьях. Оставила она и несколько любопытных посмертных даров. Марии она завещала «свою лучшую драгоценность», высказав просьбу, чтобы королева пеклась о ее слугах «в нынешнюю пору их крайней нужды». Елизавете она завещала свое второе по ценности дорогое украшение, а также просьбу принять к себе в услужение бывшую служанку Анны Дороти Керзон, «эту бедную девушку».

Вторая беременность Марии, как и первая, оказалась порождением ее изможденного ума и недужного тела. Осознав неспособность к зачатию, несчастная королева осознала и свою неспособность сохранить народную любовь. Война с Францией потерпела фиаско, стоившее британцам их последнего оплота на французской земле — портового города Кале. Теперь Мария поняла, что Филипп никогда не вернется: зачем ему больная жена, на которую ропщет весь народ? Ей больше не для чего было жить, и она слегла. Ранним утром 17 ноября 1558 года в окружении сладостных видений — поющие дети-херувимы в белоснежных одеждах, — «злосчастнейшая женщина в христианском мире» преставилась, приготовившись к воссоединению с Богом, которому она оставалась верна всю свою жизнь.

Елизавета находилась в Хэтфилде и стояла в парке возле дуба, когда совет старой королевы принес ей весть. Преклонив перед ней колена, Уильям Сесил, мудрый и благородный вельможа, переживший три тюдоровских царств, сообщил ей, что отныне она — королева Англии. Взглянув сперва на него, затем на серое ноябрьское небо, Елизавета с ликованием процитировала Псалом 118: «Это — утешение в бедствии моем, что слово Твое оживляет меня»*.

* Пс. 118:50.

Она начала с того, что назначила своим главным помощником Сесила. Елизавета, более разборчивая, нежели ее отец или сестра, дальновидно подбирала себе советников. На протяжении пятидесяти лет она будет обращаться к Сесилу за советом, затем раздумывать над ним, а затем, следуя велению собственного разума, — принимать либо отвергать его. Сесилу, в отличие от Уолси или Кромвеля, так и не довелось стать настоящим правителем Англии, но он никогда не подвергался и опасности сложить голову, перестав быть полезным, как выпало тем вельможам. К тому же он никогда не переставал быть полезным: Елизавета поняла это еще в тот первый день в Хэтфилде.

Новая королева еще в начале своего правления — а возможно, и гораздо раньше, — решила, что не станет выходить замуж. Она сразу же объявила об этом парламенту, как только к ней явилась делегация с просьбой выбрать себе мужа и учредить будущую линию наследования. «В конце концов, — заявила она в лоб, — с меня довольно, коли мраморная плита будет гласить, что королева, отцарствовав такой-то срок, жила и умерла девственницей». Мужчины — даже Сесил, мудрейший среди них, — с улыбкой переглянулись. От девственницы и подобало услышать подобные речи, достойные восхищения; да разве Мария не заявляла как-то раз, что не желает выходить замуж?

Но Елизавета не отличалась излишней скромностью. Она была человеком сильных страстей, и, будь замужество делом политически безопасным, она бы, наверное, подыскала себе в мужья какого-нибудь высокородного и любвеобильного красавца, родила бы нескольких сыновей, веселилась бы напропалую и правила бы Англией с тем же блеском, какой предстояло выказать «королеве-девственнице».

Однако замужество — дело далеко не безопасное. Марию свело в могилу именно замужество. Анна Болейн, выйдя за Генриха VIII, ненадолго обрела власть, а затем потеряла и власть, и жизнь. А те, что последовали за ней? Неразумная Джейн Сеймур умерла, родив Генриху сына. Кэтрин Говард была любимой игрушкой короля, когда же та запачкалась, он скомкал ее и выбросил. Мудрая, по-матерински заботли-

вая Катарина Парр пережила двух мужей, чуть не поплатилась головой в третьем браке, а после того, как ее предал четвертый муж — единственный, кого она любила, — умерла родами. Даже призрак первой жены Генриха не давал Елизавете покоя. Дочь могущественнейшего правителя Европы оказалась брошена, когда тело ее уже не годилось для ласк или для произведения потомства. Только одной жене Генриха довелось пожить счастливо — Анне Клевской, жене, которая так и не стала женой. Но та прозябала в безвестности.

Елизавета отлично усвоила урок, преподанный всеми этими женщинами. В течение полувека она будет властвовать единолично: сама себе госпожа, сама себе правительница. По политическим мотивам она будет заигрывать с разными государями, строить глазки разным придворным — как для собственного удовольствия, так и для поддержания своего образа этакой вечно юной и желанной королевы-девы.

Но ее решение никогда не выходить замуж аукнулось несколько необычным образом: так, она проявляла странную жестокость по отношению к своим приближенным девицам, выходявшим замуж без ее позволения (а давала она его весьма редко). Когда же ее безмозглая соперница Мария, королева Шотландская, родила сына, Елизавета в бессильной ярости вскричала: «Королева Шотландская — и та разрешилась прекрасным сыном, лишь я одна — бесплодная смоковница!»

Она была способна на страстную и вместе с тем стойкую любовь, пронеся почти через все царствование бурные и нежные отношения с Робертом Дадли, графом Лестером. Многие считали, что она его любовница, и, вполне вероятно, их связь носила не только возвышенный характер, но спокойнее думать, что они все же воздерживались от настоящей плотской близости. Ведь незаконное дитя могло стоить Елизавете трона. А именно трон она любила превыше всего. Трон — и английский народ. Чтобы удержать такую власть, мало быть просто королевой. Сэр Джон Мелвилл, проникательный шотландский посланник, прибывший к ее двору через год после начала ее правления, обронил, что знает, почему она не собирается выходить замуж. «Ваше

Величество рассуждает, что, ежели выйдете замуж, то станете всего лишь королевой Англии, — сейчас же Вы разом и король, и королева».

Прабабка Елизаветы Маргарита Бофор всю жизнь положила на то, чтобы сделать своего сына королем Англии. Анна Болейн и другие жены Генриха силились родить ему сыновей, чтобы те стали королями. Зато его дочь — девочка, родившаяся вместо долгожданного мальчика, — на славу усвоила чужие промахи и сотворила такое королевство, могущество которого бросало вызов самой истории. И так, наследием тех шести королей оказались вовсе не потерянные меха Екатерины Арагонской или «лучшие драгоценности» Анны Клевской. Этим наследием явилось сорокапятилетнее правление Елизаветы, дочери Генриха, — разом и короля, и королевы Англии.

ЕЛИЗАВЕТА I

Дочь Генриха и Анны Болейн дорого заплатила за то, что не оказалась сыном, но затем настало ее время, и она пятьдесят лет победоносно властвовала над Англией.

КОММЕНТАРИИ

ВВЕДЕНИЕ

1. Сэр Уолтер Рэли (1552 — 1618), известный главным образом как мореплаватель и поэт, снискал славу на многих поприщах. Будучи придворным, он предвосхитил далекий еще в ту пору «дендизм» (это видно на портрете работы Федерико Цуккари, где сэр Уолтер изображен в отделанном жемчугами гридеперлевом дублете, в темной меховой накидке, расшитой полосами мелкого жемчуга, и, наконец, с жемчужной серьгой в ухе); будучи отважным мореходом, искал Эльдorado на Ориноко, исследовал Гвиану, основал на побережье Северной Америки первую британскую колонию, которую нарек Виргинией в честь королевы-девственницы (оттуда он, кстати, привез картофель и первым принялся сажать его на английских огородах); будучи предпринимателем, учредил в Индии Ост-Индскую торговую компанию; будучи воином, сражался в гугенотских отрядах во Франции, а сделавшись вице-адмиралом, атаковал испанский флот у Кадиса. Будучи к тому же интеллектуалом, Рэли объединился с поэтами Чэпменом и Марлоу в кружок под названием «Школа Ночи», где стяжал репутацию безбожника. Пробыв лет десять в необычайном фаворе у Елизаветы, он лишился ее благорасположения, соблазнив одну из фрейлин — Элизабет Трокмортон. В царствование Иакова I Рэли, обвиненный в государственной измене, провел тринадцать лет в Тауэре, в заточении работая над историческими и научными сочинениями, и в конце концов был казнен. От его поэмы «Цинтия», восхвалявшей Елизавету, дошли лишь отрывки, а из наиболее объемистых трудов можно назвать «Историю мира».

2. С возрастом Генриха, и ранее страдавшего от мигрени, стали одолевать все большие хвори: ожирение и отеки, свищ, или веред, на ноге, причинявший невыносимые мучения, опухоли желез. По свидетельствам современников, он сделался настолько грузен, что едва протискивался в обычный дверной проем, а чтобы подняться по лестнице, ему требовалось особое «приспособление». Как писал о Генрихе Фуллер, «диета означала для него гибель — настолько он был прожорлив, но и отсутствие диеты означало для него гибель — настолько он был тучен».

3. Уильям Роупер стал автором «Жизнеописания сэра Томаса Мора» — наиболее сжатой и, как считается, лучшей из существующих биографий Мора. Написанная в 1550-х гг., она вышла в свет лишь в 1626 г.

4. В Англии слово «лолларды» впервые прозвучало в проповеди ирландского монаха-цистерцианца Генри Крампа, обличавшего последователей Уиклифа среди низшего духовенства. Само же слово на среднеголландском языке означало «бормотуны» (т.е. чтецы молитв) и прежде служило в Нидерландах презрительной кличкой беггардов и других сект пистистского толка, чья ортодоксия представлялась сомнительной. В Англии слово прижилось и закрепилось за упомянутой сектой, хотя сторонники продолжали звать их «бедными священниками». Лолларды проповедовали учение «всеобщего духовенства»; сыграли значительную роль в восстании Уота Тайлера.

5. Джон Уиклиф (1320 — 1384) — профессор Оксфордского университета, первым выступивший против папской власти. Когда папа Урбан V потребовал от Англии дани в пользу церкви, которая не выплачивалась вот уже более тридцати лет, Уиклиф разразился целым трактатом, где доказывал ее неправомерность. Кроме того, он усомнился в самом праве пап определять и отпускать какие бы то ни было грехи. После Великой Схизмы Уиклиф решил своими силами возродить исконный дух первых христиан, противопоставив теперь уже католичеству в целом. Презрев церковные запреты, он взялся переводить Вульгату на понятный про-

стому народу английский язык и разослал нести ее миру «бедных священников» (см. предыдущее примечание), часто вовсе не имевших духовного сана, каковой Уиклиф почитал лишней формальностью. Он отрицал любое посредничество такого рода, говоря, что без него можно обойтись даже при совершении таинств, и уж тем более не признавал церковной иерархии. В Англии учение Уиклифа о личном спасении без вмешательства церкви было объявлено еретическим и искоренено, зато сам он счастливо избежал плачевной участи еретиков и обрел вполне мирную кончину.

6. 31 октября 1517 г. Мартин Лютер (1483 — 1546), профессор Виттенбергского университета, обнародовал свои 95 тезисов, направленных против папской власти вершить суд над совестью людей, в частности, против индульгенций. В 1520 г. папа Лев X отлучил Лютера от церкви. В 1521 г. в Вормсе Лютер окончательно отказался отречься от своих убеждений (знаменитое: «Hier stehe ich — ich kann nicht anders...»). Его учение о спасении личной верой было подхвачено, а благодаря уже появившемуся «гутенберговому чуду» распространилось далеко за пределы Германии и обернулось протестантским половодьем для всей Европы. Так началась Реформация.

Из поистине бесчисленных трудов Лютера наиболее читаемые — «Свобода христианина» и «О светской власти». О непримиримой резкости Лютера свидетельствует хотя бы то, что в полемическом запале он как-то раз назвал бегемотом самого Эразма (см. ниже).

7. Наиболее яркими представителями «новой учености» в Англии были Уильям Гроцин, Томас Линакр и Джон Колет, обосновавшиеся в Оксфордском университете. Влюбленные в греческий язык, очарованные итальянским Возрождением и одержимые просветительским пылом, они создали на Британских островах настоящий очаг нового светского воспитания.

8. Жан Кальвин (1509—1564), представлявший движение швейцарской Реформации, продолжил дело своего соотечественника Ульриха Цвингли (1484—1531). Великолепный

знаток Священного Писания и юрист по образованию, он подверг критике и логически упорядочил идеи лютеранства и цвинглианства, выстроив их в стройную богословскую систему. Свои религиозные взгляды он изложил в «Руководстве для изучения христианской веры» (1536). Центром его идей явилось учение о предопределении. Кальвин основал в Женеве церковную общину, устроенную по принципу республиканской демократии. Взыскуя первоизданной скудости апостольских времен, он отменил церковные праздники, запретил обряды, уничтожил утварь и иконы, учредил строжайший надзор за нравами. В конце концов город стал напоминать суровый монастырь, а власть консистории обернулась настоящей фанатичной диктатурой, падкой на жестокие расправы с инакомыслящими. Не удивительно, что Женеву прозвали «протестантским Римом», а самого Кальвина — «женевским папой».

Кальвинизм проник и в другие страны — в частности, в Нидерланды и Англию. Среди английских сект кальвинистской закваски наиболее видную роль играли пуритане и индепенденты.

9. Анабаптизм — ультралевое крыло протестантизма — проповедовал идеи утопического коммунизма. Его адептами были по большей части городские низы, выступавшие против социальной несправедливости и требовавшие общности имущества. Томас Мюнцер, главный проповедник и глашатай анабаптизма, отождествлял установление таковой общности с наступлением Царствия Божьего на земле, что перекликалось с представлениями подпольных хилиастических общин. В вопросах собственно вероучения анабаптизм был сродни учению иоакимитов и утверждал возможность прямого общения человеческой души с Господом, временами доходя до еретического пантеизма. Отметая всякую необходимость в духовенстве как в ненужном звене между Богом и человеком, анабаптисты оставляли религиозные обряды целиком на усмотрение самих верующих. В начале 30-х годов XVI века средоточием анабаптистского движения стал северогерманский город Мюнстер, вскоре прозванный «Новым Иерусалимом». В 1534 г. там была создана настоящая анабаптистская коммуна, а городские порядки пере-

деланы по утопическому образцу. Однако город был осажден епископскими войсками и после долгой осады взят. После этого разгрома остатки анабаптизма были окончательно выметены из Германии, но вскоре его отголоски появились в других странах.

10. Книга Генриха «Assertio Septem Sacramentorum» («Защита семи таинств») была ответом на Лютерово сочинение «Вавилонское пленение Церкви» и появилась по его свежим следам — в том же 1521 году.

11. В Англии первые попытки переводить Библию были предприняты еще в VII веке, когда монах Кэдмон создал несколько стихотворных переложений библейских фрагментов. Другие древнеанглийские переложения Писания относятся к IX и XI векам. (Кроме того, возникали оригинальные произведения на библейские сюжеты, например, поэма Кюневульфа «Христос».) Псалтырь в IX веке был снабжен глоссами, а в X — полностью переведен. Известен прозаический перевод псалмов Ричарда Ролля — йоркширского затворника и мистика XIV столетия.

На протяжении XIV века делалось немало стихотворных и прозаических переводов Нового Завета, однако ни один из них не предназначался для того, чтобы доносить до простого народа буквальные слова Писания. Первым, кто отважился сделать священные тексты общедоступными, был Джон Уиклиф (*см. выше*). Неизвестно, переводил ли Уиклиф сам, но стараниями его последователей появилось целых два полных перевода Библии: первый, выполненный между 1380 и 1384 гг., был дословным; второй, относящийся уже к 1390-м годам, звучал живой и образной английской речью. В 1408 г. церковь наложила официальный запрет на переводы Библии и даже на чтение таковых переводов без разрешения на то самих церковных властей.

В эпоху Ренессанса интерес к Писанию вспыхнул с новой силой. В 1516 г. увидел свет Эразмов перевод, а в 1522-м Мартин Лютер опубликовал собственный немецкий перевод Библии. Его пример вдохновил Уильяма Тиндейла (ок.1494—1536), изгнанного за протестантские убеждения в

Германию. В 1526 г. его перевод появился в Германии, а оттуда контрабандой просочился в Англию. Там его хождение долго считалось незаконным, ибо перевод был создан без высочайшей санкции и изобилует выражениями, неприемлемыми с точки зрения бытовавшей традиции, хотя и возвращавшими многим словам и понятиям изначальный смысл, стершийся от многовекового употребления. Тиндейл был казнен «за упорство в ереси» (см. также примечание 5 к гл. 4).

Позже Генрих санкционировал новый перевод: так в обращении появились версии Ковердейла (в 1535 г.) и Роджерса (в 1537 г.), которые, несмотря на жестокое поругание Тиндейла, были многим обязаны именно ему. В 1538 г. Генрих предписал повсеместное распространение одобренного перевода и его обязательное чтение каждым христианином, «который взыскует спасения». Огромные новые Библии отныне лежали на видном месте в каждой церкви.

12. Эразм Роттердамский (1466?—1536) — «король гуманистов», ученый-космополит, автор прославленной «Похвалы глупости» и нового латинского перевода Нового Завета (ибо иеронимовская Вульгата его более не устраивала). Друг Томаса Мора, которому он и посвятил «Похвалу», к тому же тонко обыграв созвучие его имени с греческим словом *μωρία* — «глупость».

13. Желая показать себя реформатором, Генрих хладнокровно отдал на разграбление монастырские земли. С одной стороны, это способствовало его популярности среди протестантов (которых Генрих на самом деле не любил), с другой — легкому обогащению его приближенных, за бесценок скупавших великолепные угодья. Издал Генрих и закон о конфискации пожертвований монастырям: королевская казна не гнушалась чужого добра. Большие церковные владения оказались раздроблены и растащены по кусочкам. Что самое печальное, при этом погибли многие произведения искусства, а существованию художественных мастерских при монастырях пришел конец. Строительство новых церковных сооружений на долгое время заглохло, возобновившись лишь в XVII веке, что не могло не сказаться на зодческой традиции.

14. Роберт Барнз был монахом-августинцем из Кембриджа, в 1525 г. выступившим с проповедью из 25 тезисов против различных церковных установлений. Барнз не почитал Богоматерь, не молился за души в Чистилище и, подобно анабаптистам, полагал несправедливым делом тяжбы христиан между собою. Он заявил, что единственный из апостолов, которому следуют епископы, — Иуда, что священными орденами и искуплениями грехов торгуют «открыто, словно коровами и быками». Проповедь наделала шума, и монаха привели на допрос к самому Уолси. После трехдневного суда Барнза поставили перед выбором: либо немедленное отречение, либо — костер. Поддавшись на уговоры друзей, он отрекся. Но в 1528 г., ускользнув в Германию, он сошелся с Лютером и Меланхтоном и вскоре написал обращенный к Генриху VIII трактат, где вновь отстаивал убеждения, от которых было отрекся. Но в нем он защищал и верховенство королевской власти, что Генриху пришлось весьма по душе. Некоторое время спустя он возвратился в Англию и проповедовал там свои взгляды. Однако в 1540 г. череда допросов и процессов повторилась, и последовало повторное отречение. Но это уже не помогло: костер все-таки дождался его.

ПРОЛОГ

1. В оригинале употребляется слово *kingmaker* (буквально «делатель королей») — прозвище, закрепившееся в веках за Уориком.

2. Граф Уорик появляется у Шекспира во второй части «Генриха IV», затем в «Генрихе V» и в «Генрихе VI», в третьей части которого и погибает.

3. Джон Гонт выведен действующим лицом шекспировского «Ричарда II».

4. Лорд Стэнли действует в шекспировском «Ричарде III».

5. См. трагедию Шекспира «Ричард III», действие V, сцены IV и V. Именно там злодей бросает обретенную бессмертную реплику:

A horse! a horse! my kingdom for a horse!

6. Анонимный латинский трактат «Imitatio Christi», получивший хождение около 1418 года, традиционно приписывается монаху-августинцу Фоме Кемпийскому (ок.1380—1471), хотя у ученых уже давно возникают сомнения в его авторстве (возможно, Фома был лишь переписчиком «Imitationis...»). Как пишет в своем хрестоматийном труде Йохан Хейзинга: «Эта книга, полная бесхитростной мудрости о жизни и смерти и предназначенная отчаявшемуся сердцу, стала поистине книгой для всех времен». Лейтмотив трактата — отказ от земных прельщений: «*Taedet me vitae temporalis*».

Сочинение множество раз переиздавалось и переводилось на другие языки*, в том числе на французский.

ГЛАВА 1

1. Верджинал (*virginals*) — музыкальный инструмент, род спинета.

2. За неумный пыл воинствующей христианки Изабелла получила прозвище Последней Крестоносицы. Она задалась целью «вымести» из Испании всех нехристей — мавров и евреев. Последним оплотом магометанства в Испании была Гранада, где мавританская культура цвела вот уже восемьсот лет. В 1491 г. Изабелла осадила город, и правитель мавров Боабдиль, поняв, что силы неравны, сдал крепость без боя. «Неверные» ушли, оставив по себе грустную память в названии горной вершины — *El Ultimo Sospiro Del Moro*** — а упоенные легкостью победы монархи водворились в сказочной Альгамбре. (Спустя еще год королева издала указ, коим из ее владений изгонялись *все* некрещенные, — и триста тысяч евреев разбрелось из Испании по всей Европе, унося с собой свою премудрость.)

3. Во францисканском нищенствующем ордене с самого начала наметилось два течения — строгое и умеренное.

* На русском языке книга появилась в 1898 г. в переводе К.П.Победоносцева, а совсем недавний перевод А.Н.Панасьева опубликован в сборнике «Богословие в культуре средневековья» (Киев, 1992).

** Последний вздох мавра (*исп.*)

Сторонников первого называли спиритуалами, или, позднее, обсервантами, второго — конвентуалами. Обсерванты (буквально «соблюдающие») ни на йоту не отступали от заповедей ордена, данных некогда его основателем Святым Франциском Ассизским (1181—1226), преклонявшимся перед «царицей Бедностью». Они отвергали любую собственность, кроме убогой рясы и площадки для милостыни. Конвентуалы же допускали ряд послаблений и поблажек, откуда и взялось их прозвание (что-то вроде «соглашателей»).

Венчание состоялось именно там, потому что Екатерина сочувствовала ордену обсервантов (позже ее духовником стал ее соотечественник фрай Диего Фернандес, принадлежавший к ордену) и была прихожанкой этой молельни. Самой обители покровительствовал еще Генрих VII, завещавший на ее нужды — опеку над обездоленными — 500 крон. Всего же в Англии имелось семь общин францисканцев-обсервантов.

ГЛАВА 2

1. Хуан Луис Вивес — бывший ученик Эразма. Он написал «Комментарий к Бл. Августину» и посвятил его Генриху. В Англии читал лекции в Оксфордском университете, где и получал регулярное жалованье. Позднее, в 1529 г., Генрих выслал его во Фландрию за открытое сочувствие королеве.

2. Святыня находилась в Вальсингаме. Во время Реформации ее зверски уничтожили: старинный образ Богоматери сожгли, а монастырские строения приспособили под мирские нужды. В 1922 г. была предпринята успешная попытка восстановить средневековую святыню, и теперь она снова жива.

3. «Серыми братьями» называли монахов-францисканцев, потому что они носили мешкообразные серые одеяния, препоясанные грубой веревкой. Доминиканцы (другой нищенствующий орден) носили черные одеяния, и тех называли «черными братьями». Францисканский орден существовал с 1209 г., доминиканский — с 1215 г.

4. Гиень (*Guienne*) — область на юго-западе Франции, лежащая севернее Аквитании.

5. День Мая, наряду с Новым годом, в средние века и много позже был нецерковным народным праздником. Обычно День Мая приходился или на четвертое воскресенье Великого Поста, или на 1 мая. Праздник оживления природы связывался и с обновлением мира, с плодородием, а следовательно, с брачной и любовной символикой. В этот день девушки, как то и положено во время языческих празднеств, плели венки, пели песни и водили хороводы вокруг священного майского дерева.

6. Автором сей предлинной баллады, откуда взят приведенный отрывок, был некий Черчъярд, завсегдагой двора Екатерины. К сожалению, при переводе не удалось сохранить конкретную сюжетную подоплеку:

What if (she said) by Spanish blood
Have London's stately streets been wet.
Yet will I seek this country's good
And pardons for their children get...

For which, kind queen, with joyful heart.
She heard their mothers' thanks and praise,
And so from them did gently part,
And lived beloved all her days.

7. Сын Хуаны Безумной (Иоанны Кастильской) и Филиппа Бургундского (Красивого), родившийся после смерти своего отца, в 1500 г.

8. Дофин (фр. *dauphin* — от лат. *delphinus* и греч. δελφίς — «дельфин») — первоначально просто родовое имя графов Овернских и Вьенских. С XIII века это имя воспринимается уже как нарицательное и становится титулом всех владетелей области Вьеннуа. Позднее и сама область получила название Дофинэ. С XIV века, когда Дофинэ присоединилась к французской короне, титул «дофин» принадлежал уже исключительно старшему сыну и будущему наследнику короля (как в Англии — титул «принца Уэльского»).

9. Кале — портовый город на севере Франции (провинция Артуа), «глядящий» с противоположной стороны Ла-Манша на Сассекс и Кент.

10. Ардр — французский городок близ Кале.

11. Имеется в виду «лобзание мира» (*osculum pacis*) — ритуал, совершавшийся во время мессы после чтения *Agnus Dei*. В раннехристианской литургии священники по очереди целовали паству, но в средние века обычай изменился: для поцелуя прихожанам передавали небольшую прямоугольную пластинку с изображением распятия, которую вскоре тоже стали называть *Pax* («мир»). Как заметил Й. Хёйзинга: «Это превратилось в нескончаемую помеху службе, когда среди знатных прихожан «мир» переходил из рук в руки, сопровождаемый вежливым отказом поцеловать его первым». Таким образом, «нарушившие» обряд королевы на самом деле вернули ему прежний смысл — пожелание мира друг другу.

ГЛАВА 3

1. Подобные уродства, согласно народному поверью, обличали колдунов и ведьм, словно указывая, что на их «владельце» стоит клеймо сатаны. (Ср. русскую поговорку: «Бог шельму метит».)

2. Кроме того, Томас Болейн, отец Анны, состоял в отдаленном родстве с королевской династией Плантагенетов. Само имя *Boleyn* имело более ранние варианты написания: *Boulen*, *Boulan(t)*, *Bullen*. Последнее написание мы встречаем у Шекспира в «Генрихе VIII».

3. Герцоги Бургундские владели конгломератом феодальных земель на территории нынешних Франции, Голландии, Бельгии. Период расцвета и наивысшего могущества Бургундского государства приходился на середину XV века.

4. Маргарита Алансонская (позднее — королева Наваррская) сегодня больше известна как автор «Гептамерона»,

созданного в подражание и построеного по образцу «Декамерона» Боккаччо. Современники ценили в ней и поэта. Наряду с неизбежной любовной лирикой, она сочиняла и религиозные стихи: таковы «Cantiques spirituels» («Духовные песнопения»), «Rondeau» («Рондо»), «Еpître» («Послание»). В качестве примера можно привести такие строки:

Je n'ai plus ni père, ni mère.
Ni soeur, ni frère
Si Dieu seul auquel j'espère,
Qui sur le ciel et terre impère...

Penser en la passion
De Jésus-Christ,
C'est la consolation
De mon esprit...

(*Cantiques spirituels, I, II.*)

Брат Маргариты тоже не чуждался муз. Его двор приютил таких виртуозов, как Леонардо да Винчи, Приматиччо, Бенвенуто Челлини. Как покровитель поэтов он даже приобрел прозвище «отца словесности» (*Père des lettres*). Но Франциск и сам сочинял стихи. Правда, после его смерти они были тотчас преданы забвению.

5. «Девиз» самого Генриха в этом представлении был «Пылкое Желание» («*Ardent Desire*»).

6. Мемуары Кавендиша были опубликованы только в 1641 г., но всюду ходили по рукам и в XVI веке.

7. Хивер-Касл, или Хиверский замок, находился (и находится) в Южной Англии, в графстве Кент.

8. О том, сколь беспредельной была скрытность Генриха, свидетельствует его собственное признание: «Three may keep counsel if two are away, and if I thought that my cap knew my counsel, I would throw it into the fire» («Держать совет втроем можно, лишь удалив двоих, и случись мне заподозрить, что моему колпаку ведомы мои помыслы — я тотчас швырну его в огонь».)

9. Из сохранившихся 17 писем 9 были написаны по-французски, 8 — по-английски. Дошли же они до наших дней благодаря тому, что во время бракоразводных разбирательств и споров были выкрадены у Анны и помещены в Ватиканские архивы, где и находятся по сию пору.

10. Оригинал таков:

Whoso list to hunt: I know where is a hind.
But as for me, alas I may no more:
The vain travail hath wearied me so sore,
I am of those that farthest cometh behind.

Yet may I by no means my wearied mind
Draw from the deer, but as she fleeth afore
Fainting I follow. I leave off therefore,
Sithins in a net I seek to hold the wind.

Who list to hunt, I put him out of doubt,
As well as I may spend his time in vain,
And graven in diamonds in letters plain
There is written in her fair neck round about:

«*Noli me tangere**, for Caesar's I am,
And wild for to hold, though I seem tame».

Собственно говоря, сонет (XI, согласно принятой нумерации) является вольным переложением сонета СХС Петрарки. (Уайет, по сути, сделал для английской поэзии то, что некогда сделал Гораций для поэзии римской: если Гораций ввел греческую строфику и метрику в латинское стихосложение, то Уайет первым стал прививать на родной почве форму итальянского сонета. Он бывал в Италии и Франции, где основательно познакомился с Высоким Возрождением и откуда потом «привез учености плоды».) Сонет Петрарки в переводе Вяч. Иванова звучит так:

Лань белая на зелени лугов,
В час утренний, порою года новой,

* «Не тронь меня» (*лат.*) — слова из Евангелия от Иоанна (20:17).

Промеж двух рек, под сению лавровой,
Несла, гордясь, убор златых рогов.

Я все забыл и не стремить шагов
Не мог (скупец, на все труды готовый,
Чтоб клад добыть!) — за ней, пышноголовой
Скитавицей волшебных берегов.

Сверкала вязь алмазных слов на вые:
«Я Кесарем в луга заповедные
Отпущена. Не тронь меня! Не рань!..»

Полдневная встречала Феба грань;
Но не был сыт мой взор, когда в речные
Затоны я упал — и скрылась лань*.

Любопытно, что, в целости сохранив содержание подлинника, Уайет нашел для него в собственном окружении контекст столь прозрачный и пикантный. Современники-интеллектуалы должны были по достоинству оценить сей *double entendre*.

11. Помимо названного, Генри Фицрою были дарованы титулы герцога Сомерсета, графа Ноттингема, лорда-верховного адмирала Англии, Уэльса и Нормандии, Гаскони и Аквитании, кавалера ордена Подвязки, хранителя города и замка Карлайля.

12. *Blackfriars* — доминиканский монастырь, по имени самих *black friars* — «черных братьев», или «черных монахов», как называли за их одежду доминиканцев. Когда монастыря не стало, название сохранилось за тем районом Лондона, где он некогда находился.

13. Кристина Пизанская (Christine de Pisan) (1364—1431), родом итальянка из города Пиццано, была дочерью придворного звездочета и предсказателя императора Карла V. Выйдя замуж за пикардийца, жила во Франции. Кристина

* Само же поэтическое сравнение прекрасной девушки с приткой ланью восходит, вероятно, к знаменитому горациевскому: «Vitas huiusmodi me similis, Chloe...» (Оды, I, XXIII).

знаменита в основном своей лирикой: поэтическими циклами «Сто баллад», «Сто баллад влюбленного и дамы», «Нравственные поучения». У нее имелись поэмы и популярные в ту пору стихотворные трактаты, а также прозаические сочинения — например, «Книга о делах и добрых нравах короля Карла V», «Книга о мире». В ее лирике порой усматривают пробуждение нового, предренессансного восприятия мира и человека.

14. «Салический закон» (иногда его называют «салической правдой») — свод правовых обычаев франков, записанный на рубеже V—VI веков при короле Хлодвиге из династии Меровингов. (Хлодвиг — «франкский Владимир», в 496 г. первым из сородичей принявший крещение в Реймсе и обративший в христианство свой народ.) В отличие от римского права, «салический закон» не устанавливал общих норм, а описывал отдельные конкретные случаи и поэтому не являлся «законом» в собственном смысле слова. Название он получил по имени *салических* франков, живших у моря (по-латыни *sal* — «(морская) соль»; метонимически — «море», откуда потом взялось и *salicus* — «морской»).

15. Жанне Валуа, первой жене Людовика, пришлось уйти в монахини, чтобы тот смог жениться заново.

16. В оригинале стоит выражение «*frailty of women*» — вероятно, отсылка к шекспировскому: «*Frailty, thy name is woman!*» (*Hamlet*, Act I, Scene II).

17. Джулио Медичи, незаконный сын Лоренцо Великолепного, в возрасте 45 лет стал папой Климентом VII.

18. Наемные императорские войска в Италии, возглавлявшиеся герцогом Бурбонским, являли собой носов ковчег племен и сословий: там были мавры, испанцы, немцы, баварцы... Мошенники, головорезы, но главное — безбожники. Когда у Карла кончились деньги на их содержание, они взялись промышлять разбоем и в течение нескольких месяцев держали в страхе Северную Италию. К восьми тысячам инородцев прибавилось шесть тысяч итальянцев-неудачников — и все они винили в своих бедах церковь и папу.

6 мая 1527 г. войско добралось до Рима. В первой же стычке Бурбон был убит, и «обезглавленная» банда устроила оргию почище готов и вандалов. Папа укрылся в Замке Святого Ангела (см. следующее примечание), а разгул бесчинств и зверств продолжался восемь дней кряду (по свидетельствам уцелевших очевидцев, красный от крови Тибр кишел утопленниками). 7 июня место покойного Бурбона занял принц Оранский, и порядок удалось понемногу восстановить. Император заявил, что не причастен к злодеяниям своих солдат и что виновны те, кто нанимал на службу это гнусное отребье.

19. Замок Святого Ангела (Castel Sant' Angelo), возвышающийся над Тибром, находится в пятнадцати минутах ходьбы от Ватикана. Замок кругл, приземист, в меру суров. Сооружен он некогда был на месте мавзолея Адриана, поэтому до сих пор парк и улица, с севера примыкающие к замку, носят имя римского императора. Крышу венчает крылатый ангел с мечом, по легенде, некогда явившийся в этом месте, дабы возвестить окончание чумы в городе (в память чего и был возведен замок). Стены и плафоны его щедро расписаны. Сегодня там разместился Художественно-восстановительный музей.

ГЛАВА 4

1. Орвието — крохотный средневековый городок в Умбрии, буквально вырубленный в высокой отвесной скале. Как и ватиканский Замок Святого Ангела, на протяжении веков Орвието не раз служил верным убежищем для пап, поскольку город представляет собой практически неприступную крепость.

2. W. Shakespeare, *Henry VIII*, Act II, Scene IV.

3. У Шекспира монолог Екатерины звучит так:

Sir, I desire you do me right and justice;
And to bestow your pity on me: for

I am a most poor woman, and a stranger,
Born out of your dominions: having here
No judge indifferent, nor no more assurance
Of equal friendship and proceeding. Alas, sir,
In what have I offended you? what cause
Hath my behaviour given to your displeasure,
That thus you should proceed to put me off,
And take your good grace from me? Heaven witness,
I have been to you a true and humble wife,
At all times to your will conformable...
...Sir, call to mind
That I have been your wife, in this obedience,
Upward of twenty years, and have been blest
With many children by you...

(*Henry VIII*, Act II, Scene IV.)

4. В оригинале: «I will not tarry» — фраза из Шекспира (там же).

5. Имеются в виду узкие штаны-чулки, которые носили мужчины в XV—XVI веках. В Италии они назывались *calze*, или *calzoni* и шились из плотного сукна или замши, в Англии — *hosen* или, на французский манер, *chausses* и кроились по косой нитке. Чулки тесно облегли ноги и сверху тесемками привязывались к жилету. Иногда поверх них надевали еще широкие короткие штаны.

6. Уильям Тиндейл (см. также примечание 4 к введению) родился в Глостершире, учился в Оксфорде, затем в Кембридже, где примкнул к завсегдашней небезызвестной Уайт-Хорс (см. введение). Блестяще владел семью языками. Знал вдоль и поперек Писание и обладал филологическим чутьем. За излишнюю самостоятельность суждений был подвергнут гонениям церковников. В 1524 г. Тиндейл эмигрировал в Виттенберг, где его ждала встреча с Лютером. Позже жил в Антверпене — крупнейшем в Европе купеческом центре, прозванном, тем не менее, колыбелью английской Реформации. Помимо предпринятого им грандиозного перевода Библии, Тиндейл немало писал. Сочинение «Покорность христианина» было создано в 1528 г. Оно восхваляло зем-

ную власть королей, которым надлежит поскорее сбросить ярмо Церкви. Повиновение же подданных королю должно стать религиозным долгом: «Кто короля судит, тот Господа судит, и проклинает закон Господа и порядок Его... Над королем же в мире сем никакой закон не положен, и может он по хотению своему вершить добро или зло, а судия ему — единый Господь...» На книгу, разумеется, был наложен строжайший запрет, но контрабандисты тоже не зевали.

В 1535 г. случилось то, что должно было случиться: Тиндейла предал некий иуда, прикидывавшийся его «обращенцем». Его схватили и бросили в темницу. После бесконечных разбирательств в августе 1536 г. его осудили как неисправимого еретика (возможно, с ведома и одобрения Генриха VIII, хотя указаний на происки соотечественников не было). В октябре его удавили, а тело предали огню.

7. Имеется в виду сочинение «Государь» флорентийского канцлера Никколó Макиавелли (1469—1527), где политика отнюдь не отождествляется с нравственностью, а идеальному правителю рекомендуется ни перед чем не останавливаться ради достижения своей цели — лишь бы целью этой было благо государства. Впрочем, впоследствии имя Макиавелли стало нарицательным, превратившись в синоним вероломства, хитрости, коварства и политической жестокости.

ГЛАВА 5

1. В позднее средневековье, когда эпоха крестовых походов и порожденных ими духовно-воинских рыцарских орденов навсегда канула в прошлое, появилась мода на светские рыцарские ордена, которые мог учредить чуть ли не каждый дворянин — было бы желание. Наиболее известны орден Подвязки, орден Звезды, орден Золотого Руна, орден Полумесяца и другие. Былое величие «Христово воинства» тамплиеров и иоаннитов ныне отдавалось эхом светской игры в куртуазное поведение и доблесть. Число рыцарей в каждом ордене было небольшим (порой около тридцати, и уж никак не более сотни), ибо причастность к любому из них почиталась уделом наидостойнейших. Иногда такие «новые рыцари» при посвящении давали возвы-

шенные обеты, подражая давним предшественникам, но исполнять их было вовсе не обязательно.

2. Made such a sinner of his memory,
To credit his own lie, he did believe
He was indeed the duke.*

Эти строки взяты из монолога Просперо, где он впервые рассказывает дочери Миранде о злодеянии своего брата Антонио, захватившего его место и титул герцога Миланского.

3. Картузианский монашеский орден получил название от пустыни Шартрёз (*Chartreuse* — по-латыни *Cartusia*), где был основан в 1084 году. Его устав отличался особой строгостью и тем был близок францисканцам-обсервантам (см. примечание 3 к гл. 1). Монахи этих орденов поддерживали тесные взаимоотношения. В Англии той эпохи насчитывалось девять картузианских общин. Как и францисканцы, они подверглись наибольшему нападкам в ходе антиклерикальной кампании Генриха VIII, значительно пополнив своими именами мартирологи.

4. Интердикт — временный запрет, налагаемый папой на совершение богослужения в каком-либо месте, но без окончательного отлучения.

ГЛАВА 6

1. Вероятно, автор имеет в виду полоумного ревнивца Ферондо из 8-й новеллы «Декамерона» итальянского писателя-гуманиста Джованни Боккаччо (1313—1375). Правда, Ферондо не сам упал в обморок, а был усыплен неким порошком, благодаря чему стал рогоносцем.

2. Не совсем ясно, о каком разрешении в данном случае идет речь, ибо папа *не* давал согласия на брак Генриха с Анной.

* В некоторых изданиях Шекспира слово *indeed* отсутствует.

1. Имеется в виду Ганс Гольбейн Младший (1497—1543). Художник родился в Аугсбурге, где учился живописному ремеслу в мастерской своего отца — Ганса Гольбейна Старшего. Он много странствовал, в 1519 г. был принят в гильдию художников в Базеле. Испытал творческое влияние Леонардо, Дюрера, Бальдунга Грина. Через десять лет переехал в Англию, дружил с Эразмом и Мором. Умер от чумы в Лондоне.

Его знаменитый парадный портрет Генриха из собрания Г. Г. Тиссена-Борнемиса в Лугано датируется 1537 г. Парным к нему, по-видимому, был портрет Джейн Сеймур, хранящийся в Гааге. Из других упомянутых в настоящей книге исторических лиц Гольбейн увековечил: Эразма Роттердамского, Томаса Мора, Уильяма Уорэма, епископа Кентерберийского, сэра Николаса Кэрю, Томаса Кромвеля, Томаса Говарда, герцога Норфолка, королеву Кэтрин Говард. Некоторые из них воспроизведены и в данной книге.

2. 65 × 48 см.

3. Такой способ «заочного знакомства» был весьма распространенным обычаем уже в XV веке. Так, в 1428 г. подобное же задание было поручено Яну ван Эйку, подвизавшемуся при бургундском дворе. Как замечает Й. Хёйзинга: «Портрет нередко служил средством для знакомства друг с другом при обручении... Порою речь идет и о выборе невесты путем сравнения нескольких портретных изображений» («Осень средневековья». гл. XVIII).

4. Кристина, принцесса датская, изображена в полный рост, в ниспадающем до пят одеянии, отороченном мехом, и в гладком меховом чепце, полностью скрывающем волосы. Лицо у нее совершенно детское и чуть насмешливое. Портрет датирован 1538 г., размер — 178 × 81 см, т.е. *life-size*.

5. Доктрина о пресуществлении давно уже стала камнем преткновения для вольнодумных христиан: в XIV веке

Уиклиф отрицал ее как историческое новшество и соглашался признать, что плоть и кровь Спасителя присутствуют в святых дарах лишь *sacramentaliter, spiritualiter et virtualiter*, но никак не *realiter*. Лютер отвергал учение о пресуществлении, но на евхаристию (причащение) продолжал смотреть как на таинство и требовал буквального его понимания. Цвингли видел здесь лишь символ. Кальвин близок скорее к Лютеру: в свхаристии верующие «духовно, но действительно воспринимают тело Христово, находящееся одесную Бога». Для правоверного же католика доктрина о вещественном пресуществлении, идущая от слов Иисуса на тайной вечере, являлась одним из незыблемых столпов христианского вероисповедания. Филологические, по сути, споры о предпочтительном толковании слов «*Sic est tunc meum...*» стоили жизни тысячам людей.

6. Шмалькальденская лига — военный союз, заключенный в 1531 г. лютеранскими князьями против Карла V и всех его союзников, представляющих католические силы. Известны две «шмалькальденские» войны, одна из которых последовала за подстрекательством папы Павла III, призвавшего всех католиков искоренять иноверие. Столкновения прекратились лишь после того, как в 1555 г. в Германии был заключен Аугсбургский религиозный мир, провозгласивший (относительную) свободу вероисповедания на территории Священной Римской империи.

7. Рафы (*ruff*), или брыжи, проникли в английскую и европейскую моду под влиянием Испании. Иногда они достигали чудовищных размеров, почитаясь среди щеголей предметом гордости. Позднее в Англии появилась мода их сильно крахмалить.

8. The pillar perished is whereto I leant,
The strongest stay of my unquiet mind;
The like of it no man again can find...

Это начальные строки сонета XXIX Уайета, являющегося вольным переложением сонета CCLXIX Петрарки. Петрарка оплакивал в нем смерть своего покровителя Джованни

Колонны (причем то, что у Уайета превратилось в *pillar*, у Петрарки звучало каламбуром: *colonna* — *Colonna*) и мадонны Лауры.

ГЛАВА 9

1. См. примечание 6 к прологу.

2. *Le Mirrior de l'Âme Péchereuse* — сборник стихов Маргариты Наваррской, за который ревностные богословы даже попытались привлечь ее к суду, ибо в сем «Зерцале» не было ни слова ни о святых, ни о чистилище: следовательно, и сочинительница в них не веровала. Но Маргариту оправдали, а излишне прыткого защитника католических постулатов Ноэля Бэда венценосный брат поэтессы сослал куда подальше.

Т. А. Азаркович

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хронология</i>	6
«КТО ЕСТЬ КТО» В ОКРУЖЕНИИ ГЕНРИХА VIII	7
<i>Введение</i>	13
<i>Пролог. СОТВОРЕНИЕ КОРОЛЯ</i>	29
<i>Глава 1. ДОЧЬ ИСПАНИИ</i>	41
<i>Глава 2. СУПРУЖЕСКАЯ ЖИЗНЬ</i>	59
<i>Глава 3. ВЕЛИКАЯ БЛУДНИЦА</i>	87
<i>Глава 4. ДВОР О ДВУХ КОРОЛЕВАХ</i>	119
<i>Глава 5. АННА БЕЗ ГОЛОВЫ</i>	147
<i>Глава 6. СОСУД</i>	177
<i>Глава 7. ФЛАМАНДСКАЯ КОБЫЛА</i>	203
<i>Глава 8. РОЗА С ШИПОМ</i>	233
<i>Глава 9. «ЦЕРКОВНИЦА»</i>	261
<i>Эпилог. КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА</i>	293
<i>Комментарии Т.А.Азаркович</i>	309

Литературно-художественное издание

Карен Линдсей

**РАЗВЕДЕННЫЕ
ОБЕЗГЛАВЛЕННЫЕ
УЦЕЛЕВШИЕ**

Редактор *Е. Филимонова*

Корректор *Л. Савельева*

Художник *Е. Чернецова*

Технический редактор *Т. Кулагина*

OCR - Давид Титиевский, сентябрь 2017 г., Хайфа

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС»)

Подписано в печать с готовых диапозитивов 28.10.96.

Формат 60x90^{1/16}. Офсетная печать.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 21. Тираж 10 000 экз.

Заказ 7543.

Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54.

По вопросам реализации обращаться по адресу:
127254, Москва, Огородный проезд, д. 6.
Телефоны: 218-30-03, 219-82-14

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:
Москва, ул. Новослободская, 18.
Телефон 972-14-23

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25.

ISBN 5-232-00389-5

